ДБ ТРИ
20 ВЕКА
Т67
-1-

М. 1912 г.

ТРИ ВЕКА

947
т.67
DБ
20
Т67
Фундаментальная
Библиотека
К. У. Т. В.
ПОГАШЕНО
(47) „17"
т.67
ПОГАШЕНО

Три вѣка.

Россія отъ смуты до нашего времени.

Историческій сборникъ
подъ редакціей
В. В. Каллаша.

Пропарано 1937 г.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ВЪ ИЗДАНІИ ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ:

проф. М. М. Богословскій, С. К. Богоявленскій, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, акад. А. Н. Веселовскій, Л. И. Гальберштадтъ, пр.-доц. Ю. В. Готье, Н. В. Давыдовъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, В. П. Дроздовъ, Д. А. Жариновъ, пр.-доц. А. И. Заозерскій, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, А. А. Кизеветтеръ, проф. М. К. Любавскій, В. В. Нечаевъ, Н. М. Никольскій, В. И. Пичета, проф. С. Ѳ. Платоновъ, пр.-доц. М. А. Поліевктовъ, И. И. Поповъ, пр.-доц. А. Е. Пѣсняковъ, проф. С. В. Рождественскій, П. Н. Сакулинъ, К. В. Сивковъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, пр.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Я. Улановъ, Д. И. Успенскій, В. Е. Чёшихинъ-Вѣтринскій и др.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
528435

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1912.

XVII ВѢКЪ.

Первая половина

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Смута — естественный водораздѣлъ русской исторіи. До нея — Русь Московская, домостроевская, „азіатская“; послѣ нея—Россія новая, европейская. Глубокій внутренній кризисъ подготовлялся вѣками. Вскрывшись наружу, онъ проявился во всѣхъ областяхъ общественной и государственной жизни, наложилъ яркую печать на бытъ политическій и экономическій, глубоко отразился въ народной психологіи, подготовивъ „вѣкъ мятежей“ и „канунъ реформъ“, окончательно вдвинувъ Россію въ кругъ европейскихъ державъ.

Это даетъ намъ право принять ее за исходный пунктъ для настоящаго изданія. Цѣль его — подвести *спокойные*, объективные итоги трехвѣковому развитію *новой* Россіи, во всѣхъ наиболѣе существенныхъ областяхъ ея политической и соціальной жизни, съ поворотнаго момента „великой разрухи Московскаго государства“ до нынѣшнихъ мучительныхъ потугъ государственнаго и общественнаго обновленія. Въ переживаемый нами переходный моментъ, когда жизнь сдвинулась со своихъ старыхъ устоевъ и не нашла еще новыхъ, такой ретроспективный взглядъ особенно важенъ: онъ сдерживаетъ излишній пессимизмъ, подымаетъ вѣру въ пластическіе процессы жизни и творческія силы народа, даетъ бодрящіе просвѣты въ будущее.

Научная разработка русской исторіи идетъ своимъ чередомъ; накопляются груды сырыхъ матеріаловъ, изслѣдованій, доступныхъ только спеціалистамъ, хотя ихъ популяризація имѣетъ большое значеніе и для *историческаго воспитанія* широкихъ слоевъ общества. Матеріалъ настолько умножился и разросся, что обработка его не подъ силу одному человѣку: она можетъ быть только задачей коллективнаго труда, въ основѣ котораго, съ нѣкоторыми частичными, несущественными колебаніями, вызываемыми самымъ фактомъ коллективности, должно лежать единство *научнаго метода, историческаго міросозерцанія*. Думаемъ, что въ настоящемъ изданіи такое единство будетъ достигнуто принадлежностью его главныхъ сотрудниковъ къ московской исторической школѣ В. О. Ключевскаго и, столь близкой

къ ней по духу своихъ научныхъ работъ, петербургской школѣ проф. С. Ѳ. Платонова.

Статьи будутъ иллюстрированы соотвѣтствующими историческими картинами нашихъ художниковъ, портретами дѣятелей, видами, снимками съ *бытовыхъ предметовъ,* связанныхъ съ разными крупными моментами нашего прошлаго. Въ общественныхъ и частныхъ хранилищахъ до сихъ поръ еще скрыто много художественныхъ сокровищъ, часто неизвѣстныхъ даже спеціалистамъ. Извлеченіе и опубликованіе ихъ было одной изъ главнѣйшихъ задачъ редакціи изданія. На ихъ *соотвѣтствіе* тексту будетъ обращено особенно большое вниманіе. Къ тѣмъ статьямъ, которыя по самому характеру своихъ темъ не могутъ быть иллюстрированы, будутъ пріурочены иллюстраціи, относящіяся къ данной эпохѣ вообще, а не къ одной какой-нибудь опредѣленной области ея жизни.

При выработкѣ программы редакторъ имѣлъ возможность воспользоваться компетентными совѣтами М. М. Богословскаго, С. Ѳ. Платонова и А. Е. Прѣснякова. Въ подборѣ иллюстрацій ему много помогли завѣдующіе и хранители Румянцевскаго и Историческаго музеевъ, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Публичной библіотеки, Синодальной типографіи, Музея императора Александра III. Всѣмъ этимъ лицамъ приносимъ свою искреннюю, глубокую благодарность.

Москва, 17 марта 1912 г. ***В. К.***

ТРИ СТОЛѢТІЯ.

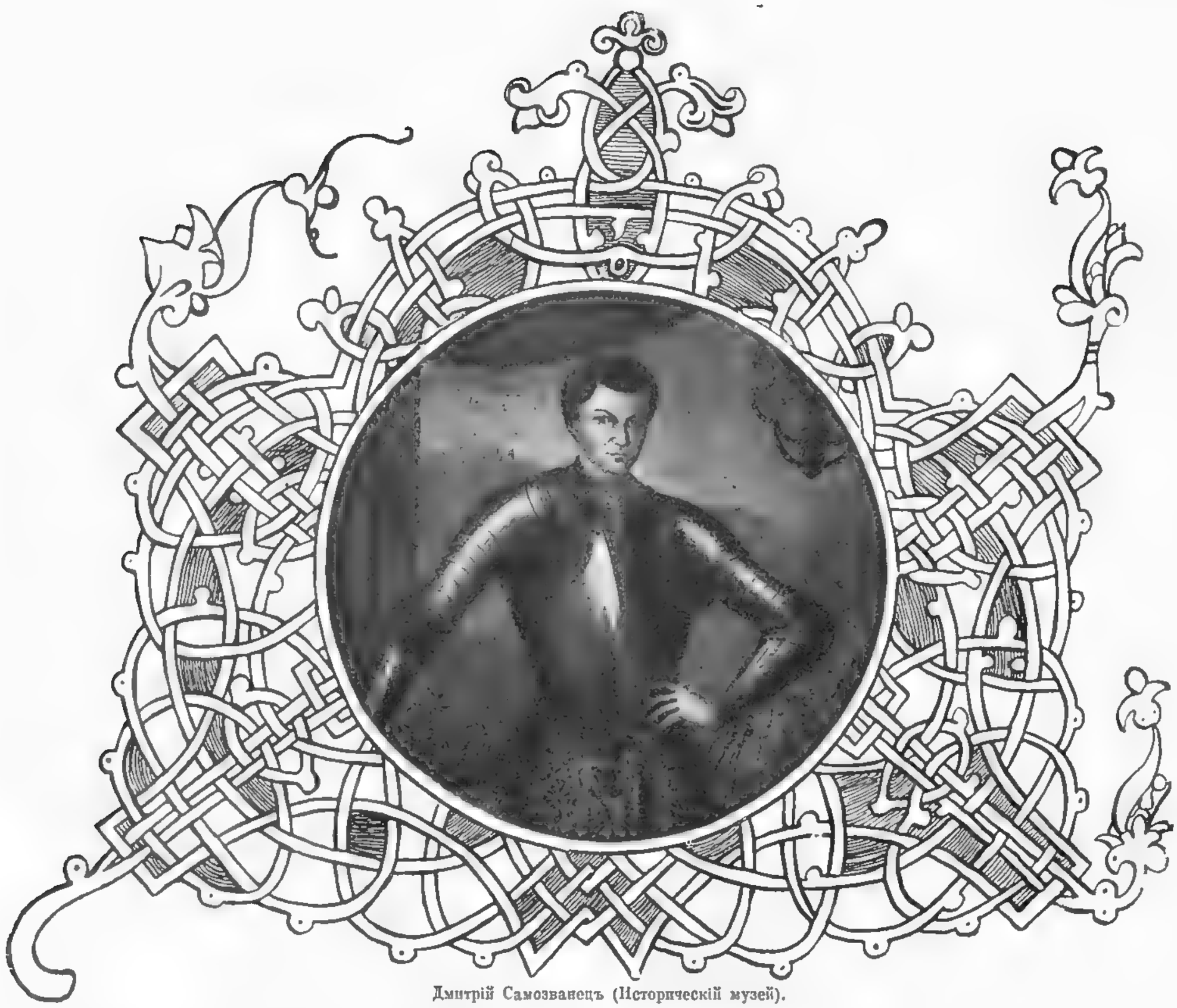
Не случайность юбилейнаго срока выдѣляетъ обзоръ исторіи Россіи за истекшія три столѣтія въ самостоятельную и цѣльную задачу. Углубленное изученіе исторіи Московскаго государства въ новѣйшей историографіи, недавно потерявшей своего патріарха — В. О. Ключевскаго, принципіально измѣнило прежде господствовавшую общую схему русской исторіи. По традиціи, идущей отъ общественныхъ настроеній начала XVIII вѣка, надъ обыденнымъ историческимъ мышленіемъ и въ наши дни имѣетъ большую силу противопоставленіе новой, Петровской Россіи старой, До-петровской, Московской Руси. Но удѣльный вѣсъ этой привычной антитезы значительно измѣнился въ научной концепціи русскаго историческаго процесса. Со времени „Публичныхъ чтеній о Петрѣ Великомъ“ С. М. Соловьева вниманіе изслѣдователей направлено на тѣсную связь основныхъ теченій русской государственной, общественной и культурной жизни XVII в. съ явленіями эпохи Петровскихъ преобразованій и XVIII в. вообще. Не безъ борьбы уступило давнее воззрѣніе на реформы Петра Великаго, какъ на революціонную бурю, сломившую старыя традиціи, чтобы насильственно повернуть русскую жизнь на новые, чуждые пути развитія,—другому, болѣе органическому пониманію судебъ московской старины и происхожденія „новшествъ“ XVIII вѣка. Результаты работы великаго преобразователя предстали, какъ завершеніе вѣковыхъ исканій національной жизни, какъ разрѣшеніе — въ мѣру силъ данной эпохи—ранѣе поставленныхъ задачъ. Имп, въ непрерыв-

ной эволюціи исторической жизни, завершались, достигая исторически-обусловленной отчетливости и относительнаго осуществленія, исканія и усилія XVII столѣтія, этой „критической“ эпохи русской исторіи, полной броженія взбудораженныхъ въ крайнемъ напряженіи національныхъ силъ. Понятіе „перелома“ отъ „древней Руси“ къ новой Россіи измѣнилось по содержанію, хронологически передвинулось и расширилось. Прежняя схема строила это понятіе на взаимномъ отношеніи, непримиримой противоположности и упорной борьбѣ традицій національной самобытности и туго проникавшихъ на Русь иноземныхъ, западно-европейскихъ культурныхъ вліяній. Новая кладетъ въ основу различенія историческихъ эпохъ и періодовъ-измѣненія въ основныхъ элементахъ самаго строя народно-государственнаго цѣлаго: территоріи и этнографическаго состава, государственной организаціи и соціальныхъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія колыбель новой Россіи не столько въ Петровской реформѣ, сколько въ сложномъ и глубокомъ кризисѣ, какой пережило Московское государство въ началѣ XVII вѣка. Потрясенное въ самыхъ основаніяхъ своего быта, государство это вышло изъ событій смутнаго времени съ безвозвратно разрушенными старыми устоями. Тяжкій трудъ надъ возстановленіемъ рухнувшаго политическаго зданія выпалъ на долю новой династіи и новыхъ соціальныхъ силъ. Московское государство XVII в. строится въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ жила Москва Рюриковичей. Значительно сложнѣе и напряженнѣе стали его международныя отношенія. Борьба за существованіе приняла съ роковой неизбѣжностью наступательный характеръ, и Москва XVII в., въ стремленіи прочно обезпечить національную безопасность, расширяетъ свои владѣнія далеко за предѣлы великорусской территоріи. Московское государство въ теченіе столѣтія перестало быть государствомъ великорусскимъ, переросло прежнія національныя грани, выросло въ имперію Всероссійскую. Его внутренняя жизнь, его культура творятся отнынѣ при крупномъ и содержательномъ, часто руководящемъ, участіи силъ малорусскихъ. Украинскій югъ несетъ въ общую сокровищницу русскаго развитія свое особое культурное наслѣдство, свой темпераментъ, свои дарованія. Ему Россія XVII — XIX вв. обязана многими дѣятелями на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной работы. Въ дѣлѣ усвоенія новыхъ источниковъ и пріемовъ просвѣщенія, обновленнаго по содержанію и формѣ въ теченіе XVII и XVIII вв., а частью и позднѣе, значеніе этого южнорусскаго элемента было весьма велико и устойчиво. И культурная жизнь трехъ послѣднихъ столѣтій является поистинѣ созданіемъ и достояніемъ всѣхъ вѣтвей русской народности, хотя и сложившимися на великорусской основѣ.

Переходъ возстановленія государства въ его перестройку на болѣе широкой территоріальной и этнографической базѣ совершился въ теченіе XVII в. Подъ властью первыхъ Романовыхъ сложились и тѣ основныя черты рус-

скаго государственнаго и соціальнаго строя, которыя господствуютъ до освободительныхъ реформъ Александра II. Какъ бы ни были значительны измѣненія въ жизни русскоі со второі четверти XVII до 60-хъ гг. XIX столѣтія, основныя черты эти объединяютъ весь указанный историческіі періодъ въ одно цѣлое, которое можно назвать Россіеі „стараго порядка“. Его устои: абсолютизмъ верховноі власти, съ сильнымъ развитіемъ личнаго начала въ верховномъ управленіи, и господствующее положеніе дворянства, подавлявшаго какъ интересы другихъ разрядовъ населенія, такъ и дѣйствительную силу самоі государственной власти,—созданы XVII вѣкомъ и развивались въ слѣдующія два столѣтія, какъ его наслѣдіе. Основы русскаго государственнаго права и соціально-политическаго строя, выработанныя въ царствованіе царя Алексѣя, пошатнулись только въ эпоху реформъ 60-хъ годовъ. Настало время новаго строительства, сильно затрудненнаго развалинами стараго зданія; новыі, „переходный“, „критическіі“ періодъ затянулся на полстолѣтія, представляя для насъ жгучую современность. Борьба стараго съ новымъ въ русскоі государственноі и общественноі жизни, начатая освобожденіемъ крестьянъ, далеко не закончена. Новѣіішее преобразованіе Россіи въ конституціонное государство осуществляется съ такими судорожными колебаніями, съ такоі медленноі и тяжкоі постепенностью, что не могло еще дать плодовъ возрожденія на новыхъ началахъ русскоі народноі жизни и культуры. Исходъ этого, переживаемаго нами, процесса откроетъ новыі великіі періодъ русскоі исторіи. На зарѣ его—естественно и плодотворно оглянуться сознательнымъ взоромъ назадъ, на прожитое историческое прошлое.

А. Е. Пресняковъ.



Дмитрій Самозванецъ (Историческій музей).

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

I. Итоги „великой разрухи“ Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка.

Съ конца XV столѣтія въ судьбахъ Восточной Европы совершается переворотъ глубокаго историческаго значенія. На сцену исторіи Европы выступаетъ новая крупная политическая сила, Московское государство. Объединивъ подъ своей властью всю сѣверо-восточную Русь и сбросивъ съ себя татарскую зависимость, Москва напряженно работаетъ надъ закрѣпленіемъ добытыхъ политическихъ результатовъ и во внутреннихъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Тяжелы были условія этого государственнаго строительства. Молодое государство возникло въ сѣверной части восточно-европейской равнины. Опираясь

въ тылу на угрюмыя побережья сѣвернаго моря, оно на югѣ, западѣ и востокѣ имѣло открытыя границы и враждебныхъ сосѣдей. Борьба за территоріальное и національно-государственное самоопредѣленіе восточнаго славянства ставила чрезвычайно сложныя задачи и требовала крайняго напряженія. Развивая необходимыя для этого силы, Москва непрерывно расширяетъ территоріальную базу своей государственности. На восточныхъ и южныхъ окраинахъ продолжается извѣчное колонизаціонное движеніе, этотъ основной нервъ русскаго историческаго процесса. Остановленное внѣшними условіями въ эпоху татарскаго ига, оно обратилось на два столѣтія внутрь занятыхъ земельныхъ пространствъ, усиливая и углубляя ихъ хозяйственную разработку. Концентрація великорусскихъ силъ создала возможность политическаго объединенія, необходимаго для обезпеченія внѣшнихъ условій ихъ развитія. Не только у суровой природы приходилось великорусскому племени отвоевывать шагъ за шагомъ культурную почву: лѣсныя пространства сѣверовостока были заняты финскими племенами, а въ Поволжьи надъ инородческимъ населеніемъ господствовали татарскія царства. Въ періодъ образованія Московскаго государства, XV и XVI вв., возрождается съ новою силой колонизація новыхъ обширныхъ земель, наступленіе великороссовъ къ востоку, на Уралъ и за него, въ глубь Сибири, въ область Казанскаго царства и на югъ, до Каспія. Паденіе татарскихъ царствъ на Волгѣ выдвинуло значеніе, какъ главнаго врага Москвы, Крымскаго ханства. Великорусское племя тянется къ югу, отъ старой границы по рѣкѣ Окѣ въ бассейнъ Дона, захватывая все южнѣе и южнѣе плодородныя пространства восточно-европейской равнины. Широко развернулась во вторую половину XVI в. народная и государственная энергія великороссовъ. Заняты вновь обширныя пространства. Требовалось много силъ и средствъ для ихъ усвоенія народно-хозяйственной культурѣ и московской государственности. Притомъ историко-географическія условія дѣлали невозможной остановку въ этомъ расширеніи территоріи. Они ставили новыя широкія задачи: стре-

Царь Ѳедоръ Іоанновичъ (изъ альбома Солнцева).

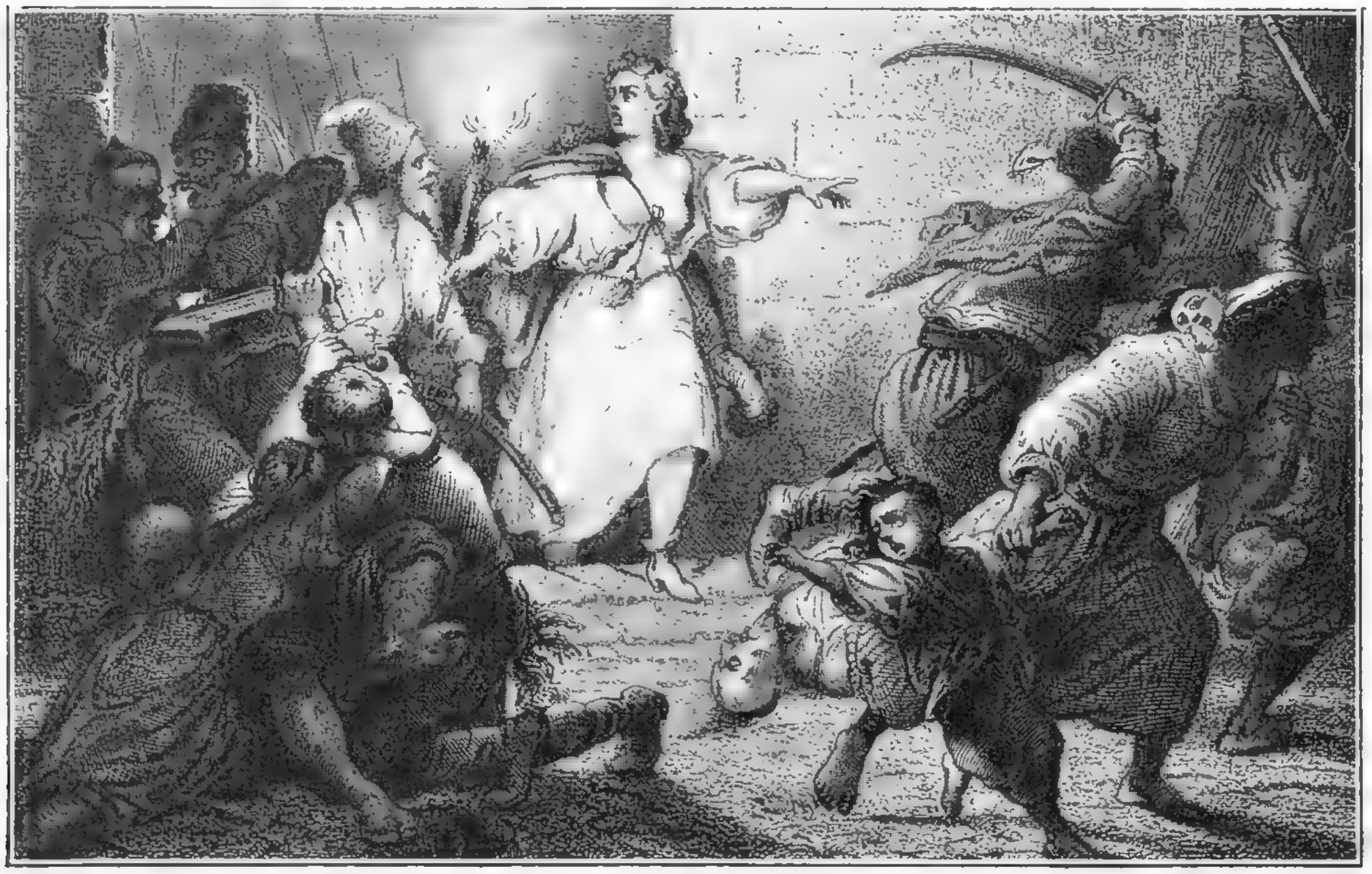
мленіе на югъ, къ Черному морю, гдѣ нѣкогда началась историческая жизнь русскаго славянства, отброшеннаго затѣмъ къ сѣверу враждебными азіатскими силами, и еще болѣе далекое стремленіе къ востоку въ необъятныя области Сибири, до крайняго ея предѣла на Великомъ океанѣ, и въ Среднюю Азію, разрушавшую своимъ напоромъ возможность утвержденія гражданственности и мирнаго экономическаго труда въ богатыхъ областяхъ Поволжья и Пріуралья. На западѣ борьба за финскій сѣверо-западъ со шведами, за Балтійское побережье — съ ливонскими нѣмцами обусловлена была тягой къ морю, утвержденіе на берегахъ котораго манило политическими и торговыми выгодами. Съ этой борьбой за Балтійское побережье, какъ и съ крымской политикой московскихъ государей и съ распространеніемъ ихъ власти и русской колонизаціи въ южномъ направленіи, сплетались русско-польскія отношенія. Давнее соперничество московскихъ Даниловичей съ Гедиминовымъ родомъ и Ягеллонами изъ-за русскихъ областей, лежавшихъ на западъ отъ Москвы, вызывало почти непрерывную борьбу на западной границѣ, крайне неустойчивой, неопредѣленной и неопредѣлимой безъ рѣшительнаго столкновенія двухъ государственныхъ организацій, одинаково нуждавшихся въ этихъ спорныхъ русскихъ областяхъ для обезпеченія своей политической силы и безопасности.

Международное положеніе Московскаго государства было крайне сложнымъ и напряженнымъ. Народная жизнь и правительственная политика орудовали такими пространствами, что для разрѣшенія задачъ, навязанныхъ историко-географическими условіями, требовался огромный запасъ силъ и средствъ, явно превышавшій ихъ наличный составъ. Слабо населенное и подавленное тягостью борьбы съ природой и съ враждебными сосѣдями, охватившими его удушливымъ кольцомъ открытыхъ и трудныхъ для защиты границъ, а потому культурно-отсталое, Московское государство XVI в. образовалось и окрѣпло только цѣною крайняго напряженія. Вѣчная трагедія русской исторіи — несоотвѣтствіе народныхъ силъ огромнымъ и все возрастающимъ національно-государственнымъ потребностямъ — опредѣлила особенности его внутренняго строя. Московскій центръ господствовалъ надъ обширной страной съ чрезвычайно разбросаннымъ населеніемъ, со слабо развитой матеріальной и духовной культурой. Обезпечить средства, нужныя для „государева дѣла“, центральная власть могла, только сосредоточивая въ своихъ рукахъ распоряженіе всѣми личными и хозяйственными силами населенія. Развитіе неограниченнаго никакими предѣлами самодержавія стало неизбѣжной тенденціей политическаго строительства московскихъ государей. Частныя и мѣстныя политическія силы предстояло переработать въ покорныя орудія единодержавной власти или замѣнить ихъ иной системой управленія. Власть московскихъ государей идетъ къ этой цѣли, сокрушая остатки удѣльныхъ порядковъ, политическія привилегіи крупнаго — княжескаго и

боярскаго — землевладѣнія и развивая управленіе приказное. Но на созданіе такой административной системы, которая одна только могла бы вполнѣ осуществить абсолютизмъ верховной управленія власти, т.-е. бюрократическаго, не хватало ни средствъ, ни организаціоннаго умѣнья. Упраздняя удѣлы, московскій государь объединилъ въ рукѣ своей вотчинную власть удѣльныхъ князей и сталъ единымъ вотчичемъ на всѣхъ государствахъ Россійскаго царства, но въ государевомъ дѣлѣ своемъ продолжалъ опираться на феодальныя силы крупнаго землевладѣнія, сохранившаго въ значительной степени политическій характеръ, благодаря державнымъ правамъ служилыхъ князей и бояръ по отношенію къ населенію ихъ вотчинъ. Эти права и мѣстническія привилегіи сохраняли за боярствомъ характеръ правительственнаго класса, окружавшаго верховнаго государя надъ всѣми государями русской земли, какъ единственное его орудіе въ дѣлахъ правленія. Но въ XVI в. московскіе государи уже стремятся устранить самостоятельное соціально-политическое значеніе своихъ аристократическихъ слугъ, стѣснявшее развитіе самодержавной власти. Грозный завершилъ это дѣло по стопамъ отца и дѣда и, въ то же время, сдѣлалъ попытку отказаться отъ системы кормленій, отдававшей управленіе въ руки того же боярства. Все мѣстное управленіе — финансовое и судебно-полицейское — передано мѣстнымъ обществамъ, какъ обязанность, которую они должны осуществлять черезъ своихъ выборныхъ, и какъ льгота, окупаемая особымъ оброкомъ. Земское самоуправленіе это построено было на старыхъ навыкахъ народной жизни. И при намѣстникахъ—кормленщикахъ вся дѣйствительная работа по охранѣ общественнаго порядка и безопасности, низшій судъ, сборъ государевыхъ доходовъ и намѣстничьихъ кормовъ лежали на волостныхъ крестьянскихъ общинахъ съ ихъ выборными. Предоставляя излюбленнымъ старостамъ и судьямъ всѣ функціи намѣстничьяго управленія, правительство лишь распространило на нихъ и расширило значеніе этого порядка. Легкость, съ которой, повидимому, реформа вошла въ жизнь, показываетъ, какъ поверхностно лежала на жизни страны система намѣстничествъ: ея значеніе

Борисъ Годуновъ (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

было скорѣе политическимъ, чѣмъ административнымъ. Средневѣковые агенты правительственной власти мало входили въ текущую жизнь, мало управляли; съ другой стороны, аристократическій характеръ среды, изъ которой выходили бояре-намѣстники, ея притязанія и традиціи дѣлали ее непригодной для цѣли московскихъ государей — обезпечить себѣ полновластное распоряженіе силами и средствами страны. Для этого предстояло бы приблизить органы царской власти къ населенію, ввести ихъ въ волостную среду, осуществляя тѣмъ самымъ на дѣлѣ — въ духѣ данной эпохи — вотчинный характеръ власти и управленія. Въ первой половинѣ XVI в. возникла должность, которой, казалось бы, предназначено судьбой сыграть крупную роль въ такомъ „окняженіи волости“. Но волостели не стали для московской Руси чѣмъ-либо подобнымъ интендантамъ старой Франціи. Обширность территоріи и разбросанность населенія, жизнь котораго замыкалась въ мѣстныхъ мірахъ при слабо развитыхъ внутреннихъ сношеніяхъ, дѣлала непосильной для Москвы XVI в. такую организаціонную работу, которая создала бы для всей страны прочную административную сѣть прямыхъ орудій центральной власти. И эта власть пошла инымъ путемъ, возлагая мѣстныя задачи государственнаго управленія на отвѣтственную самодѣятельность общественныхъ организацій. Сохранивъ за волостными общинами, какъ и за городскими-посадскими мірами, ихъ прежнее значеніе, она передала мѣстнымъ всесословнымъ обществамъ „губное“ дѣло охраны общественной



А. Шарлемань. Марина Мнишекъ возбуждаетъ Калужанъ къ мести за смерть Тушинскаго вора (1610 годъ).

Патріархъ Гермогенъ.

Чудовъ монастырь.

безопасности, возложила на подвластныхъ намѣстничьему управленію всѣ его функціи, организовала для сбора косвенныхъ доходовъ и нуждъ казеннаго хозяйства финансовую службу столичнаго купечества и провинціальнаго торговаго люда. Организація служилаго класса для обезпеченія военныхъ нуждъ государства создала уѣздныя группы служилыхъ людей съ постатейнымъ ихъ дѣленіемъ. Цѣлямъ централизаціи финансоваго и военнаго управленія служило сосредоточеніе въ столицѣ лучшихъ силъ тяглаго и служилаго населенія. Правительство переводило въ Москву наиболѣе „прожиточныхъ“ провинціальныхъ торговыхъ людей, пополняя ими разрядъ гостей, гостиную и суконную сотни, изъ которыхъ брало исполнителей своихъ хозяйственныхъ порученій; стягивало къ центру и верхи служилаго люда для постоянной службы „по московскому списку“ или для періодическаго „годованія“ въ столицѣ „изъ городовъ выбора“. Этимъ, бывшимъ всегда подъ рукой, личнымъ составомъ оно пользовалось для посылокъ въ провинцію съ разнообразными порученіями, временными или болѣе постоянными—должностными. Часто ощущаемый недостатокъ личныхъ силъ, нужныхъ для „государева дѣла“, заставлялъ передвигать ихъ изъ одной области въ другую, ослабляя тѣмъ самымъ ихъ мѣстныя связи и вырабатывая сосредоточеніе въ распоряженіи центра всѣхъ наиболѣе значительныхъ общественныхъ элементовъ. При такомъ строѣ государственной жизни правительство могло обходиться сравнительно упрощенной административной системой, приспособленной для эксплуатаціи на государственныя нужды личныхъ и экономическихъ средствъ страны, но не пригодной для болѣе сложныхъ и творческихъ задачъ управленія. Оно могло держать постоянныхъ агентовъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для спеціальныхъ цѣлей, какъ воеводъ, городовыхъ приказчиковъ и т. п., обходясь въ остальномъ работоіі на правительственныя потребы общественныхъ группъ и ихъ выборныхъ, или временными посылками своихъ слугъ для выполненія срочныхъ порученій.

Патріархъ Іовъ (1586—1605, † 1607).

Строю управленія, создавшемуся въ Московскомъ государствѣ 2-й половины XVI в., соотвѣтствовалъ весьма напряженный укладъ соціальныхъ отношеній. Слабость экономическихъ средствъ страны, недостаточно засе-

ленной и культурно-бѣдной, обусловила стремленіе власти овладѣть всѣми элементами національнаго капитала, какіе были налицо, подчиняя пользованіе ими потребностямъ государева тягла и военнаго дѣла. Въ этомъ стремленіи она развивала свое безграничное господство надъ подвластнымъ населеніемъ — въ формахъ вотчиннаго самодержавія, сводя государственно-правовое положеніе населенія къ двумъ категоріямъ: тяглаго класса „государевыхъ сиротъ“ и служилаго „государевыхъ холоповъ“. Предстояло весь общественный и частный бытъ населенія опредѣлить, какъ функцію „государева дѣла“, тягла и службы. Конкуренція власти самодержца, вотчича всѣхъ государствъ Россійскаго царства, со стороны державныхъ правъ крупныхъ землевладѣльцевъ, княжатъ и бояръ, была устранена въ эпоху „опричнины“ Грознаго. Его политика подвела итоги крушенію землевладѣльческой аристократіи въ тискахъ московскаго объединенія и сдѣлала навсегда невозможной ея самостоятельную политическую роль въ государствѣ. Въ XVII вѣкъ боярство перешло разбитымъ, и въ его средѣ занялъ уже сильную позицію новый элементъ — боярство, возвышенное милостью царскою, придворными связями и служебной карьерой. Это боярство — лишь верхній слой служилаго класса, связанный интересами и традиціями съ политикой московскихъ государей гораздо тѣснѣе, чѣмъ съ какими-либо „удѣльными“ преданіями и притязаніями. Къ нему примыкали высшіе разряды дворянства — служилые люди московскихъ чиновъ, столичные,—и верхи провинціальнаго общества, дворяне и дѣти боярскія „большихъ статей“, а далѣе—служилые „меньшихъ статей“ и мелкій людъ, привлеченный на государеву службу „по прибору“. Экономически вся эта система опиралась на сельское хозяйство служилыхъ землевладѣльцевъ, жившихъ и служившихъ съ земли. Организація службы требовала большой гибкости въ распредѣленіи земельнаго капитала и создала систему помѣстнаго верстанья, претворивъ и вотчинное право въ разновидность условнаго служилаго владѣнія. Для тяглаго крестьянства средневѣковое воззрѣніе, что вся земля государева, стало пріобрѣтать житейски-реальное и роковое значеніе въ широкой раздачѣ черныхъ волостныхъ земель служилымъ людямъ. Издавна стали волости терять свои угодья и пустыри въ пользу крупнаго землевладѣнія, княжескаго, монастырскаго и боярскаго. Теперь и тѣ земли, на которыхъ поставлено было крестьянское хозяйство, земли населенныя, массою переходятъ въ частное помѣстное и вотчинное владѣніе. Исторически-юный государственный Левіафанъ подчиняетъ себѣ всѣ частные права и интересы, становясь крупнѣйшимъ факторомъ соціальнаго строительства. Ломкѣ имущественныхъ отношеній, принявшей въ эпоху Грознаго столь бурный характеръ, соотвѣтствовало проведеніе въ жизнь представленія обо всемъ населеніи, какъ всецѣло зависимомъ отъ государя-вотчинника. Эту новую — государственную, по значенію и цѣлямъ — зависимость сознаніе той эпохи осмысляло по аналогіи съ положеніемъ несвободныхъ

слугъ-холоповъ и „спротъ“ древнѣйшаго слоя несвободнаго сельскаго населенія княжихъ вотчинъ. По мѣрѣ роста Московскаго государства, постепенное ограниченіе вольностей служилыхъ людей и крестьянъ завершилось отрицаніемъ „воли“ слугъ вольныхъ и крестьянскаго перехода. Служба и тягло легли тяжкимъ бременемъ на населеніе, пригнетая развитіе его матеріальнаго благосостоянія, гражданскаго быта и культуры. А возрожденіе въ дни Грознаго широкаго колонизаціоннаго движенія расшатывало соціально-экономическія основы еле сложившагося строя, манило крестьянъ и посадскихъ тяглецовъ на новыя украйны возможностью болѣе вольной трудовой жизни. Волны переселенческаго движенія снова раскинули населеніе на обширныя пространства, и съ заселеніемъ новозанятыхъ областей центральныя земли государства подверглись ощутительному запустѣнію и пережили тяжкій кризисъ всего уклада своего быта и хозяйства. Этотъ кризисъ, колебавшій самыя основы военно-служилой и финансовой системы, обострялъ до крайней степени элементы соціальной борьбы, антагонизмъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія, закрѣпощаемой трудовой массы народной и владѣльцевъ населенныхъ земель, окраинъ, еще не втянутыхъ въ суровыя условія московскаго порядка, и творившаго этотъ порядокъ центра.

Патріархъ Гермогенъ (1606—1612).

Внѣшніе результаты, добытые Московскимъ государствомъ во вторую половину XVI в., были огромны. Москва, побѣдительница восточныхъ царствъ и грозный врагъ литовскаго сосѣда, вступила сильной державой въ кругъ европейскихъ политическихъ отношеній. На далекую Московію обращено вниманіе европейскаго политическаго міра, и онъ мечтаетъ ввести ее въ свою систему, использовать ея силы для борьбы съ Турецкой имперіей, съ грозно наступавшимъ мусульманствомъ. Извнѣ она представлялась мощной, а ея отчужденность отъ запада по культурѣ и религіи казалась преодолимой. На дѣлѣ Московское государство, съ одной стороны, заканчивало XVI столѣтіе въ состояніи глубокаго надрыва, экономическаго кризиса и соціально-политическаго разстройства, а съ другой—выработало, въ борьбѣ за существованіе, своеобразную національную культуру съ рѣзко опредѣливши-

мися чертами религіознаго и общественнаго быта и крѣпко держалось за эту свою „самобытность“, необходимую, какъ одно изъ условій національно-политической независимости. Государству этому предстояла напряженная борьба за утвержденіе своего дальнѣйшаго національнаго существованія и развитія. Предстояло укрѣпить на болѣе широкомъ фундаментѣ результаты, добытые государственнымъ строптельствомъ предыдущихъ столѣтій, преодолѣть внутреннія надрывъ и разладъ своихъ силъ въ дальнѣйшей организаціонной работѣ, разрѣшить рядъ сложныхъ, боевыхъ вопросовъ своего международнаго положенія, неотложныхъ для обезпеченія національной безопасности. Старой Москвѣ эти задачи оказались уже не по силамъ, и русская государственность справилась съ ними, только пройдя черезъ тяжелое, болѣзненное испытаніе смутнаго времени и постепенно перестроившись на новыхъ, расширенныхъ и усложненныхъ основаніяхъ.

Начало велікой смутѣ, потрясшей Московское государство въ началѣ XVII в., положено правительственнымъ кризисомъ, который, нарастая съ послѣднихъ лѣтъ жизни и правленія Ивана Грознаго, разразился бурными событіями самозванщины и острой борьбы за верховную власть по прекращеніи старой династіи. Первыхъ его проявленій надо искать въ политикѣ Грознаго, когда царь Иванъ „смяте люди вся“ тѣмъ, что „всю землю яко сѣкирою на полы разсѣче“, на земщину и опричнину. Кровавыя казни, бурныя и случайныя опалы, разореніе до тла цѣлыхъ семейныхъ и родовыхъ боярскихъ гнѣздъ, избіеніе многихъ людей, „ихъ же имена Ты, Господи, вѣси“, кощунство и жестокій разгулъ дворцоваго обихода, а, съ другой стороны, „пересмотръ“ служилыхъ людей и земель, ломавшій сложившіяся отношенія, безпорядочно и суетливо перебрасывавшій землевладѣльцевъ изъ одной мѣстности въ другую и разрушавшій старинныя хозяйства, чтобы создать новыя въ иныхъ условіяхъ и непривычной обстановкѣ, — все это тяжелымъ кошмаромъ пролетѣло надъ русской общественной жизнью.

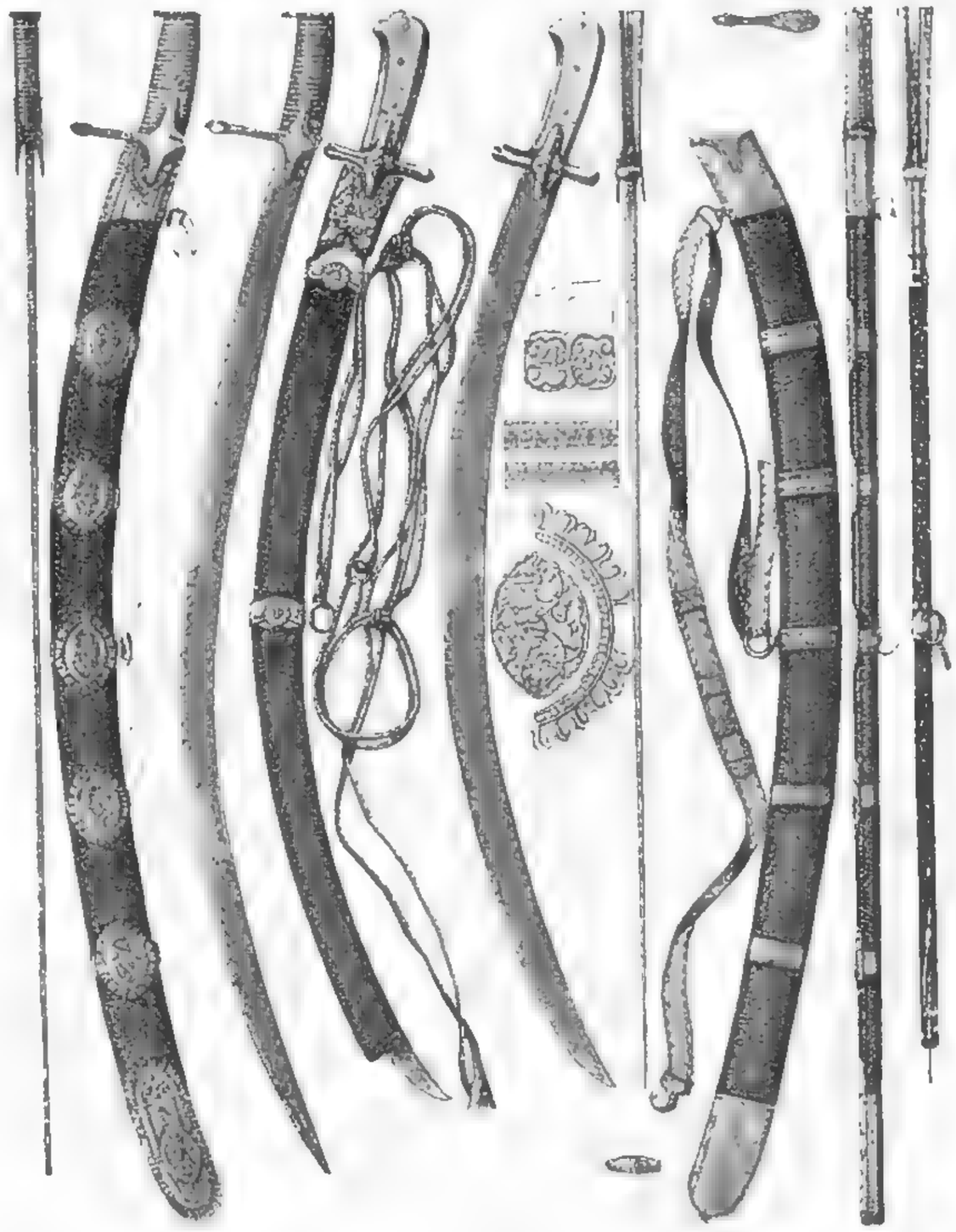
Привычный укладъ московской жизни казался разбитымъ и поруганнымъ до основанія, традиціи—оборванными, „благоуставленія законныя“ и добрые обычаи—превращенными на „новосопротивные“. Крушеніе политики Грознаго на западной границѣ въ несчастномъ исходѣ Ливонской войны было результатомъ и показателемъ глубокаго внутренняго потрясенія страны. Пошатнулась вѣра Москвы въ свои силы, и московскій книжникъ, въ тревожномъ предчувствіи, все чаще останавливался на мысли, что близокъ, должно-быть, конецъ сего міра, что близко паденіе родного „третьяго Рима“, которому, по преданію, назначено быть послѣдней столицей истинно-христіанскаго царства. Наблюдательные современники отмѣтили симптомы смуты въ общественномъ сознаніи, упадокъ правительственнаго авторитета, когда „въ повинующихся робѣхъ естественный страхъ къ покоренію владыкъ оску-

дѣваше, исчезая", и нарастало угнетенное, малодушное настроеніе общества, „всего міра безумное молчаніе".

Переходъ скипетра въ слабыя руки Ѳедора Ивановича, вспышки борьбы за правительственную власть вокругъ его престола, сгубившія послѣдній, хоть и сомнительной законности, отпрыскъ „царскаго корени" — угличкаго царевича, необычная карьера правителя-Годунова, неизбѣжность, а затѣмъ наступленіе конца династіи „прирожденныхъ государей" были моментами агоніи старой московской вла-

сти, государства „собирателей земли русской".

Съ прекращеніемъ владѣтельной линіи Даниловичей всѣ государства Московскаго царства остались безъ законнаго вотчича. Фактъ этотъ поставилъ московскому политическому творчеству новую и мудреную задачу: создать авторитетный правительственный центръ, отрѣшившись отъ вѣкового представленія, что носитель верховной власти обладаетъ ею по „прирожденному", наслѣдственному отъ прародителей праву. Вотчинный характеръ власти московскихъ государей сросся въ понятіяхъ московскаго общества съ незыблемостью ихъ авторитета, какъ одинъ изъ признаковъ ея законности и „богоустановленности". Эта вотчинность власти была принципіальнымъ основаніемъ единства Московскаго царства, возникшаго путемъ объединенія въ рукахъ московскихъ государей вотчинъ отдѣльныхъ линій Рюрикова дома, великихъ и удѣльныхъ княженій.

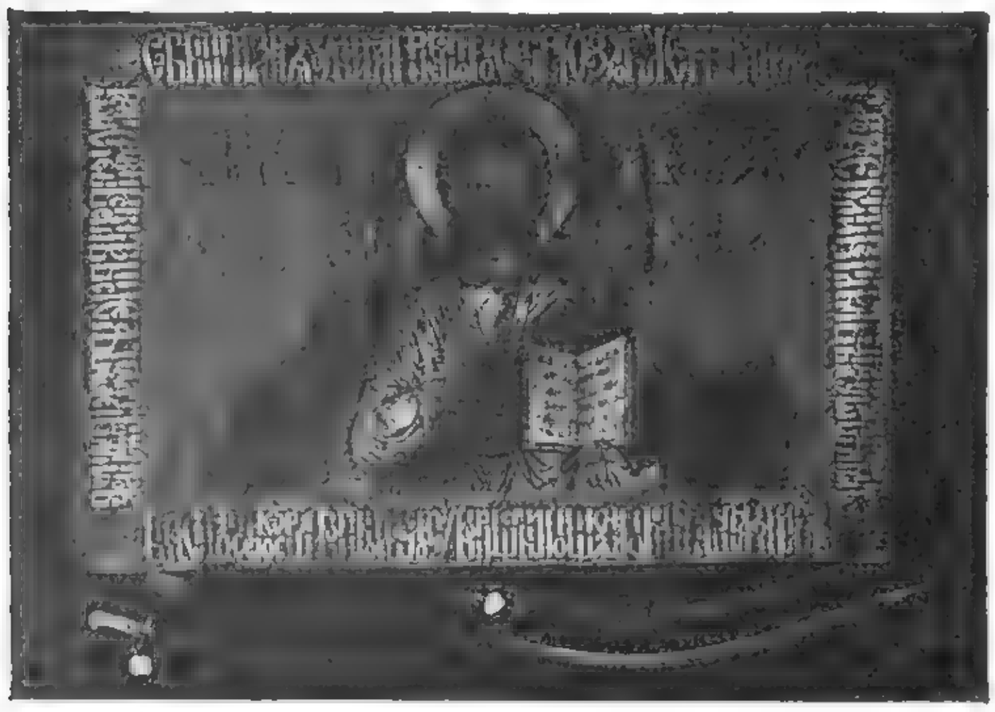


Сабли князя Пожарскаго и Минина (Оружейная Палата).

Прошлая исторія не ставила вопроса о значеніи національно-государственнаго единства, независимомъ отъ вотчиннаго права московской династіи, и, тѣмъ болѣе, не выработала формъ его самостоятельнаго воплощенія, помимо личной власти государя, великаго князя всея Руси. И долго боролась русская политическая жизнь съ этой проблемой, колеблясь „сѣмо и овамо".

Въ годы смуты наблюдаемъ различныя попытки обосновать тотъ или иной выходъ изъ создавшагося положенія.

По смерти царя Ѳедора и отреченіи царицы Ирины, Годуновъ сумѣлъ перенести вопросъ о своей кандидатурѣ на царство со скользкой почвы борьбы и соглашенія придворныхъ кружковъ на обсужденіе совѣта всѣхъ чиновъ государства. Въ періодъ междуцарствія, наступившаго съ постриженіемъ въ монастырь царицы Ирины Ѳедоровны, дѣла правленія остались въ вѣдѣніи учрежденій, изъ коихъ слагалась московская администрація, съ Боярской думой и „начальнымъ человѣкомъ“ — патріархомъ во главѣ. Годуновъ сумѣлъ оцѣнить, что въ данный моментъ дѣйствительная власть находится у тѣхъ силъ, на строй которыхъ опиралось царское управленіе страной, и обратился къ нимъ, какъ единственному реальному политическому фактору.



Знамя князя Пожарскаго (Оружейная Палата).

Царемъ Бориса избрали и поставили, по общему совѣту, патріархъ со всѣмъ причтомъ церковнымъ, Освященнымъ соборомъ, съ царскимъ синклитомъ бояръ и окольничихъ, съ воеводами и всѣмъ воинствомъ, съ гостями, торговыми и черными людьми,— всею землею „отъ конецъ до конецъ всѣхъ государствъ Россійскаго царствія“. Къ важному политическому акту, рѣшенію судьбы престола, призванъ былъ соборъ лицъ, по должностному положенію руководившихъ отбываніемъ службы и тягла соотвѣтственныхъ группъ населенія, носителей сложившейся при Грозномъ системы управленія. Соборъ призналъ царемъ Бориса, ссылаясь на его правительственныя заслуги и на порученіе ему заботъ о царствѣ по завѣту царя Ивана царемъ Ѳедоромъ; правящія силы возвели на престолъ своего испытаннаго руководителя, давняго главу правительственной работы. Что можно было противопоставить такому избранію? Казалось, что Борису суждено положить начало новой династіи; земля присягнула ему и его потомству. Но соперники Годунова выдвинули противъ него иную идею. Вскрывая слабую сторону его воцаренія, они стали искать представителя правъ на престолъ, не зависящихъ отъ „многомятежнаго человѣческаго хотѣнія“. Соборному избранію рѣшили противопоставить собственное право иного кандидата. Въ этомъ смыслѣ мелькнула курьезная кандидатура на престолъ Симеона Бекбулатовича, сидѣвшаго, по фантазіи Грознаго, на великомъ княженіи всея Руси во дни

опричины и разжалованнаго позднѣе въ великіе князья тверскіе. Эта же идея породила силу и значеніе самозванщины.

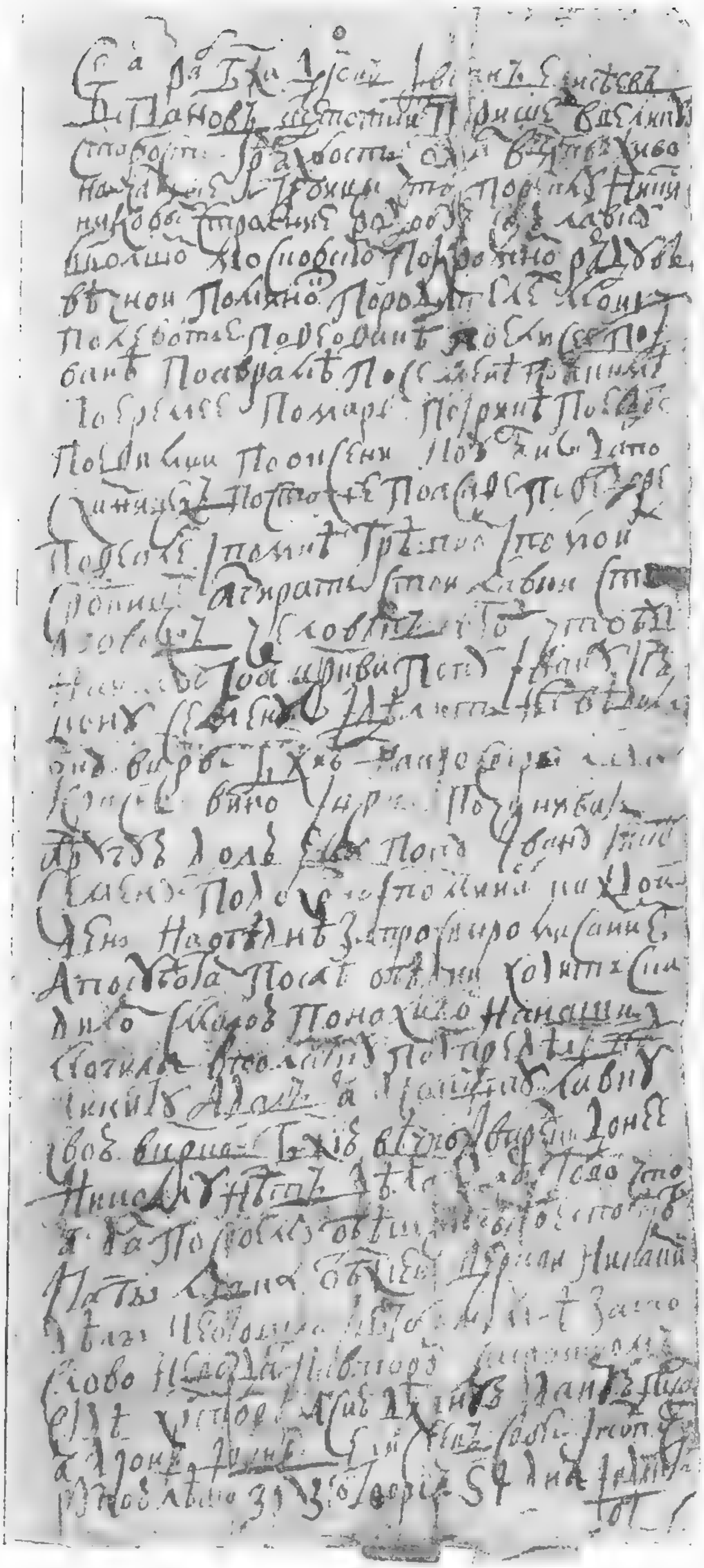
Толки о возможности появленія подставного царевича Дмитрія возникли, повидимому, еще въ связи съ интригами противъ избранія Бориса въ 1598 году: Годунову приписывали такую мысль, въ случаѣ неудачи его кандидатуры. Но черезъ два года сталъ грознымъ призракъ „прирожденнаго“ претендента на престолъ для самого Бориса. Легенда одержала побѣду надъ дѣйствительностью тѣмъ, что смутила общественное сознаніе призракомъ легитимизма, и дала, въ то же время, опасное знамя въ руки всѣхъ элементовъ населенія, недовольныхъ своимъ положеніемъ.

Выродившись въ предлогъ для соціальной борьбы, самозванство сразу потеряло свой первоначальный политическій смыслъ, но и послѣ гибели перваго Лжедмитрія успѣхи другихъ самозванцевъ отчасти поддерживались броженіемъ русской политической мысли: если не вѣрой въ подлинность мнимыхъ претендентовъ, то сознаніемъ ничтожества правъ ихъ противниковъ, самочинно ставшихъ у власти.

Сѣдло кн. Пожарскаго (Оружейная Палата).

Въ этомъ была безнадежно слабая сторона положенія Василія Шуйскаго. Возведенный на престолъ „малыми нѣкими отъ царскихъ палатъ“, „безъ избранія земскаго“, Шуйскій не послѣдовалъ примѣру Годунова, не искалъ опоры въ „совѣтѣ всѣхъ чиновъ Московскаго государства“, который избралъ бы царя подъ руководствомъ патріарха. Онъ пытался построить свое право на происхожденіи отъ Рюрика и старшинствѣ своей линіи, князей суздальскихъ; но подобная генеалогическая аргументація плохо вязалась съ понятіемъ вотчиннаго права на великое княженіе, которое должна была обосновать: это право въ Московскомъ государствѣ принадлежало только его создателямъ, Даниловичамъ московскимъ, съ ними и кончилось.

Бурная смѣна носителей власти по прекращеніи старой династіи обнаружила невозможность возстановить оборванную традицію правительственнаго авторитета. Для прочнаго рѣшенія такой задачи притязанія мнимыхъ „вотчичей“ оказались слишкомъ ничтожными. Попытка перенести санкцію



Грамота Минина (младшаго). (Историческій музей).

богоустановленности съ „прирожденныхъ“ государей на избраннаго соборомъ Годунова посредствомъ мысли, что епископы „имѣютъ власть, яко апостольскіе ученики много испытаны, и по правиламъ сшедшимся соборомъ поставляти своему отечеству пастыря и учителя и царя достойно, его же Богъ избра“, осталось лишь риторическимъ украшеніемъ избирательной граматы; на Руси политическое значеніе церковной іерархіи было слишкомъ слабо. А глубоко-вѣрная мысль Годунова, что возрожденіе верховной власти можетъ найти опору только въ союзѣ общественныхъ группъ, которыя несли на себѣ всю государственную работу Московскаго царства и объединялись въ земскомъ соборѣ, оказалась безсильной передъ броженіемъ соціальныхъ силъ страны, переживавшей тяжелый экономическій и соціально-политическій кризисъ.

Борьба внутри правящей среды между княжеской знатью и чиновнымъ боярствомъ, значеніе котораго подорвано было антагонизмомъ главныхъ его представителей—Годунова и круга бояръ Романовыхъ, породила страшное орудіе политической интриги — самозванщину, и тѣмъ вынесла смуту изъ двор-

ПОГАШЕНО

ца въ среду войскъ и народной массы. Фантастическій успѣхъ перваго Лжедмитрія созданъ безсиліемъ государственнаго центра, разладомъ общественныхъ элементовъ, служившихъ опорой старому порядку, поддержкой буйнаго населенія Сѣверской Украйны, гдѣ скоплялись выходцы изъ областей Московскаго государства, бѣжавшіе отъ нараставшей крѣпостной неволи, отъ государева тягла и нищеты, и помощью казачества, быстрый ростъ котораго къ концу XVI в. питался тѣми же силами народнаго недовольства. Не правительству Шуйскаго, лишенному опоры въ сколько-нибудь значительныхъ общественныхъ группахъ, было остановить дальнѣйшее развитіе смуты. Сѣмена внутренней борьбы, брошенныя движеніемъ перваго самозванца, не замедлили взойти въ анархическомъ бунтѣ Болотникова, съ которымъ поднялись общественные низы — холопы и владѣльческіе крестьяне—противъ бояръ и приказныхъ людей, противъ землевладѣльцевъ, закрѣпощавшихъ трудовую народную массу, и государственнаго строя, основаннаго на этомъ закрѣпощеніи. Соединеніе съ казачествомъ вырабатывало боевую силу этой толпы и ея понятія о волѣ—внѣ государственныхъ и сословныхъ путъ. И долго волновалось на Руси все, что было раздражено тяготой московскаго строя или выбито изъ колеи экономическимъ кризисомъ и общественной смутой.

Патріархъ Филаретъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
528435
Фундаментальная Библиотека К. [illegible] Г. В.

Послѣ гибели Болотникова, центромъ Смуты сталъ Тушинскій воръ, второй самозванецъ, а затѣмъ движеніе разбилось на рядъ мѣстныхъ проявленій анархіи и простого разбоя, пережило годину Смуты—и въ рядѣ вспышекъ связало бури „великой разрухи“ съ бунтомъ Степьки Разина, постепенно отступая отъ центра къ окраинамъ. На восточныхъ границахъ поднялись инородцы, тѣснимые московской властью и русской колонизаціей. Съ юга потянулись на добычу казаки съ Дона и Днѣпра. А въ центрѣ шла борьба общественныхъ группъ, носительницъ „государева дѣла“. Противъ „боярскаго“ царя Василія Шуйскаго поднялись служилые люди „большихъ“ и „меньшихъ“ статей, противники господства въ государствѣ боярской аристократіи. Какъ представители средняго и мелкаго землевладѣнія, они были враждебны привилегіямъ землевладѣнія крупнаго, ихъ опаснаго соперника въ борьбѣ за рабочія руки; какъ люди „неродословные“, они были раздражены мѣстническими преимуществами знати, закрывавшими рядовому служилому человѣку пути служебной карьеры. На первыхъ порахъ движеніе служилыхъ людей подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова и Истомы Пашкова отступило передъ опасностью торжества Болотниковскихъ шаекъ, грозныхъ для дворянъ и дѣтей боярскихъ не менѣе, чѣмъ для московскаго боярства; но въ этомъ движеніи, повидимому, впервые выступили и оформились самостоятельныя общественныя и политическія тенденціи дворянства, которымъ принадлежало будущее въ Московскомъ государствѣ. Примиреніе съ правительствомъ Шуйскаго было съ ихъ стороны непрочнымъ и вынужденнымъ. Оно внесло въ московскую среду броженіе, которое и сгубило царя Василія. Наиболѣе вліятельные элементы средняго слоя служилаго люда идутъ съ этихъ поръ путемъ не открытой борьбы противъ Шуйскаго, а политической интриги. Они сплачиваются вокругъ служилаго и придворнаго боярства, центромъ котораго былъ кружокъ Никитичей Романовыхъ, разбитый опалой при Годуновѣ, но оправившійся при первомъ самозванцѣ, а главою — ростовскій митрополитъ Филаретъ, и подъ монашескимъ клобукомъ сохранившій всю энергію и все честолюбіе боярина Ѳедора Никитича. Разладъ съ боярскимъ правительствомъ гонитъ наиболѣе энергичныхъ представителей этого круга изъ Москвы въ Тушино, гдѣ при второмъ самозванцѣ образовалось гнѣздо всѣхъ личныхъ и политическихъ враговъ царя Василія. Группировались они, конечно, не вокругъ ничтожнаго Тушинскаго вора. Ихъ вождь — тушинскій патріархъ Филаретъ, игравшій свою роль съ ловкостью опытнаго политика.

Однако этотъ кругъ лицъ, которому предстояло въ свое время крупное участіе въ дѣлѣ созданія новаго московскаго правительства, тонулъ, до поры, до времени, въ унизительныхъ условіяхъ воровского гнѣзда, не имѣя почвы, чтобы овладѣть судьбами государства. Не владѣло ими и московское правительство. Западъ и югъ государства были въ рукахъ воровскихъ людей,

захватили они и среднее Поволжье; восточныя окраины оказались отрѣзанными и предоставленными сами себѣ; правительственныя средства—разбиты. Съ большимъ трудомъ удавалось собрать даже незначительныя силы: мобилизація оставшихся вѣрными служилыхъ людей, сборы даточныхъ людей и денегъ за нихъ давали незначительные результаты, а поступленіе доходовъ пало до такой степени, что царскому правительству приходилось прибѣгать къ займамъ у купцовъ подъ залогъ драгоцѣнностей изъ государевой казны и порчѣ монеты перечеканкой ея на болѣе легкую при сохраненіи номинальной цѣны. Безсильная Москва казалась легкой добычей для энергичнаго сосѣда. Польскій король Сигизмундъ III рѣшилъ использовать моментъ для широкаго плана — подчиненія восточной Руси Польско-литовскому государству, объединенія восточной Европы подъ католической властью для борьбы съ протестантскимъ сѣверомъ и мусульманскимъ югомъ. Предлогъ для войны былъ данъ союзомъ Шуйскаго со шведами, непримиримыми врагами польскаго Вазы. Наступленіе Сигизмунда и шведскій союзъ открыли доступъ иноземнымъ силамъ къ вмѣшательству въ русскія дѣла, и тѣмъ еще болѣе усложнили положеніе.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.
(Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

Въ эту—самую тяжелую—годину Смуты началось движеніе, которое, разрастаясь и окрѣпнувъ, вывело государство изъ состоянія полной разрухи. Оно возникло въ уѣздныхъ, посадскихъ и волостныхъ, мірахъ сѣвера, привычныхъ къ самодѣятельности и самоуправленію. Эти общины, получившія въ уѣздныхъ и земскихъ учрежденіяхъ XVI в. болѣе широкую организацію и пріобщеніе къ задачамъ государственнаго управленія, издавна сами строили свой бытъ, вырабатывали свои внутреннія отношенія и даже вѣдали оборону отъ враговъ, содержа казаковъ и даточныхъ людей, которыхъ межъ себя набирали посошно и подымно, подъ весьма незначительнымъ руководствомъ и воздѣйствіемъ центральной власти. Не затронутые развитіемъ служилаго землевладѣнія города и области сѣвера были свободны отъ рѣзкаго сословнаго расчлененія населенія, какое пережили остальныя части государства, и менѣе были подавлены ростомъ властной работы Москвы надъ перестройкой общественныхъ и имущественныхъ отношеній. Государственное

объединеніе, несмотря на тягость сборовъ и повинностей, принесло этому сѣверу значительное повышеніе его торгово-промышленной дѣятельности, обезпечивъ ей доступность внутреннихъ рынковъ и открывъ путь къ сбыту на западъ, черезъ Бѣлое море. Зажиточное и энергичное населеніе городовъ Поморскихъ пробудилось къ борьбѣ съ неустройствами земли и оборонѣ государства, какъ только столкнулось съ разореніемъ отъ воровскихъ шаекъ Тушинскаго вора. Отъ элементарной потребности мѣстной самообороны они скоро перешли къ стремленію обезпечить свой бытъ защитой Московскаго государства отъ сокрушавшихъ его враговъ. Повидимому, въ этой средѣ всего ранѣе прояснилось пониманіе государственнаго порядка, какъ общественной потребности, и общественной организаціи, какъ его основы, и нарастала готовность нести чрезвычайныя жертвы для возстановленія порядка, безопасности и національной независимости. Первая волна этого движенія, которая нашла себѣ организатора и вождя въ лицѣ М. В. Скопина-Шуйскаго, закончилась освобожденіемъ Москвы и паденіемъ Тушина. Трудно судить, насколько обоснованной была мечта Прокопія Ляпунова разрѣшить смуту и прекратить „безгосударное“ время возведеніемъ Скопина на престолъ. Весьма вѣроятно, что общественныя силы, ставшія противъ смуты, не были въ данный моментъ достаточно организованы и зрѣлы для разрѣшенія правительственнаго кризиса. Какъ бы то ни было, скорая гибель Скопина развѣяла результаты перваго усилія. Разруха пошла дальше и глубже, осложненная польской войной, а затѣмъ разрывомъ со шведами. Полное безсиліе правительства Шуйскаго дало его противникамъ возможность свести его съ престола; но создать на его мѣстѣ иной и болѣе значительный центръ государственной власти они не смогли. Въ эту пору получаетъ успѣхъ въ средѣ боярства и высшихъ слоевъ дворянскаго общества мысль о призваніи на московскій престолъ иностраннаго принца. Мысль не новая. Еще передъ перспективой конца старой династіи нѣкоторые русскіе люди остановились на проектѣ замѣнить ее призваніемъ эрцгерцога Максимиліана, польскаго или шведскаго королевича. Тушинское боярство, кругъ Филарета, выдвинуло теперь кандидатуру польскаго королевича Владислава, надѣясь связать его условіями, которыя обезпечили бы національный характеръ его правленія. И вершители судебъ Москвы, ея правящій кругъ, послѣ низложенія Шуйскаго приняли эту кандидатуру, предпочитая ее опасности побѣды вора, снова вошедшаго въ силу. Ни одна изъ партій боярскихъ не имѣла въ данный моментъ силы провести избраніе своего кандидата, будь то кн. В. В. Голицынъ или юноша Михаилъ Романовъ. А, между тѣмъ, возстановленіе царской власти не только сознавалось, какъ государственная необходимость, но для боярства и высшихъ круговъ служилаго люда было неизбѣжнымъ условіемъ сохраненія и укрѣпленія ихъ общественнаго положенія. Переживая бурное колебаніе почвы, на которой оно покоилось, бояре и служи-

лые люди въ царѣ, призванномъ со стороны, искали государя, который правилъ бы съ ними и черезъ нихъ, не понижалъ бы безъ вины великихъ чиновъ людей, а меньшихъ повышалъ по заслугамъ, обезпечилъ ихъ права на доходы, помѣстья и вотчины, ихъ власть надъ холопами и крестьянами. Различіе интересовъ боярства и второстепенныхъ слоевъ служилыхъ сказывалось въ стремленіи перваго — обезпечить, при призванномъ государѣ, традиціонный укладъ государственнаго быта и закрѣпить за собой участіе въ управленіи, а вторыхъ—пробить себѣ дорогу къ возвышенію, но и тѣ, и другіе, отчаявшись въ надеждѣ овладѣть смутой, искали опоры въ престолѣ, воздвигнутомъ ихъ руками на развалинахъ стараго государственнаго порядка. Иные изъ этой среды, наткнувшись на собственные планы Сигизмунда подчинить себѣ Москву, пошли и на это, на службу королю, или „королю и королевичу“, признавая неизбѣжность регентства Сигизмунда при воцареніи юноши-сына. Другіе даже тогда, когда польская кандидатура явно рухнула, держались ея и, порвавъ съ родиной, ушли за польскій рубежъ. Но большинство желало пріобрѣсти во Владиславѣ русскаго царя, православнаго и служащаго русскому національному дѣлу. Москва ему и присягнула, но договоръ не былъ ни признанъ, ни выполненъ королемъ Сигизмундомъ; онъ велъ дѣло къ фактическому захвату власти надъ Московскимъ государствомъ въ свои руки съ надеждой завершить его формальнымъ подчиненіемъ, а пока обезпечивалъ себѣ реальныя выгоды захватомъ для Речи Посполитой цѣнныхъ областей — Смоленской и Сѣверской. Для Москвы политическимъ результатомъ всей польской авантюры были занятіе Кремля польскимъ гарнизономъ и распадъ временнаго боярскаго правительства, возникшаго по низложеніи Шуйскаго. Тщетно пыталось оно найти опору во всей землѣ, требуя присылки въ Москву представителей „изо всѣхъ чиновъ по человѣку“. Положеніе страны убило возможность составленія земскаго собора новаго типа, изъ выборныхъ представителей мѣстныхъ общественныхъ группъ. Для земскаго избранія Владислава пришлось удовлетвориться собраніемъ Освященнаго собора и Боярской думы, московскихъ служилыхъ и торговыхъ людей, а об-

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій.
(Изъ „Древн. Рос. Гос.“ Солнцева).

ласти представлены были только 40 лицами „изъ городовъ выбора“, находившихся на очередной службѣ въ столицѣ. Подчиненіе Москвы полякамъ разбило и это временное правительство, оттѣсненное агентами Сигизмунда. Распалось и „великое посольство“, отправленное къ королю подъ Смоленскъ: оно было составлено изъ представителей всѣхъ чиновъ, являясь, по организаціи своей, сколкомъ съ московскаго собора, но король часть его членовъ переманилъ на служеніе своей политикѣ, другихъ отпустилъ изъ-подъ Смоленска и тѣмъ уничтожилъ его земское значеніе; ссылка въ Польшу главныхъ пословъ, митр. Филарета и кн. В. В. Голицына, довершила разгромъ.

Такъ, во вторую половину 1610 г., московскій правительственный кризисъ достигъ крайней степени развитія. Не стало вовсе признанной государственной власти. Общій авторитетъ при безгосударьи могъ быть признанъ, по московскимъ воззрѣніямъ, только за патріархомъ, какъ „начальнымъ человѣкомъ“ всея Русп. Но патріархъ Гермогенъ былъ въ рукахъ у поляковъ и русскихъ предателей. Онъ могъ дѣйствовать только словомъ и увѣщаніемъ, не имѣя возможности стать во главѣ какого-либо общественнаго движенія, какой-либо организаціонной попытки. Но тѣмъ сильнѣе было моральное его вліяніе, какъ выразителя національно-религіознаго настроенія русскаго общества, пробужденнаго опасностью иноземнаго и иновѣрнаго владычества. Патріархъ вступилъ въ борьбу съ королевскимъ засиліемъ и, когда въ началѣ декабря 1610 г. неожиданная гибель Калужскаго вора нѣсколько развязала руки русскимъ людямъ, сталъ разсылать граматы съ призывомъ къ вооруженной борьбѣ съ „литовскими и польскими людьми“. Первыми откликнулись тѣ группы, которыя, съ одной стороны, были лучше подготовлены къ боевому выступленію, а съ другой—ближе стояли къ московскому центру и переживаемымъ событіямъ. Поднялись служилые люди въ разныхъ городахъ и сплотились вокругъ Прокопія Ляпунова на освобожденіе Москвы; къ нимъ примкнули остатки тушинскихъ отрядовъ подъ предводительствомъ „тушинскаго боярина“ кн. Дм. Трубецкого и казаки съ Заруцкимъ. Планомѣрность дѣйствій, организація борьбы и необходимыхъ для нея средствъ требовали установленія порядка управленія „всѣми ратными людьми и всей землей“. Бояре и воеводы, дѣти боярскія и всякіе служилые люди Ляпуновскаго ополченія выступаютъ въ роли „совѣта всей земли“, поддерживая связь съ областными — городскими мірами пересылкой граматъ и черезъ довѣренныхъ людей. Какъ представитель „всей земли“, ополченіе избрало трехъ своихъ вождей „для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство“, но сохранило право ихъ смѣстить, если „чинити не учнутъ во всемъ правду“, избрало второстепенныхъ воеводъ и установило приказы, „какъ было прежъ сего на Москвѣ“, опредѣлило рядъ мѣръ по упорядоченію служилаго землевладѣнія и сбора доходовъ, исполненія службы и возстановленія общаго порядка въ дѣлахъ, поручивъ „строить землю и всякимъ земскимъ и рат-

нымъ дѣломъ промышляти“ избраннымъ на то боярамъ, по своему приговору и подъ своимъ контролемъ. Эта новая попытка создать временное правительство, которое бы руководило дѣломъ освобожденія страны отъ внѣшнихъ враговъ и внутренней смуты, оказалась недолговѣчной: ополченіе распалось, загубленное рознью враждебныхъ другъ другу соціальныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно состояло. Ляпуновъ, вождь служилыхъ землевладѣльцевъ, былъ убитъ казацкимъ кругомъ, дворяне и дѣти боярскія разъѣхались изъ-подъ Москвы, отдѣляясь отъ казаковъ и тушинскихъ ватагъ. Но земское движеніе, которое выдвинуло Ляпунова, этимъ не было остановлено. Дворяне и дѣти боярскія, покинувъ подмосковный лагерь, „учали совѣщатися со всѣми городы, чтобъ всѣмъ православнымъ христіанамъ быти въ совѣтѣ и соединеньи, и выбрати государя всею землею“. Такъ говоритъ ярославская грамата кн. Д. М. Пожарскаго. Но не служилый элементъ былъ главнымъ носителемъ все разраставшагося движенія, а тѣ городскіе и уѣздные міры, которые разъ уже освободили Москву, сплотившись вокругъ Скопина - Шуйскаго. Положеніе дѣлъ было крайне тяжелымъ, настроеніе тревожнымъ и растеряннымъ. Изъ Москвы шли отъ бояръ, кн. Мстиславскаго съ товарищами, призывы къ вѣрности Сигизмунду, отъ казаковъ Трубецкого, овладѣвшихъ устроеннымъ подъ Москвою правленіемъ, призывы о помощи противъ врага.

Архимандритъ Діонисій.
(Изъ „Древн. Рос. Гос.“ Солнцева).

Но земскіе люди прониклись мыслью, что спасеніе только въ рѣшительномъ отпорѣ какъ польской силѣ, такъ и „русскимъ ворамъ“. Общественное настроеніе нарастало въ тяжелыхъ поискахъ надежнаго центра, который объединилъ бы разрозненныя національныя силы. Его напряженіе ярко выражалось въ появленіи ряда сказаній о видѣніяхъ свыше, призывавшихъ русскихъ людей къ покаянію и нравственному отрезвленію, и въ томъ большомъ впечатлѣніи, какое такія сказанія производили. Мистически настроенные люди только отъ чуда ожидали спасенія, проповѣдывали постъ и покаяніе, чтобы заслужить милосердіе Божіе; отъ чудеснаго знаменія ждали они разрѣшенія и правительственнаго кризиса, ибо слышалось имъ въ видѣніи:

„аще ли поставятъ царя по своей воли, навѣки не будетъ царь“. Однако, волненія общественнаго чувства не остались безплодными, такъ какъ сочетались съ подъемомъ сознанія политической отвѣтственности и гражданской солидарности. Городскіе міры, организуя свои силы, вступаютъ въ дѣятельную переписку между собой, призывая другъ друга „всѣмъ быть въ любви и соединеньи и прежняго междуусобства не счинати“ и помнить, что за „конечное разоренье“ государства придется отвѣтъ дать въ страшный день суда Христова. Готовность нести чрезвычайныя жертвы для прекращенія смуты и освобожденія родины, для защиты общественнаго порядка, вѣры и независимости была реальнымъ результатомъ этихъ переживаній. Искомый центръ объединенія нашелся естественно въ томъ городѣ, который ближе стоялъ къ Москвѣ, съ нею постоянно поддерживалъ сношенія и первый получалъ призывныя грамоты патріарха. Нижегородское духовенство и посадская изба Нижняго, съ Мининымъ во главѣ, не только повторили патріаршій призывъ, но создали въ героическомъ порывѣ форму организаціи возбужденной національной силы. Нижегородское ополченіе выросло въ ополченіе всей земли, и его вожди немедленно поставили себѣ задачу — создать на время, до избранія царя, авторитетное дѣеспособное правительство. Кн. Пожарскій отъ имени всего ополченія приглашаетъ городскія общины „совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ“ и прислать въ Ярославль „по всемірному своему совѣту“ по два человѣка изо всякаго чину людей, а съ ними „совѣтъ свой отписати, за своими руками“. Такъ образовался въ Ярославлѣ, при ополченіи, земскій соборъ, который можно признать первымъ русскимъ „народнымъ представительствомъ“, по смыслу и характеру созыва уполномоченныхъ мѣстными обществами „для земскаго совѣту“. Въ этой формѣ возникла власть, достаточно авторитетная для организаціи народныхъ силъ на освобожденіе Москвы и возстановленіе государственнаго порядка. Для власти этой бояре, продолжавшіе служить Владиславу, и казаки, осаждавшіе ихъ вмѣстѣ съ поляками въ Кремлѣ, были такіе же враги, какъ „литовскіе люди“. Ополченіе и ярославскій соборъ первоначально предполагали избрать царя безъ замедленія, чтобы съ нимъ идти на Москву. Но польская опасность заставила спѣшить походомъ. Очищая попутно землю отъ казачьихъ шаекъ, кн. Пожарскій достигъ того, что подмосковные казачьи таборы распались. Заруцкій съ частью казаковъ ушелъ на югъ, а большая часть подмосковной силы примкнула къ земскому ополченію. Ея вождь кн. Д. Т. Трубецкой занялъ, по чину и роду, первое мѣсто среди вождей ополченія, но на дѣлѣ это соединеніе было капитуляціей казачества передъ поднявшейся земщиной. Взятіе Кремля не только покончило съ польскимъ владычествомъ въ Москвѣ, но и отдало въ руки ополченія сидѣвшихъ тамъ бояръ, кн. Мстиславскаго съ товарищами. На московской почвѣ у ополченія земскаго не

Верещагинъ. Защита Троицко-Сергіевой лавры.

Во время междуцарствія Россіи угрожали враги внутренніе и внѣшніе. Но такое бѣдственное положеніе страны послужило къ поднятію народнаго духа. Увѣщаніи мужественнаго Гермогена и троицкія грамоты Діонисія и Авраамія Палицына нашли откликъ.

Собравшееся подъ знамена князя Пожарскаго, по призыву Козьмы Минина народное ополченіе спасло Русь отъ враговъ, а избраніе царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова положило конецъ смутѣ на Руси.

Предъ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова.

1611—1613 г.

Рисунокъ Верещагина.

стало политическихъ соперниковъ, и его вожди стали господами положенія. Однако, въ первый же мѣсяцъ оно замѣтно измѣнилось. Какъ и ранѣе, при Скопинѣ-Шуйскомъ, ополченіе, совершивъ свое дѣло, разъѣхалось, въ большей своей части, по домамъ, „а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полпяты тысячи человѣкъ, да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики чернь“. Казаки и остатки тушинскихъ отрядовъ снова вошли въ силу и потянулись къ политическому вліянію; съ ними пришлось считаться въ дѣлѣ избранія царя. Кн. Пожарскій и бывшіе съ нимъ бояре считали, повидимому, возможной и желательной кандидатуру иностраннаго принца; еще въ Ярославль имъ писали изъ Новгорода митр. Исидоръ и кн. П. Н. Одоевскій объ избраніи шведскаго королевича Карла-Филиппа, котораго новгородцы вынуждены были признать царемъ, и кн. Пожарскій передалъ вопросъ на обсужденіе земскихъ міровъ. Но объ иноземцѣ не хотѣли думать ни широкіе земскіе слои, ни казаки. Пришлось замолкнуть и сторонникамъ Владислава. Боярство было слишкомъ разбито и раздроблено, чтобы сохранить вліяніе въ этотъ важный моментъ. Кн. Мстиславскій и др. союзники польской политики разсматривались, какъ измѣнники, и были удалены изъ Москвы „по городамъ“. Съ другой стороны, среди казаковъ жило еще теченіе въ пользу „Воровскаго Калужскаго“, т.-е. сына Марины Мнишекъ отъ второго самозванца. Но противъ опасности новой самозванческой авантюры рѣшительно поднялись бы земскія силы. Вожди ополченія искали опоры въ этихъ сплахъ и поспѣшили созвать новый, болѣе людный земскій соборъ, вызывая изъ городовъ выборныхъ „по десяти человѣкъ“ съ „совѣтомъ и договоромъ крѣпкимъ“ о царскомъ избраніи. Соборъ сошелся съ казаками въ твердомъ намѣреніи избрать царя изъ русскихъ бояръ, и, повидимому, казаки первые подняли рѣчь о „Филаретовомъ сынѣ“, Мих. Ѳед. Романовѣ. Едва ли они допустили бы избраніе дру-

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.
(Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

гого лица. Враждебные боярству, они, однако, были подъ вліяніемъ тушинскихъ связей митр. Филарета и всего Романовскаго круга. И въ земщинѣ эта кандидатура должна была встрѣтить сочувственный откликъ. Свойство съ угасшей царской семьей, популярность дѣда и отца, незапятнанность молодого имени—говорили въ пользу Михаила. Къ его имени, какъ возможнаго избранника, уже привыкли, такъ какъ о немъ шли толки по низложеніи Шуйскаго, и за него былъ авторитетъ погибшаго за вѣру Гермогена. Кандидатура была пріемлема и въ то же время устраняла опасность новаго разлада. И соборъ 7 февраля 1613 г., „яко едиными усты“, нарекъ Михаила царемъ. Чтобы дѣйствительно разрѣшить долгій правительственный кризисъ, это избраніе не должно было быть партійнымъ. На немъ сошлись земщина и казаки. Затѣмъ призвали въ Москву высланныхъ бояръ, кн. Мстиславскаго съ товарищами, „для общаго земскаго совѣту“ и участія въ провозглашеніи Михаила, а „во всѣ городы Россійскаго царствія“ отправили вѣрныхъ людей провѣдывать „во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государское обиранье“. И только убѣдившись, что избраніе будетъ „единомышленнымъ и нерозвратнымъ“, торжественно провозгласили новаго царя—21 февраля.

Инокиня Марѳа (Домъ бояръ Романовыхъ).

Великая московская трагедія, какъ называли поляки нашу Смуту, дошла до послѣдняго своего дѣйства. Земскій соборъ стремился ликвидировать внутреннюю рознь, объединяя подъ знаменемъ возстановленія и освобожденія Московскаго государства всѣхъ, кто хотѣлъ ему служить, отстраняя старые счеты, старую вражду; онъ сумѣлъ помириться съ тѣми, кто былъ недавно врагомъ земскаго движенія—съ боярами и казаками. Это придало его дѣлу національный, общеземскій характеръ и обезпечило прочность добытыхъ результатовъ. Но возстановляемое силами земщины Московское государство сильно преобразилось въ тяжкихъ испытаніяхъ великой разрухи, и задача „возстановленія“ должна была неизбѣжно перейти въ рядъ творческихъ усилій государственной работы, протекавшей въ условіяхъ усложненныхъ и непривычныхъ. Кризисъ смутнаго времени былъ острымъ моментомъ въ перестройкѣ русскихъ общественныхъ отношеній, начавшейся въ XVI в. и далеко не законченной. Смута завершила крушеніе княжеской аристократіи

и расчистила путь къ вліянію новымъ людямъ, возвышавшимся служебной выслугой и придворнымъ фаворомъ. Эти новые общественные верхи не выдѣлялись, какъ прежніе, изъ общей массы дворянства въ особый сословный слой и стали проводниками вліянія на верховную власть служилыхъ землевладѣльцевъ-дворянъ съ ихъ нуждами и интересами. Съ другой стороны, лишенные самостоятельнаго общественнаго значенія вельможные верхи оказались въ рукахъ власти гибкимъ бюрократическимъ матеріаломъ, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше отдѣлялся отъ сословныхъ интересовъ своего класса, перерабатываясь въ чиновничество, связанное больше со службой, чѣмъ съ интересами общественной среды. Паденіе политической силы землевладѣльческой аристократіи не встрѣчало, по условіямъ экономическаго быта, построеннаго на мелкомъ хозяйствѣ, противовѣса въ экономическомъ значеніи крупнаго землевладѣнія. На первый планъ выступаетъ средній слой служилаго люда — дворянство; созданное московской жизнью въ процессѣ государственнаго строительства XVI в., оно въ годину смуты поднялось на защиту распадавшагося государства, какъ только устранена была враждебная ему сила боярской аристократіи. Въ духѣ политики государей XVI в. оно и въ смуту и послѣ нея послѣдовательно стремится къ укрѣпленію своего землевладѣнія и господства надъ крестьянскимъ трудомъ, встрѣчая поддержку въ верховной власти, какъ главная ея опора. Смута положила историческую грань между боярской Русью и дворянской Россіей. Въ тяглой средѣ ея верхи, предки „средняго чину“ людей XVIII ст., организованные въ городскихъ и уѣздныхъ мірахъ, встали на защиту государственнаго порядка, обезпечивавшаго ихъ бытъ, раньше и энергичнѣе, чѣмъ служилые люди, какъ только гроза анархіи и разоренія пробудила ихъ политическое сознаніе. Общественные низы — крестьянство владѣльческихъ земель и холопы — составили главный контингентъ „воровскихъ“ отрядовъ и казачьихъ ватагъ, доведшихъ смуту до крайнихъ предѣловъ. И побѣда надъ нею государственнаго порядка была пораженіемъ для этихъ разрядовъ населенія, которые въ дальнѣйшіе два вѣка отвѣчали на давившую ихъ тяготу побѣгами и бунтами, то мѣстными, то широко разносившими потрясеніе, какъ въ эпоху Разиновщины и Пугачевщины.

Такъ смута завершилась побѣдой среднихъ соціальныхъ слоевъ надъ общественными верхомъ и низомъ. Они создали и поддержали новую государственную власть, защитницу своихъ интересовъ и представительницу національной независимости. Именно эти общественные элементы оказались въ смутное время наиболѣе сильными носителями національнаго чувства, тѣсно сплетеннаго для московскихъ людей съ ихъ церковно-религіозной обособленностью. Подъемъ этого чувства былъ обусловленъ глубокимъ національно-политическимъ униженіемъ, какое довелось пережить Московскому государству. Ослабеніе его, по мѣрѣ развитія смуты, вскрыло всѣ

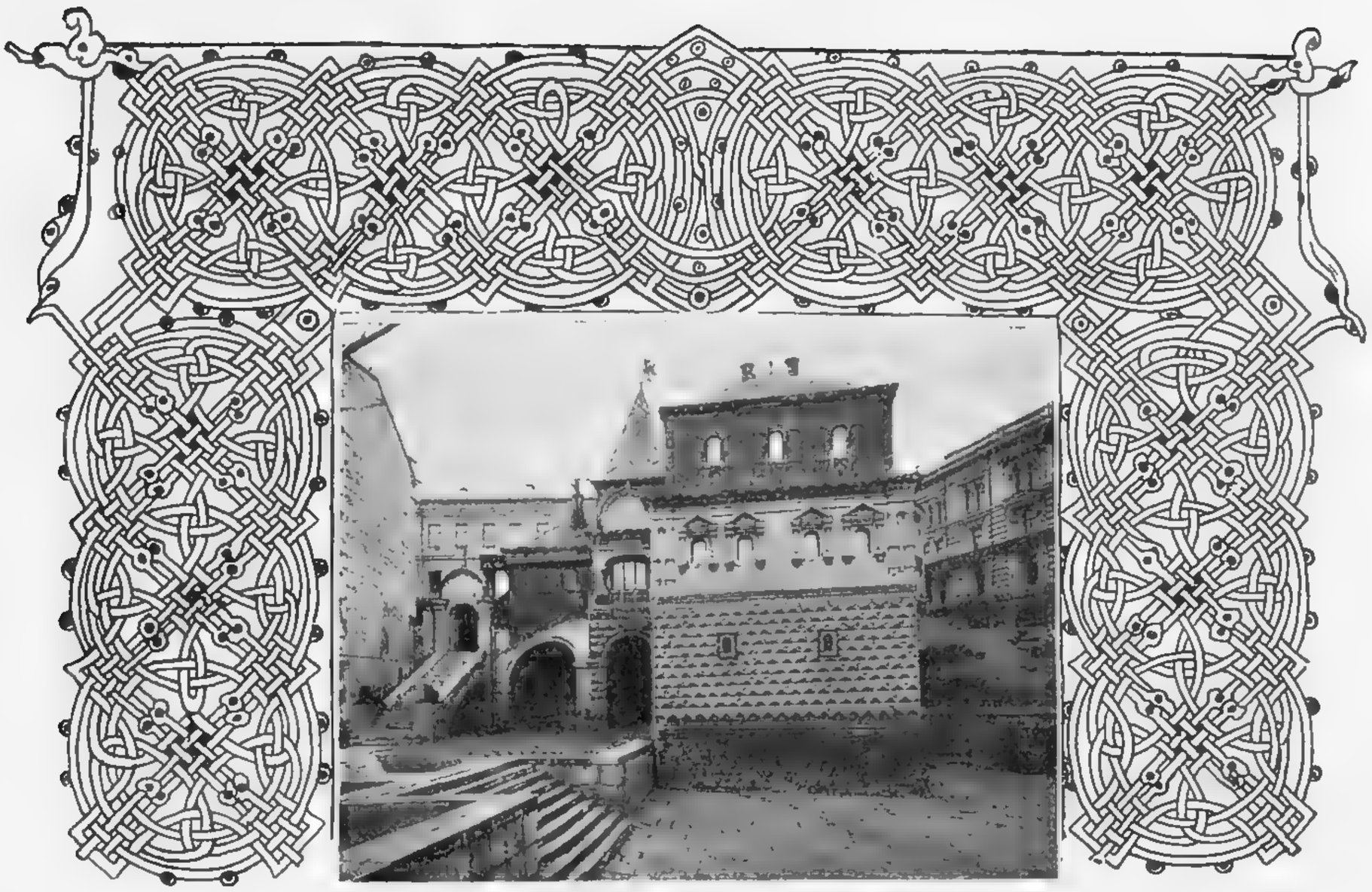
Свадьба Димитрія Самозванца. По старой польской гравюрѣ (изъ „Русской исторіи „Міра“).

язвы его международнаго положенія. Если на востокѣ волненія инородцевъ въ недавно покоренныхъ областяхъ только усиливали внутреннюю смуту, то на западной украйнѣ опасность грозила всѣмъ пріобрѣтеніямъ XVI в. Въ политикѣ короля Сигизмунда утопическіе планы объединенія всей Руси съ великимъ княжествомъ Литовскимъ и Польшей подъ одной властью сочетались съ стремленіемъ отрѣзать у сосѣда на свою сторону Смоленскую область и Сѣверщину. Союзъ со шведами кончился разрывомъ съ ними и подчиненіемъ Великаго Новгорода шведской власти. Полный упадокъ московской силы давалъ возможность раздѣла московскихъ владѣній. Освободивъ столицу отъ врага, московская земщина рѣшительно отклонила предложенія о призваніи царя отъ національныхъ враговъ — поляковъ или шведовъ, возстановила національную власть съ готовностью, доказанной позднѣе, нести большія жертвы на дѣло возстановленія государственной территоріи.

Такъ событія смутнаго времени привели къ крупнымъ потерямъ, предвѣщавшимъ тяжелую, но неизбѣжную борьбу. А разореніе, которому страна подверглась въ годы разрухи, надрывъ ея силъ и ихъ дезорганизація дѣлали задачу новаго правительства чрезвычайно трудной. Избраніемъ царя эта разруха завершалась лишь формально. Предстояла огромная работа, чтобы заново отстроить разбитое государственное зданіе. Земщина, выступившая съ такой яркой самодѣятельностью въ наиболѣе критическій моментъ, спасла государство, но дальнѣйшее строительство передала въ руки царской власти, которой предстояло заново организовать правительственную работу. И работа эта явилась продолженіемъ дѣла государей XVI в. Не даромъ престолъ заняла династія, всѣмъ прошлымъ своимъ тѣсно связанная съ дворцомъ московскихъ государей и съ ихъ политическими стремленіями. Служилые и тяглые люди Московскаго государства „избрали словомъ и учинили дѣломъ“ на царскій престолъ единственнаго возможнаго кандидата той среды, которая издавна причастна была къ московскому государственному строительству [1]).

---

1) См. С. Ѳ. Платоновъ, «Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ» (3-е изд. Сбп., 1910) и «Московское правительство при первыхъ Романовыхъ» («Журн. Мин. Народ. Просв.», 1906 и отд.).



Домъ бояръ Романовыхъ (въ Москвѣ).

II. Новая Династія.

Въ борьбѣ за власть и престолъ, разыгравшейся въ боярской средѣ по прекращеніи линіи „прирожденныхъ“ государей московскихъ, какъ и раньше и позднѣе, въ группировкѣ боярскихъ партій отчетливо выступаетъ различіе двухъ типовъ боярства: княжатъ — потомковъ удѣльнаго княжья восточной и западной Руси, Рюриковичей или Гедиминовичей, и бояръ нетитулованныхъ, сильныхъ близостью къ царскому дворцу, придворной знати. Въ центрѣ послѣдней при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и сынѣ его Ѳедорѣ и позднѣе, въ смутные годы, стояла семья царскаго шурина, Никиты Романовича, вліятельная близкими связями родства, свойства и дружбы съ цѣлой группой иныхъ боярскихъ фамилій. Предковъ этой семьи знаемъ съ XIV в. въ ближайшемъ окруженіи великихъ князей московскихъ. Но происхожденіе ея мудрено прослѣдить по нашимъ источникамъ. Извѣстное преданіе, что первый изъ этого рода, кого мы знаемъ по имени, Андрей Кобыла, былъ выходцемъ на московскую службу, „изъ Пруссъ“ владѣтелемъ,

далеко отъ достовѣрности. Позднѣе, одинъ изъ потомковъ Андрея Кобылы, Ст. Ал. Колычевъ, составляя въ 1722 г. свою „Исторіографію вкратцѣ“, истолковалъ его прозвище, какъ искаженіе имени мнимаго литовскаго князя Камбилы. Въ XVI в. разсказывали иначе: Курбскій называетъ предкомъ Шереметевыхъ и Колычевыхъ выѣхавшаго „изъ Нѣмецъ“ свѣтлаго и знаменитаго мужа Михаила „съ роду княжатъ решскихъ“, т.-е. имперскихъ. Передъ нами, видимо, одно изъ проявленій моды, столь распространенной въ московскихъ родословіяхъ—производить боярскіе роды отъ выѣзжихъ на русскую службу знатныхъ иностранцевъ; она имѣла смыслъ возвеличенія „прирожденнаго“ благородства фамилій, которыя стремились занять мѣсто наряду съ княжатами владѣтельныхъ родовъ Рюрикова и Гедиминова. Лѣтопись знаетъ Андрея Кобылу среди бояръ в. к. Симеона Ивановича: въ 1347 г. онъ ѣздилъ по невѣсту великаго князя, тверскую княжну Марью Александровну. Вліятельнымъ сотрудникомъ Дмитрія Донского былъ сынъ Андрея, Ѳедоръ Кошка, котораго встрѣчаемъ и на воеводствѣ и въ посольствахъ; онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди бояръ, съ которыми Дмитрій „держалъ землю русскую“; на его дочери женилъ своего сына тверской великій князь Михаилъ Александровичъ, а его смерти князь ордынскій Эдигей приписывалъ перемѣну московской политики относительно татаръ. „Добрая душа къ Ордѣ была отъ Ѳедора отъ Кошки,—писалъ Эдигей в. к. Василію Дмитріевичу,—и то ся минуло; нынѣча же у тебе сынъ его Иванъ, казначей, твой любовникъ (любимецъ) и старѣйшина, и ты изъ того слова и думы не выступаешь и старцевъ земскихъ ни думы, ни слова не слушаешь“. Такъ Иванъ Ѳедоровичъ унаслѣдовалъ вліяніе отца. Онъ сталъ писаться по отцу Кошкинымъ, и это прозвище перешло къ его потомству на два поколѣнія. Его сынъ, Захарій Ивановичъ Кошкинъ, былъ виднымъ воеводой московскимъ и, видимо, стоялъ близко къ дворцовому обиходу. Сыновья его, Яковъ и Юрій, выступаютъ въ войнахъ Ивана III, какъ первые воеводы; Яковъ Захарьичъ былъ новгородскимъ намѣстникомъ, сурово утверждая тамъ московскіе порядки, воевалъ со шведами и Литвой, укрѣпилъ за Москвой Сѣверскую землю; Юрій—побѣдитель при Ведрошѣ. Ихъ называли Захарьиными-Кошкиными, а сыновья ихъ стали, по дѣду, писаться Захарьиными. Такая смѣна семейнаго прозванія естественна у рода, котораго значеніе основано не на самодовлѣющемъ общественномъ вѣсѣ княжескаго происхожденія и удѣльныхъ традицій, а на давней службѣ московскимъ государямъ, участіи въ ихъ ближней думѣ и близости къ великокняжескому дворцу. Сомнительной цѣнности преданіе объ иноземномъ происхожденіи Андрея Кобылы не исключаетъ возможности предположенія, что передъ нами старинная семья княжихъ бояръ-дружинниковъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, традиціонный характеръ отношеній ряда поколѣній этой семьи къ великимъ князьямъ московскимъ. При Василіи III видимъ старшаго изъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, Михаила

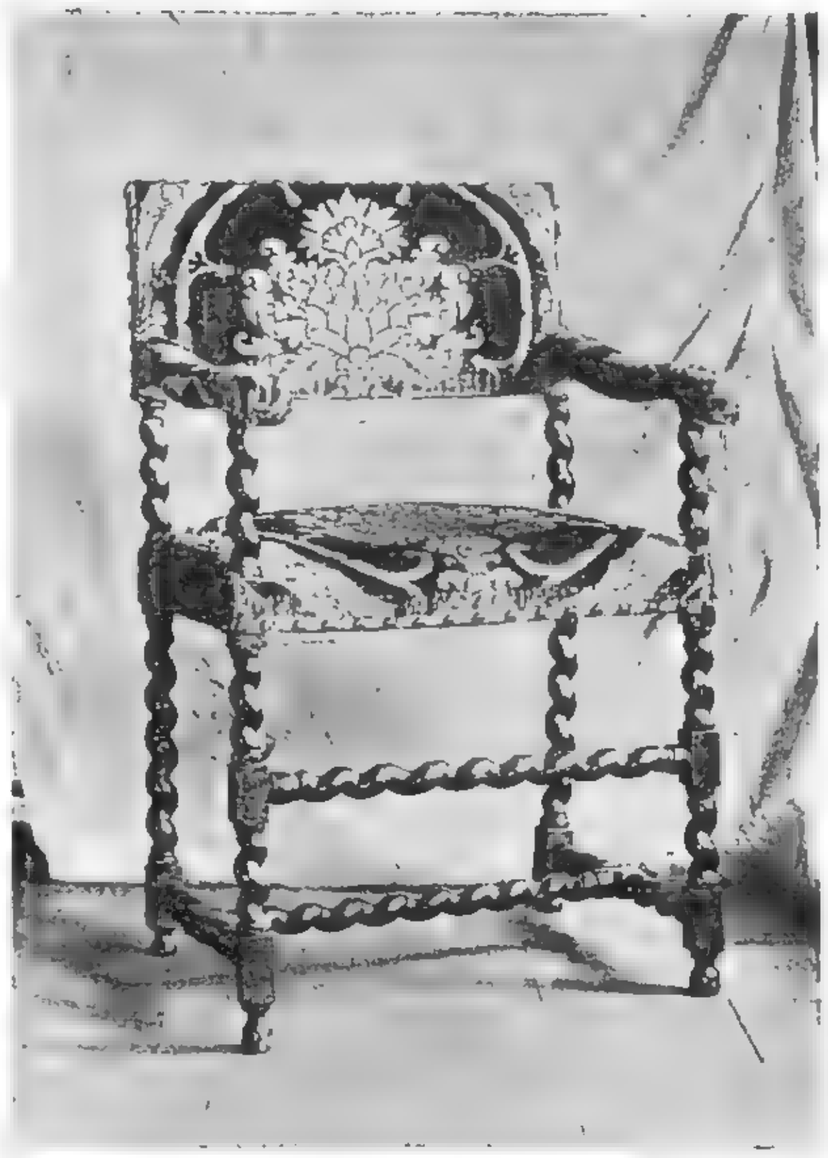
Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Оружейная Палата.

Цвят Малина Ѳеодоровна.

Оцукенная Цаяма

Юрьевича, среди бояръ, которыхъ великій князь передъ кончиной призвалъ къ себѣ для наказа, „како безъ него царству строитися“. Но въ борьбѣ боярскихъ партій по смерти Василія III Захарьины роли не играли. Ихъ звѣзда взошла высоко съ того момента, когда юный царь Иванъ Васильевичъ „смыслилъ женитися и выбралъ себѣ невѣсту, дщерь окольничего своего Романа Юрьевича—Анастасію“. Романъ Захарьинъ, вѣроятно, умеръ въ молодыхъ годахъ, такъ какъ не успѣлъ достигнуть боярскаго званія. Эта женитьба царская—3 февраля 1547 г.—выдвигала семью Захарьиныхъ внѣ мѣстническихъ счетовъ, возвышала нетитулованный родъ въ первые ряды боярства. Среди княжатъ она вызвала тревогу и недовольство. Съ другой стороны, Захарьины не примкнули къ правительственному кругу „избранной рады“, который образовался около царскаго духовника прот. Сильвестра и А. Ѳ. Адашева. Вліятельныя лица московскаго дворца почуяли въ нихъ опасныхъ соперниковъ, за которыми можетъ оказаться будущее. Эта вражда къ Захарьинымъ вскрылась въ той смутѣ, какую царскій дворецъ пережилъ въ 1553 г. Царь Иванъ такъ тяжко заболѣлъ, „яко многимъ чаяти, концу приближися“. Больной распорядился составленіемъ духовной и повелѣлъ привести бояръ къ крестному цѣлованію на имя царевича Дмитрія, родившагося во время возвращенія царя изъ казанскаго похода. Бояре ближніе, въ томъ числѣ Захарьины, присягнули безпрекословно, но когда царь созвалъ „бояръ своихъ всѣхъ“, раздались возраженія: „сынъ твой еще въ пеленицахъ, а владѣти нами Захарьинымъ, Данилу съ братьею“. Бояре совѣщались между собой и съ двоюроднымъ братомъ царя Ивана, кн. Владимиромъ Андреевичемъ: „только намъ служити царевичу Дмитрею, ино нами владѣти Захарьинымъ, ино лучше служити князю Владимиру Андреевичу“. Такъ толковали они и передъ больнымъ царемъ, уступивъ только его рѣзкому настоянію. Царь выздоровѣлъ, но пережитое оставило въ немъ тяжелые слѣды. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и въ дѣлѣ о попыткѣ князя Семена Лобанова-Ростовскаго съ сыномъ бѣжать въ Литву картина боярскаго настроенія раскрылась еще полнѣе. Изъ показаній князя Семена выяснилось, что ропотъ въ боярской средѣ возникъ еще по поводу женитьбы царской. Бояре-княжата жаловались,

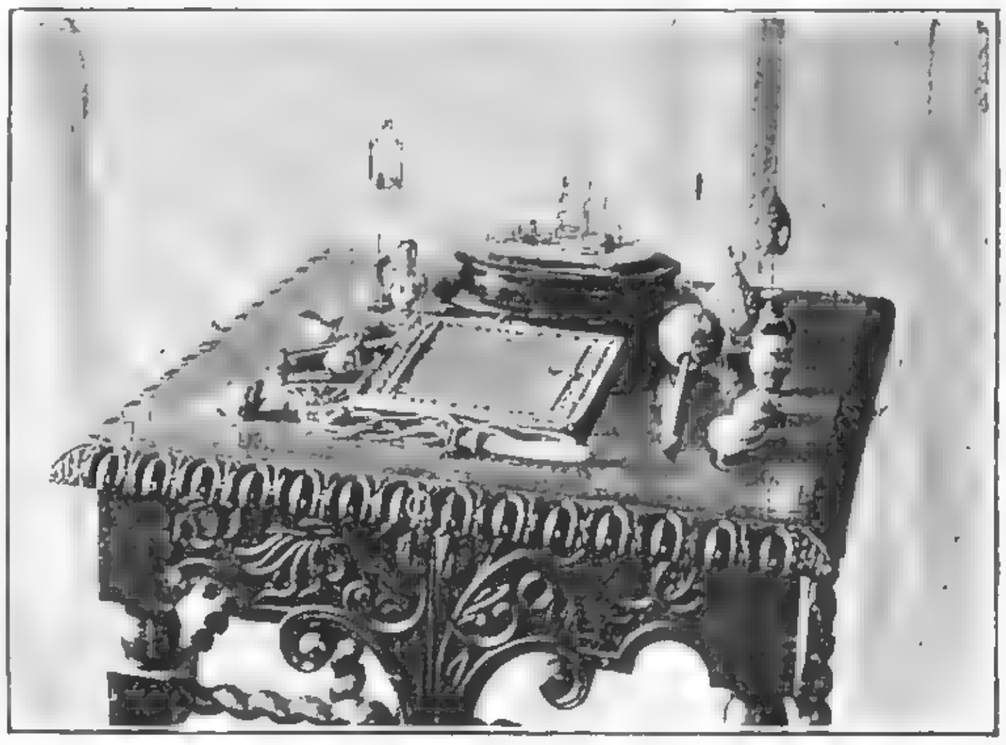


Кресло патріарха Филарета (Домъ бояръ Романовыхъ).

что царь тѣснитъ великіе роды, а приближаетъ къ себѣ „молодыхъ“ людей; „да и тѣмъ,—говорилъ кн. Ростовскій,—насъ истѣснилъ, что женился—у боярина у своего дочерь взялъ, робу свою, и намъ какъ служити своей сестрѣ?“ „И отъ того времени,—говоритъ запись современника въ лѣтописи,—бысть вражда промежъ государя и людей, а въ боярахъ смута и мятежъ, а царству почала быти во всемъ скудость“; оглядываясь назадъ, московскіе люди связывали съ дворцовой смутой 1553 г. тяжелые дни „эпохи казней“. Смыслъ этой розни, несомнѣнно, выходилъ за предѣлы простой дворцовой интриги, и бояре едва ли связывали съ именемъ Захарьиныхъ только представленіе о нежелательномъ регентствѣ, въ случаѣ малолѣтства преемника царя Ивана: въ ихъ вліяніи противники видѣли причину постепеннаго и все нараставшаго расхожденія Грознаго съ „избранной радой“ по ряду вопросовъ внѣшней и внутренней политики. Первымъ „непослушаніемъ синклитскаго совѣта“ было рѣшеніе царя вернуться, согласно мнѣнію шурьевъ своихъ, Данила и Никиты Романовичей Юрьевыхъ, по взятіи Казани въ Москву, тогда какъ другіе совѣтники настаивали на продолженіи завоеванія Поволжья. Еще острѣе стали разногласія послѣ взятія Астрахани. „Избранная рада“ настаивала на большомъ крымскомъ походѣ, всѣми силами московскими, съ царемъ во главѣ. Но тѣ же близкіе Ивану люди стали противъ такого плана, и снова ихъ совѣты получили перевѣсъ. Въ борьбѣ съ татарскимъ міромъ надъ неисполнимой мечтой покончить однимъ ударомъ взяла верхъ иная система: организація укрѣпленной границы, сторожевыхъ линій и засѣкъ, постепенно подвигаемой все дальше и дальше въ глубь незамиреннаго края, по мѣрѣ развитія русской колонизаціи въ бассейнахъ Волги и Дона.

И въ этой сложной систематической работѣ надъ расширеніемъ и обороной государственной территоріи руководящую роль игралъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ. Менѣе ясно его отношеніе къ внутренней политикѣ Грознаго за вторую половину царствованія. Въ кровавыя времена опричнины Никита Романовичъ не вошелъ въ составъ опричнаго двора, остался боярином земскимъ, не запятналъ себя въ разгулѣ преступной жестокости и безудержнаго произвола. Народная память въ историческихъ пѣсняхъ о Грозномъ царѣ выдѣлила изъ всего боярства именно Никиту Захарьина, какъ защитника страдавшихъ отъ царской опалы и противника Малюты Скуратова. Однако онъ сохранилъ расположеніе Грознаго и вліяніе на дѣла до конца дней и правленія царя Ивана. Бояринъ Никита стоялъ въ центрѣ той группы правительственныхъ дѣльцовъ, съ которыми царь осуществлялъ свою программу уничтоженія политическаго значенія крупнаго землевладѣнія и традиціонныхъ привилегій бояръ-княжатъ, объединенія всѣхъ служилыхъ силъ и платежныхъ средствъ страны въ распоряженіи центральной власти, единой и самодержавной. И когда по смерти царя Ивана власть перешла къ Ѳедору, неспособному править государствомъ, И. Р. Юрьевъ-Захарьинъ

и по родству и по положенію оказался главою фактическаго регентства. Но уже къ осени того же 1584 г. болѣзнь его сломила, а въ апрѣлѣ слѣдующаго—онъ умеръ. Правительственная среда, объединенная его безспорнымъ первенствомъ, раскололась на враждебные кружки. Шуйскіе, связанные съ Никитой Романовичемъ свойствомъ, при немъ, видимо, держались на второмъ планѣ; теперь они потянули къ своей братьѣ, княжатамъ, ища опоры противъ возвышенія Годунова. Къ Годунову, правой рукѣ Никиты Захарьина и царскому шурину, перешло правительственное первенство. По преданію, ему Захарьинъ завѣщалъ „соблюденіе“ своихъ дѣтей, пяти братьевъ Никитичей Романовыхъ, связавъ ихъ клятвеннымъ союзомъ дружбы. Никитичи были еще молоды, ни одинъ изъ нихъ не носилъ боярскаго сана; этимъ устранялось ихъ соперничество съ Годуновымъ, и проявленій розни между ними не видимъ за все царствованіе Ѳедора. Но постепенно Никитичи Романовы вошли въ силу. Старшій, Ѳедоръ, отличался среди нихъ даровитостью и энергіей. Смолоду онъ пріобщился къ популярности отца. Молодого боярина—щеголя, привѣтливаго и радушнаго, въ Москвѣ хорошо знали. Но не такой извѣстности нужно было Ѳедору. Большое честолюбіе, политическій темпераментъ и неукротимая энергія влекли его къ видной государственной роли. Съ 1587 г. Ѳедоръ Никитичъ сталъ бояриномъ, старшимъ въ своей большой семьѣ, къ которой тянуло, по родству и свойству, не мало другихъ боярскихъ фамилій. Родство съ царскимъ домомъ, богатство и широкія связи, семейная традиція вліянія и власти,— все сулило боярину быстрое возвышеніе. Немудрено, что по мѣрѣ укрѣпленія позиціи правителя Годунова парастало чувство недовольства и недовѣрія, колебавшее прежній „союзъ дружбы“ и разразившееся по смерти царя Ѳедора прямой борьбой за престолъ угасшей династіи. По Москвѣ ходили слухи, что царь Ѳедоръ завѣщалъ престолъ двоюродному брату своему Романову, что Годуновъ связанъ клятвой, данной отцу Никитичей, быть ихъ „царствію помогателемъ“. На избирательномъ соборѣ 1598 г. у Ѳедора была своя партія, какъ и во дворцѣ. Но соперникъ сталъ царемъ по „единодушному“ избранію собора. Ѳедоръ Никитичъ не смирился. Разрывъ съ Годуновымъ былъ полный. Разсказывали о рѣзкихъ сценахъ между ними, при чемъ Романовъ будто даже съ ножомъ на Бориса кидался. Его сторонники не сдерживались



Дѣтскія игрушки М. Ѳ. Романова (Домъ бояръ Романовыхъ).

въ пріемахъ агитаціи; изъ ихъ среды поднялись обвиненія противъ Бориса—въ убіеніи царевича Дмитрія и царевны Ѳеодосіи, въ отравленіи самого царя Ѳедора. Въ Романовскомъ кругѣ возникла мысль противопоставить Годунову Симеона Бекбулатовича, будто имѣвшаго право на престолъ по своей роли „государя московскаго“ въ эпоху опричнины; тутъ же, въ горячкѣ избирательной борьбы, мелькнула впервые мысль о самозванцѣ—Дмитріи, правда, еще въ формѣ обвиненія Бориса въ такой затѣѣ, на случай неудачи. Но помѣшать избранію Годунова не удалось. И царь Борисъ, на первыхъ порахъ, ищетъ примиренія съ Романовыми. При вѣнчаніи на царство онъ велѣлъ „сказать боярство“ двумъ Никитичамъ, Александру и Михаилу, и ихъ роднѣ, князьямъ Черкасскому и Катыреву-Ростовскому. Но глухая вражда и взаимное недовѣріе остались въ силѣ. Романовы и ихъ друзья окружены шпіонами и допосчиками. По доносу ихъ человѣка, Второго Бартенева, и разразилась надъ ними опала въ 1601 г. Гласно обвинили ихъ въ волшебствѣ, будто за какое-то „коренье“, найденное у Александра Никитича. Но суровость расправы показываетъ, что дѣло было политическое. Романовыхъ схватили, допрашивали, даже къ пыткѣ водили, хотя и не пытали. Розыскъ тянулся добрыхъ полгода и захватилъ рядъ боярскихъ семей, связанныхъ съ обвиняемыми родствомъ и дружбой. Всѣ пять Никитичей съ семьями и кое-кто изъ ихъ родни разосланы были въ ссылку. На истинный смыслъ всего дѣла указываетъ дошедшее до насъ упоминаніе одного изъ приставовъ, стерегшихъ Романовыхъ въ ссылкѣ, что они „злодѣи, измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ“. Ѳедора Никитича сослали въ Антоніевъ-Сійскій монастырь и тамъ насильно постригли, подъ именемъ Филарета. Но и этотъ испытанный способъ устранять неудобныхъ людей съ политическаго поприща въ данномъ случаѣ не достигъ цѣли. Монашескій клобукъ не укротилъ Ѳедора-Филарета. Изъ Москвы внимательно слѣдили за ссыльными, приказывая приставамъ „береженье держать большое, чтобы имъ нужды ни въ чемъ отнюдь никакой не было и жили бы и ходили бы свободны“, но, въ то же время, постоянно доносить объ ихъ поведеніи. Первое время инокъ Филаретъ сильно тосковалъ, но къ 1605 г. его настроеніе круто измѣнилось, и приставъ доносилъ съ недоумѣніемъ: „живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, а къ старцамъ жестокъ, лаетъ ихъ и бить хочетъ, а говоритъ старцамъ Филаретъ старецъ: увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ!“

Это было время, когда шла борьба царя Бориса съ самозванцемъ. Годуновъ обвинялъ бояръ, что появленіе самозванца „ихъ рукъ дѣло“ и, объявляя его Гришкой Отрепьевымъ, указывалъ, что тотъ „жилъ у Романовыхъ во дворѣ“; и позднѣе царь Василій Шуйскій пояснялъ польскому правительству, что самозванецъ былъ Отрепьевъ, который прежде „былъ въ

холопѣхъ у бояръ, у Никитиныхъ дѣтей Романовича“. Сопоставленіе этихъ заявленій съ обстоятельствами ссылки Романовыхъ даетъ основаніе предполагать прямую связь между боярской интригой противъ Бориса и появленіемъ самозванца.

Царь Борисъ, видимо, не ошибся. А онъ зналъ, кого обвиняетъ, потому что не колебался довѣрить борьбу съ самозванцемъ боярамъ-княжатамъ Шуйскимъ, Голицынымъ, Мстиславскому, соперникамъ Романовскаго круга. Но если враги Годунова думали найти въ самозванцѣ только орудіе его низверженія, то на первыхъ порахъ жестоко ошиблись. Неожиданная кончина царя Бориса и смута въ войскахъ привели къ воцаренію Лжедмитрія. Разбитая опалами Годунова, придворная знать лишь постепенно стала оправляться при новомъ царѣ. Филаретъ возвращенъ изъ ссылки, но не занялъ виднаго положенія въ Москвѣ, а былъ назначенъ на митрополію въ Ростовъ; братъ его Иванъ, единственный изъ братьевъ, переживший ссылку, сталъ бояриномъ. При дворѣ царя Дмитрія вліяніе досталось новымъ людямъ, и это сблизило противъ него прежнихъ недруговъ. Родовитое боярство поспѣшило свергнуть самозванца; Романовы и ихъ друзья поддерживали заговоръ, но не руководили имъ. Союзъ двухъ круговъ московскаго боярства не могъ быть прочнымъ: иниціаторы заговора прочили на престолъ одного изъ своихъ, а, въ то же время, по Москвѣ пошли слухи, записанные иноземцами, что власть перейдетъ къ одному изъ Романовыхъ.

Кроватъ патріарха Филарета (Домъ бояръ Романовыхъ).

Царемъ сталъ Василій Шуйскій. И онъ пытается примирить партію Романовыхъ съ своимъ воцареніемъ, намѣтивъ Филарета на патріаршій престолъ. Бояре въ переговорахъ съ польскими послами уже называли Филарета патріархомъ. Нареченный, но еще не поставленный, Филаретъ, тотчасъ по воцареніи Шуйскаго, посланъ былъ въ Угличъ для перенесенія въ Москву мощей царевича Дмитрія. Въ его отсутствіе въ Москвѣ разыгрались какіе-то уличные безпорядки, направленные противъ новаго царя и возбужденные „подметными листами“, въ которыхъ говорилось о спасеніи Дмитрія. Польскіе послы записали слухъ, что эти листы приписывали Филарету, котораго де за это и низложили съ патріаршества. Дѣло это темное, извѣстія о немъ сбивчивы, но несомнѣнно, что въ концѣ мая 1606 г. лицъ Рома-

новскаго круга постигла опала, а Филаретъ вернулся изъ Углича, не выполнивъ порученія, на свою Ростовскую митрополію. Тутъ онъ и живетъ до октября 1608 г., какъ „вѣрный богомолецъ“ царя Василія. Въ октябрѣ 1608 г. отряды Тушинскаго вора взяли Ростовъ, потому что тутъ „жили просто, совѣту и обереганья не было“, и увезли Филарета въ Тушино. Здѣсь плѣнника встрѣтили съ почетомъ, дорожа имъ для роли „нареченнаго патріарха московскаго“ при Тушинскомъ царькѣ. Извѣстія о положеніи Филарета въ Тушинѣ противорѣчивы. По однимъ—онъ жилъ тутъ „не своею волею“ и его „блюли всегда крѣпкими сторожами“; по другимъ—онъ добровольно игралъ роль главы того духовенства, которое „вора“ признало царемъ Дмитріемъ. И послѣднее лучше согласуется съ дальнѣйшими событіями. Всѣ, кто былъ враждебенъ Шуйскому, видѣли во второмъ самозванцѣ орудіе противъ него. Ив. Ник. Романовъ, князья Катыревъ и Троекуровъ, женатые на Романовыхъ, кн. Трубецкой—подверглись опалѣ за то, что чуть было не увлекли войска на его сторону. А потомъ Троекуровы, Трубецкой, Черкасскій и др. лица Романовскаго круга собираются въ Тушинѣ вокругъ Филарета. Когда же Тушино распалось, то въ его „станахъ“ осталась группа русскихъ людей, съ Филаретомъ во главѣ, которая порѣшила къ царю Василію не ѣхать, Шуйскихъ и иныхъ бояръ на государство не хотѣть и завела переговоры съ королемъ Сигизмундомъ объ избраніи на московскій престолъ королевича Владислава. Филаретъ въ сношеніяхъ съ королемъ продолжаетъ титуловать себя патріархомъ. Проектъ выработанныхъ ими условій воцаренія Владислава показываетъ, что составляли его сторонники того порядка, который создался при Грозномъ и Годуновѣ, былъ выгоденъ служилой знати и служилымъ людямъ вообще и вызывалъ вражду родовитыхъ князей, сторонниковъ Шуйскаго. Въ то же время они устанавливали прочныя гарантіи независимости русской государственной жизни, православной церкви и національнаго быта. На попытку Сигизмунда склонить ихъ подъ свою власть, Тушинскіе политики отвѣтили, что все дѣло не можетъ быть рѣшено безъ „совѣта всей земли“, а Филаретъ, поѣхавшій было къ королю, былъ „отполоненъ“ у поляковъ и вернулся въ Москву. Здѣсь его приняли съ честью. и онъ, сохраняя Ростовскую митрополію, остался жить въ столицѣ. О личномъ его участіи въ низложеніи царя Василія извѣстій нѣтъ, но тамъ дѣйствовали близкіе ему люди. Послѣ паденія Шуйскаго выдвинулись двѣ кандидатуры на престолъ: князя В. В. Голицына и Мих. Ѳед. Романова, за котораго стояли большинство горожанъ московскихъ и самъ патр. Гермогенъ. Но опасное положеніе Москвы, тѣснимой съ одной стороны шайками самозванца, снова подступившаго къ столицѣ, а съ другой—польскимъ войскомъ гетмана Жолкѣвскаго, заставило бояръ впустить въ Москву польскія войска и присягнуть Владиславу на условіяхъ нѣсколько измѣненнаго тушинскаго договора. Жолкѣвскій, однако, понималъ, что русскіе претенденты на пре-

столъ опасны для польской политики, и принялъ противъ нихъ мѣры. Кн. В. В. Голицына онъ убѣдилъ стать во главѣ посольства къ королю, а такъ какъ Михаилъ Романовъ былъ слишкомъ юнъ для роли посла, то гетманъ постарался, чтобы посломъ назначили его отца, митр. Филарета. Въ сентябрѣ 1610 г. „великое посольство“ отправилось подъ Смоленскъ, въ польскій лагерь. Оно ѣхало за утвержденіемъ договора объ избраніи Владислава отъ того „совѣта всей земли“, какой бояре устроили для присяги королевичу изъ имѣвшихся на Москвѣ представителей „всѣхъ чиновъ Московскаго государства“. И посольство сознавало себя уполномоченнымъ „всею землею“, не признавая надъ собой власти Боярской думы. Это придало „великимъ посламъ“ особый вѣсъ и значеніе. Московскій соборъ распался, и снова не стало власти, которая могла бы руководить дѣлами съ должнымъ авторитетомъ. Въ столицѣ стали распоряжаться люди, предавшіеся Сигизмунду. Распалось и само посольство съ измѣной многихъ его членовъ, вернувшихся въ Москву слугами короля. Но „великіе послы“, митр. Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ, твердо стояли на условіяхъ, утвержденныхъ „всею землею“, и отрицали возможность какихъ-либо измѣненій по произволу лицъ и партій. Послѣ бурныхъ перипетій прежнихъ годовъ, когда Филаретъ велъ честолюбивую борьбу за власть, онъ въ 1610 г., при встрѣчѣ съ національной опасностью, выступилъ непреклоннымъ защитникомъ независимости и неприкосновенности русской земли. Его имя стало въ московскомъ общественномъ мнѣніи рядомъ съ именемъ патр. Гермогена, какъ послѣднихъ борцовъ противъ политическаго и національнаго порабощенія родины. А ссылка за „твердое стояніе“ и долгій плѣнъ въ Мальборгскомъ замкѣ окружили это имя еще большей популярностью.

По старинной русской гравюрѣ.

Эпилогъ „московскоï трагедіи“ разыгрался безъ участія Филарета. Но сѣмена, посѣянныя имъ и въ Москвѣ и въ Тушинѣ, взошли и безъ него. Земщина, поднявшись на защиту государства, не искала царя внѣ той среды, которая сама сложилась въ процессѣ его строенія при старой династіи и являлась естественной носительницей традиціи этого строительства. Отецъ Филарета почти полстолѣтія стоялъ близко къ центру всей государственной работы и занялъ въ немъ руководящее положеніе. Всю жизнь боролся его сынъ за сохраненіе этого значенія себѣ, объединяя вокругъ себя разбитые налетѣвшими бурями элементы московской правительственной среды. Злая судьба подвела его подъ монашескій клобукъ, но это не лишило его большой политической роли. Путь къ престолу, который при новыхъ условіяхъ не минулъ бы Ѳедора Никитича, былъ закрытъ постриженіемъ. Но выдвинулась кандидатура его сына, окрѣпла и осуществилась. Личность Михаила рисуется въ исторической традиціи крайне туманными, неопредѣленными чертами. Взоры искателей царя остановились на немъ, конечно, не ради него самого. Въ годину избранія ему было всего 16 лѣтъ, и заявить себя онъ ничѣмъ не могъ. Но и позднѣе, втеченіе всего продолжительнаго царствованія, обликъ Михаила остается блѣднымъ. Повидимому, крутая энергія родителей, какъ это часто бываетъ, наложила печать мягкой пассивности на его натуру; не выходилъ онъ до конца изъ ихъ воли, а „властительнаго“ отца боялся почтительнымъ страхомъ. Къ тому же здоровье, повидимому, часто ему измѣняло; ходьба и ѣзда утомляли, а „отъ многаго сидѣнья“ ослабѣвалъ весь организмъ. Рядъ неудачъ и несчастій—разгромъ семьи съ постриженіемъ отца и матери, потрясающія впечатлѣнія кремлевской осады, злополучныя перипетіи первой попытки вступить въ бракъ, ранняя смерть первой жены, смерть двухъ сыновей угнетали слабую натуру, и въ послѣдніе годы жизни Михаила слышимъ объ удручающей его „меланхоліи, сирѣчь кручинѣ“. Избранъ былъ Михаилъ и царствовалъ, какъ представитель опредѣленнаго правительственнаго круга, какой образовался при немъ и правилъ его именемъ. Съ отцомъ будущій царь былъ раздѣленъ рано и надолго. Въ 1601 г., одновременно съ Ѳедоромъ-Филаретомъ, пострижена была и сослана въ Заонежье его жена Ксенія Ивановна Шестовыхъ, а пятилѣтній Михаилъ раздѣлялъ Бѣлозерскую ссылку кн. Черкасскаго, женатаго на сестрѣ Ѳедора Никитича. Освобожденіе вернуло его матери. При ней онъ живетъ въ Москвѣ до конца осады Кремля ополченіемъ кн. Пожарскаго, а потомъ съ нею удалился въ костромской Ипатьевскій монастырь. Опека и руководство матери имѣли большое значеніе въ жизни Михаила до того момента, когда ему въ 1619 г. удалось „батюшку своего изъ Литвы къ Москвѣ здраво выручить“. Ксенія Шестова, изъ небогатой семьи костромскихъ дворянъ, въ иночествѣ Марѳа—стала, по избраніи сына на престолъ, „великой старицеï“ и пріобрѣла, на первыхъ порахъ, большое вліяніе на

Милорадовичъ. Оборона Троицко-Сергіевой лавры.

Photography

дѣла сына-царя и личный составъ новаго правительства. За нею стоялъ „родъ“ ея, прежде всего родственные ей Салтыковы и другіе „ближніе“ люди Романовыхъ. Соборъ, избравшій Михаила, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ находится. Соборное посольство отправилось въ Ярославль и тутъ узнало, гдѣ искать царя. Мать и сынъ встрѣтили соборное челобитье „съ великимъ гнѣвомъ и съ плачемъ“ и представили рядъ возраженій: страна разорена, государю „служилыхъ людей жаловати и свои государевы обиходы полнити и противъ своихъ недруговъ стоять“ будетъ нечѣмъ, русскіе люди „измалодушествовались“ и, „давъ свои души“ прежнимъ государямъ, измѣняли имъ и доводили ихъ до гибели; положеніе таково, что и „прирожденному“ государю быть на такихъ великихъ государствахъ въ общей разрухѣ было бы трудно, а теперь инокѣ Маѳѣ благословить сына на царство значило бы отдать его „лише на погубленіе“, да и нельзя ему занять престолъ безъ отцовскаго благословенія, а отецъ въ плѣну, и воцареніе сына можетъ вызвать польскаго короля на месть Филарету. Переговоры съ посольствомъ показываютъ, что въ Ипатьевскомъ монастырѣ хорошо обдумали создавшееся положеніе и уступили только настойчивымъ обѣщаніямъ пословъ, что „Московскаго государства всякихъ чиновъ люди ему, государю, учнутъ служити и прямити во всемъ“, что они „наказалися всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ“ и готовы на крайнія усилія и жертвы за государство и христіанскую вѣру. Послы возлагали на Маѳу и ея сына отвѣтственность передъ Богомъ, если ихъ отказъ снова приведетъ государство въ конечное разореніе и возродитъ только что побѣжденную смуту. Общій ходъ переговоровъ опредѣлилъ и дальнѣйшія отношенія между молодымъ царемъ и земскимъ соборомъ. Царь требовалъ, чтобы соборъ передалъ ему землю успокоенной и государственныя средства возстановленными. Борьба съ ближайшими послѣдствіями смуты — разореніемъ, развитіемъ грабежей и насилій, хозяйничаньемъ въ центральныхъ областяхъ и на окраинахъ казацкихъ и польскихъ шаекъ, наконецъ, органическая работа надъ возстановленіемъ государственнаго порядка и обезпеченіемъ государственной территоріи—требовала чрезвычайныхъ усилій. Ихъ новое

Марина Мнишекъ.
(Историческій музей).

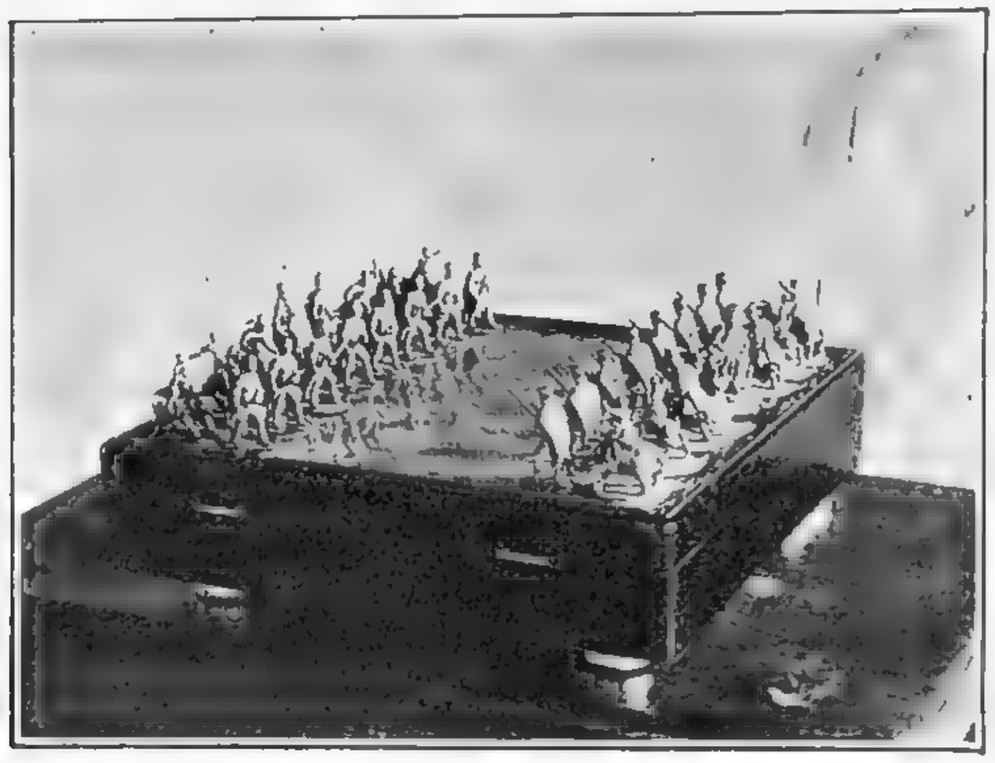
правительство требовало отъ земли черезъ ея представительство — земскій соборъ, постепенно, въ то же время, организуясь для своего „государева дѣла“.

Внѣшнимъ образомъ въ центрѣ новаго правительства стояла государыня-старица Марѳа. У современниковъ получилось впечатлѣніе, что, пока у юнаго царя „не бѣ толико разума, еже управляти землею“, а отецъ его оставался въ плѣну, правила, „поддержая царство со своимъ родомъ“, именно она. У насъ нѣтъ основанія повторить этотъ отзывъ. Роль царской матери

Газенкампфъ. Судъ надъ архимандритомъ Діонисіемъ.

при Михаилѣ не идетъ въ сравненіе, напр., съ значеніемъ царицы Ирины при Ѳедорѣ Ивановичѣ. Старица Марѳа была сильна дворцовымъ вліяніемъ и поддерживала высокое положеніе своихъ близкихъ, не чуждаясь ихъ интригъ и происковъ, но дѣла государственныя были ей не по плечу. Въ дѣлѣ женитьбы сына, столь важномъ для укрѣпленія династіи, Марѳа поддерживала свою родню, заботившуюся о томъ, чтобы новое свойство ихъ не оттѣснило. Въ 1616 г. избранная въ царскія невѣсты Мар. Ив. Хлопова была Салтыковыми неповинно объявлена неизлѣчимо больной и сослана съ родными въ Тобольскъ. Филаретъ, вернувшись въ Москву, выяснилъ это

дѣло, и Салтыковыхъ постигла опала, но Марѳа все-таки не допустила брака, и участь Хлоповой была только улучшена. Царь женился на княжнѣ Марьѣ Владимировнѣ Долгорукой, но она въ тотъ же годъ умерла „испорченной“, по утвержденію современниковъ. А еще разъ выступаетъ имя государыни-старицы въ темномъ дѣлѣ архим. Діонисія, осужденнаго за „еретическое“ исправленіе нелѣпой добавки словъ „и огнемъ“ въ молитвѣ водоосвященія: допросъ происходилъ въ кельѣ у Марѳы,—допросъ, возмутительный по издѣвательству надъ виднымъ дѣятелемъ церкви и вымогательству съ него денегъ, но великая старица вѣрила своимъ людямъ и дѣла ихъ одобряла. Немудрено, что время до возвращенія Филарета осталось въ памяти русскихъ людей, какъ „безгосударное“. У новаго правительства не было дѣльнаго главы. Только „великій государь“, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, явился организаторомъ его силы [1]).



Шахматы царя Михаила Ѳедоровича.
(Домъ бояръ Романовыхъ).

---

1) А. П. Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ“, т. I; С. Ѳ. Платоновъ, „Очерки“ и „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“; „Люди смутнаго времени“, сборникъ статей, подъ ред. А. Е. Пѣснякова, СПБ., 1905.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ на конѣ.
(Историческій музей).

III. Возстановленіе государства.

I. Власть и управленіе.

Избраніемъ царя Михаила возстановлена на Москвѣ верховная власть въ привычной формѣ царскаго единодержавія. Защитники его кандидатуры на земскомъ соборѣ говорили о немъ, какъ о „природномъ царѣ“; въ офиціальныхъ документахъ и общественныхъ толкахъ объясняли избраніе его происхожденіемъ отъ „царскаго благороднаго корени“, какъ „сродича-племянника“ царю Ѳедору Ивановичу. Говорили, что избраніе сталося не человѣческой, но Божьей волей, что милосердый Господь „послалъ свой Святый Духъ въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ всего великаго Россійскаго царствія отъ мала и до велика, не токмо въ мужественномъ возрастѣ, но и до сущихъ младенецъ“, и тѣмъ объясняли единодушіе избранія, послѣ столькихъ лѣтъ борьбы и разлада. Такъ приспособлялись старыя понятія „богоустановленности“ и „прирожденности“ власти къ новому

политическому факту. Несомнѣнно, что новая власть мыслилась, какъ возстановленная царская власть прежнихъ государей всея Руси. Но возстановлена она была „всею землею“, пришедшей „въ совѣтъ и соединенье“. Династія народнаго избранника получала Московское государство, какъ единое національное цѣлое, а не сумму земель-княженій, вотчинъ великокняжескихъ. И понятіе семейнаго владѣнія, доли котораго могли идти въ „удѣлъ“ членамъ владѣтельнаго дома, окончательно умерло съ послѣднимъ Данпловичемъ. Романовы не будутъ надѣлять младшихъ членовъ фамиліи хотя бы ничтожными частями территоріи, какъ дѣлалъ еще Грозный, назначая въ своемъ завѣщаніи удѣлъ сыну Ѳедору или Дмитрію — Угличъ. При Романовыхъ нѣтъ надобности въ подробныхъ духовныхъ граматахъ для опредѣленія судьбы государства по смерти правящаго царя; нужно лишь опредѣленіе личности наслѣдника или порядка преемства на престолѣ. Идея національнаго государства освободилась отъ вотчинно-владѣльческой формы, въ которой постепенно окрѣпла при Даниловичахъ. „Дѣло государево“ становится „дѣломъ земскимъ“, которое отъ Бога поручено наслѣдственному носителю власти.

Верещагинъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.

Царь Михаилъ принялъ эту власть въ моментъ, когда ея органы были разбиты событіями послѣднихъ лѣтъ. Боярской думы не существовало. Вмѣсто нея, во главѣ дѣлъ управленія, стоялъ совѣтъ ополченія, съ князьями Трубецкимъ и Пожарскимъ во главѣ. Соорганизовавшись еще въ Ярославлѣ, этотъ совѣтъ взялъ на себя всѣ функціи государственной власти, завязалъ сношенія съ иностранными державами, распоряжался дѣлами внутренняго управленія. По освобожденіи Москвы и по избраніи царя, онъ, опираясь на земскій соборъ, сохранилъ значеніе временного правительства. Соборъ, преслѣдуя задачу умиротворенія страны, примирился съ боярами, слишкомъ долго державшимися польскаго лагеря, но „кн. Мстиславскій съ товарищами“ остались внѣ завѣдыванія дѣлами, пока не выяснились отношенія между ними и царемъ. На первыхъ порахъ царь обращаетъ свои требованія и велѣнія къ земскому собору. Но съ начала апрѣля 1813 г. его указы идутъ къ „боярамъ нашимъ, князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищами“. Бояре, запятнанные въ мнѣніи широкихъ общественныхъ круговъ измѣной, вернулись къ власти и стали во главѣ воскресшей Боярской думы. Дѣло примиренія, начатое земскимъ соборомъ, завершилось царской амнистіей. Мы не знаемъ, въ какой произошла она формѣ. Но можно предполагать, что царь обѣщалъ боярамъ не карать ихъ опалами за прежнее и держать ихъ въ ихъ чести и достоинствѣ. По крайней мѣрѣ, на такое предположеніе наводятъ смутные толки о какой-то „записи“, взятой боярами съ царя, близкой по содержанію къ той, на которой нѣкогда крестъ цѣловалъ царь Василій Шуйскій, и сулившей боярамъ, что государь не будетъ ихъ казнить, „аще и вина будетъ преступленію ихъ“. Эти толки вызвали много споровъ въ нашей исторической литературѣ по вопросу объ „ограниченіи“ власти царя Михаила; но ни условія, въ какихъ находилось боярство при воцареніи Михаила, ни характеръ источниковъ, сообщающихъ о „записи“, не даютъ повода признать даже попытку такого важнаго политическаго новшества.

Примиреніе съ боярами было естественнымъ моментомъ политики „совѣта и соединенія“. Новое правительство сложилось вообще изъ личнаго состава, какой казался пригоднымъ, безъ счетовъ съ его политическимъ прошлымъ. Царь, вступивъ въ управленіе, нашелъ центральную администрацію приказовъ уже возстановленной. Она образовалась изъ уцѣлѣвшихъ въ Москвѣ обломковъ старыхъ приказовъ и новыхъ, устроенныхъ для веденія текущихъ дѣлъ при ополченіи. На работу въ ней сошлись приказные дѣльцы, служившіе прежде разнымъ господамъ въ Москвѣ и въ Тушинѣ. Въ то же время при дворѣ царскомъ слагался свой правительственный кружокъ изъ родни и ближнихъ людей молодого царя и его семьи. Давнія и широкія связи боярскаго дома Романовыхъ давали возможность ввести въ администрацію, на разныхъ ея степеняхъ, своихъ, довѣренныхъ людей. И еще во время „государева похода“ изъ Костромы къ Москвѣ послѣдовалъ рядъ на-

значеній на должности, имѣвшихъ именно этотъ смыслъ. Свойство, родство и простая „близость“ къ царствующему дому больше, чѣмъ когда-либо, стали источникомъ придворной и служебной карьеры. Развѣянное погромами Грознаго и смутой старое боярство быстро замѣнялось новой знатью, иного типа и происхожденія. А подъ ея верховодствомъ постепенно и съ трудомъ возстановлялась дѣятельность приказнаго управленія.

Руководители молодого царя понимали всю трудность принятой на себя задачи. Неторопливый, съ долгими стоянками походъ государя къ Москвѣ далъ возможность оглядѣться и подробнѣе разсмотрѣть положеніе государства. Къ царю со всѣхъ сторонъ стекались жалобы и доношенія о грабежахъ, насиліяхъ и разореніи отъ бродившихъ повсюду воровскихъ шаекъ; не говоря уже объ окраинахъ, центральныя и сѣверныя области страдали отъ хищныхъ набѣговъ казаковъ и „литовскихъ людей“, незамиренныхъ ликвидаціей силъ второго самозванца; напротивъ, эти шайки, въ послѣдней судорогѣ разрухи, хлынули изъ разоренныхъ мѣстностей туда, гдѣ больше оставалось „пожитковъ“ и добычи, проникая подъ самую Москву и все дальше къ сѣверу. Шли къ царю служилые люди, стрѣльцы и казаки бить челомъ о жалованьи, потому что имъ ни служить, ни жить не съ чего. Москва оказывалась часто отрѣзанной отъ подвоза, и въ столицѣ всякихъ запасовъ была большая скудость. Дворцовыя земли и черныя волости—разорены, расхищены и розданы въ частныя руки: денегъ и хлѣба собирать не съ кого. Видя все это, царь съ пути пишетъ собору съ большими укоризнами: „вы де намъ били челомъ и говорили ложно всего Московскаго государства ото всѣхъ чиновъ людей, что всякіе люди перестали ото всякаго дурна и учинились въ соединенье, и междуусобная кровь крестьянская перестала литься“; царь требовалъ, чтобы соборъ изыскалъ средства для возстановленія безопасности и порядка, „чтобъ на Москвѣ и по городамъ и по дорогамъ никому ни отъ

Инокиня Марѳа (Романовская галлерея).

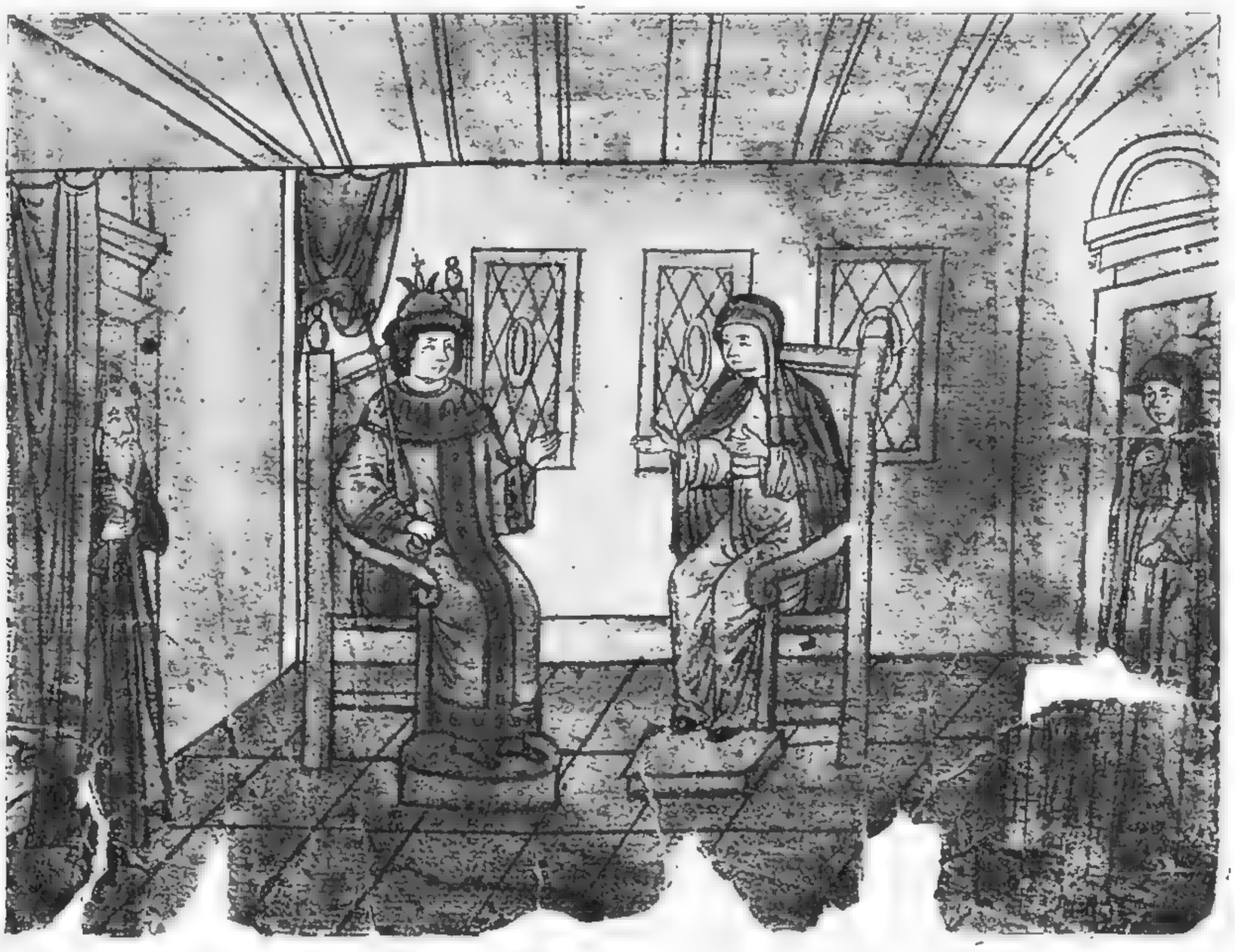
кого грабежей и убивства не было"; требовалъ „полнаго приговора" о способахъ содержанія военной силы и всякихъ служебныхъ людей. Царь ожидалъ отъ земскаго собора возстановленія государственныхъ средствъ и порядка, чтобы принять государство въ свое управленіе. Руководители собора дѣлали, что могли, но всѣмъ соборомъ били государю челомъ, чтобы онъ самъ „шелъ къ Москвѣ вскорѣ"; въ немъ видѣли тотъ необходимый центръ, вокругъ котораго сложится правильная государственная работа. Не прошло двухъ мѣсяцевъ со дня избранія, и соборное правительство уступило мѣсто царской думѣ, а земскій соборъ сталъ распадаться; отдѣльные элементы его потянулись къ царю и, прежде всего, московскіе служилые люди—стольники, стряпчіе, дворяне большіе, а за ними весь „изъ городовъ выборъ" дворянскій уже въ апрѣлѣ собрались при государѣ; иные и по деревнямъ разъѣхались. Постепенно, рядъ дѣлъ — назначеніе воеводъ, раздача помѣстій и др. начинаетъ вершить государь въ походѣ. Царское правительство вступало въ управленіе, по прибытіи его въ столицу, 2 мая и, особенно, послѣ царскаго вѣнчанія, которое состоялось 11 іюля, обычный порядокъ казался возстановленнымъ. Однако крайняя трудность положенія вызывала на чрезвычайныя мѣры и чрезвычайные пріемы дѣйствія. Значительны были внѣшнія опасности и бѣдствія. На западныхъ границахъ шли военныя дѣйствія. Новгородъ Великій былъ въ шведскихъ, Смоленскъ и Сѣверщина въ польскихъ рукахъ. Королевичъ Владиславъ продолжалъ титуловаться московскимъ царемъ, и польское правительство не желало признать Михаила Романова. Надо было готовиться къ борьбѣ за русскія области и за свое международное положеніе, надо было создать силу для самозащиты и наступленія. Но всякая органическая работа была до крайности затруднена внутреннимъ состояніемъ страны. Заруцкій съ казаками, Мариной Мнишекъ и ея сыномъ отъ второго самозванца, Иваномъ, ушелъ къ югу. Изъ Москвы противъ него послали воеводу, кн. Одоевскаго, но Заруцкій, грабя по пути, ушелъ въ Астрахань и засѣлъ тамъ, собирая къ себѣ „вольныхъ казаковъ" и подымая на Москву волжскихъ казаковъ, донцовъ, инородцевъ. Татары заволжскіе, ногаи, черемисы волновались и грабили русскія области. Много казацкихъ отрядовъ бродило по внутреннимъ областямъ государства, а съ ними и безъ нихъ насильничали „воры, боярскіе люди и всякіе безыменные люди". „Литовскіе люди" и казаки украинскіе кружили по странѣ, громя села и города, особенно отрядъ наѣздника Лисовскаго. При попыткѣ правительства возстановить сборъ податей „чинилися сильны" жители городовъ и уѣздовъ, и приходилось—иной разъ—признать, что навыки смуты сказывались въ поведеніи сборщиковъ, которые грабили и притѣсняли населеніе. Экономическій кризисъ, начавшійся въ послѣднія десятилѣтія XVI в., усиленный смутой, теперь, послѣ ея политическаго завершенія, все больше нарастаетъ въ разоренной странѣ.

Шарлемань. Пожарскій въ битвѣ подъ Москвою.

Чистяковъ. Смерть патріарха Гермогена.

Изслѣдователи исторіи экономическаго быта указываютъ на исходъ второго десятилѣтія XVII в., какъ на моментъ наибольшаго упадка хозяйственнаго благосостоянія центральныхъ областей Московскаго государства. Казна была пуста, а хлѣбныхъ и денежныхъ запасовъ собирать было не съ кого. Нужны были чрезвычайныя усилія, чтобы одновременно возстановлять порядокъ и безопасность въ странѣ и создавать средства, необходимыя для этой работы.

Государственная власть могла найти выходъ только въ поддержкѣ объединенныхъ общественныхъ силъ, которыя ее создали въ національномъ



Совѣщаніе царя Михаила Ѳедоровича съ матерью. Описаніе брачнаго сочетанія царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (лицевая рукопись Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ).

подъемѣ. Новое правительство не владѣло налаженнымъ административнымъ механизмомъ для управленія дѣлами въ столь тяжкія времена и не было увѣрено въ своемъ авторитетѣ, который еще предстояло утвердить. Дѣло земскаго собора представлялось еще далеко не законченнымъ. Его авторитетъ былъ необходимъ для воздѣйствія на массу населенія. Его освѣдомленность и опытъ должны были указать пути разрѣшенія насущныхъ очередныхъ задачъ, непосильныхъ для неокрѣпшей еще власти. Правительство царя Михаила ищетъ опоры въ земскомъ соборѣ для одолѣнія послѣднихъ отголосковъ и ближайшихъ послѣдствій смуты. Подъ его знаменемъ должно быть

доведено до конца замиреніе страны, объединеніе ея разрознившихся элементовъ, подавленіе всѣхъ явленій, враждебныхъ мирному порядку. Его вліяніемъ необходимо было поддержать и использовать поднявшуюся въ народной массѣ готовность на чрезвычайныя личныя и имущественныя жертвы ради защиты національной независимости, общественной безопасности и законнаго порядка. II земскій соборъ остается при царѣ около двухъ лѣтъ, а затѣмъ новые созывы „всѣхъ чиновъ Московскаго государства“ слѣдуютъ въ столь краткіе промежутки и столь, повидимому, длительна ихъ дѣятельность, что проф. С. Ѳ. Платоновъ считаетъ возможнымъ говорить о непрерывномъ сотрудничествѣ земскаго собора съ царскою властью въ первое десятилѣтіе царствованія Михаила Ѳедоровича и сравнивать эту устойчивую роль выборныхъ людей при центральной власти съ годованьемъ по трехлѣтіямъ дворянскаго „изъ городовъ выбора“ въ XVI в.

Въ первое время новаго царствованія соборъ—теперь вмѣстѣ съ царемъ—продолжаетъ дѣло умиротворенія. Посольства и граматы отъ всѣхъ чиновъ призываютъ казаковъ и всѣхъ отъ „воровства“ не отставшихъ покинуть злыя дѣла, служить землѣ и государю; всѣхъ, кто „придетъ въ чувство“, ожидало полное прощенье, принятіе въ службу, жалованье по службѣ; крѣпостнымъ людямъ за отказъ отъ „воровства“ сулилась свобода. Призывы эти имѣли свое вліяніе, разлагая силы безпокойныхъ враговъ порядка. Соборныя воззванія, подкрѣпленныя посылкой милостивыхъ граматъ, денежнаго и иного жалованья отъ царя, укрѣпляли въ вѣрности Москвѣ волжскихъ и донскихъ казаковъ; самому Заруцкому обѣщано прощеніе, если онъ отступится отъ „Сендомирской дочери Маринки“. Гдѣ уговоры не помогали, нажалась военная сила. Царскіе воеводы преслѣдовали и разгоняли воровскіе отряды, ведя упорную и нелегкую борьбу. Въ то же время, само населеніе продолжало дѣло мѣстной самообороны,—строило укрѣпленія, нанимало стрѣльцовъ, „берегучи свои головы“, снабжало военную силу по городамъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованіемъ. Правительство лишь отчасти принимало расходы по мѣстной оборонѣ на себя, предоставляя ее въ большей части энергіи и самообложенію населенія. Работа надъ земскимъ дѣломъ продолжалась земскими силами, и постепенно, въ нѣсколько лѣтъ, цѣною изнурительныхъ, крупныхъ жертвъ достигла завершенія. Главный внутренній врагъ, Заруцкій, былъ сломленъ также тягой мѣстныхъ силъ къ возстановленію земскаго мира. На него поднялись астраханцы, а добили его „терскіе люди“, всѣмъ міромъ съ своимъ воеводою пославшіе съ Терека на него стрѣлецкаго голову съ военной силой. Выбитый изъ Астрахани Заруцкій потерялъ значеніе и былъ выданъ властямъ съ Мариной и ея сыномъ; атамана ожидало посаженіе на колъ, несчастнаго „Воренка“—петля, Марину—скорый конецъ бурной жизни въ коломенской темницѣ. Подавленіе внутренней смуты велось при дѣятельномъ участіи земскаго собора, на обсужденіе

котораго царь ставилъ всѣ вѣсти о состояніи страны и, повидимому, неизмѣнно слѣдовалъ „соборнымъ приговорамъ“. Постепенно успѣхъ въ этомъ дѣлѣ развязывалъ руки для болѣе органической правительственной работы. Съ первыхъ дней новаго царствованія встала на очередь жгучая забота о возстановленіи финансовыхъ средствъ власти. Этотъ вопросъ былъ поставленъ со всею настоятельностью и въ переговорахъ съ соборнымъ посольствомъ, принесшимъ избраніе молодому царю, и въ перепискѣ царя съ соборомъ изъ похода къ столицѣ. Въ этомъ дѣлѣ царское правительство также не могло обойтись безъ земскаго собора; приходилось немедленно изыскивать новые

Совѣщаніе царя Михаила Ѳедоровича съ отцомъ. Описаніе брачнаго сочетанія царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (лицевая рукопись Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ).

пріемы и новые источники сбора необходимыхъ средствъ для дѣла государева и земскаго Земскій соборъ, по началу, примѣнилъ ту практику, которая обезпечила расходы нижегородскаго ополченія въ 1611—1612 гг: сборъ добровольныхъ пожертвованій, переходившій, по мірскому приговору, въ принудительный заемъ изъ доли „животовъ и промысловъ“.

Попытки возобновить поступленіе старыхъ обычныхъ платежей, взыскивая ихъ и за прошлые годы, были безнадежны; бурная година смуты развѣяла приказныя книги и документы, и часто былые оклады оказывались вовсе неизвѣстными; да и примѣненіе ихъ на дѣлѣ стало невозможнымъ, такъ какъ слишкомъ измѣнилась въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ хозяйствен-

ная дѣйствительность. А средства требовались бо́льшія, чѣмъ когда-либо; надвинулась потребность финансоваго творчества, или хотя бы, на первыхъ порахъ, находчивости, успѣхъ которой въ значительной мѣрѣ зависѣлъ отъ готовности населенія нести государственную тяготу. Земское настроеніе, повинуясь соборному призыву, должно было сдвинуть казну съ финансовой мели. Однимъ изъ первыхъ совмѣстныхъ дѣйствій царя и собора была разсылка граматъ къ торговымъ людямъ о взятіи сполна денежныхъ доходовъ за прошлые годы и за нынѣшній годъ, по книгамъ и отписямъ, и съ просьбой „помочь, не огорчаясь“, ратнымъ людямъ займомъ денегъ и хлѣба, рыбы, соли, суконъ и всякихъ товаровъ; „хотя теперь и промысловъ убавьте,—читаемъ въ граматѣ къ Строгановымъ,—а ратнымъ людямъ жалованье дайте, сколько можете“: временное умаленіе не дохода только, а капитала, вложеннаго въ дѣло, не должно было останавливать торговыхъ людей, ибо если они теперь себя пожалѣютъ, то доведутъ страну и себя до новаго „конечнаго разоренья“ и „имѣнья своего всего отбудутъ“. Отъ займовъ по доброй волѣ, правительство въ слѣдующемъ году „по всей земли приговору“ переходитъ къ первому назначенію „пятой деньги“ съ торговыхъ людей, обѣщая однимъ—уплатить взятое, когда будетъ возможно, другимъ—зачесть въ недоимку или будущіе платежи. Въ томъ же 1614 г. власть настолько поустроилась, что могла назначить два прямыхъ налога и, видимо, безъ участія собора: сборъ хлѣбныхъ запасовъ и денегъ за нихъ на жалованье ратнымъ людямъ, а въ началѣ 1615 г.—сборъ даточныхъ людей на усиленіе войска. Они совпали съ принудительнымъ займомъ пятины по приговору собора, при чемъ полагалось брать ее, судя по позднѣйшимъ пятинамъ, со всѣхъ, не исключая „тарханщиковъ и льготчиковъ“, освобожденныхъ отъ тягла. Таковы были первые шаги къ возстановленію правительственныхъ средствъ. Къ тому же времени хоть нѣсколько наладилось собираніе обычныхъ старыхъ налоговъ. Но этимъ нужда была покрыта недостаточно. Въ 1615 г. новое назначеніе „пятинныхъ денегъ“, при чемъ нѣтъ указанія, что оно произошло при участіи земскаго собора: въ эту пору его на Москвѣ и не было; притомъ съ пятиной высшихъ слоевъ торгово-промышленнаго люда соединенъ сборъ посошной подати съ крестьянъ и подворной—съ мелкихъ посадскихъ людей. Еще черезъ годъ рѣшили превратить пятину въ чрезвычайный налогъ со всего населенія, устраняя изъ нея черты займа. Но для этого шага правительство снова прибѣгло къ земскому собору. Соборный приговоръ постановилъ собрать по опредѣленнымъ окладамъ—сошныя деньги на посадахъ и въ уѣздахъ со всякихъ людей, а, кромѣ того, „пятую деньгу“ съ тѣхъ, „кто сверхъ своихъ пашенъ торгуютъ“. Этотъ налогъ, какъ и позднѣйшіе чрезвычайные (запросные) сборы, сохраняя названіе пятины, далеко отошелъ отъ первоначальнаго типа, приближаясь все болѣе къ обычной московской системѣ. Исходнымъ пунктомъ его исчисленія

служила необходимая для правительства сумма, которую земскій соборъ распредѣлялъ между отдѣльными городами, устанавливая для каждаго опредѣленный окладъ. Вмѣстѣ съ характеромъ займа отпалъ постепенно и долевой порядокъ исчисленія, но оклады устанавливались примѣнительно къ результатамъ сборовъ предыдущихъ пятинныхъ денегъ, а не по сошному письму.

Исторія пятинныхъ денегъ[1]) наглядно выясняетъ значеніе участія земскихъ соборовъ въ дѣлахъ правленія. Ихъ авторитетъ былъ нуженъ, чтобы укрѣпить въ населеніи готовность на чрезвычайныя жертвы, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе размѣра пятиннаго сбора было невозможно безъ сколько-нибудь

Инокиня Марѳа благословляетъ царя Михаила. Описанія брачнаго сочетанія царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (лицевая рукопись Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ).

добросовѣстнаго участія самихъ плательщиковъ. Но та же исторія показываетъ, какъ постепенно это участіе теряетъ свою настоятельность, превращаясь въ техническое удобство. Опытъ первыхъ сборовъ далъ нормы окладовъ, которыя и установить и ввести въ дѣло можно было и безъ собора, тѣмъ болѣе, что и сборъ, переданный было самому населенію съ устраненіемъ воеводъ, вскорѣ вернулся въ руки этихъ послѣднихъ. Въ 1618 г. наступленіе Владислава на Москву внушало опасенія, что можетъ ожить недавно побѣжденная „измѣна“; царь Михаилъ обратился къ земскому собору

[1]) См. С. Б. Веселовскаго, „Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ“, М., 1909 г.

съ воззваніемъ, чтобы люди всѣхъ чиновъ Московскаго государства стояли за вѣру и за царя, „а на королевичеву и ни на какую прелесть не покушалися“. По городамъ отъ собора разосланы были граматы ко всему населенію съ сообщеніемъ, что распорядокъ военныхъ дѣйствій противъ врага установленъ государемъ на соборѣ, и призывомъ къ усердной службѣ и радѣнію, чтобы Московскому государству помощь учинить: служилые должны быть сами готовы къ походу, слѣдить за исправностью другъ друга и за сборомъ даточныхъ людей безъ укрывательства, а духовенство, торговые и посадскіе люди дать „въ займы денегъ и въ запросъ, сколько кому дать доведется“. Въ тяжкую годину для „государева дѣла“ недостаточно было простого исполненія долга; нуженъ добровольный подъемъ усердія къ „дѣлу земскому“ и готовности нести жертвы ради него: авторитетъ земскаго собора долженъ поднять настроеніе общества, въ которомъ, чего добраго, не совсѣмъ еще исчезли отголоски былого „шатанія“.

Все, что мы знаемъ о дѣятельности земскихъ соборовъ въ первые годы царя Михаила, выдвигаетъ на первый планъ ихъ значеніе, какъ моральнаго общественнаго авторитета, поддерживавшаго еще неокрѣпшую правительственную власть. Наряду съ этимъ личный составъ собора оказывалъ власти цѣнныя услуги своей освѣдомленностью, знаніемъ положенія дѣлъ въ странѣ, въ разныхъ ея областяхъ, совѣтами по различнымъ отраслямъ „государева и земскаго дѣла“. Не всегда вопросы, требовавшіе обсужденія, обращались государемъ ко всему земскому собору. Такъ, планъ отраженія Владислава хотя и установленъ „приговоромъ государя съ властьми и съ бояры и всякихъ чиновъ съ людьми Московскаго государства“, но выработанъ царемъ по совѣту съ „Освященнымъ соборомъ и съ бояры и со всякими служилыми и жилетцкими людьми“; точно такъ, порѣшивъ въ 1618 г. отмѣну мѣстническихъ счетовъ на два года, по совѣту съ Освященнымъ соборомъ и Боярской думой, государь повелѣлъ имъ говорить о томъ на соборѣ только съ московскими и городовыми служилыми людьми. Рядъ дѣлъ вершился „по государеву указу и земскому приговору“, „по всемірному приговору“,—формулы, значеніе которыхъ аналогично формуламъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ. Другія дѣла шли мимо собора и рѣшались царемъ съ Боярской думой или вызывали совѣщаніе съ болѣе широкимъ составомъ служилыхъ людей. Все зависѣло отъ тѣхъ или иныхъ соображеній общественно-политическаго или практическаго удобства.

Мы видѣли, что вопросы, особенно близко интересовавшіе правящіе круги, какъ назначеніе на должности и упорядоченіе служилаго землевладѣнія, были взяты государемъ въ свои руки еще до прибытія его въ Москву. Окружавшіе его люди стали овладѣвать вліяніемъ и матеріальными благами, связанными съ властью. Верхи этой среды образовали дворцовую знать, которая не замедлила закрѣпить свое положеніе высокими чинами и должно-

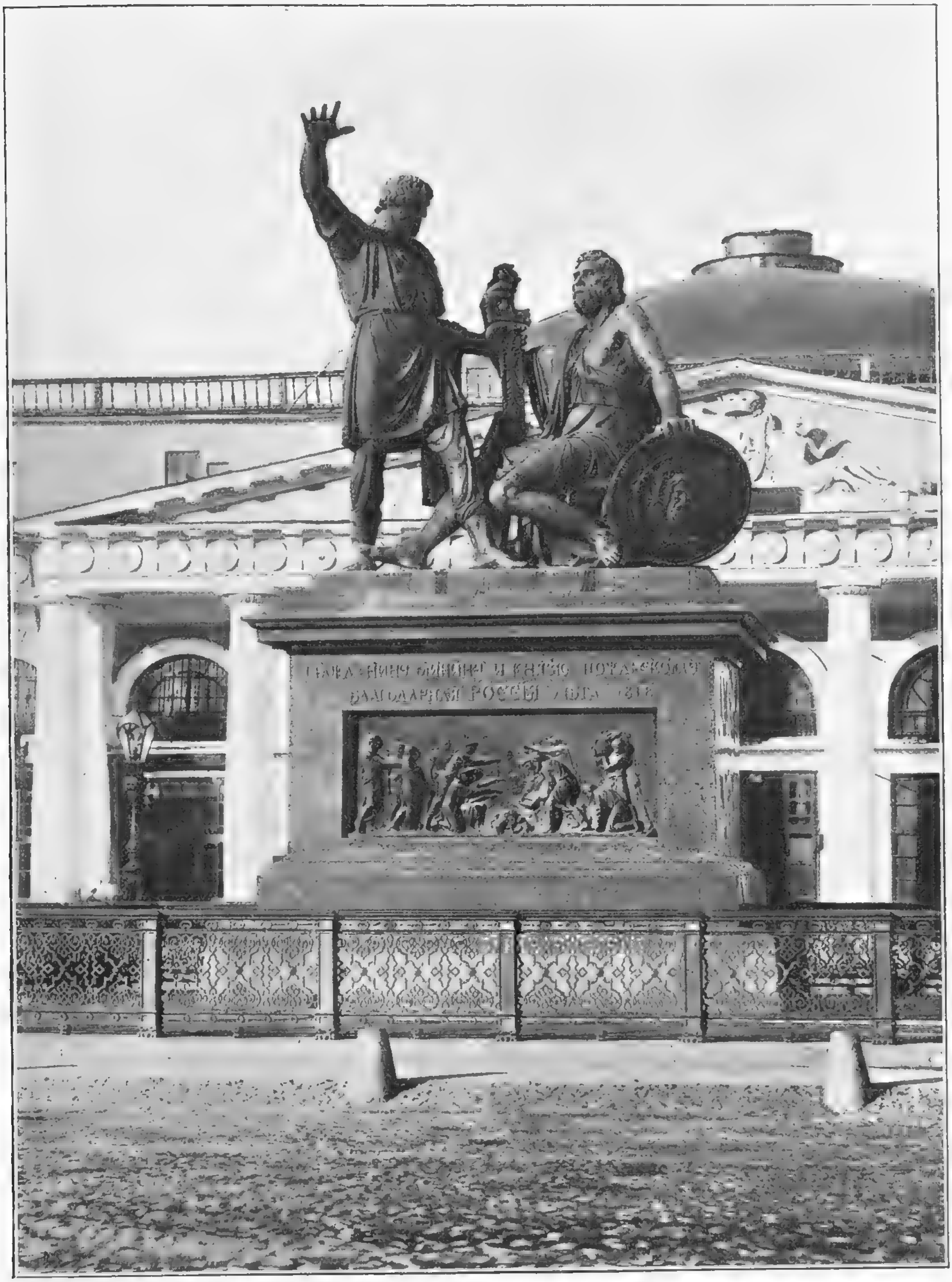
стями и пріобрѣтеніемъ, по царской милости, крупныхъ земельныхъ имуществъ. Раздача дворцовыхъ земель „большимъ боярамъ“ и высшимъ разрядамъ столичнаго служилаго люда начата была еще временнымъ правительствомъ 1612 г. Она еще расширилась въ 1613 г., когда началось устройство новой придворной знати: по ея рукамъ разошлось до 50 тысячъ десятинъ населенной дворцовой земли. На смѣну старому боярству выступали новыя группы крупныхъ землевладѣльцевъ, въ рядахъ которыхъ видимъ, наряду со знатными людьми, видныхъ приказныхъ дѣльцовъ, вліятельныхъ дьяковъ. Не одни пожалованія были источникомъ новыхъ богатствъ.

Рѣчь царя Михаила патріарху Филарету. Описаніе брачнаго сочетанія царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (лицевая рукопись Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ).

Тушинская распущенность сказалась въ нравахъ дѣятелей, теперь поднявшихся къ власти. Ихъ вымогательства и хищенія вызывали ропотъ; въ приказахъ „дѣла мало вершились“, а брали съ ходатаевъ помногу, потворствуя тѣмъ, „за кого заступы великіе“; въ народѣ осуждали бояръ, которыхъ древній врагъ-дьяволъ „возвысилъ на мздоиманіе“, расхищеніе царскихъ земель, утѣсненіе народа; иноземцы полагали, что такое правленіе „если останется въ теперешнемъ положеніи, долго продлиться не можетъ“. Руководители приказного управленія сѣяли недовольство, назначая на воеводства и по приказамъ своихъ людей, шедшихъ по ихъ примѣру. Но, къ сча-

стью для государства, возрождавшагося изъ развалинъ, темныя стороны новой правительственной среды не исчерпывали картины ея дѣятельности. Рядомъ съ беззастѣнчивыми проявленіями корыстолюбія и лицепріятія, шла дѣловая работа, какъ бы то ни было возстановившая строй администраціи и военныя силы государства. Ближайшими органами центральной власти стали попрежнему Боярская дума и приказы. Возстановлена правительственная работа надъ устройствомъ, управленіемъ и защитой государства. Достиженіе цѣлей этой работы было труднѣе, чѣмъ когда-либо. И болѣе, чѣмъ когда-либо, правительство нуждалось въ огромномъ напряженіи личныхъ и матеріальныхъ силъ населенія на нужды „государева дѣла“. Разстройство этихъ силъ послѣ смуты, ихъ чрезвычайная недостаточность ставили еще напряженнѣе, чѣмъ въ XVI в., задачу созданія такой организаціи управленія, которая обезпечила бы власти возможность сосредоточить распоряженіе ими въ своихъ рукахъ. Тенденція къ усиленію власти и ея бо̀льшей централизаціи являлась естественнымъ послѣдствіемъ сложившихся условій. Центральное приказное управленіе стремится поставить свои мѣстные органы ближе къ завѣдыванію дѣломъ государственнаго управленія въ областяхъ и, несмотря на то значеніе, какое мѣстные самоуправляющіеся міры получили въ эпоху возстановленія государственнаго порядка, ищетъ опоры не въ нихъ, а въ усиленіи приказнаго областного управленія. Форма для этого была создана боевыми обстоятельствами смутнаго времени. Съ начала внутренней смуты получила широкое развитіе должность воеводы. Прежде только въ пограничные города назначались воеводы, соединявшіе въ своихъ рукахъ военную команду съ финансовымъ и полицейскимъ управленіемъ, судомъ и расправой надъ цѣлымъ уѣздомъ и по отношенію ко всѣмъ разрядамъ населенія. Ихъ полномочія были чрезвычайными полномочіями завѣдыванія окраинами, опасными отъ врага и отъ скопленія безпокойныхъ выходцевъ изъ областей внутреннихъ. Въ смуту эти боевыя и общественныя условія разлились по всей странѣ, и воеводы появились въ городахъ московскаго центра. Во время земскаго движенія они нерѣдко являлись для него готовымъ руководящимъ органомъ. Правительство царя Михаила сохранило новое значеніе воеводской должности и сдѣлало ее повсемѣстнымъ учрежденіемъ; этимъ удовлетворялась потребность усилить правительственное воздѣйствіе на ходъ мѣстнаго управленія. По идеѣ, воевода, вѣдая всѣми дѣлами своего уѣзда, долженъ былъ быть не самостоятельнымъ намѣстникомъ, а исполнителемъ подробныхъ наказовъ и частыхъ отдѣльныхъ предписаній столичныхъ приказовъ, носителемъ административной централизаціи. Но въ то же время, запутанность всего дѣла, неосвѣдомленность высшей власти и общее разстройство порядка заставляли предоставлять воеводамъ полномочія столь же широкія, сколь и неопредѣленныя, требуя отъ нихъ инициативы и усмотрѣнія, „смотря по тамошнему дѣлу“, какъ окажет-

Рѣпинъ. Ѳ. Н. Романовъ.



Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ (до сломки старыхъ Городскихъ рядовъ).

ся „пригоже“. Воевода не былъ „кормленщикомъ“, казенные доходы вѣдалъ не на себя, а на государя, не получалъ отъ населенія уставныхъ кормовъ; но онъ не получалъ и жалованья по должности, а „добровольные“ дары въ благодарность не осуждались ни правительствомъ, ни нравами, и воевода кормился со всѣмъ своимъ приказнымъ людомъ „отъ дѣлъ“. Понятно, какой широкій просторъ такая постановка должности открывала для лихоимства, вымогательства, произвола и казнокрадства. Нравственный уровень администраціи, отравленной навыками „разрухи“, былъ весьма не высокъ, а общая ея организація, при отсутствіи правильныхъ контроля и отвѣтственности, не ставила сколько-нибудь дѣйствительныхъ сдержекъ. Населеніе роптало на воеводскую власть, ненавидѣло приказныхъ людей, а былые органы его самоуправленія оказались вполнѣ подавленными этой новой силой и превратились въ подчиненныхъ исполнителей ея распоряженій, неся при нихъ черную административную работу. Такъ, по крылатому слову проф. С. Ѳ. Платонова, дурная трава „тушинскихъ“ навыковъ не была выброшена „изъ поля вонъ“ ни въ центрѣ, ни въ областяхъ, а „выросла на полѣ и заглушила добрые ростки земскаго управленія съ помощью выборныхъ людей, добрыхъ, разумныхъ и постоятельныхъ“, питая раздраженіе населенія противъ администраціи новаго правительства. Тяжкая нужда и горькія воспоминанія смуты, сознаніе національной опасности и вліяніе земскихъ соборовъ сдерживали, до поры, до времени, эти народныя настроенія, и правительственная машина, при всѣхъ коренныхъ своихъ недостаткахъ, заработала, устраняя шагъ за шагомъ наиболѣе рѣзкія послѣдствія пережитой разрухи.

Налаживая съ помощью земскихъ соборовъ свои финансовыя средства, правительство, въ то же время, сосредоточило вниманіе на устройствѣ военныхъ силъ и упорядоченіи служилаго землевладѣнія. Тутъ многое приходилось начинать заново. Сбитый событіями смутнаго времени со своихъ помѣстій и вотчинъ, служилый классъ и по личному составу и по имущественному обезпеченію представлялъ поистинѣ разсыпанную храмину. Надо было его организовывать, набирать и пополнять, надѣляя землями, съ которыхъ ему возможно было бы жить и служить. Правительство идетъ старыми путями. Выясняя составъ и состояніе своихъ служилыхъ людей, оно широко развиваетъ практику „верстанья“ и „испомѣщенья“. По нуждѣ пришлось отступить отъ той разборчивости въ составленіи служилаго класса, какую пытались установить при Борисѣ Годуновѣ и первомъ самозванцѣ и которая восторжествовала нѣсколько позднѣе. Верстали въ службу дворянскую, не считаясь съ „отечествомъ“, годныхъ людей даже изъ казаковъ, „которые отъ воровства отстали“. Земельный фондъ на помѣстную раздачу былъ, по видимости, значителенъ, такъ какъ смута обогатила его большимъ количествомъ опустѣлыхъ и заброшенныхъ земель. Но состояніе запустѣнія дѣлало ихъ мало пригодными, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, для обезпече-

нія служилыхъ землевладѣльцевъ. Къ тому же западныя окраины — одинъ изъ главныхъ прежнихъ районовъ служилаго землевладѣнія — были слишкомъ еще не обезпечены отъ вражескихъ нападеній, чтобы скоро возродились тутъ условія мирнаго хозяйства. Съ 1614 г. идетъ надѣленіе провинціальныхъ служилыхъ людей помѣстьями изъ дворцовыхъ и черныхъ земель, пошедшихъ на усиленіе помѣстнаго фонда, преимущественно въ болѣе безопасныхъ и менѣе опустошенныхъ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Замосковнаго края. Интересы военной силы заставляютъ жертвовать не только частью

Подписываніе указа не мѣстничать во время свадьбы Михаила Ѳедоровича. Описаніе брачнаго сочетанія царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (лицевая рукопись Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ).

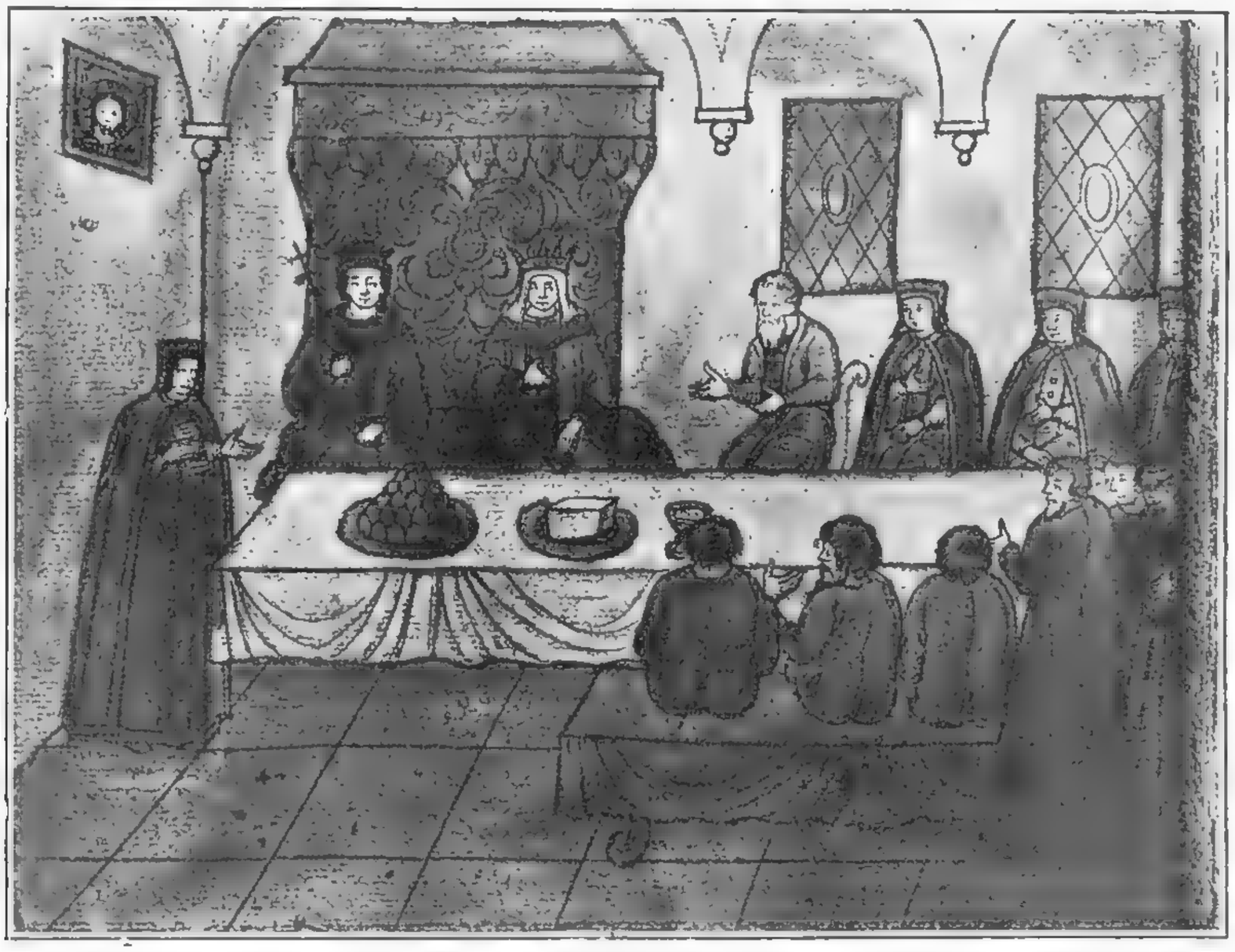
дворцоваго богатства, но и продолжить процессъ уничтоженія крестьянскаго волостного землевладѣнія въ пользу землевладѣнія служилаго. Черныя крестьянскія земли почти вовсе исчезаютъ въ центральной части государства, оттѣсненныя на поморскій сѣверъ. Этотъ сдвигъ служилаго землевладѣнія не былъ, конечно, временнымъ явленіемъ. Когда замиреніе западной и южной границъ открыло возможность возстановленія и „испомѣщенія“ тамъ служилыхъ людей, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, результатомъ было лишь значительное общее расширеніе территоріи служилаго землевладѣнія, сравнительно съ XVI столѣтіемъ. Притомъ много земель роздано не въ помѣстье, а въ вотчину, а нужда въ деньгахъ побудила къ продажѣ въ вот-

чину части помѣстныхъ и порожжихъ земель, расходившихся, повидимому, этимъ путемъ преимущественно по рукамъ приказныхъ дѣльцовъ, которые стремились помѣстить въ земельныя имущества свое „неправедное стяжаніе“. Такъ стало оправляться отъ разгрома служилое землевладѣніе. Помѣщики и вотчинники устремились на возобновленіе разореннаго хозяйства, и снова поднялся тяжкій вопросъ о крестьянскихъ рабочихъ рукахъ. Возвращеніе на старыя мѣста населенія, сбитаго съ нихъ въ смуту, приводило его въ прежнюю зависимость. „Людіе же“, сообщаетъ книжникъ, живший интересами простого народа, „начаша оставшаяся собиратися въ Русп по градомъ, исходя отъ плѣну отъ Литвы и Нѣмецъ и начаша населятися; они же (владущіе) окаяннін, аки волци тяжци восхитающе, емляху ихъ къ собѣ, понеже страхъ Божій преобидиша и забыша свое прежнее безвремяніе и наказаніе, что надъ ними Господь за ихъ насильство сотвори, отъ своихъ рабъ разорени быша“. Снова подымаютъ землевладѣльцы вопросъ о трудности розыска бѣглыхъ въ указный пятилѣтній срокъ, и Троице-Сергіевъ монастырь первый выхлопоталъ себѣ въ 1614—15 гг. льготу вывозить обратно своихъ бѣглыхъ крестьянъ за 9 и за 11 лѣтъ со времени побѣга. Ропотъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на эту привилегію и ихъ домогательство если не отмѣны, то хоть продленія срока „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ не сразу достигли цѣли. Правительство царя Михаила, на первыхъ порахъ, не рѣшалось на крутое усиленіе крестьянской крѣпости, не столько изъ опасенія раздражить народную массу, сколько подъ давленіемъ землевладѣльческой знати, умѣвшей заполнять свои вотчины чужими крестьянами.

Такъ слагалась въ первые годы новаго царствованія внутренняя политика, преслѣдуя, по существу, тѣ же задачи, какія были поставлены московскими государями XVI в. и ихъ продолжателемъ Борисомъ Годуновымъ. Правительственная среда сложилась изъ элементовъ, для которыхъ эти традиціи были и привычны и близки. Но во главѣ ея стояли люди, неспособные вести работу по систематичному и твердому плану, и еще менѣе способные внести въ дѣло государственнаго управленія идею долга и строгую дисциплину. Опытные и умѣлые, но корыстные дѣльцы и случайные люди, возвышенные одною только близостью къ царскому дворцу, внесли съ собой господство интриги и произвола, которое даже иностранцевъ заставляло ожидать съ нетерпѣніемъ возвращенія изъ польскаго плѣна митрополита Филарета: „онъ одинъ,—писалъ, напр., голландецъ Исаакъ Масса,—былъ бы въ состояніи поддержать достоинство великокняжеское“.

Однако усиліями первыхъ лѣтъ были достигнуты элементарно-необходимые результаты. Наиболѣе рѣзкіе остатки „великой разрухи“ внутри страны были подавлены, возстановлено государственное властвованіе московскаго центра надъ всей территоріей. Новгородъ вернулся подъ власть Москвы и со шведами заключено „мирное докончаніе“. Въ 1618 г. отбито нашествіе

Владислава, а затѣмъ состоялись Деулинское перемиріе и обмѣнъ плѣнными. Возвращеніе въ Москву митрополита Филарета было крупнымъ событіемъ. Въ лицѣ отца государева царское правительство пріобрѣло съ 1619 г. новый властный центръ. Вырванный судьбою изъ рядовъ свѣтскихъ дѣятелей, Филаретъ сталъ во главѣ русской церкви. Московская патріархія „вдовствовала“ съ кончины патріарха Гермогена. Ожидали Филарета, титулуя его пока „митрополитомъ московскимъ и всея Руси“. Давно нареченный въ патріархи, онъ занялъ теперь святительскій престолъ при исключительныхъ условіяхъ. Это событіе пріобрѣло особую торжественность, благодаря прибытію въ



Свадебный чинъ царя Михаила Ѳедоровича и царицы Евдокіи. Описаніе брачнаго сочетанія царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (лицевая рукопись Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ).

Москву іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, который и совершилъ 24 іюня въ Успенскомъ соборѣ обрядъ поставленія новаго патріарха всея Руси. Съ той поры и до кончины своей 1 октября 1633 г. Филаретъ управлялъ и церковью и государствомъ. Какъ правитель русской церкви, патріархъ, чуждый церковно-богословской книжности, являлся, прежде всего, властнымъ и искуснымъ администраторомъ. Церковь была для него учрежденіемъ, требующимъ устроїства на началахъ строгой дисциплины и іерархическаго господства, и онъ цѣликомъ перенесъ въ свое патріаршеское управленіе формы приказнаго завѣдыванія дѣлами. Судъ въ патріаршемъ судномъ приказѣ былъ „въ духовныхъ дѣлахъ и въ смертяхъ и въ пныхъ во всякихъ

дѣлахъ противъ того же, что и въ царскомъ судѣ". Казенный приказъ вѣдалъ доходы патріаршей области: дань съ дворовъ духовенства и сборы съ церковныхъ доходовъ за требы, за пользованіе пахотой и угодьями и др.; для этого производились тщательныя переписи церквей и приходовъ, всего тяглаго духовенства.

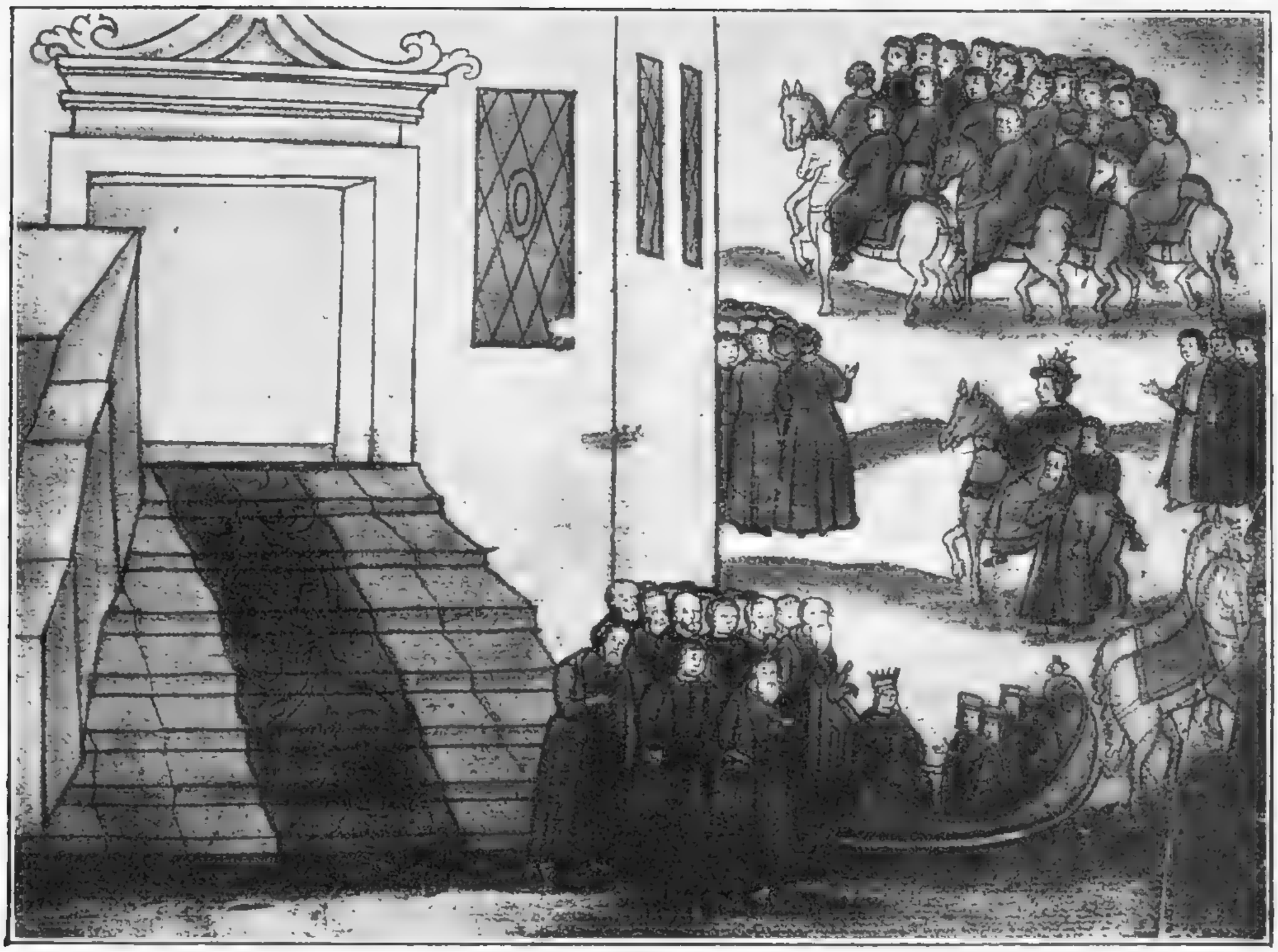
Получивъ патріаршество не по каноническому избранію, а по естественному праву, какое признали за государевымъ отцомъ, Филаретъ и для духовенства былъ, прежде всего, „великимъ государемъ". Но такимъ же „великимъ государемъ" выступалъ онъ и въ дѣлахъ управленія государственнаго. Человѣкъ властной и крутой воли, онъ „всякими царскими дѣлами и ратными владѣлъ" не только путемъ личнаго вліянія на сына-царя. Его участіе въ государственной власти было установлено формально какъ титуломъ „великаго государя", такъ и порядкомъ дѣлопроизводства: дѣла докладывались обоимъ государямъ и граматы писались отъ имени ихъ обоихъ. Царь Михаилъ пояснялъ, что „каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ великій государь, святѣйшій патріархъ, и ихъ государское величество нераздѣльно", а современники не колебались, кого признать дѣйствительнымъ правителемъ государства: патріархъ, говорили они, „нравомъ опальчивъ и мнителенъ, а властителенъ таковъ, яко и самому царю его бояться; бояръ же и всякаго чина людей царскаго синклита зѣло томяше заключеніями и иными наказаніями". Филаретъ достигъ власти, которой добивался въ теченіе всей своей жизни, и съ его пріѣздомъ въ дѣлахъ правленія почувствовалась твердая и сильная рука. Но сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ личномъ составѣ центральной администраціи, ни въ томъ, что можно назвать намѣтившейся „программой" внутренней политики, не произошло. У придворной и приказной среды и земскаго собора явился энергичный и суровый руководитель. Отдѣльныя лица, какъ царскіе свойственники Салтыковы и нѣсколько видныхъ приказныхъ дѣльцовъ, подвергаются при немъ опалѣ, возвышаются новыя лица, но это не мѣняетъ общаго склада и характера правящей среды. Филаретъ нашелъ у власти своихъ людей, среду, съ которой давно былъ связанъ, и продолжалъ съ нею правительственную работу. Но онъ ввелъ въ эту работу больше системы и энергіи, пытаясь въ то же время бороться противъ злоупотребленій—не отдѣльными опалами, а общими мѣрами. Филаретъ и подъ монашескимъ клобукомъ остался государственнымъ человѣкомъ, дѣятельнымъ и честолюбивымъ. Пережитая борьба закалила его деспотическую натуру и обогатила его сильный умъ разнообразнымъ житейскимъ и политическимъ опытомъ. Но въ немъ не было геніальной широты, способной на смѣлое и содержательное творчество; скорѣе видимъ въ немъ умнаго администратора, умѣвшаго понять обстоятельства и очередныя задачи текущей государственной жизни, чѣмъ преобразователя, который владѣетъ даромъ не только пользоваться данными условіями, но и творчески ихъ измѣнять.

Вниманіе Филарета сосредоточено, прежде всего, на непорядкахъ и злоупотребленіяхъ разнаго рода въ области сбора податей. Съ одной стороны, вся старая система обложенія въ полномъ разстройствѣ. Попытки выяснить дѣйствительное состояніе платежныхъ силъ путемъ „дозора“—описи подлиннаго экономическаго положенія тяглыхъ хозяйствъ — далеко не были закончены и сами послужили поводомъ для многихъ злоупотребленій. Съ другой— не мало плательщиковъ разными способами уклонялось отъ тягла, усиливая, при господствѣ репартиціонныхъ пріемовъ обложенія, тяготу остальныхъ. Подати съ однихъ взимались по писцовымъ книгамъ, съ другихъ — по дозорнымъ, „и инымъ тяжело, а другимъ легко“, дозорщики однимъ за посулы мирволили, а другихъ „писали и дозирали тяжело“, и оттого всякимъ людямъ московскаго государства „скорбь конечная“. На земскомъ соборѣ, по предложенію патріарха, рѣшили начать дѣло заново, послать писцовъ во всѣ города, не потерпѣвшіе отъ разоренія, и дозорщиковъ въ разоренныя мѣстности — для правильнаго распредѣленія тягла по дѣйствительной силѣ; гарантіей успѣха должны были быть выборъ дозорщиковъ „добрыхъ“, ихъ крестное цѣлованіе и снабженіе ихъ „полными наказами“. Мысль русскихъ финансистовъ не шла дальше попытокъ наладить дѣло старыми пріемами. А, между тѣмъ, усложненіе потребностей государственныхъ и разстройство народнаго хозяйства требовали иного; неудовлетворительность старыхъ пріемовъ описанія, несогласованность единицъ обложенія въ разныхъ мѣстностяхъ губили дѣло при назрѣвшей потребности единой системы общаго государственнаго обложенія, продуктивнаго для казны и приспособленнаго къ состоянію народнаго хозяйства. Лишь много позднѣе долгимъ опытомъ борьбы съ нуждою и хаотическимъ состояніемъ государственнаго хозяйства пришли дѣятели XVII в. къ попыткамъ податной реформы. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича надѣялись еще одолѣть затрудненія улучшеніемъ техники старыхъ пріемовъ и стремленіемъ привлечь къ общей тяготѣ всѣхъ, кто умѣлъ ея „избыть“. Посадскіе многіе люди, „льготя себѣ, чтобъ имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить“, покидали насиженныя мѣста, гдѣ записаны были въ тягло, уходили въ Москву и другіе города, выбывая изъ счета. Другіе плательщики—„посадскіе и уѣздные люди“—„заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей“ и, уйдя изъ-подъ власти правительственной на частную службу и подъ покровительство новыхъ господъ,

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ. По стар. нѣм. грав. (типа Олеарія).

„живутъ себѣ въ покоѣ“. Чтобы вернуть эти платежныя силы, государь съ соборомъ рѣшаютъ вести розыскъ такихъ бѣглецовъ, возвращать ихъ на прежнее жительство, чтобы „быть имъ попрежнему, гдѣ кто былъ напередъ сего“. Обезпеченіе податной исправности населенія требуетъ, по-старому и въ еще бо̀льшей степени, прикрѣпленія тяглецовъ къ мѣсту и къ той мѣстной организаціи, куда они зачислены въ писцовыхъ книгахъ, обезпечивая это прикрѣпленіе „крѣпкими поруками“. Прошло 20 лѣтъ, и въ 1638 г. возникъ особый „сыскной приказъ“ для повсемѣстнаго сыска закладчиковъ и возврата ихъ на старыя мѣста особыми „свозчиками“, подъ надзоромъ которыхъ они обязаны были соорудить себѣ на посадѣ „дворовое строеніе“. Кому изъ нихъ не находилось „поручниковъ въ житьѣ и дворовомъ строеніи“, тѣхъ сажали въ тюрьму или обязывали „жить и строиться“ подъ угрозой ссылки въ Сибирь.

Къ той же цѣли—овладѣть всѣми силами и средствами населенія, чтобъ никто въ избылыхъ не былъ, и тѣми же средствами—прикрѣпленія къ мѣсту и повинностямъ—шло правительство въ вопросахъ, касавшихся служилыхъ людей и крестьянства. Заботы объ устройствѣ служилаго класса, раздача ему помѣстій и его пополненіе новыми верстаніями въ службу велись систематически въ правленіе Филарета. Указное законодательство этихъ лѣтъ по помѣстнымъ дѣламъ весьма обильно, и въ 1636 г. особое „помѣстное уложенье“ подводитъ ему нѣкоторый итогъ. Помѣстная система и организація службы представлялись настолько обезпеченными, что правительство идетъ навстрѣчу желанію служилыхъ людей, постепенно расширяя ихъ право распоряженія помѣстьями, разрѣшая мѣну, сдачу другому лицу—въ извѣстныхъ случаяхъ, отдачу въ приданое за дочерью. Въ то же время, правительство продолжало политику ограниченія права распоряженія вотчинами, особенно жалованными и выслуженными, которыхъ столько было роздано въ первую половину царствованія. Общая тенденція этой эволюціи служилаго землевладѣнія подготовляла сліяніе помѣстій и вотчинъ въ одинъ разрядъ недвижимыхъ дворянскихъ имѣній, вотчинныхъ по отношенію къ владѣльцу, но всецѣло подчиненныхъ служилымъ его обязанностямъ и съ регламентаціей его правъ съ точки зрѣнія правительственнаго интереса. Устраивая служилыхъ людей на земляхъ, верховная власть требовала отъ нихъ постоянной готовности къ исправной службѣ. Экономическій кризисъ, разросшійся въ послѣдствіяхъ смуты, ставилъ эти требованія въ непримиримое противорѣчіе съ хозяйственнымъ положеніемъ служилыхъ земель. Мелкія помѣстья и вотчины служилаго люда были въ состояніи сильнаго разоренія, главнымъ образомъ, по недостатку рабочихъ рукъ. Даже болѣе зажиточные московскіе дворяне заявляли, что иные изъ нихъ остались при 3—6 крестьянахъ на имѣніе. Вопросъ этотъ былъ настолько острымъ, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ и размѣръ обязательной службы опредѣляется не



Свадебный поѣздъ царя Михаила Ѳедоровича (Изъ лицевой рукописи Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. „Описаніе“ и пр.).

такъ, какъ при Иванѣ Грозномъ, по площади земельнаго владѣнія—„со 100 четей доброй и угожей земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ“, а по количеству крестьянъ у служилаго человѣка—съ 15 крестьянъ Сами служилые полагали, что нести походную службу „безъ государева жалованья“ можетъ тотъ, за кѣмъ числится 50 крестьянъ, а менѣе состоятельные нуждаются въ денежной помощи. Тягость службы создавала въ дворянской средѣ явленія, аналогичныя тѣмъ, съ какими правительство боролось, разыскивая бѣглыхъ посадскихъ людей. Дворяне уклонялись отъ призыва въ походъ, оказывались „въ нѣтяхъ“, а то и вовсе бросали свои помѣстья и, „не хотя государевы службы служити и бѣдности терпѣти“, укрывались, подобно посадскимъ закладникамъ, за бояръ, поступая къ нимъ въ „добровольные холопы“—явленіе, съ которымъ правительство боролось рѣшительными мѣрами. Сами служилые землевладѣльцы объясняли свою бѣдность и безсиліе нести требуемую службу оскудѣніемъ крестьянскихъ рабочихъ рукъ въ ихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Изнемогая въ борьбѣ съ крестьянскими побѣгами

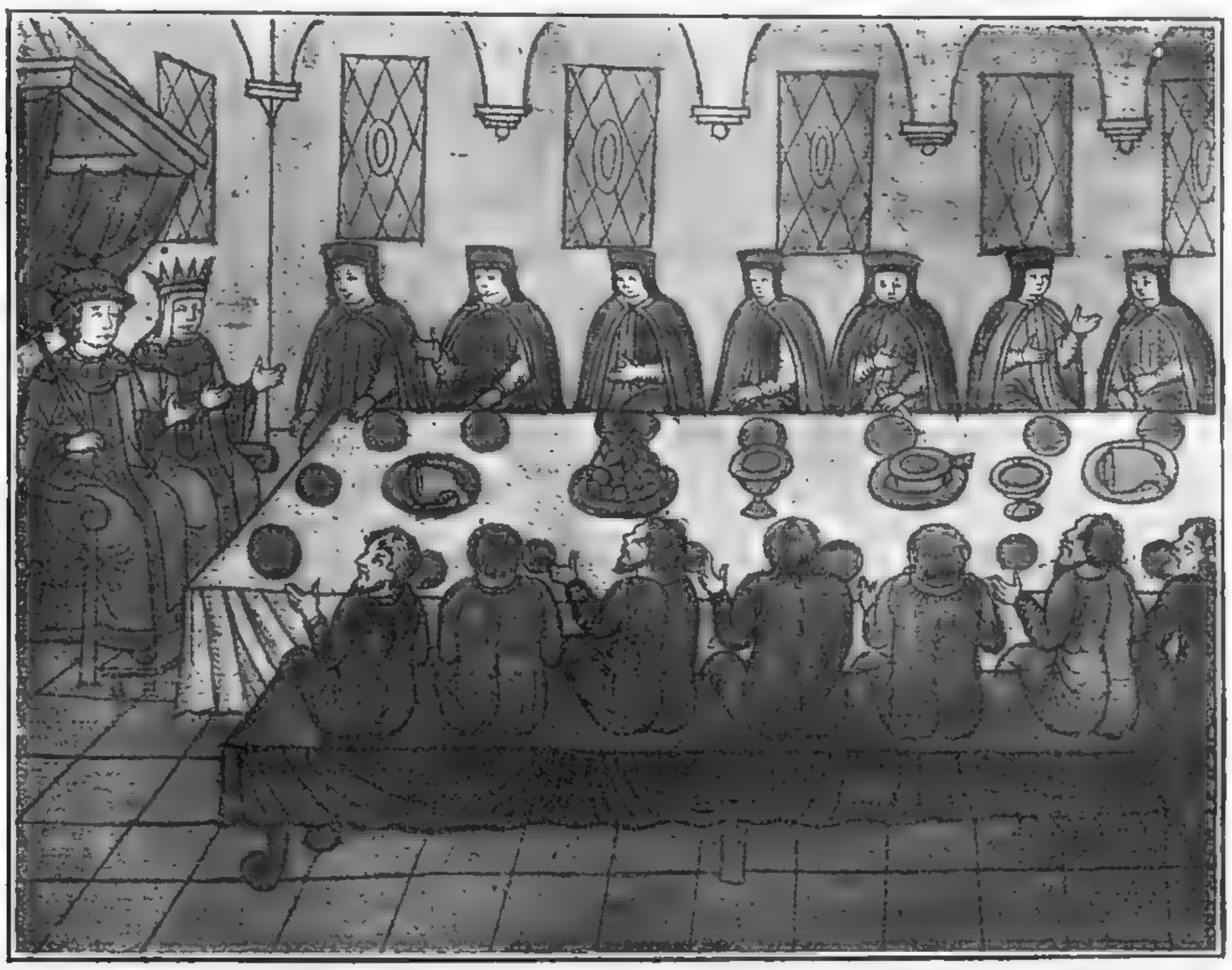
и въ непосильномъ соперничествѣ изъ-за крестьянъ съ крупными землевладѣльцами, они долго и тщетно добивались отмѣны „урочныхъ лѣтъ“ для сыска бѣглыхъ или его продленія. Только въ 1637 г. привилегія Троицкаго монастыря, упоминавшаяся выше, была распространена на дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ и замосковныхъ городовъ, а въ 1639 г.—на служилыхъ иноземцевъ; для нихъ срокъ сыска сталъ девятилѣтнимъ. Еще черезъ 3 года дворяне и дѣти боярскія „всѣхъ городовъ“ били снова государю челомъ, съ просьбой вовсе „отставить“ урочные годы, а „бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавати по помѣстнымъ ихъ и по вотчиннымъ дачамъ и по писцовымъ книгамъ и выписямъ, кто кому чѣмъ крѣпокъ“. Челобитье направлено противъ „сильныхъ людей“, которые собираютъ на свои земли бѣглыхъ крестьянъ и, пользуясь урочными годами, закрѣпляютъ ихъ за собой. Надо полагать, именно поэтому челобитье не имѣло успѣха: царскимъ указомъ 1642 г. срокъ урочныхъ годовъ продленъ только до 10 лѣтъ.

Всѣ эти мѣропріятія правительства и тѣ явленія, какія ихъ вызывали, хорошо обрисовываютъ крайнюю напряженность внутренней жизни Московскаго государства въ правленіе царя Михаила. Удовлетвореніе настоятельнѣйшихъ потребностей обширнаго государства, только что пережившаго тяжелый кризисъ и изнуряемаго внѣшней борьбой съ сосѣдями, было явно не по силамъ его населенію. Несоотвѣтствіе средствъ и потребностей вело къ политическому результату, развивавшему дальше и глубже тенденціи XVI вѣка — крайнему росту государственнаго властвованія надъ народною жизнью и быстрому замиранію самостоятельной земской жизни.

Верховная власть, подъ твердымъ руководствомъ патр. Филарета, окрѣпла и достигла полной, неограниченной силы, не въ принципѣ только, а на дѣлѣ. Но и онъ продолжаетъ работать при частомъ обращеніи къ земскимъ соборамъ. Однако въ новыхъ условіяхъ значеніе этого явленія не могло быть тѣмъ же, что въ первые годы царя Михаила. Филарету соборъ нуженъ не для того, чтобы поддержать передъ обществомъ слабый правительственный авторитетъ. Въ его рукахъ это орудіе для изученія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, средство узнать его недостатки, вскрыть существующіе непорядки и злоупотребленія. На земскій соборъ созываются выборные отъ разныхъ чиновъ Московскаго государства, „которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренья“, чтобы обоимъ великимъ государямъ, царю и патріарху, „всякія ихъ нужды и тѣсноты, и разоренья, и всякіе недостатки были вѣдомы“. Царь и патріархъ обѣщаютъ, что обсудятъ съ ними, какъ „устроить бы Московское государство, чтобы пришло въ достоинство“, и „совѣтовавъ по ихъ челобитью, учнутъ о Московскомъ государствѣ промышляти, чтобы во всемъ поправити, какъ лутче“. Однако по вопросамъ чрезвычайнаго обложенія правительство и во времена Филарета не могло обойтись безъ собора. Крайнее разстройство „сошнаго письма“ приводило къ

тому, что обложеніе опредѣлялось либо усмотрѣніемъ дозорщиковъ и сборщиковъ, либо ихъ соглашеніемъ съ плательщиками. Первый путь давалъ слишкомъ неудовлетворительные результаты и вызывалъ слишкомъ много ропота. Второй — могъ легко стать опять-таки невыгоднымъ для правительства, если населеніе не убѣждалось въ неизбѣжности идти ему навстрѣчу. II соборъ, на которомъ въ дѣлахъ финансовыхъ главную роль играли торговые люди, долженъ былъ въ особо трудныя минуты вызывать ихъ на „вспоможенье ратнымъ людямъ“ пятой деньгой „съ животовъ и съ промысловъ вправду“, а остальные чины на дачу, смотря по своимъ пожиткамъ, „кому что мочно“. Подъ контроль собора ставился выборъ сборщиковъ изъ торговыхъ людей разныхъ разрядовъ: „пересмотръ“ его на соборѣ долженъ былъ обезпечить добросовѣстность постановки всего дѣла. Но изслѣдованіе С. Б. Веселовскаго показало, насколько мало значительны были финансовые результаты этихъ чрезвычайныхъ усилій. Пятинныя и запросныя деньги заняли далеко не первое мѣсто въ ряду источниковъ дохода правительства царя Михаила. Къ тому же онѣ, въ свою очередь, содѣйствовали замѣтному пониженію доходности косвенныхъ налоговъ.

Въ первые годы царствованія правительство искало выхода изъ нужды напряженіемъ прямого обложенія, постояннаго и чрезвычайнаго, но его тягость, несомнѣнно, „затронула народный капиталъ“: производство и торговля



Свадебный пиръ въ Грановитой палатѣ. Описаніе брачнаго сочетанія царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича (лицевая рукопись Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ).

сильно сократились. Съ 20-хъ гг. эти результаты финансовой политики уже ясны, и роль въ ней земскихъ соборовъ становится все менѣе цѣнной и значительной. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше жалобы на невыносимую тяготу берутъ на соборахъ верхъ надъ возможностью продолжать поддержку „государева и земскаго дѣла“ чрезвычайными жертвами. Ихъ столько было уже принесено, что народныя силы казались исчерпанными. Вслушиваясь въ эти жалобы, патр. Филаретъ стремился изыскать мѣры къ пресѣченію тѣхъ золъ, какія въ нихъ раскрывались. Тягота тягла и службы не могла быть облегчена; напротивъ, она непзмѣнно нарастала. Организаціоннаго умѣнья и средствъ не хватало на то, чтобы достичь хотя бы ея равномѣрнаго распредѣленія. Такая задача требовала бы сложнаго творчества и коренной реформы всей военной и финансовой системы, что было — въ данную эпоху — не по силамъ руководителямъ судебъ Московскаго государства. Оставалось бороться съ частичными несовершенствами и искаженіями существующаго порядка и преслѣдовать злоупотребленія имъ. Власть это и дѣлала, по мѣрѣ силъ и умѣнья. Проявляя неустанную дѣятельность въ упорядоченіи, хотя бы самыми крутыми мѣрами, тягла и службы, правительство, подъ руководствомъ патр. Филарета, пыталось создать какія-либо формы контроля надъ „сильными людьми“, о произволъ и вліяніе которыхъ разбивались усилія установить прочный и законный порядокъ. По повелѣнію великихъ государей назначались для сыска „про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ“, по жалобамъ многихъ людей на бояръ и приказныхъ дѣльцовъ въ насильствахъ и обидахъ, довѣренныя лица изъ ближнихъ бояръ государевыхъ. Такія судебно-разыскныя комиссіи назывались иногда „приказами“ — сыскными, „что на сильныхъ бьютъ челомъ“, но стояли выше обычныхъ приказовъ, откуда къ нимъ поступали дѣла, какъ въ высшую инстанцію. Возникали „сыскные приказы“ такого типа и для иныхъ порученій, какъ пересмотръ жалованныхъ граматъ съ цѣлью ввести привилегіи вотчинниковъ въ рамки „государева уложенья“, разслѣдованіе дѣлъ, особо заинтересовавшихъ власть и т. п. Не довѣряя своей администраціи и не рѣшаясь искать путей къ ея реформѣ, правительство передавало наиболѣе острые вопросы о „сильныхъ людяхъ“, ихъ привилегіяхъ и дѣйствіяхъ особымъ комиссіямъ довѣренныхъ лицъ, примыкавшимъ къ ближней думѣ царской по личному составу и довѣренности. Эта практика весьма характерна для царской власти XVII в., почуявшей политическую и моральную опасность отвѣтственности за дѣйствія своихъ полномочныхъ и если не безотвѣтственныхъ, то фактически безконтрольныхъ органовъ. Внимательно выслушивая жалобы населенія и даже вызывая ихъ на земскихъ соборахъ, оно столь же внимательно относилось къ челобитьямъ, поднимавшимъ вопросы о мѣстныхъ нуждахъ или потребностяхъ отдѣльныхъ группъ населенія, наконецъ, прислушивалось къ доносамъ и „извѣтамъ“, разъ въ нихъ обличались нарушенія государственнаго

интереса или безопасности политической; процессы — въ особомъ порядкѣ производства — по поводу „слова и дѣла“ государева возникли въ дни царя Михаила. Народное представленіе о царѣ-блюстителѣ высшей справедливости заставляло населеніе тянуться со своими нуждами къ престолу, къ личной власти государевой за обороной отъ всякихъ обидъ и на земскіе соборы смотрѣть, какъ на форму такого же обращенія. Общественная масса сходилась въ традиціонномъ воззрѣніи съ представленіями носителей верховной власти. Московская средневѣковая монархія вырастала на народномъ корню.

Политическіе успѣхи новой династіи, ея укрѣпленіе во главѣ національнаго государства въ значительной мѣрѣ связаны съ личностью святѣйшаго патріарха всея Руси, великаго государя Филарета Никитича. Сама властная фигура патріарха и его санъ содѣйствовали поднятію авторитета власти. Умирая 1 октября 1633 года, Филаретъ покинулъ Московское государство окрѣпшимъ настолько, что ни внѣшнія опасности, вызывавшія тяжелую борьбу съ сосѣдями, ни внутреннія язвы народнаго хозяйства и государственнаго быта, готовившія рядъ грядущихъ потрясеній, не могли уже расшатать воздвигнутаго изъ развалинъ политическаго зданія. Съ кончиной патріарха ничто по существу не измѣнилось, несмотря на несомнѣнное ослабленіе правительственнаго центра. Вернулись въ Москву опальные члены придворной знати и приказной среды. Но, видимо, никто изъ нихъ, ни изъ близкихъ царю вообще не замѣнилъ Филарета въ преобладающемъ государственномъ вліяніи. Московское правительство плыло по сложившемуся теченію, не проявляя сколько-нибудь крупнаго почина. И за три года до конца жизни и царствованія Михаила Ѳедоровича его правительству привелось подвести своего рода итогъ состоянію государства на земскомъ соборѣ, созванномъ для обсужденія вопроса о взятіи казаками Азова. На соборѣ этомъ всѣмъ чинамъ Московскаго государства было объявлено, что донскіе казаки захватили Азовъ, просятъ его отъ нихъ принять и послать туда воеводъ съ ратными людьми. На обсужденіе собора поставили вопросъ: разрывать ли изъ-за Азова съ Турціей и Крымомъ? а если идти на большую

Думный дьякъ И. Т. Грамотинъ († 1638). (Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

войну, то какъ обезпечить нужныя средства — денежные, хлѣбные и пушечные многіе запасы? Всѣ чины соборные должны были „помыслить о томъ накрѣпко“ и государю о томъ „мысль свою объявити на письмѣ“. Люди служилые сознавали ясно важность пріобрѣтенія: Азовъ въ русскихъ рукахъ парализовалъ крымскую орду и могъ стать опорнымъ пунктомъ для уничтоженія ея силы, устраняя и близкую поддержку турокъ. Но разсужденія о средствахъ обороны Азова и веденія войны обратились въ сплошную жалобу на несправедливости, непорядки и оскудѣніе. Чины столичные и придворные поровили свести защиту Азова къ поддержкѣ казаковъ „охочими вольными людьми“ на денежномъ жалованьи, безъ общаго похода. Дворяне городовые выражали готовность на войну, но указывали на неравномѣрность распредѣленія военныхъ и денежныхъ повинностей. Они совѣтовали государю хлѣбные запасы брать „со всѣхъ безъ выбора“ и „рать строить“ по тѣмъ уравнительнымъ правиламъ, какія установлены были при царяхъ Иванѣ и Ѳедорѣ, взять пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей съ бояръ и ближнихъ людей, которые пожалованы многими помѣстьями и вотчинами, хотя бы въ видѣ исключенія „для такого бусурманскаго нахожденія“ и въ такомъ размѣрѣ, какой государь укажетъ; съ дьяковъ и подьячихъ, которые не только пожалованы и помѣстьями и вотчинами, но, сверхъ того, обогатѣли у государевыхъ дѣлъ неправеднымъ мздоимствомъ, накупили себѣ вотчинъ и построили такихъ домовъ, какихъ при прежнихъ государяхъ и у великородныхъ людей не бывало; ихъ же справедливо обложить деньгами „противъ домовъ ихъ и пожитковъ“ на жалованье ратнымъ людямъ; съ „государева богомолья“ — церковныхъ вотчинъ взять даточныхъ людей не по устарѣлымъ даннымъ писцовыхъ книгъ и тѣмъ болѣе не „противъ заступленья“, а по числу крестьянъ, какъ государь установитъ; съ служащихъ по московскому списку и вообще столичныхъ чиновъ, которые на льготной и выгодной службѣ „отяжелѣли и обогатѣли“, взять даточныхъ людей, а съ ихъ пожитковъ—деньги. Такъ получатся и сила ратная и деньги на приборъ стрѣльцовъ и солдатъ. Службу вообще необходимо упорядочить, выяснивъ, сколько за кѣмъ изъ служилыхъ и приказныхъ людей числится крестьянъ, и установить новымъ уложеньемъ, со сколькихъ крестьянъ служить безъ денежнаго жалованья, а за лишекъ владѣнія брать деньги; рядовыхъ служилыхъ людей, „безпомѣстныхъ, пустомѣстныхъ и малопомѣстныхъ“ — поддержать помѣстнымъ верстаньемъ и денежнымъ жалованьемъ.

Финансовыя средства на войну дворяне предлагали пополнить, взявъ „лежачую домовую казну“ у духовенства и обложивъ торговыхъ и черныхъ людей по ихъ торгамъ, промысламъ и пожиткамъ, но собирать эти доходы гостямъ и торговымъ людямъ, а приказныхъ людей счесть по приходнымъ книгамъ, „чтобы государева казна безъ вѣдомости не терялась“: отъ такой ревизіи приказнаго хозяйства служилые люди ожидали несомнѣнной прибыли для казны.

Про себя рядовые служилые люди говорили, что готовы „работать государю головами своими и всею душою“, но „разорены, пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ, московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“.

Торговые люди также не скрывали своего раздраженія противъ новыхъ приказныхъ порядковъ, утверждая, что „въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ“, и вспоминали съ сожалѣніемъ, какъ „при прежнихъ государяхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судилися сами промежъ себя, а воеводъ въ городѣхъ не было“; и они указывали на свое обѣднѣніе, на остановку торговъ, разореніе отъ тяглыхъ службъ и податей, отъ конкуренціи иностранныхъ торговцевъ, которымъ покровительствовало правительство.

Инокиня Марѳа (Изъ альбома акад. Солнцева).

Выслушавъ всѣ эти заявленія, правительство рѣшило отказаться отъ Азова и отступить передъ опасностью продолжительной и тяжелой войны. Соборныя „сказки“ 1642 года характерно обрисовываютъ настроеніе тѣхъ среднихъ слоевъ населенія, которые были главной общественной силой при возстановленіи государства изъ великой „разрухи“ — въ ополченіи 1612 г., на земскомъ соборѣ, избравшемъ царя Михаила, и на рядѣ соборовъ первыхъ лѣтъ его правленія. Глубокое недовольство усиленіемъ приказной системы управленія, корыстной и безконтрольной, усугублялось тѣмъ, что ей на счетъ ставилось общее разстройство экономическаго быта и государственной силы, которыхъ она была, конечно, не причиной, а порожденіемъ. Острое раздраженіе вызывали и новые общественные верхи, обогатѣвшіе царскою милостью и собственнымъ мздоимствомъ и отяжелѣвшіе въ своемъ льготномъ положеніи. Силы и средства страны казались общественной массѣ большими, но неправильно распредѣленными, такъ что слишкомъ значительная ихъ часть ускользаетъ отъ служенія государеву и земскому дѣлу и пропадаетъ втунѣ. Надъ этимъ упрощеннымъ пониманіемъ положенія не возвышалась, впро-

чемъ, и мысль государственныхъ людей первой половины XVII вѣка. Усиліями перваго царствованія новой династіи государство было возстановлено на старыхъ основаніяхъ, руководившихъ политикой такихъ строителей царства, какъ Грозный и Годуновъ. Достигнутыми результатами, въ значительной мѣрѣ, осуществлялись намѣченныя ими цѣли. Но традиціонные пріемы управленія оказались недостаточными для разрѣшенія задачъ, болѣе сложныхъ. Правительственная работа, направленная исключительно на организацію и эксплуатацію народныхъ силъ и средствъ для государева и земскаго дѣла, спасла государство отъ внѣшняго и внутренняго разгрома, но не вывела страны изъ состоянія разстройства и надрыва этихъ силъ и средствъ. Побѣждены были гибельныя проявленія смуты; ея корни не были вырваны изъ русской жизни. Это сказалось при сынѣ царя Михаила новыми тревогами и серьезными волненіями [1]).

2. Первые годы царя Алексѣя.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ скончался въ ночь съ 12 на 13 іюля 1645 г., благословивъ на царство единственнаго сына, шестнадцатилѣтняго Алексѣя. Царь Алексѣй вступилъ на престолъ „по приказу“ отца своего и „по прежнему крестному цѣлованью“ всѣхъ людей Московскаго государства, какъ они цѣловали крестъ царю Михаилу съ его царицей и великой княгиней и ихъ царскими дѣтьми, которыхъ имъ, государямъ, Богъ дастъ. Два современника, одинъ иноземецъ, другой русскій, такъ говорятъ о воцареніи Алексѣя, что дали поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ предполагать его избраніе на престолъ земскимъ соборомъ. Олеарій сообщаетъ, что на утро, по смерти отца, Алексѣя привѣтствовали царемъ и „въ тотъ же день еще по единогласному рѣшенію всѣхъ бояръ, вельможъ и всей общины, короновали его и присягнули ему“; это было сдѣлано притомъ съ нѣкоторой спѣшкой, по стараніямъ Б. И. Морозова, такъ что не всѣ въ странѣ, кто желалъ присутствовать при торжествѣ, могли явиться во-время. Котошихинъ говоритъ, какъ будто, опредѣленнѣе — о царскомъ „обраніи“, состоявшемся „мало время минувше“: для этого было на Москвѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ и посадскихъ людей человѣка по два изъ города, „обрали“ царя — весь духовный чинъ, бояре и думные люди, служилые, торговые и всякихъ чиновъ люди и чернь, и „учинили коронованіе въ соборной большой первой церкви“. Крестное цѣлованіе молодому государю произошло на Москвѣ въ первый же день, 13 іюля, — по городамъ въ ближайшее время. Царское вѣнчаніе со-

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, указ. сочиненія и „Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“, Спб., 1905; Ю. В. Готье, „Замосковный край въ XVII в.“, М., 1906; С. Б. Веселовскій, „Семь соборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича“, М., 1909; И. Я. Гурляндъ, „Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ“, Яр., 1902, и „Приказъ сыскныхъ дѣлъ“ (въ „Сб. въ честь проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова“, К., 1904 г.).

Рѣпинъ. Θ. Н. Романовъ въ заточеніи.

стоялось 28 сентября, и только къ этому времени могли съѣхаться выборные люди изъ нѣкоторыхъ городовъ, а изъ дальнихъ мѣстъ не могли поспѣть, что давало впечатлѣніе спѣшки. Обранье — въ которомъ участвовала и „чернь“, московская толпа, а по одному указанію также иноземцы — могло быть только торжественнымъ „явленіемъ“ царя народу для привѣтствія и провозглашенія, однимъ изъ моментовъ обряда вѣнчанія на царство.

Начало новаго царствованія вызвало измѣненіе въ личномъ составѣ правящихъ верховъ. Первое мѣсто во дворцѣ и дѣлахъ управленія занялъ воспитатель царя Бор. Ив. Морозовъ, и въ силу вошли близкіе ему люди. Морозовъ поднялся до своего высокаго положенія по связямъ съ вліятельными лицами въ дни царя Михаила и держался ихъ круга. Когда Алексѣй Михайловичъ принялъ намѣреніе вступить въ бракъ, повторилась исторія, подобная дѣлу Хлоповой. Царь выбралъ въ невѣсты дочь Ѳедора Всеволожскаго, но та, при этомъ, упала въ обморокъ; ее признали больной и за сокрытіе будто бы падучей сослали въ Сибирь вмѣстѣ съ родней, и только съ 1653 г. позволили имъ жить въ дальнихъ помѣстьяхъ. Все дѣло московскіе слухи опять приписали придворной интригѣ, въ частности Морозову, боявшемуся возвышенія Всеволожскихъ. Какъ бы то ни было, но царь Алексѣй вступилъ въ иной бракъ, съ Марьей Ильиничной Милославскихъ, дочерью Ильи Даниловича Милославскаго, который былъ племянникомъ вліятельнаго думнаго дьяка Ив. Грамотина. Черезъ нѣсколько дней Морозовъ женился на сестрѣ молодой царицы, Аннѣ. Рядомъ и, видимо, въ согласіи съ Морозовымъ стала теперь, по вліянію, царицына родня. Милославскіе, во главѣ съ царскимъ тестемъ, занимали видное придворное положеніе, вѣдали приказами, сидѣли на воеводствахъ, поддерживали и выводили въ люди родственниковъ, свойственниковъ и пріятелей въ теченіе почти всего XVII в., но не дали Московскому государству ни одного даровитаго и полезнаго дѣятеля. Ихъ имя неизмѣнно связывалось съ самыми острыми жалобами на приказныя хищенія и вымогательства. Съ ихъ возвышеніемъ

Дѣтскіе доспѣхи царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная Палата).

только усиливалась распущенность приказной среды, обострилось раздраженіе населенія противъ царской администраціи. Двое близкихъ Милославскому людей, судья земскаго приказа Л. С. Плещеевъ и П. Т. Траханіатовъ, вѣдавшій приказъ Пушкарскій, заслужили на Москвѣ особенно худую славу въ первое же время царствованія Алексѣя. Имя перваго изъ нихъ стало нарицательнымъ: безудержный произволъ стали звать Плещеевщиной.

Повидимому, еще въ дни царскаго вѣнчанія, въ связи съ помянутымъ „обраньемъ“, молодому государю всякихъ чиновъ люди били челомъ, по обычаю, о разныхъ обидахъ и непорядкахъ и просили государя утвердить новымъ его уложеньемъ правильное и безволокитное вершенье всѣхъ дѣлъ. Задача пересмотра и упорядоченія сложившихся распорядковъ и отношеній назрѣла, какъ результатъ всей предыдущей правительственной работы; о ней не разъ били челомъ на соборахъ и внѣ ихъ разныя общественныя группы по отдѣльнымъ вопросамъ. Но юный царь былъ еще слишкомъ неопытенъ, чтобы сразу усвоить широкую и опредѣленную программу, а окружали его, въ ту пору, люди, неспособные ни направить, ни поддержать большое государственное дѣло. Впрочемъ, въ двухъ вопросахъ важнѣйшаго значенія къ реформамъ приступили безъ замедленія. На земскихъ соборахъ предыдущаго царствованія неоднократно били челомъ государю о сборѣ платежей и повинностей, облагая всякаго чину людей не поземельно, по „сошному письму“, а по количеству крестьянъ, наличныхъ во владѣльческихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ; въ одной изъ „сказокъ“ 1642 г. это обложенье было названо „поворотнымъ“ или „со двора“. Задача реформы указывалась въ томъ, чтобы избавить плательщиковъ отъ уплаты за „пустые“ участки „навальнаго сошнаго письма“, а, съ другой стороны, усилить обложеніе богатыхъ крестьянами крупныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ, для которыхъ „сошное письмо“ оказывалось нерѣдко льготнымъ. Въ 1646 г. правительство царя Алексѣя приступило къ новой описи — подворной, и въ два года ее закончило. Переписныя книги должны были лечь въ основаніе выполненія и другого челобитья служилыхъ землевладѣльцевъ; правительство обѣщало, что „какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти, и братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“, что и было исполнено въ „Уложеніи“ 1649 г. Но финансовая реформа по переписнымъ книгамъ затянулась надолго: правительство использовало ихъ ранѣе всего для раскладки экстренныхъ сборовъ, а старыя подати продолжало собирать попрежнему „съ сошнаго письма“, при всей неравномѣрности и запутанности этого обложенія. Дѣло въ томъ, что оно надѣялось достигнуть бо́льшей продуктивности обложенія, равномѣрности его и всеобщности переносомъ центра тяжести съ прямыхъ налоговъ на косвенные. Съ этой цѣлью въ февралѣ 1646 г. была введена новая, значительно повышенная пошлина на соль, которой предпо-

лагалось замѣнить главныя прямыя подати, въ томъ разсчетѣ, что ее „платить станетъ всякій безъ правежу, собою“, и что она естественно захватитъ всѣ разряды населенія внѣ всякихъ привилегій. Соляная пошлина, какъ всякій налогъ на продукты первой необходимости, легла, на дѣлѣ, невыносимой тягостью на бѣднѣйшіе разряды населенія и только обострила общую нужду и народное раздраженіе.

А, между тѣмъ, тревожное настроеніе нарастало. Соляная пошлина сплелась съ притѣсненіями приказныхъ, чтобы исчерпать терпѣніе народа. 2 іюня 1648 г. „смятеніе въ мірѣ“ вырвалось наружу. Царя, возвращавшагося съ Троицкаго богомолья, окружила на улицѣ взволнованная толпа и „всею землею“ била челомъ на земскаго судью Леонтія Плещеева, вора и грабителя, утѣсняющаго народъ, а затѣмъ поднялась на „его Леонтьевыхъ заступниковъ“. Думнаго дьяка Чистого убили въ его домѣ и требовали выдачи Плещеева, боярина Морозова, Траханіотова. Царь велѣлъ вести Плещеева на казнь, но толпа отняла его и сама съ нимъ расправилась Тогда отъ лица государева говорили съ народомъ популярные бояре Н. И. Романовъ и кн. Д. М. Черкасскій, обѣщая устранить ненавистныхъ людей, но толпа не хотѣла вѣрить, пока царь самъ не подтвердилъ обѣщанія передъ нею, крестъ цѣлуя; да и тогда не перестала волноваться и требовать расправы надъ Морозовымъ и Траханіотовымъ. Послѣдняго пришлось казнить „передъ міромъ“, а Морозова, своего дядьку, „царь у міра упросилъ“ отъ казни, но выслалъ изъ Москвы, обязавшись впредь не допускать его ни къ какимъ дѣламъ. „На томъ,—разсказываетъ очевидецъ,—міромъ и всею землею государю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися“. Прямой бунтъ улегся, но тревожные толки продолжали ходить по Москвѣ.

Чуялось, что „весь міръ качается“. Безпокойныя головы мечтали найти вождей въ двоюродномъ братѣ царскомъ, бояринѣ Н. И. Романовѣ и кн. Черкасскомъ или хоть выдвинуть ихъ въ правленіи противъ постылыхъ ближнихъ людей Морозова. Но движеніе не только не направлялось противъ царя, а, напротивъ, его мыслили солидарнымъ съ народомъ. Съ царемъ міръ „договорился“, царь велѣлъ Плещеева и Траханіотова „всей землѣ выдать головою“, и какой-то москвичъ сообщалъ иногороднему знакомцу: „нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ“.

Не въ одной Москвѣ закачался міръ. Извѣстія о московскихъ событіяхъ разбудили и по городамъ надежду, что нашлась, наконецъ, управа на „сильныхъ“ людей. Горожане, сносившіе поборы и утѣсненія воеводъ и ихъ приказныхъ, поднялись на нихъ боемъ и разграбленіемъ въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ. Неспокойно прошли 1648 и 49 годы. А въ началѣ 1650 возникли болѣе серіозные безпорядки въ Псковѣ, потомъ и въ Новгородѣ. Народные толки осуждали „измѣнниковъ“, окружавшихъ царя. Уплату шве-

дамъ крупной суммы хлѣбомъ и деньгами за перебѣжчиковъ, которыхъ правительство не хотѣло выдавать, въ народѣ истолковали, какъ проявленіе „измѣны“, служенія иноземцамъ—во вредъ своей землѣ. Псковичи погромили транспортъ, били иноземцевъ, выбрали себѣ „начальныхъ людей“, не слушая ни въ чемъ воеводу и архіепископа, подняли съ собой и новгородцевъ, которые также устроили у себя выборное правительство, поднявшись на воеводу и на митрополита Никона. Къ царю и тѣ и другіе послали челобитчиковъ, полагая, что защищаютъ „государево и земское дѣло“, бить челомъ на бояръ и приказныхъ—измѣнниковъ и притѣснителей. Заступника у царя псковичи искали себѣ все въ томъ же Н. И. Романовѣ: просили ему поручить сыскъ по ихъ дѣлу и черезъ него пытались просить, чтобы впредь возстановленъ былъ прежній порядокъ: судили бы воеводы и дьяки съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а псковичей бы на Москву для суда не вызывать. Раздраженіе противъ приказныхъ злоупотребленій разрасталось въ протестъ противъ самой системы централизованнаго приказного управленія.

Въ Москвѣ челобитчики получили отвѣтъ, что „холопы государевы и сироты великимъ государямъ никогда не указывали, псковичамъ надобно было челомъ бить до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться; а того никогда не бывало, чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впредь того не будетъ“. Пришлось, однако, отправить ратную силу для усмиренія волненій. Новгородъ сразу принесъ повинную, отчасти благодаря энергіи и выдержкѣ митр. Никона, но псковичи сдались только послѣ тщетной попытки сопротивленія.

Въ то время, какъ развертывались всѣ эти тревожныя событія, въ Москвѣ шла, при участіи земскаго собора, работа надъ обновленіемъ всего законодательства въ „Уложеніи“, которая завершила строительную работу возстановленія государства. Вспышки народныхъ волненій показывали, какъ слабо еще было внутреннее равновѣсіе въ странѣ, расшатанной напряженнымъ кризисомъ перестройки государственныхъ и соціальныхъ отношеній. Надрывъ матеріальныхъ ея силъ со времени смуты значительно осложнялъ этотъ процессъ, а внѣшнія отношенія еще неокрѣпшаго въ самомъ себѣ государства еще болѣе изнуряли его, требуя затраты крупныхъ средствъ и усилій на обезпеченіе международныхъ условій его бытія и развитія.

Русскій ратникъ XVII в. (Оружейная Палата).

VI. Международное положеніе Московскаго государства въ первую половину XVII в.

Съ утвержденіемъ на престолѣ новой династіи Московскому государству пришлось строиться вновь не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Москва въ эпоху Смуты потеряла свое международное значеніе, потеряла слишкомъ значительную и цѣнную часть государственной территоріи. На западной границѣ она оказалась отброшенной назадъ ко временамъ, предшествовавшимъ дѣятельности Ивана III. Потерянъ былъ Новгородъ, закрытъ путь къ западному морю; потерянъ Смоленскъ, утрачена земля Сѣверская, отрѣзаны пути въ Поднѣпровье. Сосѣди стремились закрѣпить за собой захваченныя области и до конца использовать создавшіяся условія, отказываясь признать совершившійся фактъ—возстановленіе на Москвѣ царскаго престола. Внутренняя смута слишкомъ тѣсно сплелась съ отношеніями къ западнымъ сосѣдямъ: не уладивъ ихъ, было невозможно и ее одолѣть сколько-нибудь прочно. Смута проложила путь иностранному вмѣшательству въ русскія дѣла, и, въ первое время, оно поддерживало разсчеты враговъ возстановляемаго порядка. Борьба была неизбѣжна; она и не

прервалась избраніемъ Михаила. Шведы держали сѣверо-западъ, и король Густавъ-Адольфъ даже мечталъ, захвативъ Псковъ и Холмогоры или Соловки, отрѣзать отъ Москвы оба моря и всю полосу по линіи этихъ пунктовъ. Въ 1614 г. онъ лично повелъ военныя дѣйствія, взялъ Гдовъ, въ слѣдующемъ году осадилъ Псковъ, но послѣ неудачи этого дѣла—согласился на переговоры. Долгія пререканія представителей обѣихъ сторонъ закончились заключеніемъ 27 февраля 1617 г. „вѣчнаго мира“ въ Столбовѣ, на рѣкѣ Сяси. Москва, по этому договору, уступала на шведскую сторону Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ съ уѣздами и уплачивала 20 т. рублей. Шведскій король, у котораго главной цѣлью всей политики было господство Швеціи на Балтійскомъ морѣ, былъ весьма доволенъ этимъ результатомъ, тѣмъ болѣе, что царь отказался въ его пользу отъ всякихъ притязаній на Лифляндію и Корелу. Но и въ Москвѣ были рады миру, вызволившему Великій Новгородъ. Теперь были у нея развязаны руки для дѣла, еще болѣе настоятельнаго—борьбы съ королемъ польскимъ. Московское правительство возобновило ее при первой возможности,ославъ уже въ мартѣ 1613 г. ратную силу на оборону и очищеніе западныхъ областей. Но силъ на энергичное наступленіе не хватало, война тянулась вяло, хотя, при данныхъ обстоятельствахъ, была крайне изнурительна. По счастью, и противникъ, отвлеченный турецкой опасностью и раздорами короля со шляхтой, лишь отстаивалъ захваченное, и даже не былъ въ силахъ отбить ничтожныя силы русскихъ воеводъ, тщетно стоявшихъ полгода подъ Смоленскомъ. Столь же безрезультатно тянулись съ конца 1614 до начала 1616 г. переговоры о возможныхъ условіяхъ мира. Лѣтомъ 1616 г. царь Михаилъ сдѣлалъ попытку наступленія, не давшую сколько-нибудь прочныхъ послѣдствій, а, между тѣмъ, королевичъ Владиславъ получилъ согласіе сейма на походъ къ Москвѣ. Владиславъ продолжалъ титуловать себя царемъ московскимъ и настаивать на своихъ правахъ, но для ихъ поддержки ему за цѣлый годъ приготовленій удалось собрать лишь небольшое воїйско, и то необезпеченное ни жалованьемъ, ни припасами. Въ Польшѣ московская авантюра дома Ваза далеко не пользовалась популярностью въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Насколько пріобрѣтеніе земель Смоленской и Сѣверской представлялось дѣломъ необходимымъ для обезпеченія великаго княжества Литовскаго, настолько утвержденіе на московскомъ наслѣдственномъ престолѣ польскаго королевича могло казаться политической опасностью и династической затѣей, не заслуживающей жертвъ со стороны Речи Посполитой. Только лѣтомъ 1617 г. вступилъ Владиславъ въ московскіе предѣлы, но прошелъ еще цѣлый годъ, пока онъ получилъ возможность болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Польское войско, недостаточное, чтобы взять сколько-нибудь значительную крѣпость, раздраженное неполученіемъ платы, мѣсяцъ за мѣсяцемъ разоряло русскія области, возстановивъ для западныхъ уѣздовъ горькія времена смуты. Наконецъ, Владиславъ осенью 1618 г.

рѣшилъ двинуться къ Москвѣ, чтобы чѣмъ-нибудь кончить. Сеймъ назначилъ ему, правда, небольшую, сумму денегъ, съ обязательствомъ закончить походъ до конца года. Съ юга пришла къ нему серьезная помощь—гетманъ Конашевичъ-Сагайдачный съ 20 тысячами казаковъ, чѣмъ силы королевича утраивались. Но и теперь этихъ силъ было недостаточно ни для взятія Москвы штурмомъ, ни для правильной осады. А Москва была еще такъ ослаблена, что могла только защищаться, отстаивая укрѣпленные пункты и уклоняясь отъ рѣшительной встрѣчи. Обѣимъ сторонамъ оставалось только договориться. Переговоры въ с. Деулинѣ, близъ Троицкой Лавры, привели къ перемирію на 14½ лѣтъ, при чемъ Речь Посполитая удерживала свои завоеванія—Смоленскую и Сѣверскую земли, а вопросъ о правахъ Владислава на московскій престолъ былъ „положенъ на судъ Божій“ и не получилъ формальнаго рѣшенія. Но и въ такой формѣ перемиріе было необходимо для Москвы, занятой трудной внутренней работой. Таковы были результаты внѣшней политики первыхъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳедоровича. Событія эти связывались, съ другой стороны, съ расширеніемъ и оживленіемъ московскихъ международныхъ сношеній, такъ какъ московскіе политики сдѣлали большое усиліе—связать свои насущныя дѣла съ отношеніями державъ въ Западной Европѣ. Еще изъ Ярославля кн. Пожарскій съ товарищи предпринялъ шаги къ возобновленію сношеній съ вѣнскимъ императорскимъ дворомъ, а лѣтомъ 1613 г. отправилось посольство къ имп. Матѳею. Московское правительство желало посредничества императора между собой и Сигизмундомъ, разсчитывая на его вліяніе въ Польшѣ, но пришлось скоро убѣдиться, что эти разсчеты безплодны. Участіе императорскаго посла Ганзеліуса въ русско-польскихъ переговорахъ оставило впечатлѣніе, что онъ „доброхотаетъ королю“, а вѣнское правительство явно не заинтересовано въ успокоеніи Московскаго государства. Больше реальныхъ основаній было искать соглашенія съ Турціей, давнимъ польскимъ врагомъ. Сношенія Москвы съ султаномъ сильно тревожили королевское правительство. Знали въ Варшавѣ, что русскіе послы, отправленные въ Константинополь въ іюлѣ 1613 г., поднимаютъ султана на Польшу, ищутъ его приказа крымскому хану идти на польскія земли, а

Царь Алексѣй Михайловичъ на конѣ.
(Историческій музей).

русскую не безпокоить набѣгами. Однако, если эти опасенія и поддерживали оппозицію противъ московской войны, до активныхъ дѣйствій со стороны турокъ дѣло не дошло. Болѣе существенные плоды дала дипломатическая игра на интересахъ англо-русской и голландской торговли. Конечно, просьбы о помощи противъ шведовъ и Польши тутъ не могли имѣть успѣха: ни у Голландіи, ни у Англіи не было своихъ мотивовъ вступать въ войну. Но замиреніе Московскаго государства имѣло существенную цѣну для ихъ торговыхъ интересовъ, а окупить дипломатическую услугу пріобрѣтеніемъ отъ правительства царя Михаила льготъ и покровительства значило расширить свои рынки и открыть себѣ новые торговые пути. Во время переговоровъ, которые привели къ Столбовскому миру, посредниками, усердно улаживавшими тренія между представителями Москвы и Швеціи, явились уполномоченный отъ англійскаго короля Джонъ Мерикъ и послы голландскіе.

Лѣтомъ 1617 г. русское посольство просило короля Іакова содѣйствовать вызову Даніи, Швеціи и Нидерландовъ на помощь Москвѣ противъ Польши и поддержать русскихъ денежной субсидіей. Король прислалъ крупную сумму—20 т. рублей, но ихъ пришлось вернуть черезъ годъ, такъ какъ Деулинское перемиріе прервало польскую войну. Въ тѣ же годы впервые завязались у Москвы прямыя сношенія съ Франціей: въ 1615 г. московское посольство, извѣщая короля Людовика XIII о вступленіи на престолъ царя Михаила, искало помощи Франціи противъ поляковъ и шведовъ, но первое французское посольство появилось въ Москвѣ лишь много позднѣе,—въ 1629 г.

Далекая Московія напоминала о себѣ державамъ Западной Европы, пытаясь поставить свои отношенія къ ближайшимъ западнымъ сосѣдямъ на общеевропейскую почву. Но Москва, еле оправлявшаяся отъ полнаго упадка, не вызывала на западѣ политическаго интереса. Зато ея значеніе, какъ рынка для пріобрѣтенія сырья и сбыта европейскихъ товаровъ, а, съ другой стороны, какъ страны, владѣющей путями въ Азію и, прежде всего, въ богатую шелкомъ Персію,—неизмѣнно росло въ сознаніи западнаго коммерческаго и политическаго міра. Въ переговорахъ о помощи и посредничествѣ московскіе послы должны были сулить торговыя привилегіи. За оказанныя услуги надо было платить жалованными граматами на торговлю. Больше всѣхъ получили англичане: они пріобрѣли право свободнаго и безпошлиннаго торга; голландцы выхлопотали себѣ ту же льготу лишь на 3 года (съ 1614-го), а затѣмъ платили половинныя пошлины; рядъ личныхъ привилегій получали отдѣльные торговые люди-иноземцы за тѣ или иныя услуги московскому правительству. Попытка Франціи заключить торговый договоръ о свободной торговлѣ и пути въ Персію не имѣла успѣха, какъ и домогательства о томъ же свободномъ пути со стороны англичанъ. Во всякомъ случаѣ, навстрѣчу московскимъ посольствамъ, которыя стремились заинтересовать Западную Европу въ судьбахъ своего государства, какъ члена семьи народовъ христіанской

Маковскій. Мининъ. Нижегородскій музей.

культуры и нужнаго союзника въ борьбѣ съ мусульманствомъ,—этотъ давній аргументъ русско-европейскихъ связей обыченъ въ посольскихъ наказахъ временъ Михаила Ѳедоровича—шло усиленіе тяги къ включенію Московіи въ торговый оборотъ европейскаго міра и эксплуатаціи ея транзитныхъ путей на Востокъ. Со стороны царскаго правительства — покровительство иноземной торговлѣ вызывалось не одной расплатой за политическія услуги: англичане обязались поставлять въ царскую казну сукно и другіе продукты западной промышленности, притомъ по цѣнамъ, какія были на мѣстѣ, въ Англіи. Ничтожество своей промышленной техники вызывало большую нужду въ западныхъ товарахъ. А параллельно шло расширеніе вызова иноземныхъ промышленниковъ для насажденія на Руси лучшей и болѣе интенсивной разработки минеральныхъ богатствъ, заводскаго и фабричнаго дѣла. Съ каждымъ десятилѣтіемъ XVII в. становились все сложнѣе и глубже связи Московскаго государства съ Западной Европой... Но сознательная и болѣе послѣдовательная работа въ этомъ направленіи была еще не по силамъ Москвѣ въ первую половину столѣтія. Тягость внутренняго состоянія страны и неизбѣжныя затраты силъ и средствъ на внѣшнія отношенія поглощали ихъ до дна. Отношенія къ Польшѣ не были сколько-нибудь прочно улажены Деулинскимъ перемиріемъ. Новое разграниченіе вызывало непрерывныя пограничныя столкновенія, наѣзды и набѣги другъ на друга, споры изъ-за перебѣжчиковъ и т. д. Дипломатическія сношенія были до-нельзя затруднены непризнаніемъ за Михаиломъ Ѳедоровичемъ царскаго титула. Худой миръ то и дѣло грозилъ перейти въ прямой разрывъ, когда въ августѣ 1621 г. появился въ Москвѣ посланникъ султана, Ѳома Кантакузинъ, съ предложеніемъ наступательнаго союза противъ Польши. Но Москва чувствовала себя слабой и нуждалась въ немаломъ времени для подготовки къ новой борьбѣ. Результаты всей работы надъ возстановленіемъ служилаго дворянскаго ополченія, выполненной въ предыдущіе годы, не только не дали увѣренности въ боевой готовности государства, но привели къ сознанію,

Царь Алексѣй Михайловичъ (по старин. русск. грав.).

что неизбѣжно приступить къ преобразованію военнаго дѣла. Подготовляясь ко второй польской войнѣ, правительство заводитъ съ помощью иноземцевъ-инструкторовъ полки „иноземнаго ратнаго строя“, солдатъ и рейтаръ, затрачивая на нихъ немалыя средства. 1632 г., кончина короля Сигизмунда, смуты безкоролевья—казались моментомъ, удобнымъ для возобновленія борьбы за Смоленскъ. Война началась удачно; взятъ рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ; воевода Шеинъ осадилъ Смоленскъ. Но исходъ кампаніи былъ плачевный. Союзники-турки не открыли военныхъ дѣйствій, двинулись лишь позднѣе, когда подъ Смоленскомъ все было кончено. Осада затянулась, въ августѣ 1633 г. избранный король Владиславъ пришелъ подъ Смоленскъ съ значительными силами и осадилъ осаждающихъ въ ихъ окопахъ. Русскому войску пришлось капитулировать на унизительныхъ условіяхъ. Въ Москвѣ главныхъ воеводъ—Шеина и Измайлова осудили за измѣну и казнили; другихъ постигла опала и ссылка. Но этимъ не исчерпывался урокъ смоленскаго похода. Онъ рѣзко выяснилъ отсталость русскаго военнаго строя. Слабость московской артиллеріи, незначительность новыхъ регулярныхъ силъ и боевая безпомощность дворянской конницы вызывали на энергичныя мѣры по улучшенію военнаго дѣла. Правительство, послѣ смоленской катастрофы, усиленно комплектуетъ „приборомъ“ новыя части регулярныхъ полковъ, усиливаетъ артиллерію, напрягая, какъ можетъ, свои финансовыя средства. Въ то же время, успѣхи поляковъ на дѣлѣ Шеина и кончились. У короля средствъ также не хватало, а вѣсти о наступленіи турокъ заставили поспѣшить съ переговорами о примиреніи. Лѣтомъ 1634 г. заключенъ былъ Поляновскій миръ: онъ далъ Москвѣ только отказъ Владислава отъ правъ на московскій престолъ. Осталась прежняя напряженность пограничныхъ отношеній, питаемая, съ московской стороны, сознаніемъ тягости потери Смоленска и Сѣверской земли. Но до кончины царя Михаила вооруженныхъ столкновеній между обоими государствами не было. Тѣмъ напряженнѣе шла работа по оборонѣ и укрѣпленію другихъ границъ. Смутное время и западныя войны остановили развитіе военной колонизаціи и расширенія укрѣпленій на югѣ, со стороны степной украйны. Но южная граница тѣмъ болѣе требовала постояннаго наблюденія и охраны. Противъ набѣговъ изъ Крыма, по-старому, приходилось ежегодно выдвигать къ ней обсерваціонные отряды, и эта постоянная „полковая“ служба немало поглощала служилыхъ силъ. По заключеніи Поляновскаго мира правительство возвращается къ сооруженію на югѣ новой укрѣпленной черты, къ постройкѣ городовъ и заселенію пограничной полосы военно-служилыми поселенцами. Въ 1636 г. построены Козловъ, Тамбовъ, Верхній и Нижній Ломовы. Въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ гг. идетъ усиленное строительство. Въ 50-хъ дѣло завершено соединеніемъ городовъ и разсыпанныхъ между ними мелкихъ остроговъ непрерывной линіей укрѣпленій и засѣкъ. Перерѣзывая татарскіе шляхи, эта Бѣлогородская линія шла отъ рѣки Ворсклы, черезъ Бѣлгородъ,

Корочу, города на Осколѣ и Тихой Соснѣ къ Воронежу и Козлову. Она близко примыкала къ Симбирской чертѣ, сооруженной также въ 50-хъ гг., и, такимъ образомъ, обезпечивала оборону южной границы государства прочнѣе и легче, чѣмъ утомительныя ежегодныя мобилизаціи обсерваціонныхъ войскъ, которыя, постепенно, требуются все рѣже и исчезаютъ къ серединѣ 50-хъ гг. Это большое дѣло требовало, конечно, крупныхъ средствъ, и матеріальныхъ, и личныхъ, но закрѣпляло возстановленіе государственной территоріи и ея безопасность. Закрѣпленныя за Москвою южныя области привлекаютъ новыхъ поселенцевъ не только изъ великорусскаго центра, но и изъ-за польскаго рубежа: въ 1638 г., послѣ усмиренія казацкаго возстанія, цѣлый полкъ гетмана Остранина поселился у Чугуева городища. Казаковъ надѣлили землей, денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ и назначили къ сторожевой пограничной службѣ. Однако эта первая волна малорусскаго переселенческаго движенія, получившаго столь широкое развитіе во вторую половину XVII столѣтія, скоро схлынула обратно. Большая часть казаковъ ушла въ 1643 г. назадъ въ Польшу отъ нелегкой московской службы и вовсе тяжкихъ московскихъ воеводъ.

Медленно возстановлялось и русское колонизаціонное движеніе въ Поволжье. Въ первую четверть XVII в. мирная колонизація двинулась за Каму и устраивалась тутъ въ многоземельныхъ мѣстахъ, не требуя правительственной поддержки. Но въ 30-хъ гг. восточная окраина увидала новую силу—калмыковъ, перекочевывавшихъ изъ Азіи. Въ 40-хъ пошла постройка укрѣпленій за Камою „для обереганья отъ приходу калмыцкихъ людей“, приведшая въ 50 хъ—къ организаціи Закамской черты. Подъ защитой новыхъ укрѣпленій усилилось въ началѣ царствованія М. Ѳ. заселеніе „прихожими людьми разныхъ городовъ“ Самарской Луки и береговъ внизъ по Волгѣ. Впрочемъ, въ этомъ направленіи развитіе русской колонизаціи за всю первую половину XVII в. весьма незначительно. Но русскую силу тянули на востокъ богатыя промысловыя угодья и свобода земли. Піонеры этого движенія достигли въ царствованіе М. Ѳ. береговъ Охотскаго моря и начали заселеніе береговъ Енисея и Лены. Въ 1619 г. возникъ Енисейскъ, какъ опорный пунктъ подчиненія тунгузовъ, въ 1620 г.—Красноярскъ, центръ господства надъ инородцами верхняго Енисея. Отсюда поступательное движеніе русскихъ направилось на подчиненіе тунгузовъ и бурятъ. Самочинными дѣйствіями сибирскихъ казаковъ захвачены были пункты по Ленѣ, и Якутскій острогъ, построенный въ 1672 г., какъ и рядъ другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, намѣчали этапы этого движенія и исходныя точки его дальнѣйшаго развитія. Въ 40-хъ гг. русскіе люди стали уже твердой ногой въ Анадырскомъ краю, Забайкальѣ и проникли на Амуръ. Разбросанные на огромныхъ пространствахъ Сибири русскіе городки и остроги точно намѣчали вчернѣ будущее освоеніе этой территоріи русской колонизаціей

и русскимъ государствомъ. На югѣ—укрѣпленная граница опредѣлила лишь временный этапъ русскаго вѣкового движенія къ Черному морю. На востокѣ—граница, неопредѣленная, расплывающаяся въ непзслѣдованныхъ пространствахъ, безпокойная частыми столкновеніями съ инородческими племенами, манила легкой добычей для предпріимчивости населенія и казны государевой. На западѣ два „вѣчныхъ“ мира съ обоими вѣковыми врагами, закрѣпившіе потерю давнихъ и важныхъ пріобрѣтеній — морского берега и западныхъ украинъ — служили не столько гарантіей покоя, сколько напоминаніемъ о неизбѣжномъ возобновленіи борьбы за культурные и торговые пути въ Западную Европу и за національное господство объединенной народности въ восточно-европейской равнинѣ. Эти западныя отношенія тѣсно сплетались съ задачей умиротворенія южныхъ окраинъ избавленіемъ отъ изнурительной и непрерывной крымской опасности и пріобрѣтенія для русскаго народнаго хозяйства драгоцѣннаго земельнаго капитала черноземной и степной полосъ. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича новые набѣги крымцевъ заставили московское правительство задуматься надъ планомъ рѣшительнаго наступленія на татарское разбойничье гнѣздо. Но дѣйствія русскихъ войскъ съ помощью донцовъ справедливо представлялись недостаточными для дѣйствительнаго удара на Крымъ, особенно при ненадежныхъ и неустойчивыхъ отношеніяхъ къ западному сосѣду. Подготовляя наступленіе, Москва въ 1646 г. начала переговоры съ Польшей о союзѣ противъ хана: они не замедлили разбиться о рядъ взаимныхъ недоразумѣній и враждебныхъ счетовъ. Москва должна была понять, что только утвержденіе ея собственной власти на Кіевскомъ югѣ дастъ необходимую базу для разрѣшенія Черноморской задачи. Такъ возстановленное изъ великой разрухи государство постепенно очертило кругъ внѣшнихъ своихъ отношеній въ духѣ продолженія и расширенія традиціонныхъ теченій московской политики. Эти теченія опредѣлились въ XVI и началѣ XVII в. общими историко-географическими условіями Восточной Европы, но ихъ развитіе оказалось пріостановленнымъ въ эпоху внутренняго кризиса. Возродивъ съ огромными усиліями разбитую смутой организацію своихъ силъ, Московское государство полъ-столѣтія потратило на то, чтобы укрѣпиться на позиціяхъ, какія удалось удержать за собой. Это время — сосредоточенія національной силы наканунѣ новаго періода ея наступательныхъ движеній. Внутреннія смуты въ Речи Посполитой подготовили въ серединѣ столѣтія глубокій переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ Восточной Европы, измѣнившій въ корень не только внѣшнее положеніе, но и внутренній смыслъ московской государственной работы. Въ борьбѣ за Малороссію Московское государство вышло на тотъ путь, который привелъ ее къ перерожденію въ Россійскую имперію, одну изъ великихъ европейскихъ державъ.

А. Пръсняковъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ (Изъ „Титулярника“).

Царь Алексѣй Михайловичъ.

(Опытъ характеристики).

Далеко ушло то время, когда наши ученые и публицисты считали XVII вѣкъ въ русской исторіи временемъ спокойной косности и объясняли необходимость Петровской реформы мертвящимъ застоемъ московской жизни. Теперь мы уже знаемъ, что эта московская жизнь въ XVII вѣкѣ била сердитымъ ключомъ и создавала горячихъ бойцовъ какъ за старые, колеблемые ходомъ исторіи идеалы, такъ и за новый укладъ жизни. Боевыя фигуры протопопа Аввакума и Никона болѣе знакомы намъ, чѣмъ тихіе образы преподобнаго Діонисія и „милостиваго мужа“ Ѳедора Михайловича Ртищева; но и послѣдніе, какъ первые, отдали свою энергію на поиски новыхъ началъ жизни для того, чтобы ими освѣтить и облагородить сѣрую московскую дѣйствительность. Явись среди взбаламученнаго московскаго общества середины XVII вѣка такой культурный вождь, какимъ былъ Петръ Великій, — культурный переломъ въ Московской Руси могъ бы обозначиться раньше, чѣмъ это произо-

шло на самомъ дѣлѣ. Но такого вождя не явилось. Напротивъ, во главѣ Московскаго государства стоялъ тогда любопытный и пріятный, но болѣе благородный, чѣмъ практически полезный правитель. Иначе не можемъ опредѣлить знаменитаго царя Алексѣя Михайловича.

Не такова натура была у царя Алексѣя Михайловича, чтобы, проникнувшись одной какой-нибудь идеей, онъ могъ энергично осуществлять эту идею, страстно бороться, преодолѣвать неудачи, всего себя отдать практической дѣятельности, какъ отдалъ себя Петръ. Сынъ и отецъ совсѣмъ несходны по характеру: въ царѣ Алексѣѣ не было той иниціативы, какая отличала характеръ Петра Стремленіе Петра всякую мысль претворять въ дѣло совсѣмъ чуждо личности Алексѣя Михайловича, мирной и созерцательной. Боевая, желѣзная натура Петра вполнѣ противоположна живой, но мягкой натурѣ его отца.

Негдѣ было царю Алексѣю выработать себѣ такую крѣпость духа и воли, какая дана Петру, помимо природы, впечатлѣніями дѣтства и юности. Царь Алексѣй росъ тихо въ теремѣ московскаго дворца, до пятилѣтняго возраста окруженный многочисленнымъ штатомъ мамъ, а затѣмъ, съ пятилѣтняго возраста, переданный на попеченіе дядьки, извѣстнаго Бориса Ивановича Морозова. Съ пяти лѣтъ стали его учить грамотѣ по букварю, перевели затѣмъ на часовникъ, псалтырь и апостольскія дѣянія, семи лѣтъ научили писать, а девяти стали учить церковному пѣнію. Этимъ собственно и закончилось образованіе. Съ нимъ рядомъ шли забавы: царевичу покупали игрушки; былъ у него, между прочимъ, конь „нѣмецкаго дѣла“, были латы, музыкальные инструменты и санки потѣшныя,—словомъ, всѣ обычные предметы дѣтскаго развлеченія. Но была и любопытная для того времени новинка—„нѣмецкіе печатные листы“, т.-е. гравированныя въ Германіи картинки, которыми Морозовъ пользовался, говорятъ, какъ подспорьемъ при обученіи царевича. Дарили царевичу и книги; изъ нихъ составилась у него библіотека числомъ въ 13 томовъ. На 14-мъ году царевича торжественно объявили народу, а 16-ти лѣтъ царевичъ оспротѣлъ (потерялъ и отца и мать) и вступилъ на московскій престолъ, не видѣвъ ничего въ жизни, кромѣ семьи и дворца. Понятно, какъ сильно было вліяніе боярина Морозова на молодого царя: онъ замѣнилъ ему отца.

Дальнѣйшіе годы жизни царя Алексѣя дали ему много впечатлѣній и значительный житейскій опытъ. Первое знакомство съ дѣломъ государственнаго управленія; необычныя волненія въ Москвѣ въ 1648 году, когда „государь къ Спасову образу прикладывался“, обѣщая возставшему „міру“ убрать Морозова отъ дѣлъ, „чтобъ міромъ утолился“; путешествіе въ Литву и Ливонію въ 1654—1655 гг., на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ царь видѣлъ у ногъ своихъ Смоленскъ и Вильну и былъ свидѣтелемъ военной неудачи подъ Ригою,—все это развивающимъ образомъ подѣйствовало на личность Алексѣя

Верещагинъ. Царь Алексѣй Михайловичъ.

Михайловича, опредѣлило эту личность, сложило характеръ. Царь возмужалъ, изъ неопытнаго юноши сталъ очень опредѣленнымъ человѣкомъ, съ оригинальною умственной и нравственной физіономіей.

Современники искренно любили царя Алексѣя Михайловича. Самая наружность царя сразу говорила въ его пользу и влекла къ нему. Въ его живыхъ голубыхъ глазахъ свѣтилась рѣдкая доброта; взглядъ этихъ глазъ, по отзыву современника, никого не пугалъ, но ободрялъ и обнадеживалъ. Лицо государя, полное и румяное, съ русою бородой, было благодушно-привѣтливо и, въ то же время, серьезно и важно, а полная (потомъ черезчуръ полная) фигура его сохраняла величавую и чинную осанку. Однако царственный видъ Алексѣя Михайловича ни въ комъ не будилъ страха: понимали, что не личная гордость царя создала эту осанку, а сознаніе важности и святости сана, который Богъ на него возложилъ.

Привлекательная внѣшность отражала въ себѣ, по общему мнѣнію, прекрасную душу. Достоинства царя Алексѣя съ нѣкоторымъ восторгомъ описывали лица, вовсе отъ него независимыя,—именно далекіе отъ царя и отъ Москвы иностранцы. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, сказалъ, что Алексѣй Михайловичъ „такой государь, какого желали бы имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ“ (Рейтенфельсъ). Другой поставилъ царя „на-

ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями“ (Коллинсъ). Третій отозвался, что „царь одаренъ необыкновенными талантами, имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями“; „онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ, которые столько любятъ его, сколько и благоговѣютъ передъ нимъ“ (Лизекъ). Четвертый отмѣтилъ, что, при неограниченной власти своей въ рабскомъ обществѣ, царь Алексѣй не посягнулъ ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь (Мейербергъ). Эти отзывы получатъ еще большую цѣну въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что ихъ авторы вовсе не были друзьями и поклонниками Москвы и москвичей. Совсѣмъ согласно съ иноземцами и русскій эмигрантъ Котошихинъ, сбросившій съ себя не только московское подданство, но даже и московское имя, по-своему очень хорошо говоритъ о царѣ Алексѣѣ, называя его „гораздо тихимъ“.

Повидимому, Алексѣй Михайловичъ всѣмъ, кто имѣлъ случаі его узнать, казался свѣтлою личностью и всѣхъ удивлялъ своими достоинствами и пріятностью. Такое впечатлѣніе современниковъ, къ счастью, можетъ быть провѣрено матеріаломъ, болѣе прочнымъ и точнымъ, чѣмъ мнѣнія и отзывы отдѣльныхъ лицъ, — именно письмами и сочиненіями самого царя Алексѣя. Онъ очень любилъ писать и въ этомъ отношеніи былъ рѣдкимъ явленіемъ своего времени, очень небогатаго мемуарами и памятниками частной корреспонденціи. Царь Алексѣй съ необыкновенною охотою самъ брался за перо или же начиналъ диктовать свои мысли дьякамъ. Его личныя литературныя попытки не ограничивались составленіемъ пространныхъ, литературно-написанныхъ писемъ и посланій [1]). Онъ пробовалъ сочинять даже вирши (нѣсколько строкъ, „которыя могли казаться автору стихами“, по выраженію В. О. Ключевскаго). Онъ составилъ „уложеніе сокольничья пути“, т.-е. подробный наказъ своимъ сокольникамъ. Онъ начиналъ писать записки о польской войнѣ. Онъ писалъ дѣловыя бумаги, имѣлъ привычку своеручно поправлять текстъ и дѣлать прибавки въ официальныхъ граматахъ, при чемъ не всегда попадалъ въ тонъ приказнаго изложенія. Значительная часть его литературныхъ попытокъ дошла до насъ, и притомъ дошло по большей части то, что писалъ онъ во времена своей молодости, когда былъ свѣжѣе и откровеннѣе и когда жилъ полнѣе. Этотъ литературный матеріалъ замѣчательно ясно рисуетъ намъ личность государя и вполнѣ позволяетъ понять, насколько симпатична и интересна была эта личность. Царь Алексѣй выска-

---

[1]) Много писаній царя Алексѣя издано: 1) П. И. Бартеневъ, „Собраніе писемъ царя Алек. Мих.“ М. 1856; 2) „Записки отдѣленія славянской и русск. археологіи Имп. русск. археол. общества“, т. II; 3) „Сборникъ моск. архива М. Ин. дѣлъ, т. V; 4) Соловьева „Исторія Россіи“, т. XI и XII. Не разъ эти писанія вызывали ученыхъ на характеристики Алексѣя Михайловича. Отмѣтимъ характеристики С. М. Соловьева (въ концѣ XII тома „Исторіи Россіи“), И. Е. Забѣлина (въ „Опытахъ изученія русскихъ древностей и исторіи“), И. И. Костомарова (въ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“), В. О. Ключевскаго (въ „Курсѣ русской исторіи“, т. III).

Царица Марія Ильинична (Милославская) (Изъ альбома Мейерберга).

зывался очень легко, говорилъ почти всегда безъ обычной въ тѣ времена риторики, любилъ, что называется, поговорить и пофилософствовать въ своихъ произведеніяхъ.

При чтеніи этихъ произведеній, прежде всего, бросается въ глаза необыкновенная воспріимчивость и впечатлительность Алексѣя Михайловича. Онъ жадно впитываетъ въ себя, „яко губа напояема“, впечатлѣнія отъ окружающей его дѣйствительности. Его занимаетъ и волнуетъ все одинаково: и вопросы политики, и военныя реляціи, и смерть патріарха, и садоводство, и вопросъ о томъ, какъ пѣть и служить въ церкви, и соколиная охота, и театральныя представленія, и буйство пьянаго монаха въ его любимомъ

монастырѣ... Ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ послѣ смерти патріарха и доходитъ до слезъ отъ выходокъ монастырскаго казначея: „до слезъ стало! видитъ чудотворецъ (Савва), что во мглѣ хожу“, пишетъ онъ этому ничтожному казначею Саввина монастыря. Въ увлеченіи тѣмъ или инымъ предметомъ царь не дѣлаетъ видимаго различія между важнымъ и неважнымъ. О пораженіи своихъ войскъ и о монастырской дракѣ пишетъ онъ съ равнымъ одушевленіемъ и вниманіемъ. Описывая своему двоюродному брату (по матери) Аѳ. Ив. Матюшкину бой при г. Валкѣ 19 іюня 1657 года, царь пишетъ: „Братъ! буди тебѣ вѣдомо: у Матвѣя Шереметева былъ бой съ нѣмецкими людми. И дворяне издрогали и побѣжали всѣ, а Матвѣй остался въ отводѣ и сорвалъ нѣмецкихъ людей. Да навстрѣчю иныя пришли роты, и Матвѣй напустилъ и на тѣхъ съ неболшими людми, да лошадь повалилась, такъ его и взяли! А людей нашихъ всякихъ чиновъ 51 человѣкъ убитъ да ранено 35 человѣкъ. И то благодарю Бога, что отъ трехъ тысячъ столько побито, а то всѣ цѣлы, потому что побѣжали; а сами плачютъ, что такъ грѣхъ учинился!.. А съ кѣмъ бой былъ, и тѣхъ нѣмецъ всего было двѣ тысечи; нашихъ и болши было, да такъ грѣхъ пришелъ. А о Матвѣѣ не тужи: будетъ здоровъ, впередъ ему къ чести! Радуйся, что люди цѣлы, а Матвѣй будетъ попрежнему“ [1]). Царь сочувствуетъ храброму Шереметеву и радуется, что цѣлы, благодаря бѣгству, его „издрогавшіе“ люди. Позоръ пораженія онъ готовъ объяснить „грѣхомъ“ и не только не держитъ гнѣва на виновныхъ, но душевно жалѣетъ ихъ. Ту же степень вниманія, только не сочувственнаго, царь удѣляетъ и подвигамъ помянутаго Саввинскаго казначея Никиты, который стрѣлецкаго десятника, поставленнаго въ монастырѣ, зашибъ посохомъ въ голову, а оружіе, сѣдла и зипуны стрѣлецкіе велѣлъ выметать вонъ за дворъ. Царь составилъ Никитѣ посланіе (вмѣсто простой приказной граматы) „отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи врагу Божію и богоненавистцу и христопродавцу и разорителю чюдотворцова дома (т.-е. Саввина монастыря) и единомысленнику сатанину, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодѣю казначею Никитѣ“. Въ этомъ посланіи Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ Никиту: „кто тебя. спротиву, спрашивалъ надъ домомъ чюдотворцовымъ да и надо мною, грѣшнымъ, властвовать? кто тебѣ сію власть мимо архимарита далъ, что тебѣ безъ его вѣдома стрѣльцовъ и мужиковъ моихъ Михайловскихъ бить?“ Такъ какъ Никита счелъ себѣ безчестьемъ, что стрѣльцы расположились у его кельи, то царь обвинилъ монаха въ сатанинской гордости и воскликналъ: „дорого добрѣ, что у тебя, скота, стрѣльцы стоятъ! лучше тебя и честнѣе тебя и у митрополитовъ стоятъ стрѣльцы по нашему указу!.. дороги ль мы

---

[1]) Бартеневъ, стр. 54—55.

предъ Богомъ съ тобою и дороги ль наши высокосердечныя мысли, доколѣ отвращаемся, доколѣ не всею душою и не всѣмъ сердцемъ заповѣди Его творимъ?“... За самоуправство царь налагалъ на монаха позорное наказаніе: съ цѣпью на шеѣ и въ кандалахъ Никиту стрѣльцы должны были свести въ его келью послѣ того, какъ ему „предъ всѣмъ соборомъ“ прочтутъ царскую грамату. А за „роптаніе спесивое“ царь грозилъ монаху жаловаться на него чудотворцу и просить суда и обороны предъ Богомъ.

Такъ живо и сильно, доходя до слезъ и до „мглы“ душевной, переживалъ царь Алексѣй Михайловичъ все то, что забирало его за сердце. И не только исключительныя событія его личной и государственной жизни, но и самыя обыкновенныя частности повседневнаго быта легко поднимали его впечатлительность, доводя ее порою до восторга, до гнѣва, до живой жалости. Среди серьезныхъ писемъ къ Аѳ. Ив. Матюшкину есть одно — все сплошь посвященное двумъ молодымъ соколамъ и ихъ пробѣ на охотѣ. Алексѣй Михайловичъ съ восторгомъ описываетъ, какъ онъ „отвѣдывалъ“ этихъ „дикомытовъ“ и какъ одинъ изъ нихъ „безмѣрно каково хорошо летѣлъ“ и „милостію Божіей и твоими (Матюшкина) молитвами и счастіемъ“ отлично „заразилъ“ утку: „какъ ее мякнетъ по шеѣ, такъ она десятью перекинулась“ (т.-е. десять разъ перевернулась при паденіи). Въ дѣловой перепискѣ съ Матюшкинымъ царь не упускаетъ сообщить ему и такую малую, напримѣръ, новость: „да на нашемъ стану въ селѣ Танинскомъ новый сокольникъ Мишка Семеновъ сидѣлъ у огня да, вздремавъ, упалъ въ огонь, и ево изъ огня вытащили; немного не згорѣлъ, а какъ въ огонь упалъ, и того онъ не слыхалъ“... [1])

Царица Марія Ильинична (Изъ альбома Солицева).

[1]) Бартеневъ, стр. 70, 23.

Во время морового повѣтрія 1654—1655 гг. царь уѣзжалъ отъ своей семьи на войну и очень безпокоился о своихъ родныхъ. „Да для Христа, государыни мои, оберегайтесь отъ заморнова ото всякой вещи“, писалъ онъ своимъ сестрамъ: „не презрите прошенія нашего!“ Но въ то самое время, когда война и моръ, казалось, сполна занимали умъ Алексѣя Михайловича и онъ своимъ близкимъ съ тоскою въ письмахъ „отъ мору велѣлъ опасатца“, онъ не удержался, чтобы не описать имъ поразившее его въ Смоленскѣ весеннее половодье. „Да будетъ вамъ вѣдомо“, пишетъ онъ: „на Днѣпрѣ былъ мостъ 7 саженъ надъ водою; и на Ѳоминой недѣлѣ прибыло столко, что уже съ мосту черпаютъ воду; а чаю, и поиметъ (мостъ)“ [1])... Разсказываютъ, будто бы однажды въ докладѣ царю изъ кормового дворца было указано, что квасы, которые тамъ варили на царскій обиходъ, не удались: одинъ сортъ кваса вышелъ такъ плохъ, что развѣ только стрѣльцамъ спонть. Алексѣй Михайловичъ обидѣлся за своихъ стрѣльцовъ и на докладѣ раздраженно указалъ докладчику: „самъ выпей!“

Мудрено ли, что такой живой и воспріимчивый человѣкъ, какъ царь Алексѣй, могъ быть очень вспыльчивъ и подвиженъ на гнѣвъ. Несмотря на внѣшнее добродушіе и дѣйствительную доброту, Алексѣй Михайловичъ, по живости духа, нерѣдко давалъ волю своему неудовольствію, гнѣвался, бранился и даже дрался. Мы видѣли, какъ онъ бранилъ „сиротину“ монаха за его грубыя претензіи. Почти также доставалось отъ „гораздо-тихаго“ царя и людямъ высшихъ чиновъ и болѣе высокой породы. Въ 1658 году, недовольный княземъ Ив. Ан. Хованскимъ за его мѣстническое высокомѣріе и за ссору съ Ѳ. Лавр. Ординымъ-Нащокинымъ, Алексѣй Михайловичъ послалъ сказать ему царскій выговоръ съ такими, между прочимъ, выраженіями: „тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ, и тебѣ своею службою возноситься не надобно; ...великій государь велѣлъ тебѣ сказать имянно, что за непослушаніе и за Ѳанасія (Ордина-Нащокина) тебѣ и всему роду твоему быть разорену“ [2]). Въ другой разъ (1660 г.), сообщая Матюшкину о пораженіи этого своего „избранника“ князя Хованскаго-Тараруя, царь виною пораженія выставлялъ „ево безпутную дерзость“ и съ горемъ признавался, что изъ-за военныхъ тревогъ самъ онъ „не ходилъ на поле тѣшиться іюня съ 25 числа іюля по 5 число, и птичей промыслъ попзмѣшался“ [3]). Несмотря, однако, на безпутную дерзость и „дурость“ князя Хованскаго, Алексѣй Михайловичъ продолжалъ его держать у дѣлъ до самой кончины: вѣроятно, „тараруй“ (т.-е. болтунъ) и „дуракъ“ обладалъ и положительными дѣловыми качествами. (Надобно вспомнить, что въ ужасные дни стрѣлецкаго бунта

---

1) Сборникъ М. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, V, Письма, стр. 26—27.
2) Соловьевъ, кн. III, стр. 62.
3) Бартеневъ, стр. 65.

1682 года правительство рѣшилось поставить именно этого тараруя во главѣ Стрѣлецкаго приказа.) Еще крѣпче, чѣмъ Хованскому, писалъ однажды царь Алексѣй Михайловичъ „врагу креста Христова и новому Ахитофелу князю Григорыо Ромодановскому“. За малую, повидимому, вину (не отпустилъ вовремя солдатъ къ воеводѣ С. Змѣеву) царь послалъ ему такіе укоры: „Воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою къ намъ, великому государю, прямую сатанинскую службу!.. И ты дѣло Божіе и наше государево потерялъ, потеряетъ тебя самого Господь Богъ!.. И самъ ты, треокаянный и безславный ненавистникъ рода христіанскаго—для того, что людей не послалъ,—и намъ вѣрный измѣнникъ и самого истиннаго сатаны сынъ и другъ діаволовъ, впадешь въ бездну преисподнюю, изъ неяже никто не возвращался... Вконецъ вѣдаемъ, завистниче и вѣрный нашъ непослушниче, какъ то дѣло ухищреннымъ и злопронырливымъ умысломъ учинилъ... Богъ благословилъ и передалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ и на сѣверѣ вправду: и мы Божіи дѣла и наши государевы на всѣхъ странахъ полагаемъ — смотря по человѣку, а не всѣхъ странъ дѣла тебѣ одному, ненавистнику, дѣлать, для того: невозможно естеству человѣческому на всѣ страны дѣлать, одинъ бѣсъ на всѣ страны мещется!..“ [1]) Но отругавъ на этотъ разъ князя Гр. Г. Ромодановскаго, царь въ другое время шлетъ ему милостивое „повелѣніе“ въ видѣ виршей:

Царица Наталья Кирилловна (Нарышкина). (Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

«Рабе Божій! дерзай о имени Божіи
И уповай всѣмъ сердцемъ: подастъ Богъ побѣду!
И любовь и совѣтъ великой имѣй съ Брюховецкимъ,
А себя и людей Божіихъ и нашихъ береги крѣпко» и т. д.

Стало-быть, и Ромодановскій, какъ Хованскій, не всегда казался царю достойнымъ хулы и гнѣва. Вспыльчивый и бранчивый, Алексѣй Михайловичъ былъ, какъ видимъ, въ своемъ гнѣвѣ непостоянепъ и отходчивъ, легко и искренно переходя отъ брани къ ласкѣ. Даже тогда, когда раздраженіе

[1]) Соловьевъ, III, стр. 607.

государя достигало высшаго предѣла, оно скоро смѣнялось раскаяніемъ и желаніемъ мира и покоя. Въ одномъ засѣданіи Боярской думы, вспыхнувъ отъ безтактной выходки своего тестя боярина И. Д. Милославскаго, царь изругалъ его, побилъ и пинками вытолкалъ изъ комнаты. Гнѣвъ царя принялъ такой крутой оборотъ, конечно, потому, что Милославскаго по его свойствамъ и вообще нельзя было уважать. Однако добрыя отношенія между тестемъ и зятемъ отъ того не испортились: оба они легко забыли происшедшее. Серьезнѣе былъ случай со старымъ придворнымъ человѣкомъ, родственникомъ царя по матери, Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ, о которомъ Алексѣй Михайловичъ былъ высокаго мнѣнія. Старикъ отказался, по старости, отъ того, чтобы вмѣстѣ съ царемъ „отворить“ себѣ кровь. Алексѣй Михайловичъ вспылилъ, потому что отказъ представился ему высокоуміемъ и гордостью, и ударилъ Стрѣшнева. А потомъ онъ не зналъ, какъ задобрить и утѣшить почитаемаго имъ человѣка, просилъ мира и слалъ ему богатые подарки.

Но не только тѣмъ, что царь легко прощалъ и мирился, доказывается его душевная доброта. Общій голосъ современниковъ называетъ его очень добрымъ человѣкомъ. Царь любилъ благотворить. Въ его дворцѣ, въ особыхъ палатахъ, на полномъ царскомъ иждивеніи жили такъ называемые „верховые“ (т.-е. дворцовые) „богомольцы“, „верховые нищіе“ и „юродивые“. „Богомольцы“ были древніе старики, почитаемые за старость и житейскій опытъ, за благочестіе и мудрость. Царь въ зимніе вечера слушалъ ихъ разсказы про старое время—о томъ, что было „за тридцать и за сорокъ лѣтъ и больши“. Онъ покоилъ ихъ старость такъ же, какъ чтилъ безуміе Христа ради юродивыхъ, дѣлавшее ихъ неумытными и безстрашными обличителями и пророками въ глазахъ всего общества того времени. Одинъ изъ такихъ юродивыхъ, именно Василій „Босой“ или „Уродивый“, игралъ большую роль при царѣ Алексѣѣ, какъ его совѣтникъ и наставникъ. О „братѣ нашемъ Василіи“ не разъ встрѣчаются почтительныя упоминанія въ царской перепискѣ [1]). Опекая подобный людъ при жизни, царь устраивалъ „богомольцамъ“ и „нищимъ“ торжественныя похороны послѣ ихъ кончины и въ ихъ память учреждалъ „кормы“ и раздавалъ милостыню по церквамъ и тюрьмамъ. Такая же милостыня шла отъ царя и по большимъ праздникамъ; иногда онъ самъ обходилъ тюрьмы, раздавая подаяніе „несчастнымъ“. Въ особенности предъ „великимъ“ или „свѣтлымъ“ днемъ св. Пасхи, на „страшной“ недѣлѣ, посѣщалъ царь тюрьмы и богадѣльни, одѣлялъ милостынею и нерѣдко освобождалъ тюремныхъ „сидѣльцевъ“, выкупалъ неоплатныхъ должниковъ, помогалъ неимущимъ и больнымъ. Въ обычныя для той эпохи рутинныя формы „подачи“ и „корма“ нищимъ Алексѣй

[1]) Бартеневъ, стр. 198—200.

Михайловичъ умѣлъ внести сознательную стихію любви къ добру и людямъ.

Не одна нищета и физическія страданія трогали царя Алексѣя Михаиловича. Всякое горе, всякая бѣда находили въ его душѣ откликъ и сочувствіе. Онъ былъ способенъ и склоненъ къ самымъ теплымъ и деликатнымъ дружескимъ утѣшеніямъ, лучше всего рисующимъ его глубокую душевную доброту. Въ этомъ отношеніи замѣчательны его знаменитыя письма къ двумъ огорченнымъ отцамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Аѳанасію Лаврентьевичу Ордину-Нащокину объ ихъ сыновьяхъ. У кн. Одоевскаго умеръ внезапно его „первенецъ“, взрослый сынъ князь Михаилъ, въ то время, когда его отецъ былъ въ Казани. Царь Алексѣй самъ особымъ письмомъ извѣстилъ отца о горькой потерѣ. Онъ началъ письмо похвалами почившему, при чемъ выразилъ эти похвалы косвенно — въ видѣ разсказа о томъ, какъ чинно и хорошо обходились князь Михаилъ и его младшій братъ князь Ѳедоръ съ нимъ, государемъ, когда государь былъ у нихъ въ селѣ Вешнякове. Затѣмъ царь описалъ легкую и благочестивую кончину князя Михаила: послѣ причастія онъ „какъ есть уснулъ; отнюдь рыданія не было, ни терзанія“. Свѣтлые тоны описанія здѣсь взяты были, разумѣется, нарочно, чтобы смягчить первую печаль отца. А потомъ слѣдовали слова утѣшенія, пространныя, порою прямо нѣжныя слова. Въ основѣ ихъ положена та мысль, что свѣтлая кончина человѣка безъ страданій, „въ добродѣтели и въ покаяніи добрѣ“, есть милость Господня, которой слѣдуетъ радоваться даже и въ минуты естественнаго горя. „Радуйся и веселися, что Богъ совсѣмъ свершилъ, изволилъ взять съ милостію своею; и ты принимай съ радостію сію печаль, а не въ кручину себѣ и не въ оскорбленіе“. „Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, — и прослезиться

По старинной французской гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго (Румянцовскій музей).

вали слова утѣшенія, пространныя, порою прямо нѣжныя слова. Въ основѣ ихъ положена та мысль, что свѣтлая кончина человѣка безъ страданій, „въ добродѣтели и въ покаяніи добрѣ“, есть милость Господня, которой слѣдуетъ радоваться даже и въ минуты естественнаго горя. „Радуйся и веселися, что Богъ совсѣмъ свершилъ, изволилъ взять съ милостію своею; и ты принимай съ радостію сію печаль, а не въ кручину себѣ и не въ оскорбленіе“. „Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, — и прослезиться

надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать!“ Не довольствуясь словеснымъ утѣшеніемъ, Алексѣй Михайловичъ пришелъ на помощь Одоевскимъ и самымъ дѣломъ: принялъ на себя и похороны: „на все погребалныя я послалъ (пишетъ онъ), сколько Богъ изволилъ, потому что впрямь узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричь Бога на небеси, а на земли опричь меня, ни у ково у васъ нѣтъ“ [1]). Въ концѣ утѣшительнаго посланія царь своеручно приписалъ послѣднія ласковыя слова: „Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ!“ [2])

Горе Ѳ. І. Ордина-Нащокина, по мнѣнію Алексѣя Михайловича, было горше, чѣмъ утрата кн. Н. Н. Одоевскаго. По словамъ царя, „тебѣ, думному дворянину, больше этой бѣды впередъ уже не будетъ: больше этой бѣды на свѣтѣ не бываетъ!“ У Ордина-Нащокина убѣжалъ за границу сынъ, по имени Воинъ, и убѣжалъ, какъ измѣнникъ, во время служебной поѣздки, съ казенными деньгами, „со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями“. На просьбу пораженнаго отца объ отставкѣ царь послалъ ему „отъ насъ, великаго государя, милостивое слово“. Это слово было не только милостиво, но и трогательно. Послѣ многихъ похвальныхъ эпитетовъ „христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу“ Аѳанасію Лаврентьевичу, царь тепло говоритъ о своемъ сочувствіи не только ему, Аѳанасію, но и его супругѣ въ „ихъ великой скорби и тугѣ“. Объ отставкѣ своего „добраго ходатая и желателя“ онъ не хочетъ и слышать, потому что не считаетъ отца виноватымъ въ измѣнѣ сына. Царь и самъ довѣрялъ измѣннику, какъ довѣрялъ ему отецъ: „Будетъ тебѣ, вѣрному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить въ вѣдомство и соглашеніе твое ему! и онъ, простецъ, и у насъ, великаго государя, тайно былъ, и не по одно время, и о многихъ дѣлахъ съ нимъ къ тебѣ приказывали, а такова простоумышленнаго яда подъ языкомъ его не видали!“ Царь даже пытается утѣшить отца надеждою на возвращеніе не измѣнившаго якобы, а только увлекшагося юноши. „А тому мы, великіи государь, не подивляемся, что сынъ твой сплуталъ: знатно то, что съ малодушія то учинилъ. Онъ человѣкъ молодой, хощетъ созданія Владычня и творенія руку Его видѣть на семъ свѣтѣ; якоже и птица летаетъ сѣмо и овамо и, полетавъ довольно, паки ко гнѣзду своему прилетаетъ: такъ и сынъ вашъ вспомянетъ гнѣздо свое тѣлесное, паипаче же душевное привязаніе отъ Святаго Духа во святой купѣли, и къ вамъ вскорѣ возвратится!“ [3])

Какая доброта и какой тактъ диктовали эти золотыя слова утѣшенія въ бѣдѣ, больше которой „на свѣтѣ не бываетъ!“ И царь оказался правъ: Аѳанасьевъ „сынишка Войка“ скоро вернулся изъ дальнихъ странъ во Псковъ, а оттуда

---

[1]) Это мѣсто письма имѣетъ, повидимому, какой-то особый смыслъ. Что семья князей Одоевскихъ далеко не была бѣдна, установилъ Ю. В. Арсеньевъ въ своемъ изслѣдованіи „Ближній бояринъ кн. Н. И. Одоевскій“ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др., 1903 г., кн. II).

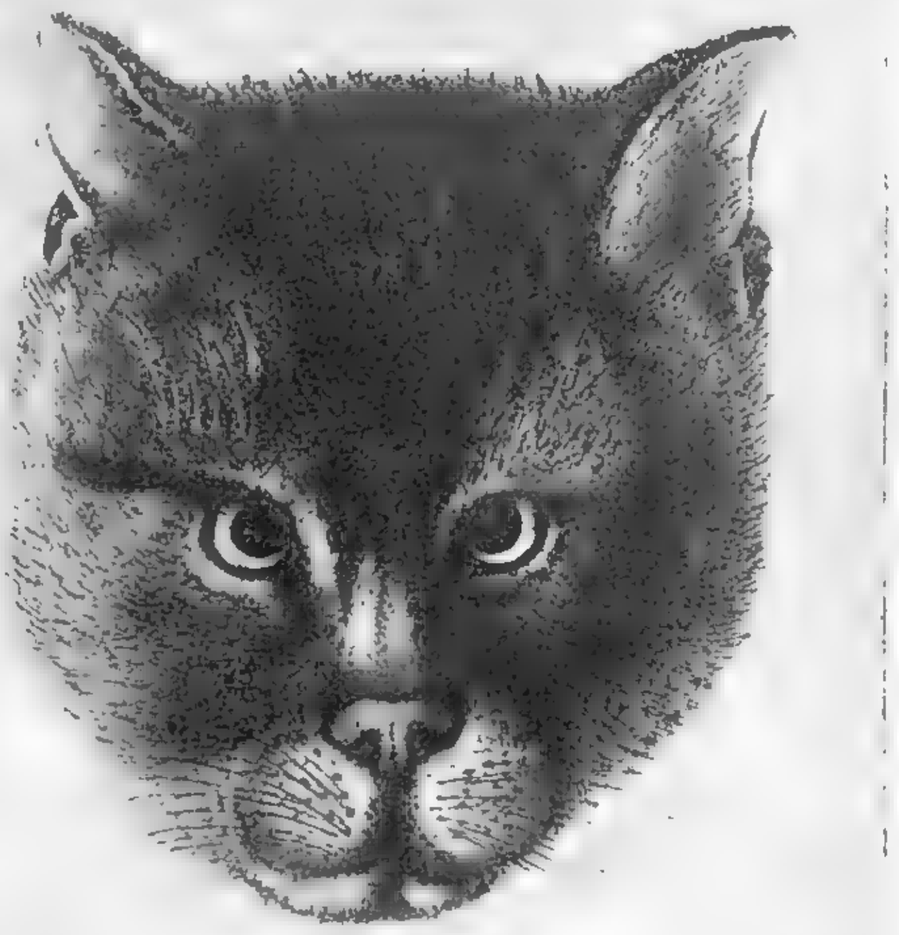
[2]) Бартеневъ, стр. 227—232.

[3]) Соловьевъ, III, стр. 67—69.

Князь Н. И. Одоевскій. Историческій музей.

въ Москву, и Алексѣй Михайловичъ имѣлъ утѣшеніе написать А. Л. Ордину-Нащокину, что за его вѣрную и радѣтельную службу онъ пожаловалъ сына его, вины отдалъ, велѣлъ свои очи видѣть и написать по московскому списку съ отпускомъ на житье въ отцовскія деревни [1]).

Живая, впечатлительная, чуткая и добрая натура Алексѣя Михайловича дѣлала его очень способнымъ къ добродушному веселью и смѣху. Склонностью къ юмору онъ напоминаетъ своего геніальнаго сына Петра; оба они любили пошутить и словомъ и дѣломъ. Среди писемъ къ Матюшкину есть одно, написанное „тарабарски“, нелегкимъ для чтенія шифромъ и сочиненное только затѣмъ, чтобы подразнить Матюшкина шутливымъ замѣчаніемъ, что когда его нѣтъ, то некому царя покормить плохимъ хлѣбомъ „съ закалою“. „А потомъ будь здравъ“, милостиво заключаетъ царь свой намекъ на какую-то кулинарную оплошность его любимца [2]). Другое письмо къ Матюшкину все сплошь игриво. Царь пишетъ изъ „похода“ и начинаетъ порученіемъ устроить маленькій обманъ его сестеръ-царевенъ: „парядись въ ѣздовое (дорожное) платье да съѣзди къ сестрамъ, будто ты отъ меня пріѣхалъ, да спрошай о здоровьи“.



Любимый котъ царя Алексѣя.
Со старинной французской гравюры, изъ собранія Ровинскаго (Румянцовскій музей).

Матюшкину, стало-быть, приказано просто лгать царевнамъ, что онъ лично прибылъ въ Москву изъ того подмосковнаго „потѣшнаго“ села, гдѣ тогда жилъ государь. Вслѣдъ за этимъ порученіемъ царь Алексѣй сообщаетъ Матюшкину: „тѣмъ утѣшаюся, что столниковъ безпрестани купаю ежеутръ въ прудѣ... за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю!“ Очевидно, эта утѣха не была жестокою, такъ какъ стольники на нее, видимо, напрашивались сами. Государь послѣ купанья въ отличіе звалъ ихъ къ своему столу: „у меня купальщики тѣ ядятъ вдоволь“ — продолжаетъ царь Алексѣй — „а иные говорятъ: мы де нарокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ, да и за столъ посадятъ. Многіе

---

1) Соловьевъ, III, стр. 173—174.
2) Лѣтопись занятій Имп. Археограф. Комиссіи, вып. X, стр. 38.

нарокомъ не поспѣваютъ“ [1]). Такъ тѣшился „гораздо тихій“ царь, какъ бы прообразуя этимъ невиннымъ купаньемъ стольниковъ жестокія издѣвательства его сына Петра надъ вольными и невольными собутыльниками. Само собою приходитъ на умъ и сравненіе извѣстной „книги, глаголемой Урядникъ сокольничья пути“ царя Алексѣя съ неменѣе извѣстными церемоніалами „всешутѣйшаго собора“ Петра Великаго. Насколько „потѣха“ отца благороднѣе „шутовства“ сына и насколько острый цинизмъ послѣдняго ниже цѣломудренной шутки Алексѣя Михайловича! Свой шутливый охотничій обрядъ, „чинъ“ производства рядового сокольника въ начальные, царь Алексѣй обставилъ нехитрыми символическими дѣйствіями и тарабарскими формулами, которыя не многаго стоятъ по наивности и простотѣ, но въ основѣ которыхъ лежитъ молодой и здоровый охотничій энтузіазмъ и трогательная любовь къ красотѣ птичьей природы. Тогда какъ у царя Петра служеніе Бахусу и Ивашкѣ Хмельницкому пріобрѣтало характеръ культа, въ „Урядникѣ“ царя Алексѣя „пьянство“ сокольника было показано въ числѣ винъ, за которыя „безо всякія пощады быть сослану на Лену“. Разработавъ свой „потѣшный“ чинъ производства въ сокольники и отдавъ въ немъ дань своему веселью, царь Алексѣй своеручно написалъ на немъ характерную оговорку: „правды же и суда и милостивыя любви и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ!“ [2]) Умѣнье соединять дѣло и потѣху замѣтно у царя Алексѣя и въ томъ отношеніи, что онъ охотно вводилъ шутку въ дѣловую сферу. Въ его перепискѣ не разъ встрѣчаемъ юморъ тамъ, гдѣ его не ждемъ. Такъ, сообщая въ 1655 г. своему любимцу „вѣрному и избранному“ стрѣлецкому головѣ А. С. Матвѣеву разнаго рода дѣловыя вѣсти, Алексѣй Михайловичъ, между прочимъ, пишетъ: „посланникъ приходилъ отъ шведскаго Карла короля, думный человѣкъ, а имя ему Уддеудла. Таковъ смышленъ: и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человѣкъ; мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ такого глупца посланника!“ Насмѣшливо отозвавшись вообще о ходахъ шведской дипломатіи, царь продолжаетъ: „Тако намъ, великому государю, то честь, что (король) прислалъ обвѣстить посланника, а и думнаго человѣка. Хотя и глупъ, да что же дѣлать? така намъ честь!“ [3]) Въ 1656 г. въ очень серьезномъ письмѣ сестрамъ изъ Кокенгаузена царь сообщалъ имъ подробности счастливаго взятія этого крѣпкаго города и не удержался отъ шутливообразнаго выраженія: „а крѣпокъ безмѣрно: ровъ глубокой — меншей братъ нашему кремлевскому рву, а крѣпостію — сынъ Смоленску граду: ей, чрезъ мѣру крѣпокъ!“ Частная, не дѣловая переписка Алексѣя Михайловича изобилуетъ такого рода шутками и замѣчаніями. Въ нихъ нѣтъ особаго

---

[1]) Бартеневъ, стр. 77—78.
[2]) Бартеневъ, стр. 89 и слѣд.
[3]) Соловьевъ, II, стр. 1680.

Сверчковъ. Смотръ царя Алексѣя Михайловича.

остроумія и мѣткости, но много веселаго благодушія и наклонности посмѣяться.

Такова была природа царя Алексѣя Михайловича, впечатлительная и чуткая, живая и мягкая, общительная и веселая. Эти богатыя свойства были, въ духѣ того времени, обработаны воспитаніемъ. Алексѣя Михайловича пріучили къ книгѣ и разбудили въ немъ умственные запросы. Склонность къ чтенію и размышленію развила свѣтлыя стороны натуры Алексѣя Михайловича и создала изъ него чрезвычайно привлекательную личность. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей московскаго общества того времени: слѣды его разносторонней начитанности, библейской, церковной и свѣтской, разбросаны во всѣхъ его произведеніяхъ. Видно, что онъ вполнѣ овладѣлъ тогдашней литературой и усвоилъ себѣ до тонкости книжный языкъ. Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ онъ любитъ пускать въ ходъ цвѣтистые книжные обороты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не похожъ на тогдашнихъ книжниковъ-риторовъ, для красоты формы жертвовавшихъ ясностью и даже смысломъ. У царя Алексѣя продуманъ каждый его цвѣтистый афоризмъ, изъ каждой книжной фразы смотритъ живая и ясная мысль. У него нѣтъ риторическаго пустословія: все, что онъ прочелъ, онъ продумалъ; онъ, видимо, привыкъ размышлять, привыкъ свободно и легко высказывать то, что надумалъ, и говорилъ притомъ только то, что думалъ. Поэтому его рѣчь всегда искренна и полна содержанія. Высказывался онъ чрезвычайно охотно, и потому его умственный обликъ вполнѣ ясенъ.

Чтеніе образовало въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обрядности, и поэтому очень строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ ино-

странцами не были грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ—и пріятнымъ и полезнымъ. Однако при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту вѣры и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; только его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православіе, чѣмъ понимало его большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло, несомнѣнно, дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣніе было строго-религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучала мягкимъ, прочувствованнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства; поэтому и его мораль высказывалась иногда поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое выше письмо царя къ князю Ник. Ив. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія, способность дать нравственную оцѣнку своему положенію и своимъ обязанностямъ, сказывается въ замѣчательномъ „статейномъ спискѣ“ или письмѣ Алексѣя Михайловича къ Никону, митрополиту новгородскому, съ описаніемъ смерти патріарха Іосифа[1]).

Костюмъ сокольника царя Алексѣя. (Оружейная Палата).

[1]) Бартеневъ, стр. 156 и слѣд.

Врядъ ли Іосифъ пользовался дѣйствительною любовью царя и имѣлъ въ его глазахъ большой нравственный авторитетъ. Но царь считалъ своею обязанностью чтить святителя и относиться къ нему съ должнымъ вниманіемъ. Поэтому онъ окружилъ больного патріарха своими заботами, посѣщалъ его, присутствовалъ даже при его агоніи, участвовалъ въ чинѣ его погребенія и лично самымъ старательнымъ образомъ переписалъ „келейную казну“ патріарха,—„съ полторы недѣли ежедень ходилъ“ въ патріаршіе покои, какъ душеприказчикъ. Во всемъ этомъ Алексѣй Михайловичъ и даетъ добровольный отчетъ Никону, предназначенному уже въ патріархи всея Руси. Надобно прочитать сплошь весь царскій „статейный списокъ“, чтобы въ полной мѣрѣ усвоить его своеобразную прелесть. Описаніе послѣдней болѣзни патріарха сдѣлано чрезвычайно ярко, съ полною реальностью, при чемъ царь сокрушается, что упустилъ случай по московскому обычаю напомнить Іосифу о необходимости предсмертныхъ распоряженій. „И ты меня, грѣшнаго, прости (пишетъ онъ Никону), что язъ ему не воспомянулъ о духовной и кому душу свою прикажетъ“. Царь пожалѣлъ пугать Іосифа, не думая, что онъ уже такъ плохъ: „Мнѣ молвить про духовную-ту, и помнитъ: вотъ де меня избываетъ!“ Здѣсь личная деликатность заставила царя Алексѣя отступить отъ жесткаго обычая старины, когда и самимъ царямъ въ болѣзни ихъ дьяки поминали „о духовной“. Умершаго патріарха вынесли въ церковь, и царь пришелъ къ его гробу въ пустую церковь въ ту минуту, когда можно было глазомъ видѣть процессъ разложенія въ трупѣ („безмѣрно пухнетъ“, „лицо розно пухнетъ“). Царь Алексѣй испугался: „И мнѣ пріиде,—пишетъ онъ,—помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча, удавитъ!.. И я, перекрестясь, да взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ; чего боятися?.. Тѣмъ себя и оживилъ, что за руку-ту его съ молитвой взялъ!“ Во время погребенія патріарха случился грѣхъ: „да такой грѣхъ, владыко святый: погребли безъ звону!.. а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали“. Лишь самъ царь вспомнилъ, что надо звонить; такъ ужъ стали звонить послѣ срока. Похоронивъ патріарха, Алексѣй Михайловичъ принялся за разборъ личнаго имущества патріаршаго съ цѣлью его благотворительнаго распредѣленія; кое-что изъ этого имущества царь и распродалъ. Самому царю нравились серебряные „суды“ (посуда) партріаха, и онъ, разумѣется, могъ бы ихъ пріобрѣсти для себя: было бы у него столько денегъ, „что и вчетверо цѣну-ту дать“, по его словамъ. Но государя удержало очень благородное соображеніе: „Да и въ томъ меня, владыко святый, прости (пишетъ царь Никону): немного и я не покусился инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святый, ни маленькому ничему не точенъ!.. Не хочу для того: се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ: самому мнѣ (суды) имать, а денги мнѣ пла-

Обрученіе царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной.
(По старинной французской гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. Румянцовской музей).

тить себѣ жъ!“ Вотъ съ какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совѣстливости выступаетъ передъ нами самодержецъ XVII вѣка, боящійся грѣха отъ Бога и зазора отъ людей, подчиняющій христіанскому чувству свой суевѣрный страхъ!

То же чувство деликатности, основанной на нравственной вдумчивости, сказывается въ любопытнѣйшемъ выговорѣ царя воеводѣ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому [1]). Долгорукій въ 1658 году удачно дѣйствовалъ противъ Литвы и взялъ въ плѣнъ гетмана Гонсѣвскаго. Но его успѣхъ былъ слѣдствіемъ его личной инициативы: онъ дѣйствовалъ по соображенію съ обстановкою, безъ спроса и вѣдома царскаго. Мало того, онъ почему-то не извѣстилъ царя во-время о своихъ дѣйствіяхъ и, главнымъ образомъ, объ отступленіи отъ Вильны, которое въ Москвѣ не одобрили. Выходило такъ, что за одно надлежало Долгорукаго хвалить, а за другое—порицать. Царь Алексѣй находилъ нужнымъ официально выказать недовольство поведеніемъ Долгорукаго, а неофиціально послалъ ему письмо съ мягкимъ и милостивымъ выговоромъ. „Похваляемъ тебя безъ вѣсти (т.-е. безъ реляціи Долгорукаго) и жаловать обѣщаемся“, писалъ государь, но тутъ же добавилъ, что это похвала только частная и негласная: „ и хотимъ съ милостивымъ словомъ послать и съ иною нашею государевою милостію, да нельзя послать: отписки отъ тебя нѣтъ, невѣдомо, противъ чего писать тебѣ!“ Объяснивъ, что Долгорукій самъ себѣ устроилъ „безчестье“, царь обращается къ интимнымъ упрекамъ: „Ты за мою, просто молвить, милостивую любовь ни одной строки не писывалъ ни о чемъ! Писалъ къ друзьямъ своимъ, а тѣ—ей-ей! — про тебя же переговариваютъ да смѣются, какъ ты торопишься, какъ и иное дѣлаешь“... „Чаю, что князь Никита Ивановичъ (Одоевскій) тебя подбилъ; и его было слушать напрасно: вѣдаешь самъ, какой онъ промышленникъ, послушаешь, какъ про него поютъ на Москвѣ“... Но одновременно съ горькими укоризнами царь говоритъ Долгорукому и ласковыя слова: „Тебѣ бы о сей грамотѣ не печалиться: любя тебя пишу, а не кручинясь; а сверхъ того сынъ твой скажетъ, какая немилость моя къ тебѣ и къ нему“!.. „Жаль конечно тебя: впрямь Богъ хотѣлъ тобою всякое дѣло въ совершеніе не во многіе дни привести... да самъ ты отъ себя потерялъ!“ Въ заключеніе царь жалуетъ Долгорукаго тѣмъ, что велитъ оставить свой выговоръ втайнѣ: „а прочтя сію нашу грамоту и запечатавъ, прислать ее къ намъ съ тѣмъ же, кто къ тебѣ съ нею пріѣдетъ“. Очень продумано, деликатно и тактично это желаніе царя Алексѣя добрымъ интимнымъ внушеніемъ смягчить и объяснить официальное взысканіе съ человѣка, хотя и заслуженнаго, но формально провинившагося.

---

[1]) Соловьевъ, III, стр. 41—42.

Во всѣхъ посланіяхъ царя Алексѣя Михайловича, подобныхъ приведенному, гдѣ царю приходилось обсуждать, а иногда и осуждать поступки разныхъ лицъ, бросается въ глаза одна любопытная черта. Царь не только обнаруживаетъ въ себѣ большую нравственную чуткость, но онъ умѣетъ и любитъ анализировать: онъ всегда очень пространно доказываетъ вину, объясняетъ, противъ кого и противъ чего именно погрѣшилъ виновный и насколько сильно и тяжко его прегрѣшеніе. Характернѣйшій образецъ подобныхъ разсужденій находимъ въ его обращеніи къ князю Григорію Семеновичу Куракину съ выговоромъ за то, что онъ (въ 1668 г.) не поспѣшилъ на выручку гарнизонамъ Нѣжина и Чернигова[1]). Царь упрекнулъ Куракина въ недомыслiи, въ томъ, что̀ онъ „притчею не промыслитъ, что будетъ“ вслѣдствіе его промедленія. „То будетъ (объясняетъ царь воеводѣ): первое — Бога прогнѣваетъ... и кровь напрасно многую прольетъ; второе — людей потеряетъ и страхъ на людей наведетъ и торопость; третье — отъ великаго государя гнѣвъ приметъ; четвертое — отъ людей стыдъ и срамъ, что даромъ людей потерялъ; пятое — славу и честь, на свѣтѣ Богомъ дарованную, непристойнымъ дѣломъ... отгонитъ отъ себя и вмѣсто славы укоризны всякія и неудобные переговоры воспріиметъ. И то все пи-

Глобусъ царя Алексѣя Михайловича (серебряный) .(Изъ альбома акад. Солнцева).

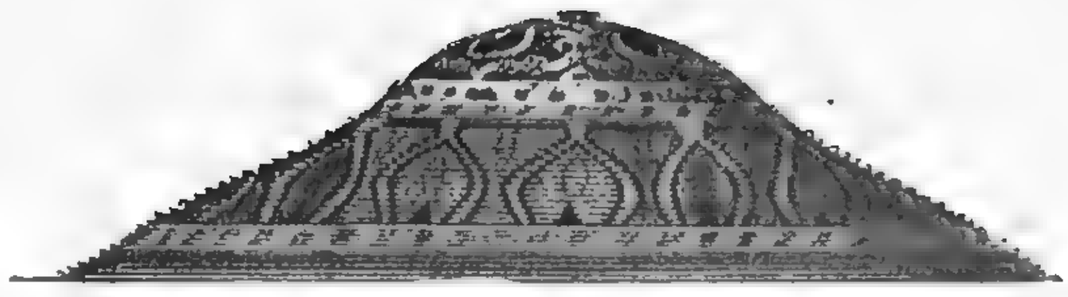
1) Соловьевъ, III, стр. 606—607.

сано къ нему, боярину (заключаетъ Алексѣй Михайловичъ), хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дѣло Божіе и его государево свершалось въ добромъ полководствѣ, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалѣя его старости!“ Наблюденія надъ такими словесными упражненіями приводятъ къ мысли, что царь Алексѣй много и основательно размышлялъ. И это размышленіе состояло не въ томъ только, что въ умѣ Алексѣя Михайловича послушно и живо припоминались имъ читанные тексты и чужія мысли, подходящія внѣшнимъ образомъ къ данному времени и случаю. Умственная работа приводила его къ образованію собственныхъ взглядовъ на міръ и людей, а равно и общихъ нравственныхъ понятій, которыя составляли его собственное философско-нравственное достояніе. Конечно, это не была система міровоззрѣнія въ современномъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе, въ сознаніи Алексѣя Михайловича былъ такой отчетливый моральный строй и порядокъ, что всякій частный случай ему легко было подвести подъ его общія понятія и дать ему категорическую оцѣнку. Нѣтъ возможности возстановить, въ общемъ содержаніи и системѣ, этотъ душевный строй, прежде всего потому, что и самъ его обладатель никогда не заботился объ этомъ. Однако для примѣра укажемъ хотя бы на то, что, исходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ имѣлъ ясное и твердое понятіе о происхожденіи и значеніи царской власти въ Московскомъ государствѣ, какъ власти богоустановленной и назначенной для того, чтобы „разсуждать людей вправду“ и „безпомощнымъ помогать“. Уже были выше приведены слова царя Алексѣя князю Гр. Гр. Ромодановскому: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя на востокѣ, и на западѣ, и на югѣ, и на сѣверѣ вправду“. Для царя Алексѣя это была не случайная красивая фраза, а постоянная твердая формула его власти, которую онъ сознательно повторялъ всегда, когда его мысль обращалась на объясненіе смысла и цѣли его державныхъ полномочій. Въ письмѣ къ князю И. И. Одоевскому, напримѣръ, царь однажды помянулъ о томъ, „какъ жить мнѣ, государю, и вамъ, боярамъ“, и на эту тему писалъ: „а мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя... чтобы Господь Богъ... даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боляромъ, съ нами единодушно люди Его, Свѣтовы, разсудити вправду, всѣмъ равно“ [1]). Взятый здѣсь примѣръ имѣетъ цѣну въ особенности потому, что для историка въ данномъ случаѣ ясенъ источникъ тѣхъ фразъ царя Алексѣя, въ которыхъ столь категорически нашла себѣ опредѣленіе, впервые въ Московскомъ государствѣ, идея державной власти. Свои мысли о существѣ царскаго служенія Алексѣй Михайловичъ черпалъ, повидимому, изъ чина царскаго вѣнчанія [2]) или же непосредственно изъ главы 9-й „Книги Премуд-

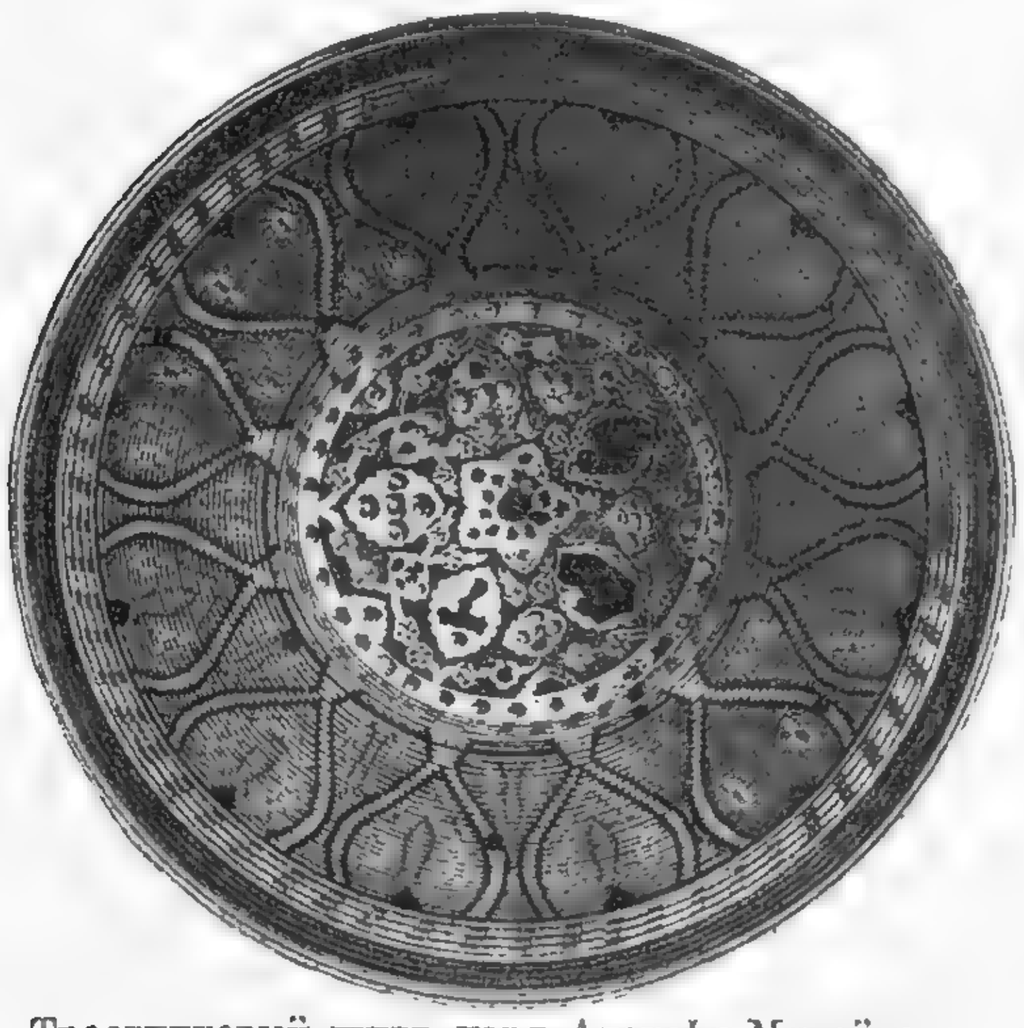
[1]) Бартеневъ, стр. 225, 232.

[2]) Е. В. Барсовъ, „Древнерусскіе памятники свящ. вѣнчанія царей на царство“, стр. 57, 82.

рости Соломона“. Не менѣе знаменательнымъ кажется и отношеніе царя къ вопросу о внѣшнемъ принужденіи въ дѣлахъ вѣры. Съ замѣтною твердостью и смѣлостью мысли, хотя и въ очень сдержанныхъ фразахъ, царь пишетъ по этому вопросу митрополиту Никону, котораго авторитетъ онъ ставилъ въ тѣ года необыкновенно высоко. Онъ проситъ Никона не томить въ походѣ монашескимъ послушаніемъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей: „не заставливаї у правила стоять: добро, государь владыко святыї, учить премудра — премудрѣе будетъ, а безумному — мозоліе ему есть!“ Онъ ставитъ Никону на видъ слова одного изъ его спутниковъ, что Никонъ „никого де силою не заставитъ Богу вѣровать“ [1]). При всемъ почтеніи къ митрополиту, „не въ примѣръ святу мужу“, Алексѣй Михайловичъ, видимо, раздѣляетъ мысли несогласныхъ съ Никономъ и терпѣвшихъ отъ него подневольныхъ постниковъ и молитвенниковъ. Нельзя силою заставить Богу вѣровать—это, по всей видимости, убѣжденіе самого Алексѣя Михайловича.



Тростниковый щитъ царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная Палата).



Тростниковый щитъ царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная Палата).

При постоянномъ религіозномъ настроеніи и напряженной моральной вдумчивости Алексѣй Михайловичъ обладалъ одною симпатичною чертою, которая, казалось бы, мало могла уживаться съ его аскетизмомъ и наклонностью къ отвлеченному наставительному резонерству. Царь Алексѣй былъ замѣчательный эстетикъ — въ томъ смыслѣ, что любилъ и понималъ красоту. Его эстетическое чувство сказывалось ярче всего въ страсти къ соколиной охотѣ, а позже — къ сельскому хозяйству. Кромѣ прямыхъ ощущеній охотника и обычныхъ удовольствій охоты съ ея азартомъ и шумнымъ движеніемъ, соколиная потѣха удовлетворяла въ царѣ Алексѣѣ и чувству красоты. Въ „Урядникѣ сокольничья пути“ онъ очень тонко разсуждаетъ о красотѣ разныхъ охотничьихъ птицъ, о прелести

---

[1]) Бартеневъ, стр. 183—184.

птичьяго лета и удара, о внѣшнемъ изяществѣ своей охоты. Для него „его государевы *красныя* и славныя птичьи охоты“ урядство или порядокъ „уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе“; высокаго сокола летъ—„*красносмотрителенъ* и радостенъ“; копцова (т.-е. копчика) добыча и летъ—„*добровиденъ*“. Онъ слѣдитъ за красотою сокольничьяго наряда и оговариваетъ, чтобы нашивка на кафтанахъ была „золотная“ или серебряная: „къ какому цвѣту какая пристанетъ“; требуетъ, чтобы сокольникъ держалъ птицу „подъявительно къ видѣнію человѣческому и ко *красотѣ* кречатьей“, т.-е. такъ, чтобы ее разсмотрѣть было удобно и красиво. Элементъ красоты и изящества вообще играетъ не послѣднюю роль въ „урядствѣ“ всего охотничьяго чина царя Алексѣя. То же чувство красоты заставляло царя увлекаться внѣшнимъ благочестіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за нимъ, иногда даже нарушая его внутреннюю чинность для внѣшней красоты. Въ запискахъ Павла Алеппскаго можно видѣть много примѣровъ тому, какъ царь распоряжался въ церкви, наводя порядокъ и красоту въ такія минуты, когда, по нашимъ понятіямъ, ему надлежало бы хранить молчаніе и благоговѣніе. Не только церковныя церемоніи, но и парады придворные и военные необыкновенно занимали Алексѣя Михайловича съ точки зрѣнія „чина“ и „урядства“, т.-е. внѣшняго порядка, красоты и великолѣпія. Онъ, напримѣръ, съ чрезвычайнымъ усердіемъ устраивалъ смотры и проводы своимъ войскамъ передъ первымъ литовскимъ походомъ, обставляя ихъ торжественнымъ и краснвымъ церемоніаломъ. Большой эстетическій вкусъ царя сказывался въ выборѣ любимыхъ мѣстъ: кто знаетъ положеніе Саввина-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, излюбленнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, тотъ согласится, что это—одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Московской губерніи; кто былъ въ селѣ Коломенскомъ, тотъ помнитъ, конечно, прекрасные виды съ высокаго берега Москвы-рѣки въ Коломенскомъ. Мирная красота этихъ мѣстъ—обычный типъ великорусскаго пейзажа—такъ соотвѣтствуетъ характеру „гораздо тихаго“ царя.

Соединеніе глубокой религіозности и аскетизма съ охотничьими наслажденіями и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь не было противорѣчіемъ въ натурѣ и философіи Алексѣя Михайловича. Въ немъ религія и молитва не исключали удовольствій и потѣхъ. Онъ сознательно позволялъ себѣ свои охотничьи и комедійныя развлеченія, не считалъ ихъ преступными, не каялся послѣ нихъ. У него и на удовольствія былъ свой особый взглядъ. „И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя,—пишетъ онъ въ наставленіи сокольникамъ,—будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою..., да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія“. Такимъ образомъ, въ сознаніи Алексѣя Михайловича охотничья потѣха есть противодѣйствіе печали, и подобный взглядъ на удовольствія не случайно соскользнулъ съ его пера: по мнѣнію царя, жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лѣчиться,

нужно гнать ее—такъ и Богъ велѣлъ. Онъ проситъ князя Одоевскаго не плакать о смерти сына: „Нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно—да въ мѣру, чтобъ Бога наипаче не прогнѣвать“. Но если жизнь—не тяжелое, мрачное испытаніе, то она для царя Алексѣя и не сплошное наслажденіе. Цѣль жизни—спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею благочестивою жизнью; а хорошая жизнь, по мнѣнію царя, должна проходить въ строгомъ порядкѣ: въ ней все должно имѣть свое мѣсто и время; царь, говоря о потѣхѣ, напоминаетъ своимъ сокольникамъ: „Правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николиже позабывайте: дѣлу время, и потѣхѣ часъ“. Такимъ образомъ, страстно любимая царемъ Алексѣемъ забава для него, все-таки, только забава и не должна мѣшать дѣлу Онъ убѣжденъ, что во все, что бы ни дѣлалъ человѣкъ, нужно вносить порядокъ, „чинъ“. „Хотя и мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна,—никтоже зазритъ, никтоже похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ“. Чинъ и благоустройство для Алексѣя Михайловича—залогъ успѣха во всемъ: „безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье“, говоритъ онъ. Поэтому царь Алексѣй Михайловичъ очень заботился о порядкѣ во всякомъ большомъ и маломъ дѣлѣ. Онъ только тогда бывалъ счастливъ, когда на душѣ у него было свѣтло и ясно, и кругомъ все было свѣтло и спокойно, все на мѣстѣ, все по чину. Объ этомъ-то внутреннемъ равновѣсіи и внѣшнемъ порядкѣ болѣе всего заботился царь Алексѣй, мѣшая дѣло съ потѣхой и соединяя подвиги строгаго аскетизма съ чистыми и мирными наслажденіями. Такая непрерывно владѣвшая царемъ Алексѣемъ забота позволяетъ сравнить его (хотя аналогія здѣсь можетъ быть лишь очень отдаленная) съ первыми эпикурейцами, искавшими своей „атараксіи“, безмятежнаго душевнаго равновѣсія, въ разумномъ и сдержанномъ наслажденіи.

До сихъ поръ царь Алексѣй Михайловичъ былъ обращенъ къ намъ своими свѣтлыми сторонами, и мы ими любовались. Но были же и тѣни. Конечно, надо счесть показнымъ и неискреннимъ „смиреніемъ паче гордости“ тотъ отзывъ, какой однажды далъ самъ о себѣ царь Никону: „А про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіи и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіянскій наричюся, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не токмо въ цари!“ [1]) Злыхъ и мерзкихъ дѣлъ за царемъ Алексѣемъ современники не знали, однако они иногда бывали имъ недовольны. Въ годы его молодости, въ эпоху законодательныхъ работъ надъ Уложеніемъ (1649 г.), настроеніе на-

[1]) Бартеневъ, стр. 152.

родныхъ массъ было настолько неспокойно, что многіе давали волю языку. Одинъ изъ озлобленныхъ реформами уличныхъ озорниковъ Савинка Коренинъ болталъ на Москвѣ про юнаго государя, что „царь глупъ, глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго: они всѣмъ владѣютъ и самъ государь все это знаетъ да молчитъ; чортъ у него умъ отнялъ“ [1]). Мысль, что царь „глядитъ изо рта“ у другихъ, мелькаетъ и позднѣе. Въ поведеніи коломенскаго архіепископа Іосифа (1660—1670 гг.) вскрывались не разъ его безпощадные отзывы о царѣ Алексѣѣ и боярахъ. Іосифъ говаривалъ про великаго государя, что „не умѣетъ въ царствѣ никакой расправы самъ собою чинить, люди имъ владѣютъ“, а про бояръ, что „бояре—Хамовъ родъ, государь того и не знаетъ, что они дѣлаютъ“. Въ минуты большаго раздраженія Іосифъ обзывалъ Алексѣя Михайловича весьма презрительными бранными словами, которыхъ общій смыслъ обличалъ царя въ полной неспособности къ дѣламъ [2]). Встрѣчаясь съ такими отзывами, не знаешь, какъ слѣдуетъ ихъ истолковать и какъ ихъ можно примирить со многими свидѣтельствами о разумѣ и широкихъ интересахъ Алексѣя Михайловича. „Гораздо тихій“ царь былъ вѣдь тихъ добротою, а не смысломъ; это ясно для всѣхъ, знакомыхъ съ историческимъ матеріаломъ. Только пристальное наблюденіе открываетъ въ натурѣ царя Алексѣя двѣ такія черты, которыя могутъ освѣтить и объяснить существовавшее недовольство имъ.

При всей своей живости, при всемъ своемъ умѣ царь Алексѣй Михайловичъ былъ безвольный и временами малодушный человѣкъ. Пользуясь его добротою и безволіемъ, окружавшіе не только своевольничали, но забирали власть и надъ самимъ „тихимъ“ государемъ. Въ письмахъ царя есть удивительныя этому доказательства. Въ 1652 году онъ пишетъ Никону, что дворецкій князь Алексѣй Мих. Львовъ „билъ челомъ объ отставкѣ“. Это былъ возмутительный самоуправецъ, много лѣтъ безнаказанно сидѣвшій въ приказѣ Большого дворца [3]). Царь обрадовался, что можно избавиться отъ Львова, и „во дворецъ посадилъ Василья Бутурлина“. Съ наивною похвальбою онъ сообщаетъ Никону: „А слово мое нынѣ во дворцѣ добрѣ страшно, и (все) дѣлается безъ замотчанья!“ Стало-быть, такова была наглость князя Львова, что ему не страшно казалось и царское слово, и такъ велика была слабость государя, что онъ не могъ самъ избавиться отъ своего дворецкаго! Послѣ этого примѣра становится понятнымъ, что около того же времени и ничтожный приказный человѣкъ Л. Плещеевъ могъ цинично похваляться, что „про меня де вѣдаетъ государь, что я зернщикъ (т.-е. игрокъ)!.. у меня де

[1]) Ключевскій, Курсъ III, стр. 170; мягче у Соловьева, II, стр. 1524.
[2]) Соловьевъ, III, стр. 745—746.
[3]) О его злоупотребленіяхъ см. нашу статью „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“, стр. 54—55.

Москва была въ рукѣ вся, я де и боярамъ указывалъ!“ [1]) Въ упоминаніи го сударя Плещеевымъ мелькаетъ тотъ же намекъ на отсутствіе страха предъ государевымъ именемъ и словомъ, какъ и въ наивномъ письмѣ самого государя. Любопытно, что придворные и приказные люди не только за глазами у добраго царя давали себѣ волю, но и въ глаза ему осмѣливались показывать свои настроенія. Въ походѣ 1654 года окружавшіе Алексѣя Михайловича, по его словамъ въ письмѣ кн. Трубецкому, „ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся; иногда зноемъ и яростью и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ и обычаемъ московскимъ явятся; иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ, иногда тихостью и бѣдностью лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ... А мнѣ уже, Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ!“ [2]) При отсутствіи твердой воли въ характерѣ царя Алексѣя онъ не могъ взять въ свои руки настроеніе окружающихъ, не могъ круто раздѣлаться съ виновными, прогнать самоуправца. Онъ могъ вспыхнуть, выбранить, даже ударить, но затѣмъ быстро сдавался и искалъ примиренія. Онъ терпѣлъ князя Львова у дѣлъ, держалъ около себя своего плохого тестя Милославскаго, давалъ волю безмѣрному властолюбію Никона—потому, что не имѣлъ въ себѣ силы бороться ни съ служебными злоупотребленіями, ни съ придворными вліяніями, ни съ сильными характерами. Не истребить зло съ корнемъ, не убрать непригоднаго человѣка, а найти компромиссъ и палліативъ, закрыть глаза и спрятать, какъ страусъ, голову въ кустъ,—вотъ обычный пріемъ Алексѣя Михайловича, результатъ его маловолія и малодушія. Хуже всего онъ чувствовалъ себя тогда, когда видѣлъ неизбѣжность вступить открыто въ какое-либо непріятное дѣло. Малодушно онъ убѣгалъ отъ отвѣтственныхъ объясненій и спѣшилъ заслониться другими людьми. Сообщивъ Никону въ письмѣ о неудовольствіяхъ на него, существующихъ среди его окружающихъ, царь сейчасъ же оговаривается: „И тебѣ бы, владыко святый, пожаловать—сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ! ...да будетъ и изволишь ему (жалобщику) говорить, и ты, владыко святый, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали (о его жалобахъ)“. Желаніе стать въ сторонѣ стыдитъ, повидимому, самого Алексѣя Михайловича, и онъ предлагаетъ Никону отложить объясненіе съ недовольнымъ на него бояриномъ до Москвы: „Здѣсь бы передо мною вы съ очей на очи перевѣдались“, предлагаетъ онъ, разумѣется, въ надеждѣ, что время до очной ставки уничтожитъ остроту неудовольствій и смягчитъ враговъ [3]). Ду-

---

[1]) „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.“, 1890 г., III, Матеріалы Зерцалова, стр. 186.
[2]) Соловьевъ, II, стр. 1664.
[3]) Бартеневъ, стр. 183—184.

шевнымъ малодушіемъ добраго государя слѣдуетъ объяснить его вкусъ къ письменнымъ выговорамъ: за глаза можно было написать много и сильно, грозно и красиво; а въ глаза бранить—трудно и жалко. Въ глаза бранить кого-либо царю Алексѣю было можно только въ минуты кратковременныхъ вспышекъ горячаго гнѣва, когда у него вмѣстѣ съ языкомъ развязывались и руки.

Итакъ, слабость характера была однимъ изъ тѣневыхъ свойствъ царя Алексѣя Михайловича. Другое его отрицательное свойство легче описать, чѣмъ назвать. Царь Алексѣй не умѣлъ и не думалъ работать. Онъ не зналъ поэзіи и радостей труда и въ этомъ отношеніи былъ совершенною противоположностью своему сыну Петру. Жить и наслаждаться онъ могъ среди „малой вещи“, какъ онъ называлъ свою охоту и какъ можно назвать всѣ его иныя потѣхи. Вся его энергія уходила въ отправленіе того „чина“, который онъ видѣлъ въ вѣковомъ церковномъ и дворцовомъ обиходѣ. Вся его инціатива ограничивалась кругомъ пріятныхъ „новшествъ“, которыя въ его время, но независимо отъ него, стали проникать въ жизнь московской знати. Управленіе же государствомъ не было такимъ дѣломъ, которое царь Алексѣй желалъ бы принять непосредственно на себя. Для того существовали бояре и приказные люди. Сначала за царя Алексѣя правилъ Борисъ Ив. Морозовъ, потомъ настала пора князя Никиты Ив. Одоевскаго; за нимъ сталъ временщикомъ патріархъ Никонъ, правившій не только святительскія дѣла, но и царскія; за Никономъ слѣдовали Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ. Во всякую минуту дѣятельности царя Алексѣя мы видимъ около него довѣренныхъ лицъ, которыя правятъ. Царь же, такъ сказать, присутствуетъ при ихъ работѣ, хвалитъ ихъ или споритъ съ ними, хлопочетъ о внѣшнемъ „урядствѣ“, пишетъ письма о событіяхъ,—словомъ, суетится кругомъ дѣйствительныхъ работниковъ и дѣятелей. Но ни работать съ ними, ни увлекать ихъ властною волею боевого вождя онъ не можетъ. Малый примѣръ изъ нашей современности наглядно покажетъ, что и такіе люди могутъ считаться нужными. Намъ довелось видѣть, какъ по овражистымъ берегамъ Быстрой Сосны везли большой тяжести машину въ сельскую экономію. Везли кони, и съ ними билось на подъемахъ и тащило грузъ много народу. И народъ спрашивалъ: „А кто жъ намъ кричать будетъ?“ Необходимъ казался крикъ изъ празднаго горла, чтобы давать ритмъ общей мускульной работѣ. Вотъ въ общемъ государственномъ дѣлѣ XVII вѣка царь Алексѣй и былъ такимъ человѣкомъ, который самъ не работалъ, а своею суетою и голосомъ давалъ ритмъ для тѣхъ, кто трудился.

Добродушный и маловольный, подвижной, но не энергичный и не рабочій, царь Алексѣй не могъ быть бойцомъ и реформаторомъ. Между тѣмъ, теченіе исторической жизни поставило царю Алексѣю много чрезвычайно трудныхъ и жгучихъ задачъ и внутри и внѣ государства: вопросы эконо-

Оберегатель царственныя большія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ (1667—1670, †1680)
бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ.

мической жизни, законодательные и церковные, борьба за Малороссію, безконечно-трудная,—все это требовало чрезвычайныхъ усилій правительственной власти и народныхъ силъ. Много критическихъ минутъ пришлось тогда пережить нашимъ предкамъ, и, все-таки, бѣдная силами и средствами Русь успѣла выйти побѣдительницей изъ внѣшней борьбы, успѣвала кое-какъ справляться и съ домашними затрудненіями. Правительство Алексѣя Михай-

Бояринъ А. С. Матвѣевъ.
(Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

ловича стояло на извѣстной высотѣ во всемъ томъ, что ему приходилось дѣлать: являлись способные люди, отыскивались средства, неудачи не отнимали энергіи у дѣятелей; если не удавалось одно средство—для достиженія цѣли искали новыхъ путей. Шла, словомъ, горячая, напряженная дѣятельность, и за всѣми дѣятелями эпохи во всѣхъ сферахъ государственной жизни видна намъ добродушная и живая личность царя Алексѣя. Чувствуется, что ни одно дѣло не проходитъ мимо него: онъ знаетъ ходъ войны; онъ желаетъ руководить работой дипломатіи; онъ въ думу боярскую несетъ рядъ

вопросовъ и указаній по внутреннимъ дѣламъ; онъ слѣдитъ за церковной реформой; онъ въ дѣлѣ патріарха Никона принимаетъ дѣятельное участіе. Онъ вездѣ, постоянно съ разумѣніемъ дѣла, постоянно добродушный, искренній и ласковый. Но нигдѣ онъ не сдѣлаетъ ни одного рѣшительнаго движенія, ни одного рѣзкаго шага впередъ. На всякій вопросъ онъ откликнется съ полнымъ его пониманіемъ, не устранится отъ его разрѣшенія; но отъ него совершенно нельзя ждать той страстной энергіи, какою отмѣчена дѣятельность его геніальнаго сына, той смѣлой инициативы, какой отличался Петръ.

Вотъ почему мы не вполнѣ согласимся съ отзывомъ сенатора князя Якова Долгорукаго, который, по преданію, сказалъ однажды Петру Великому: „Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей—три: первое внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе; въ семъ отецъ твой больше, нежели ты, сдѣлалъ!..“ Петръ, конечно, сдѣлалъ очень много; Алексѣй же только по-своему помогалъ дѣлать тѣмъ, кого своею властью ставилъ къ дѣламъ.

Проф. С. Платоновъ.

Русскій пѣшій ратникъ XVII вѣка. (Оружейная Палата).

Земскіе соборы.

I.

Земскіе соборы возникли въ XVI вѣкѣ; XVII вѣку принадлежитъ ихъ расцвѣтъ, и онъ же видѣлъ ихъ паденіе. Послѣдовательная смѣна этихъ состояній, обозначая собой завершившійся циклъ явленій въ жизни соборовъ, предрасполагаетъ видѣть въ ихъ исторіи процессъ эволюціи, пережитый учрежденіемъ опредѣленнаго типа. На вопросъ, что такое земскіе соборы, привыкли слышать или думать про себя, что это — форма древнерусскаго представительства, видоизмѣненія которой, устанавливаемыя историческимъ наблюденіемъ, выражаютъ собой различныя стадіи развитія представительнаго начала.

Въ дѣйствительности вопросъ сложнѣе. Конечно, по общему своему значенію земскій соборъ стоитъ, въ ряду государственныхъ установленій, всего ближе къ представительнымъ учрежденіямъ, какъ они сложились на западѣ; но своеобразный ходъ русской исторіи сказался и здѣсь, направивъ развитіе представительнаго начала совсѣмъ особыми путями. Строго говоря, это не былъ процессъ эволюціи, гдѣ послѣдующее состояніе приходитъ на смѣну предыдущему. За время своего историческаго существованія земскіе соборы испытали перемѣны и въ своемъ строеніи и въ характерѣ своей дѣятель-

ности; но первоначальная организація оставалась при этомъ неизмѣнной, и перемѣны по существу состояли только въ томъ, что она осложнялась новыми элементами, которые несли съ собой и новыя функціи. Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ земскимъ соборамъ, можетъ-быть, правильнѣе говорить не столько о различныхъ стадіяхъ развитія представительства, сколько о различныхъ его типахъ, совмѣщавшихся въ одномъ учрежденіи.

Свой полный видъ земскій соборъ получилъ въ XVII вѣкѣ, и въ это время въ его конструкціи отчетливо выступаютъ два элемента съ самостоятельнымъ характеромъ: въ одномъ изъ нихъ легко узнать учрежденіе, дѣйствовавшее уже въ XVI вѣкѣ подъ названіемъ „собора“, а другой появляется рядомъ съ первымъ въ смутную эпоху, на рубежѣ XVI и XVII вв., какъ часть того цѣлаго, которое называлось тогда „совѣтомъ всея земли“. Относясь по времени возникновенія къ различнымъ моментамъ исторической жизни русскаго общества, оба элемента въ своемъ назначеніи и въ своемъ составѣ отражаютъ различныя условія, ихъ вызвавшія, и въ исторіи соборнаго представительства обнаруживаются двумя какъ бы параллельными рядами явленій, сходящимися лишь въ послѣднемъ моментѣ. Этимъ опредѣляется порядокъ дальнѣйшаго изложенія: такъ какъ тотъ и другой изъ составныхъ элементовъ собора въ общей жизни учрежденія имѣлъ свое особое значеніе, соотвѣтствовавшее его соціально-политической природѣ, то характеристика каждаго въ отдѣльности должна предшествовать изображенію исторической судьбы цѣлаго.

II.

Соборная организація, выработавшаяся въ XVI вѣкѣ и долго оставаншаяся неизмѣнной въ XVII в., конечно, съ наибольшей отчетливостью рисуется въ документахъ XVI вѣка, гдѣ не заслоняется элементами иного порядка. Болѣе того, мы только и можемъ распознать и выдѣлить ее въ сложной конструкціи собора XVII вѣка, предварительно установивши ея отличительныя черты по извѣстіямъ предыдущаго періода. Можно назвать два собора XVI вѣка, мимо которыхъ, по этой причинѣ, не можетъ пройти историкъ, желающій уяснить смыслъ явленій, которыя наблюдаются въ жизни соборнаго представительства за XVII вѣкъ, это—соборы 1566 и 1598 гг.

Для пониманія представительнаго учрежденія важно знать, изъ какого источника его члены получаютъ свои полномочія и каковъ его политическій авторитетъ. Однако въ документахъ, относящихся къ соборамъ, мы не найдемъ прямыхъ опредѣленій ни по тому, ни по другому вопросу: данныя, которыя въ нихъ содержатся, могутъ привести къ отвѣту лишь косвеннымъ образомъ, въ качествѣ отправныхъ пунктовъ при довольно сложныхъ изысканіяхъ. Это въ полной мѣрѣ должно быть примѣнено и къ названнымъ соборамъ

XVI вѣка. Документы не говорятъ, составлялись ли эти соборы согласно общественному избранію или на основаніи какого-нибудь другого принципа; но въ актахъ соборныхъ находимъ перечни присутствовавшихъ на соборахъ лицъ, съ распредѣленіемъ ихъ по разнымъ категоріямъ,—это распредѣленіе по категоріямъ и можетъ дать изслѣдователю руководящую нить. Можно въ любомъ собраніи группировать людей очень различными способами, и каждый разъ та или иная группировка покажетъ, какому свойству или какимъ чертамъ составляющихъ собраніе лицъ придавалось въ данномъ случаѣ значеніе, другими словами: обнаружитъ тотъ общій принципъ, по отношенію къ которому устанавливаемыя группы являются различными способами его выраженія. Точно такъ же и группировка членовъ собора въ актахъ, оттѣняя опредѣленную сторону въ ихъ общественномъ положеніи, тѣмъ самымъ намѣчаетъ принципъ, которымъ обусловливался ихъ подборъ, а отчасти и значеніе, которое за ними признавалось. Полученные такимъ путемъ выводы могутъ быть провѣрены (частью же и внушаются) указаніями тѣхъ же актовъ на обстоятельства, при какихъ происходилъ созывъ соборовъ.

Соборъ 1566 г. созванъ былъ Иваномъ Грознымъ по вопросу о перемиріи съ Польшей. Члены собора обсуждали вопросъ, „межи собой говорили“, разбившись на группы, и по группамъ же подавали свои мнѣнія. Въ соборномъ актѣ отдѣльно изложены мнѣнія: 1) духовенства, 2) бояръ и окольничихъ, 3) „дворянъ первая статья“, 4) дворянъ и дѣтей боярскихъ „другіе статьи“, 5) Торопецкихъ помѣщиковъ, 6) Луцкихъ помѣщиковъ, 7) дьяковъ и приказныхъ людей, 8) гостей, купцовъ и Смольнянъ. У всѣхъ группъ отвѣтъ по смыслу одинаковъ, но мотивировка его у каждой своя, и потому надо думать, что эта классификація не была только дѣломъ редактировавшаго соборный актъ дьяка, а имѣла подъ собой реальную почву въ опредѣленныхъ комбинаціяхъ общественныхъ элементовъ. Какимъ путемъ сложились эти комбинаціи и что онѣ обозначаютъ? Совершенно ясно, что выражающіяся въ нихъ различія между членами соборовъ не могутъ быть сведены къ различіямъ сословнымъ: съ чисто сословной точки зрѣнія 3-я, 4-я, 5-я и 6-я группы сливаются въ одну, а 7-я и совсѣмъ не должна бы найти себѣ мѣста въ классификаціи, построенной на сословномъ принципѣ. Такимъ образомъ, судя по характеру группировки членовъ собора въ актѣ 1566 г., мы, прежде всего, можемъ сказать, какое значеніе нельзя придавать земскому собору: онъ не былъ сословнымъ представительствомъ, во всякомъ случаѣ — не потребность въ представительствѣ сословныхъ интересовъ вызвала его къ жизни. Еще менѣе, конечно, группировка соборнаго акта даетъ основаній видѣть въ земскомъ соборѣ органъ общесословнаго представительства: въ качествѣ общесословныхъ представителей члены собора должны были бы распредѣлиться по мѣстностямъ, и, въ то же время, было бы совсѣмъ неумѣстно то подраздѣленіе ихъ, какое видимъ въ соборномъ перечнѣ. Этотъ выводъ за-

ключаетъ въ себѣ указаніе, пока также только отрицательное, и на способъ подбора соборнаго состава, дѣлая предположеніе, что члены собора получали свои полномочія путемъ общественнаго избранія, почти парадоксомъ, поскольку общественное избраніе имѣетъ свое оправданіе только въ представительствѣ общественныхъ интересовъ. Съ другой стороны, и внѣшнія условія, при какихъ былъ созванъ соборъ 1566 года, исключаютъ возможность того, чтобы при опредѣленіи его состава примѣнено было выборное начало. Присланные польскимъ королемъ для переговоровъ послы прибыли въ Москву 30 мая; предварительные переговоры съ ними происходили въ промежутокъ времени между 17—25 іюня, а соборъ состоялся 28 іюня. Такъ какъ рѣшеніе обратиться къ собору могло быть принято только по ознакомленіи съ польскими предложеніями, то на созывъ его приходится, очевидно, такой короткій срокъ, въ теченіе котораго нельзя произвести выборовъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ. Надо допустить, что соборъ составился, за незначительными исключеніями, изъ лицъ, находившихся въ тотъ моментъ въ Москвѣ.

Отвѣты, полученные до сихъ поръ, имѣютъ отрицательный характеръ; но классификація соборнаго перечня указываетъ и положительнымъ образомъ то направленіе, въ какомъ надо искать рѣшенія вопроса. Нѣкоторыя группы въ составѣ собора обнаруживаютъ несомнѣнное официальное происхожденіе. Ясно, съ какимъ значеніемъ присутствовали на соборѣ архіепископы и епископы, архимандриты и игумены, бояре и окольничіе, дьяки и приказные люди: все это лица, дѣйствовавшія въ разныхъ областяхъ управленія на разныхъ ступеняхъ административной лѣстницы. Удерживая и на соборѣ ту группировку, въ какой распредѣлялись они по разнымъ центральнымъ учрежденіямъ (власти и Освященный соборъ, Боярская дума и приказы), они тѣмъ самымъ явно выдаютъ, что источникомъ ихъ полномочій, какъ членовъ собора, было ихъ служебное положеніе. Всѣ эти люди явились на соборъ, какъ должностныя лица, и, конечно, не по общественному избранію, а по призыву власти. Но со стороны правительства было бы, очевидно, только послѣдовательнымъ, еслибы на томъ же основаніи призывались имъ и остальные члены собора.

Легче всего такое предположеніе оправдывается въ примѣненіи къ послѣдней группѣ соборнаго списка, въ которую входятъ гости, купцы и Смольняне. По догадкѣ В. О. Ключевскаго, купцы и Смольняне соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ гостиной и суконной сотнямъ; если это вѣрно, то здѣсь мы имѣемъ передъ собой московскій торгово-промышленный классъ въ его историческихъ подраздѣленіяхъ. Эти подраздѣленія и даютъ понять, какимъ образомъ торговые люди могли оказаться на соборѣ рядомъ съ должностными чинами. Въ Московскомъ государствѣ столичные капиталисты играли свою роль въ общей администраціи страны, являясь невольными агентами правительства по сбору пошлинъ, и самыя группы, на которыя

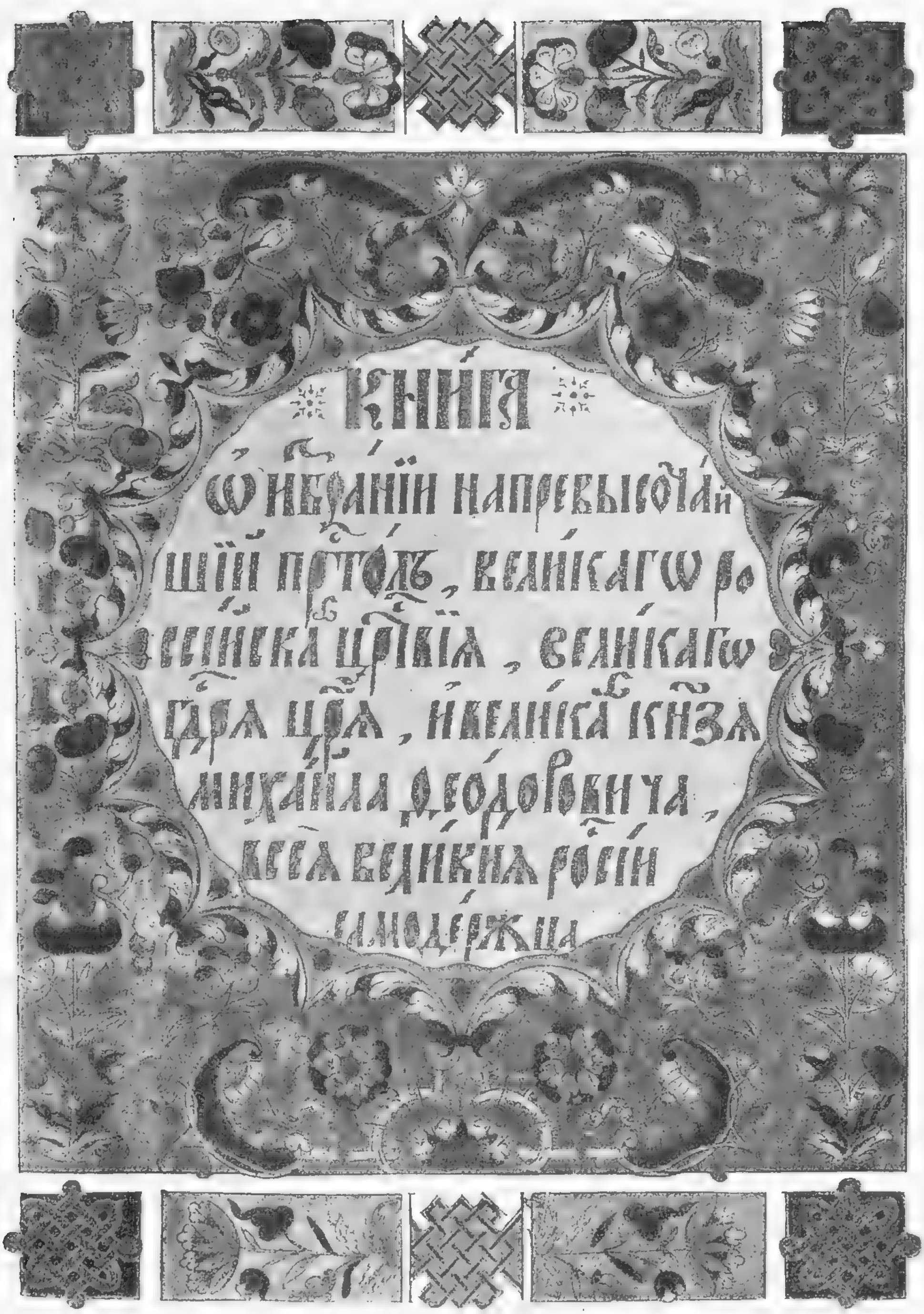
распадался торгово-промышленный классъ, обусловливались въ половинѣ XVI вѣка, можетъ-быть, не столько бытовыми различіями, сколько особенностями возлагавшихся на ихъ членовъ правительственныхъ порученій въ сферѣ финансовой администраціи. Обязанностямъ отдѣльныхъ группъ соотвѣтствовали и особыя права. Такимъ образомъ, каждая группа являлась своего рода государственнымъ состояніемъ или, какъ говорили тогда, чиномъ, при чемъ на общественной лѣстницѣ эти чины располагались въ извѣстной градаціи, и принадлежность лица къ тому или другому изъ нихъ опредѣлялась степенью его годности къ государственной службѣ. Съ этой точки зрѣнія торгово-промышленная группа въ цѣломъ можетъ быть съ полнымъ правомъ поставлена въ одинъ рядъ съ чисто офиціальными группами соборнаго списка, и потому надо допустить, что и для нея такъ же, какъ для тѣхъ, основаніемъ призыва на соборъ могло быть служебное значеніе. Всѣ лица торгово-промышленнаго класса подали на соборѣ общее мнѣніе и, судя по тому, совѣщались вмѣстѣ; но въ перечнѣ составитель соборнаго акта тѣмъ не менѣе удержалъ ихъ офиціальное подраздѣленіе, можетъ-быть, потому именно, что оно, отмѣчая служебную роль торговыхъ людей, объясняло ихъ появленіе на соборѣ.

Съ бо́льшимъ трудомъ поддаются объясненію остальныя группы. Общественное значеніе всѣхъ ихъ одинаково: это дворянскія группы. Значитъ, надо опредѣлить тѣ различія въ средѣ самого служилаго дворянства, которыя обусловили собой группировку его представителей, выражая, очевидно, въ своей совокупности основаніе призыва ихъ на соборъ. Указанія на эти различія мы можемъ искать частью въ названіяхъ группъ, частью въ личномъ ихъ составѣ. Прежде всего, что означаютъ статьи, по которымъ дѣлились на соборѣ дворяне и дѣти боярскія? Въ документахъ этотъ терминъ всегда встрѣчается съ значеніемъ категорій, по которымъ производился надѣлъ помѣстьями, такъ что каждой категоріи соотвѣтствовало точно опредѣленное количество земли. Подобными категоріями пользовались только, какъ вспомогательными средствами, и потому самое число ихъ опредѣлялось всякій разъ въ связи съ различными соображеніями, колеблясь между 2 и 10 (даже больше). В. О. Ключевскій, исходя изъ наблюденія, что многіе дворяне соборнаго списка принадлежали къ тысячѣ отобранныхъ въ 1550 г. Грознымъ для пополненія столичнаго дворянства служилыхъ людей изъ провинціи, предполагалъ, что двѣ статьи соборнаго списка соотвѣтствуютъ двумъ первымъ статьямъ Тысячной книги, куда по статьямъ (3-мъ) записывались тысячники при надѣлѣ подмосковными помѣстьями. Отсюда слѣдовалъ выводъ, играющій существенную роль въ его теоріи соборнаго представительства, — что всѣ присутствовавшіе на соборѣ дворяне были столичными, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые не значатся въ Тысячной книгѣ, зачислены были въ составъ столичнаго дворянства позднѣе. Такое толкованіе термина съ разныхъ сто-

ронъ встрѣчаетъ затрудненія. Прежде всего, статьямъ Тысячной книги оно придаетъ несвойственное имъ значеніе, дѣлая ихъ устойчивыми соціальными подраздѣленіями. Послѣ 1550 г. тысяча перестаетъ упоминаться въ документахъ, и, надо думать, ея исторія окончилась съ первымъ же наборомъ, такъ какъ пополненіе столичнаго дворянства происходило впослѣдствіи совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какой устанавливался въ указѣ 1550 г., т.-е. безъ отношенія къ тысячѣ и ея статьямъ. Потому, вѣроятно, и соотвѣтствія между статьями Тысячной книги и соборнаго списка, строго говоря, нѣтъ: въ первую статью соборнаго списка вошли дворяне, отнесенные въ Тысячной книгѣ ко второй и третьей статьямъ, и въ то же время нѣтъ ни одного тысячника второй статьи, который бы попалъ во вторую же статью соборнаго списка: встрѣчающіеся въ послѣдней тысячники всѣ записаны въ Тысячной книгѣ по третьей статьѣ. Съ другой стороны, среди дворянъ, присутствовавшихъ на соборѣ, безъ сомнѣнія, были и провинціальные, по преимуществу изъ „выбора“, какъ назывались въ XVI и XVII вв. провинціальные служилые люди высшаго разряда, вызывавшіеся въ извѣстномъ порядкѣ въ Москву для различныхъ административныхъ порученій. Особенно значительное число ихъ, можно предполагать, было среди дворянъ второй статьи, изъ 99 представителей которой всего лишь 15 фамилій занесены въ Тысячную книгу; по крайней мѣрѣ, въ одномъ только спискѣ 1577 года 7 человѣкъ изъ этой статьи значатся среди „выбора“. [1]) Это обстоятельство, подрывая предположеніе Ключевскаго, что на соборѣ присутствовали исключительно столичные дворяне, въ свою очередь говоритъ противъ сближенія Тысячной книги и соборнаго списка. Къ болѣе надежнымъ заключеніямъ, кажется, ведетъ другой путь. При поверхностномъ ознакомленіи съ перечнями соборнаго акта выносишь впечатлѣніе, что подъ титуломъ „дворяне первая статья“ какъ бы собраны представители родовитыхъ фамилій, а подъ титуломъ „дворяне и дѣти боярскія другіе статьи“ — представители болѣе скромныхъ, частью и совсѣмъ неизвѣстныхъ дворянскихъ родовъ, и можно подумать, что основаніемъ классификаціи служило генеалогическое достоинство лица. Однако ближайшее изученіе дворянскихъ списковъ исправляетъ это впечатлѣніе, показывая, что генеалогическій принципъ при дѣленіи на статьи не былъ выдержанъ: въ первой статьѣ можно найти лицъ не только второстепенныхъ столичныхъ фамилій, но даже провинціальныхъ дворянъ „изъ выбора“ (напр., Муха Чихачевъ по списку 1577 г.), и въ то же время во второй статьѣ встрѣчаются лица титулованныя. Очевидно, въ распредѣленіи на статьи рядомъ съ генеалогическимъ дѣйствовалъ еще другой принципъ, и есть возможность опредѣлить, какой именно. Наблюденіе надъ служебной карьерой отдѣльныхъ лицъ изъ дворянскихъ группъ позволяетъ установить,

---

[1]) „Акты Московск. государства“, т. I, № 26.



Заглавный листъ „Книги о избраніи на престолъ Михаила Ѳедоровича“.

какъ фактъ, что дворяне первой статьи обыкновенно назначались намѣстниками и годовыми воеводами, тогда какъ дворяне второй статьи чаще всего бывали сотенными головами, иногда поддатными [1]), т.-е. тѣ и другіе занимали должности, одинаковыя по характеру, но различныя по важности. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, въ концѣ уже своей служебной карьеры, дворянинъ второй статьи добивался воеводства, какъ иногда начиналъ головствомъ свою дворянинъ первой статьи. Въ общемъ между родовитостью и служебнымъ положеніемъ, безъ сомнѣнія, было соотвѣтствіе; но въ отдѣльныхъ случаяхъ неизбѣжны были отклоненія, въ силу которыхъ неродовитый человѣкъ оказывался связаннымъ по служебнымъ интересамъ съ болѣе знатнымъ кругомъ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, подъ дѣйствіемъ служебнаго начала группы, складывавшіяся по генеалогическимъ признакамъ, измѣнялись въ своемъ составѣ, и можно думать, что дворянскія „статьи“ соборнаго акта представляютъ собой ту группировку, какая получалась въ результатѣ. Эта группировка въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ могла не играть роли; но она должна была получать значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда по требованію обстоятельствъ правительству становился нужнымъ коллективный опытъ однородныхъ служилыхъ группъ. Мы будемъ имѣть основаніе считать соборъ 1566 года именно такимъ случаемъ, если примемъ во вниманіе, что тогд въ связи съ вопросомъ о мирѣ съ Польшей рѣшалась судьба нѣкоторыхъ западныхъ мѣстностей (напр., Полоцка), а дворянскія статьи составились изъ лицъ, изъ которыхъ у каждаго въ прошломъ была служба на западной границѣ (въ соотвѣтствующемъ статьѣ чинѣ) [2]). Съ другой стороны, для обозначенія этихъ комбинацій дворянскихъ элементовъ, которымъ только случай давалъ практическое примѣненіе, московскій официальный языкъ не имѣлъ особаго термина, и потому, можетъ-быть, составитель соборнаго акта примѣнилъ къ нимъ терминъ: „статьи“, употреблявшійся при классификаціи дворянъ не по службѣ, а по стоявшимъ въ тѣсной связи со службой помѣстнымъ надѣламъ.

Выдѣленіе Торопецкихъ и Луцкихъ помѣщиковъ въ особыя группы было результатомъ приложенія того же служебнаго принципа, лишь осложненнаго признакомъ географическимъ. По служебному положенію, въ качествѣ сотенныхъ головъ, тѣ и другіе примыкали ко второй статьѣ. Эта близость ихъ сказалась даже на изложеніи ихъ мнѣній, которыя въ нѣкоторыхъ пунктахъ буквально воспроизводятъ мнѣніе дворянъ второй статьи. Выдѣленіе же ихъ въ особыя группы объясняется, повидимому, чисто исторически,—спорнымъ характеромъ самыхъ городовъ Торопца и Великихъ Лукъ, ихъ положеніемъ на границѣ Польши и Москвы. По крайней мѣрѣ, и въ другихъ

---

[1]) Обзоръ служебной карьеры членовъ собора см. въ книгѣ г. Аваліани, „Земскіе соборы“.
[2]) Ibid.

документахъ, напр., въ указѣ Грознаго о наборѣ знаменитой тысячи или въ Разрядной книгѣ Полоцкаго похода [1]), Торопецкіе и Луцкіе помѣщики также не входятъ въ общее исчисленіе служилаго состава Московскаго государства, упоминаясь отдѣльными статьями. Тѣмъ естественнѣе было образовать изъ нихъ самостоятельныя группы на соборѣ, въ виду значенія подлежавшаго соборному обсужденію вопроса. Это обособленіе, сообщая обѣимъ группамъ мѣстный отпечатокъ, не уничтожало ихъ служебнаго характера, и съ точки зрѣнія основаній призыва на соборъ оно не мѣшаетъ поставить ихъ въ одномъ ряду съ двумя „статьями“.

Итакъ, различныя группы на соборѣ 1566 года своеобразнымъ подборомъ личнаго состава, закрѣпленнымъ и особыми названіями, выражаютъ, каждая по своему, одну общую мысль, что правительство призывало на соборъ представителей общества по тѣмъ административнымъ функціямъ, которыя оно распредѣлило между общественными классами, иначе говоря,—что принципомъ соборнаго представительства было служебное положеніе лица, находившееся въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ его соціальными признаками. Тѣмъ же принципомъ опредѣляется и составъ собора 1598 г.; но тамъ онъ проявляется въ иныхъ сочетаніяхъ общественныхъ элементовъ, яснѣе обнаруживая свою природу и во многомъ дополняя характеристику соборной организаціи, выработанной XVI вѣкомъ.

Въ отличіе отъ собора 1566 г., о порядкѣ созыва котораго не сохранилось никакихъ извѣстій, относительно собора 1598 г. мы имѣемъ документъ, который позволяетъ наблюдать его въ различные моменты. Въ „Утвержденной граматѣ объ избраніи царемъ Б. Ѳ. Годунова“ [2]) разсказывается, что, послѣ смерти Ѳедора Ивановича, „святѣйшій Іевъ патріархъ, и митрополиты, и архіепископы, и архимандриты, и весь священный вселенскій соборъ, и бояре, и дворяне, и приказные, и служилые всякіе люди, и гости, и всѣ православные крестьяне, которые на Москвѣ“, просили сначала на царство вдову Ѳедора Ивановича, а затѣмъ, въ виду ея отказа, явилась „мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно, что мимо государя Бориса Ѳедоровича иного государя никого не искати и не хотѣти“. Перечисленные чины, въ полномъ составѣ, не разъ пробовали умолять Годунова, чтобы онъ „былъ имъ милостивымъ государемъ“,—Борисъ упорно отказывался, и тогда было рѣшено временно отложить избраніе преемника Ѳедору Ивановичу—до истеченія 40 дней съ его смерти, пока „съѣдутся со всея земли Россійскаго государства митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь священный соборъ, еже на велицѣхъ соборѣхъ бываютъ, и съѣдутся государскія дѣти разныхъ великихъ государствъ, и весь царскій сигклитъ всякихъ чиновъ, и царства

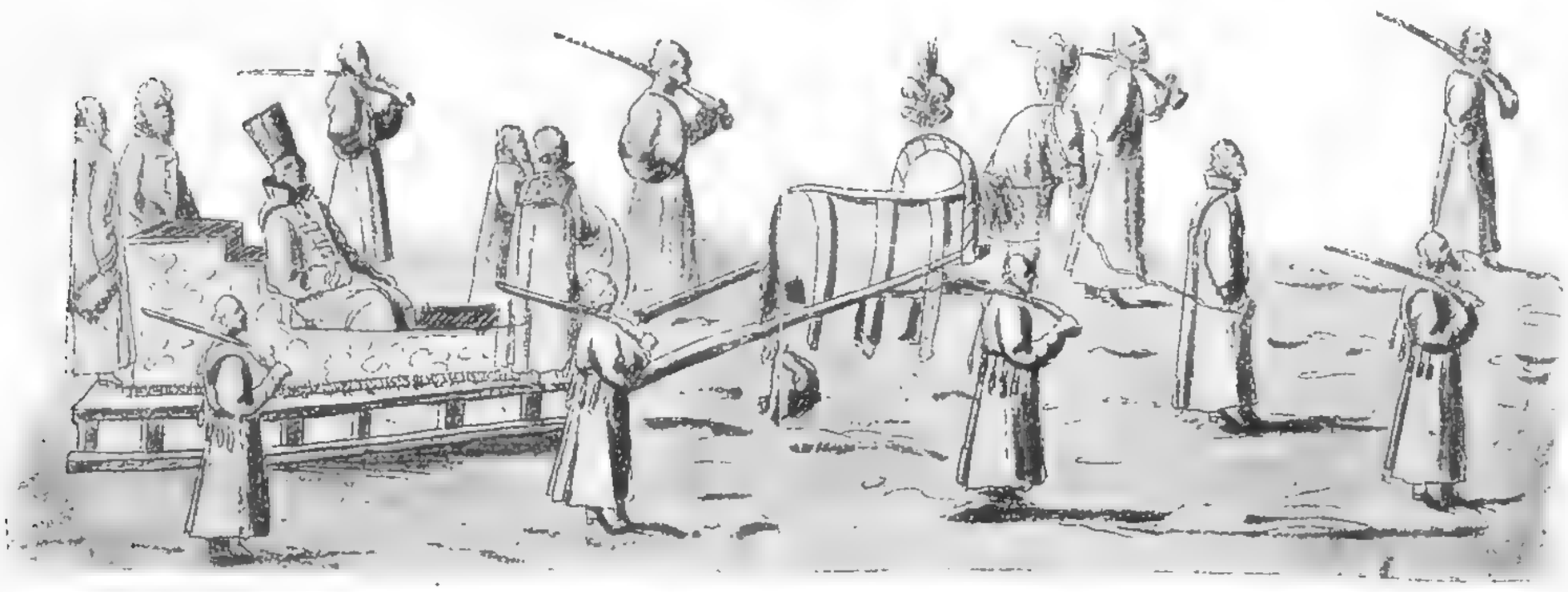
---

1) „Витебская Старина“, т. IV, стр. 27 и сл.
2) „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 7.

Московскаго служилые и всякіе люди". Во исполненіе этого рѣшенія патріархъ, узнаемъ далѣе, „посла по митрополитовъ, и архіепископовъ", словомъ, не повторяя перечня,— но всѣхъ только что перечисленныхъ чиновъ. 17 февраля состоялось совмѣстное собраніе чиновъ, „которые были на Москвѣ", съ тѣми, „которые пріѣхали изъ дальнихъ городовъ", и послѣдніе „велегласно" выразили свою солидарность съ первыми въ вопросѣ о кандидатѣ на престолъ, своимъ единодушіемъ заставивъ Бориса уступить. Въ этомъ повѣствованіи ясно выступаютъ два момента: собраніе московскихъ „чиновъ" и съѣздъ „чиновъ" изъ дальнихъ городовъ, сопровождавшійся общимъ собраніемъ. По существу компетенція того и другого собранія одинакова: московскіе чины, во главѣ съ патріархомъ, считаютъ себя въ правѣ просить Годунова на царство, и созывъ остальныхъ становится нужнымъ только въ виду его уклончиваго поведенія. Значитъ, передъ нами, строго говоря, два однородныхъ учрежденія или два собора: московскій и—назовемъ такъ — общеземскій. Даже болѣе того: повидимому, и различіе между ними только количественное — въ числѣ членовъ, но не въ полнотѣ представляемыхъ ими интересовъ, и лишь въ этомъ — причина бо́льшей авторитетности общеземскаго собора для Бориса. Выраженіе Утвержденной граматы, что патріархъ послалъ по людей всякихъ чиновъ оставляетъ впечатлѣніе, какъ будто приглашались лица, заранѣе извѣстныя, и приглашеніе патріарха заставало ихъ уже съ готовыми представительными полномочіями, обусловливавшимися ихъ общественнымъ положеніемъ. Отбрасывая лишнее изъ многорѣчивой фразеологіи, въ какой составители Утвержденной граматы представили намъ составъ приглашенныхъ патріархомъ лицъ, можетъ-быть, достаточно будетъ сказать, что старались, по возможности, собрать разсѣянный по городамъ „царскій сигклитъ всякихъ чиновъ", и что, слѣдовательно, „пріѣзжіе чины", принадлежа къ тѣмъ же группамъ, какъ и московскіе, только усиливали ихъ количественно, но не вносили съ собой въ составъ собора новыхъ общественныхъ элементовъ. Изученіе соборнаго состава должно дать провѣрку этому впечатлѣнію.

Въ Утвержденной граматѣ находимъ два перечня именъ: въ текстѣ, гдѣ перечислены лица, присутствовавшія на соборѣ, и въ концѣ (въ подлинникѣ—на оборотѣ), гдѣ помѣщены рукоприкладства членовъ собора. Сличеніе обоихъ перечней обнаруживаетъ значительную разницу между ними: многихъ изъ присутствовавшихъ нѣтъ въ числѣ подписавшихся, и, наоборотъ, подписывались лица, которыя среди присутствовавшихъ не значатся; тѣхъ и другихъ—въ общемъ около 50 именъ. Дѣлая это наблюденіе исходнымъ пунктомъ изученія соборнаго состава, получаемъ выводы, проливающіе значительный свѣтъ на тѣ стороны соборной организаціи, которыя анализъ соборнаго акта 1566 г. оставилъ темными. Какъ могло случиться, что избирали Бориса одни лица, а подписывали избирательный актъ другіе? Утвер-

жденная грамата, какъ значится въ концѣ этого документа, была составлена 1 августа, и тогда же члены собора „руки приложили“; между тѣмъ избраніе Бориса состоялось 17 февраля: значитъ, между первымъ собраніемъ и послѣднимъ прошло болѣе 5 мѣсяцевъ. Если принять, что списокъ членовъ собора составленъ былъ сначала въ февралѣ, а 1 августа былъ только внесенъ въ текстъ граматы, то различіе между двумя перечнями можно будетъ объяснить: въ теченіе 5 мѣсяцевъ одни члены собора могли уѣхать, не дождавшись конца, другіе же, опоздавши къ началу, застали конецъ. Такое объясненіе далъ В. О. Ключевскій. Это объясненіе предполагаетъ, что соборъ продолжался съ 17 февраля по 1 августа, но только на время, въ виду предпринятаго новымъ царемъ въ маѣ - іюнѣ мѣсяцахъ похода противъ крымскаго хана, пріостанавливалъ свою дѣятельность. Въ качествѣ доказа-



Выѣздъ царя въ саняхъ. (Изъ альбома Мейерберга).

тельства Ключевскій ссылался на упоминаніе о дѣятельности собора въ апрѣлѣ того же года, встрѣченное имъ въ разрядной книгѣ крымскаго похода: тамъ, по поводу мѣстническаго спора, Борису приписаны слѣдующія слова по адресу истца: „били мнѣ челомъ патріархъ Іевъ и весь соборъ, и бояре, и приказные люди, и воеводы, и дворяне всѣ, чтобъ язъ пожаловалъ, велѣлъ боярамъ, и воеводамъ, и вамъ, дворянамъ, быти безъ мѣстъ на нашей службѣ; и ты почему такъ воруешь?“ [1]) Указаніе царя на это челобитье говоритъ, по мнѣнію Ключевскаго, что соборъ оставался при царѣ въ апрѣлѣ, когда происходилъ описанный случай. Такимъ образомъ, соборъ является учрежденіемъ, сохраняющимъ, независимо отъ реальныхъ проявленій своей жизнедѣятельности, юридически непрерывное существованіе, пока имѣется

---

[1]) «Русская Мысль», 1891 г., кн. I, стр. 135.

налицо опредѣленный спеціальный составъ членовъ.—Въ этой конструкціи вообще не мало догадокъ, оставляющихъ мѣсто сомнѣнію; но, прежде всего, ненадежно основаніе. Не говоря о томъ, что ссылка на соборное челобитье, сдѣланная царемъ въ апрѣлѣ, не обязываетъ пріурочивать къ апрѣлю соборъ, отъ котораго вышло челобитье,—самый фактъ, еслибы онъ былъ опредѣленъ и правильно хронологически, скорѣе опровергаетъ мысль Ключевскаго, чѣмъ ее поддерживаетъ: соборъ, „бпвшій челомъ“ Борису объ отмѣнѣ „мѣстъ“, былъ новый соборъ, не тотъ, который Бориса избиралъ въ февралѣ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ соборный составъ: въ апрѣльскомъ соборѣ участвуютъ только Освященный соборъ и служилые люди, и нѣтъ никакихъ указаній на присутствіе торгово-промышленныхъ группъ, которыя въ спискѣ избирательнаго собора занимаютъ очень видное мѣсто. Если смѣна отдѣльныхъ лицъ въ составѣ представительнаго учрежденія не можетъ измѣнить характера учрежденія, то выпаденіе цѣлыхъ общественныхъ группъ имѣетъ такой эффектъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ: это будутъ уже не разныя засѣданія, а разновидности учрежденія. Такъ было, очевидно, и въ настоящемъ случаѣ, если только, конечно, не объяснять отмѣченнаго пробѣла въ апрѣльскомъ перечнѣ небрежностью составителя разрядныхъ книгъ; но всякій, знакомый съ документами по земскимъ соборамъ, знаетъ, что тогдашнихъ секретарей можно упрекнуть развѣ въ избыткѣ, а ужъ никакъ—не въ недостаткѣ усердія. Все это даетъ чувствовать, что въ самой основѣ конструкціи Ключевскаго есть какое-то недоразумѣніе. И тотъ же выводъ получается, если будемъ оцѣнивать ее съ точки зрѣнія годности для объясненія того наблюденія, которымъ она вызвана, т.-е. для объясненія различія соборныхъ перечней: она не рѣшаетъ вопроса во всемъ его объемѣ. Пусть служебныя обязанности помѣшали однимъ членамъ собора дождаться до конца, а другимъ—явиться къ первымъ засѣданіямъ: это предположеніе, хотя его и нельзя провѣрить по тогдашнимъ назначеніямъ, можетъ имѣть значеніе только въ отношеніи къ служилымъ людямъ. Но вопросъ идетъ не только о служилыхъ людяхъ. Ключевскій самъ же, напр., отмѣтилъ, что въ числѣ подписавшихся подъ Утвержденной грамотой были 11 московскихъ протопоповъ, которые въ спискѣ не названы. Конечно, московскихъ протопоповъ нельзя заподозрить въ склонности къ передвиженіямъ,—почему же они не попали на избирательное засѣданіе? В. О. Ключевскій, отмѣтивши этотъ фактъ, высказалъ предположеніе, что ихъ просто „первоначально не думали приглашать на соборъ“,—объясненіе, открывающее ничуть не менѣе щекотливый вопросъ: какъ же сочли возможнымъ позвать ихъ потомъ?

Надо думать, мы не покончимъ съ этими затрудненіями, пока будемъ подходить къ оцѣнкѣ юридическаго быта далекаго прошлаго съ понятіями, взятыми изъ современной практики. Собора, какъ регулярно дѣйствующаго учре-

жденія, съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ и періодически возобновляющимися засѣданіями,—съ этими чертами современнаго парламента, въ Утвержденной граматѣ нѣтъ: тамъ проходитъ передъ нами рядъ самостоятельныхъ собраній, которыя созываются каждый разъ непосредственнымъ распоряженіемъ верховной власти (въ данномъ случаѣ замѣняющаго ея мѣсто патріарха) и составъ которыхъ, не только личный, но и соціальный, постоянно колеблется: по зову патріарха собираются то одни наличные „чины“ столицы, то—съ ними вмѣстѣ—нарочно съѣхавшіяся „государскія дѣти розныхъ великихъ государствъ“; иногда онъ „зоветъ“ на совѣтъ людей всякихъ чиновъ, не только „дѣтей своихъ“ — духовныхъ лицъ и служилыхъ людей, но и гостей, даже „всѣхъ православныхъ крестьянъ“, иногда же ограничивается двумя первыми „чинами“. Такимъ образомъ, то, что принято считать засѣданіемъ собора, было въ дѣйствительности самымъ соборомъ. На соборъ, составлявшійся всякій разъ заново, а не продолжавшій засѣданія, правительство, конечно, могло призывать, кого „считало нужнымъ“,—это объясняетъ намъ, какимъ образомъ могъ оказываться различнымъ составъ двухъ близкихъ по времени соборовъ, слѣдовательно, объясняетъ и различіе между двумя перечнями членовъ такъ называемаго собора 1598 года. Однако сличеніе обоихъ перечней показываетъ, что при извѣстныхъ измѣненіяхъ или различіяхъ въ составѣ соборовъ остается широкій кругъ лицъ, который можно назвать общимъ основнымъ контингентомъ соборнаго состава. Какъ же складывался такой контингентъ, если всякій разъ соборъ составлялся заново? Этотъ вопросъ подводитъ насъ къ наиболѣе глубокой своеобразной чертѣ нашихъ земскихъ соборовъ.

Сравнивая соборные списки 1566 и 1598 г.г., легко замѣтить между ними разницу: въ первомъ служилые люди дѣлятся на статьи, во второмъ—на „чины“—стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дворянъ, выбора изъ городовъ. Каждый изъ этихъ чиновъ связанъ былъ съ извѣстной придворной обязанностью или, по крайней мѣрѣ, съ опредѣленной формой представительства при дворѣ. Какъ и статьи соборнаго акта 1566 г., чины 1598 г. опирались на генеалогическое достоинство лицъ, но въ отличіе отъ статьи чинъ не соотвѣтствовалъ тому или другому реальному служебному положенію, а открывалъ въ возможности его носителю опредѣленный кругъ военно-административныхъ должностей, дѣйствительное прохожденіе которыхъ опредѣлялось уже личной годностью. Значитъ, въ своей совокупности московскіе чины означали правящій классъ, представители котораго—одни реально, другіе—въ возможности—держали въ своихъ рукахъ всѣ административныя нити страны. Отсюда можно понять, почему классификація членовъ въ обоихъ соборныхъ спискахъ различна: Грозному при рѣшеніи занимавшаго его вопроса нуженъ былъ, прежде всего, опытъ служилыхъ группъ, и соборный актъ 1566 г. отмѣтилъ это дѣленіемъ членовъ собора на статьи; между тѣмъ

для Бориса важно было заручиться согласіемъ административныхъ силъ страны въ возможной полнотѣ, чтобы обезпечить за собой престолъ, иначе: согласіемъ правящаго класса вообще,—такому значенію членовъ собора болѣе соотвѣтствовала классификація по чинамъ. Но та и другая служебная классификація сходится въ одномъ существенномъ признакѣ: обѣ онѣ одинаково скрываютъ личность за группой, опредѣляя значеніе первой значеніемъ послѣдней, почерпавшимся, въ крайнемъ основаніи, чаще всего изъ генеалогическаго источника. Считалось важнымъ не то, присутствуетъ ли на соборѣ стольникъ Замятня-Сабуровъ или жилецъ Бѣляница-Зюзинъ, но то, чтобы вообще тамъ были жильцы и стольники. Потому, конечно, въ соборныхъ перечняхъ, все равно—къ какому бы времени они ни относились, такъ тщательно и перечисляются разные чины, и лишь въ немногихъ, вполнѣ опредѣленныхъ, случаяхъ называются имена. Эта черта вскрываетъ передъ нами основной смыслъ соборнаго представительства. Когда въ представительномъ учрежденіи правительство цѣнитъ или видитъ органъ, посредствомъ котораго можетъ узнать дѣйствительное мнѣніе или волю страны,—личность депутата получаетъ огромное значеніе: отъ того, въ какой степени по своимъ индивидуальнымъ свойствамъ члены такого учрежденія способны выражать настроеніе общества, зависитъ, насколько самое учрежденіе выполняетъ свое назначеніе. Очевидно, подобнаго назначенія земскіе соборы не имѣли. Но правительство можетъ поставить представительному учрежденію и другую задачу: не узнавать, а создавать чрезъ него общественное мнѣніе (или руководить общественной волей),—въ этомъ случаѣ члены учрежденія, сообразно съ своей активной ролью, должны быть вооружены соотвѣтствующими средствами воздѣйствія на общество. Доброе старое время знало лишь одно такое средство: власть; съ ея помощью, московское правительство не только устраивало общественныя отношенія, но считало возможнымъ обезпечить своимъ подданнымъ и душевное спасеніе. Этими особенностями политической педагогіи Московской Руси и опредѣлился составъ того представительнаго учрежденія, какое она сумѣла создать въ XVI вѣкѣ—земскаго собора. Административная власть по преимуществу сосредоточивалась тогда въ рукахъ правящаго класса, разбитаго на чины: эти чины въ лицѣ тѣхъ изъ своихъ представителей, которые въ нужный моментъ оставались или были собраны въ столицѣ, и являлись основнымъ контингентомъ соборнаго состава. Если, по требованію обстоятельствъ, соборы созывались, какъ было въ 1598 г., нѣсколько разъ подъ рядъ, то въ большинствѣ на нихъ шли, естественно, одни и тѣ же лица. Но соборный механизмъ продолжалъ бы работать безъ перемѣны, еслибы и произошло какое-нибудь измѣненіе въ составѣ частей, даже еслибы онѣ совсѣмъ были обновлены: старыя или новыя, онѣ дѣлались изъ одинаковаго матеріала, и было лишь важно, чтобы онѣ находились на мѣстахъ. Вотъ Утвержденную грамату пришли подписывать 11 московскихъ

Царица Евдокія Лукьяновна (Стрѣшнева).

Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.

протопоповъ, а на избирательномъ соборѣ ихъ не было. Не все ли это равно? Они явились, какъ члены Освященнаго собора, а Освященный соборъ—чинъ, необходимая составная часть Земскаго собора.

Рядомъ со служилыми группами въ 1598 г., какъ и 1566, присутствовали на соборѣ представители торгово-промышленнаго населенія: гости и старосты торговыхъ и черныхъ сотенъ. Если, держась принятаго раньше метода, мы станемъ сравнивать личный составъ этихъ группъ по извѣстнымъ намъ перечнямъ Утвержденной граматы, то насъ встрѣтитъ нѣкоторая неожиданность: сравненіе обнаружитъ полное совпаденіе перечней. Такое наблюденіе какъ будто противорѣчитъ только что полученнымъ выводамъ: вѣдь у гостей и купцовъ могло быть не меньше, чѣмъ у служилыхъ людей, поводовъ къ отлучкамъ, и еслибы, дѣйствительно, въ составѣ собора была важна не личная, а соціальная сторона, то едва ли у нихъ нашлись бы побужденія быть столь аккуратными. На самомъ дѣлѣ аккуратность представителей торгово-промышленныхъ группъ, конечно, всего менѣе объясняется мотивами ихъ доброй воли; причина лежитъ въ томъ особомъ принципіальномъ положеніи, какое имъ было дано на соборахъ. Въ 1566 году изъ торгово-промышленнаго класса присутствовали на соборѣ лица, принадлежавшія къ высшимъ его слоямъ, и, судя по ихъ численности, они призывались едва ли не поголовно. Въ теченіе второй половины XVI вѣка торгово-промышленное населеніе Москвы пережило, повидимому, вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ довольно энергичный процессъ дифференціаціи, и къ концу вѣка получило, соотвѣтственно этому, болѣе отчетливую организацію. Этотъ успѣхъ отразился и на составѣ соборовъ: вмѣсто неопредѣленныхъ группъ 1566 года мы имѣемъ въ 1598 году совершенно ясную классификацію, въ которой, между прочимъ, нашелъ себѣ мѣсто новый элементъ: черныя сотни и полусотни. Болѣе совершенная организація класса дала возможность правительству лучше воспользоваться его средствами въ цѣляхъ управленія: раньше оно возлагало извѣстныя административныя функціи на высшія его группы цѣликомъ, теперь, оставивши такое значеніе только за гостями, въ остальныхъ группахъ оно распредѣлило эти функціи между *офиціальными представителями* торгово-промышленныхъ организацій, т.-е. между ихъ выборными должностными лицами. Въ результатѣ представители торгово-промышленной среды, являясь на соборъ въ силу того же служебнаго принципа, какъ и столичные чины, заняли въ соборной конституціи иное положеніе по сравненію съ послѣдними: каждый, принадлежащій къ столичному чину, служилый человѣкъ былъ, не сегодня—завтра, администраторомъ въ той или другой сферѣ управленія, и потому перемѣна лицъ этой группы была безразлична для учрежденія; но въ торгово-промышленномъ классѣ власть и вліяніе принадлежали только опредѣленнымъ (должностнымъ) лицамъ, и потому здѣсь личность представителя неизбѣжно получала значеніе. Какой-нибудь Ѳома

Лазаревъ, простой тяглецъ въ настоящемъ и въ будущемъ—что онъ значилъ для правительства и могъ ли замѣнить своей безнадежно-обывательской фигурой соцкаго Ивана Онаньина сына Коробанова, которому сама сотня вручила, съ дозволенія начальства, извѣстную административную власть надъ собой? Имя Ѳомы Лазарева мы видимъ среди рукоприкладствъ: онъ подписался „въ соцково въ Иваново мѣсто Коробанова и во всей сотни мѣсто“; но въ спискѣ, помѣщенномъ въ текстѣ, мы его не найдемъ: тамъ названъ одинъ Иванъ Коробановъ, какъ не найдемъ и самостоятельной его подписи подъ граматой: значитъ, онъ могъ быть на соборѣ только затѣмъ, чтобы подписаться вмѣсто официальнаго представителя своей сотни,—можетъ-быть, безграмотнаго. За отсутствіемъ официальнаго представителя той или другой торгово-промышленной организаціи его мѣсто на соборѣ оставалось пустымъ, и соотвѣтствующая организація оказывалась внѣ сферы соборнаго воздѣйствія. И потому самое большее послабленіе, какое могло быть допущено правительствомъ въ отношеніи къ торгово-промышленному представительству, это—замѣна одного официальнаго лица другимъ, такимъ же официальнымъ лицомъ. Съ своей стороны правительство сохраняло за собой полную свободу дѣйствій: оно „звало“ торговыхъ и черныхъ людей въ лицѣ ихъ официальныхъ представителей, когда послѣдніе могли имѣть значеніе, если не въ рѣшеніи поставленнаго собору вопроса, то въ его исполненіи; въ противномъ случаѣ обходилось безъ нихъ, не вызывая, повидимому, никакихъ недоразумѣній. Когда избирали новаго царя и обезпечивали ему благополучное царствованіе присягой, этихъ людей, конечно, надо было звать; но вотъ въ апрѣлѣ поднятъ былъ вопросъ о службѣ „безъ мѣстъ“: о такихъ дѣлахъ „торговые мужики“ судить не могли, и въ составѣ апрѣльскаго собора, отмѣченнаго В. О. Ключевскимъ, мы видимъ только духовенство и служилыхъ людей. Обязательность въ соборномъ представительствѣ была совершенно односторонняя.

Дополняя этими результатами анализа Утвержденной граматы выводы, полученные раньше, мы можемъ теперь намѣтить о б щ і я черты соборной организаціи XVI вѣка. Соборы составлялись изъ представителей классовъ московскаго общества: духовенства, служилыхъ людей (въ широкомъ смыслѣ) и торгово-промышленнаго населенія Москвы. Основаніе, по которому въ составъ соборовъ входили отдѣльныя лица, было для всѣхъ ихъ одинаковое: служебное значеніе классовъ. Но различные классы были различно поставлены съ точки зрѣнія ихъ роли въ административной жизни страны, и отсюда выходило, что примѣненіе одного и того же представительнаго принципа создавало въ результатѣ для каждаго изъ нихъ особую форму участія въ соборахъ. Въ этомъ смыслѣ соборъ скорѣе можно бы назвать представительствомъ общественной власти, а не общественныхъ интересовъ. Имѣя такое значеніе, соборъ, конечно, не могъ составляться избирательнымъ по-

рядкомъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, члены его не назначались и правительствомъ: въ столицѣ самъ собой складывался постоянный контингентъ изъ общественныхъ группъ, представлявшихъ административныя функціи классовъ и въ этомъ имѣвшихъ источникъ права на участіе въ соборахъ. Такимъ образомъ, соборъ могъ состояться въ любое время и безъ всякой предварительной процедуры: распоряженіемъ верховной власти опредѣлялись нужныя для собора общественныя категоріи, и этого было достаточно. Позднѣе выработалась краткая и очень выразительная формула, по которой соборъ созывался обыкновенно въ одинъ день: „Государь царь и великій князь указалъ быти собору, а на соборѣ быти митрополиту, и архимаритамъ, и игуменамъ, и всему Освященному собору, и боярамъ, и окольничимъ, и стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ, и гостямъ“, и т. д.,—въ Утвержденной граматѣ этой формулѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ, по смыслу, еще болѣе краткая: „Патріархъ же Іевъ зоветъ“ и т. д. Однако въ исключительныхъ случаяхъ наличный составъ, имѣвшійся въ столицѣ, казался недостаточнымъ, и тогда принимались мѣры къ тому, чтобы пополнить его, призвавъ, кого можно, изъ „государьскихъ дѣтей“, которыхъ служба разсѣяла по „разнымъ городамъ“ [1]).

Въ документахъ, относящихся къ соборамъ XVI вѣка, есть, однако, одинъ пунктъ, который можетъ дать основаніе къ предположенію, что уже

---

[1]) Мысль о служебномъ значеніи соборнаго представительства впервые высказалъ, но въ иной постановкѣ, В. О. Ключевскій; однако онъ удерживалъ за земскимъ соборомъ и значеніе представительства интересовъ. По его мнѣнію, члены собора—всѣ столичные дворяне—являлись представителями дворянскихъ обществъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ владѣли вотчинами и куда, по землевладѣльческой связи, назначались на военно-административныя должности. Въ этой концепціи много спорнаго; главное же положеніе стоитъ въ противорѣчіи съ фактами. Ключевскій указалъ нѣсколько случаевъ, когда члены собора изъ столичныхъ дворянъ служили въ своихъ уѣздахъ, но онъ не доказалъ, что это было правиломъ, и не могъ доказать, такъ какъ можно представить гораздо больше случаевъ, когда между служебнымъ назначеніемъ и отношеніями по землевладѣнію никакой связи не было. См. М. В. Клочковъ, „Вѣстникъ права“, 1904 г., ноябрь, стр. 230—240. Съ другой стороны, Ключевскій придавалъ землевладѣльческой связи значеніе критерія при подборѣ дворянскихъ представителей на соборахъ, считая поголовный призывъ столичныхъ невѣроятнымъ и ставя на видъ, въ качествѣ аргумента, незначительное число дворянскихъ представителей на соборахъ XVI в. по сравненію съ общимъ числомъ столичныхъ дворянъ. Можно, однако, не раздѣлять этихъ соображеній. В. О. Ключевскій бралъ для сравненія цифры дворянскихъ списковъ отъ половины XVII в.; но списки болѣе близкаго къ соборамъ XVI в. времени даютъ другое впечатлѣніе. Въ 1566 г. по двумъ дворянскимъ статьямъ присутствовало на соборѣ 196 человѣкъ. Исключая отсюда, несомнѣнно, числившихся вмѣстѣ съ столичными, „дворянъ изъ выбора“, приблизительно въ числѣ 30—40, получаемъ цифру для столичныхъ чиновъ 150—160. Но въ половинѣ XVI в. общее число столичныхъ чиновъ, какъ можно судить по спискамъ 1577 г. (см. „Акты Моск. Государства“, I т., № 26) и 1582 г. (Сторожевъ, „Матеріалы для исторіи русскаго дворянства“, вып. II), едва ли превышало 300 чел.; значитъ, на соборѣ 1566 г. присутствовала половина. Подобный же результатъ получается и для собора 1598 г.: 248 человѣкъ бывшихъ на немъ представителей столичныхъ чиновъ приходится на 466 чел. боярскаго списка 1610—1611 гг. (Сторожевъ, l. c.). Теперь припомнимъ слова В. О. Ключевскаго: „Столичное дворянство,—писалъ онъ,—являясь генеральнымъ штабомъ, исполняло самыя разнообразныя военно-административныя порученія, которыя разбрасывали его по разнымъ городамъ и угламъ государства, такъ что его трудно было и собрать въ достаточно полномъ числѣ для выбора соборныхъ представителей“ („Русск. Мысль“, 1891 г., кн. I, стр. 145). Для выбора, конечно, недостаточно; но было достаточно, если остававшіеся въ столицѣ чины призывались поголовно.

въ XVI вѣкѣ рядомъ съ служебнымъ принципомъ находилъ себѣ примѣненіе въ области соборнаго представительства и принципъ избирательный, откуда вся соборная организація должна получить двойственный характеръ. Среди служилыхъ группъ въ соборномъ спискѣ 1598 г. значится группа „выборъ изъ городовъ“. Съ нею мы встрѣчались и на соборѣ 1566 г.: это, по обычному словоупотребленію того времени,—высшій разрядъ провинціальныхъ служилыхъ людей. Само по себѣ ихъ появленіе на соборѣ не представляетъ ничего загадочнаго: на нихъ возлагались извѣстныя военно-административныя порученія, которыя и создавали имъ принципіально одинаковое положеніе съ столичными чинами. Но вопросомъ является ихъ число на соборѣ 1598 г.: судя по спискамъ, „выборныхъ“ служилыхъ людей бывало въ столицѣ довольно много; почему же на соборѣ ихъ оказалось только 34 человѣка? Повидимому, производился какой-то отборъ или выборъ. Вопросъ осложняется наблюденіемъ, которое сдѣлалъ В. О. Ключевскій. Оказывается, изъ этихъ 34 лицъ 9 человѣкъ помѣщены въ спискѣ 1577 года среди „дворянъ“, а одинъ — среди жильцовъ. Отсюда онъ заключилъ, что всѣ члены группы принадлежали къ столичному дворянству, и потому терминъ „выборъ изъ городовъ“, которымъ названа группа, въ примѣненіи къ нимъ имѣлъ какой-то другой, не обычный, смыслъ. По мнѣнію Ключевскаго, здѣсь подъ „выборомъ“ надо разумѣть столичныхъ дворянъ, избранныхъ провинціальными дворянскими обществами на соборъ. Въ такой постановкѣ вопросъ, затрагивающій на первый взглядъ очень спеціальную подробность, пріобрѣтаетъ большую важность,—тѣмъ болѣе, что въ полномъ объемѣ можетъ быть отнесенъ и къ собору 1566 года. Но онъ запутывается еще болѣе въ виду слѣдующаго факта: по документамъ можно убѣдиться, что три лица изъ разсматриваемой группы несомнѣнно принадлежали къ „выбору“, т.-е. были провинціальными служилыми людьми, а не столичными: одинъ значится въ „выборѣ“ по списку 1577 г. (кн. Морткинъ), другой—по каширской десятнѣ 1599 г. (Ю. Г. Тутолминъ) [1]), третій—по боярскому списку 1610—1611 гг. (кн. Г. Л. Болховской) [2]). Такимъ образомъ, составъ группы получается смѣшанный, а между тѣмъ, по смыслу, она, конечно, должна быть однородна.

Послѣднее наблюденіе, осложняя вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, однако, то направленіе, въ какомъ надо искать рѣшенія. Изъ двухъ, представляющихся несовмѣстимыми, понятій значеніе одного („выборъ“) устанавливается, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ тремъ отмѣченнымъ лицамъ, совершенно точно; слѣдовательно, надо установить или провѣрить значеніе другого: столичный дворянинъ (а также—жилецъ). Въ документахъ такого термина мы не найдемъ; только въ концѣ XVI в. начинаетъ появляться аналогичный по смыслу терминъ: „московскіе дворяне“ или

[1]) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю., т. VIII, ст. 148.
[2]) Сторожевъ, „Матеріалы для исторіи р. дворянства“, в. II.

„большіе дворяне“, и то—сравнительно рѣдко. Списокъ же 1577 г. знаетъ просто „дворянъ“, и по отношенію къ нему выраженіе „столичный дворянинъ“, которымъ Ключевскій замѣняетъ слово „дворянинъ“, будетъ уже толкованіемъ. Толкованіе заключается въ томъ, что эпитетъ „столичный“ вноситъ въ понятіе „дворянинъ“ территоріальный признакъ, связываетъ чинъ съ Москвой. Позднѣе, какъ было указано, такая территоріализація, несомнѣнно, произошла, но произвольно начинать ее съ половины XVI вѣка. Въ Москвѣ и тогда были мѣстные дворяне, постоянные жители столицы,—у нихъ было и свое названіе: „съ Москвы дворовые“ [1]). Понятіе же „дворянинъ“ было шире, и самый терминъ примѣнялся не только къ московскимъ, но и къ нѣкоторымъ провинціальнымъ служилымъ людямъ: въ томъ же спискѣ 1577 г. подъ этой категоріей значатся представители несомнѣнно провинціальныхъ родовъ, какъ Г. Ѳ. Сумбуловъ, И. П. Баркинъ, кн. Г. Шаховской и др. Признакомъ, объединявшимъ въ этомъ случаѣ московскихъ и провинціальныхъ служилыхъ людей, являлся доступъ къ двору, исполненіе опредѣленныхъ придворныхъ обязанностей. Для провинціальнаго служилаго человѣка это было почетное состояніе, связанное и съ нѣкоторыми реальными интересами; но оно не всегда означало перемѣну соціальнаго положенія. Въ какомъ положеніи онъ оказывался, если по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ переставалъ исполнять соотвѣтствующія его званію придворныя обязанности? Случаи изъ практики другого столичнаго чина — жильцовъ—даютъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ. Михаилу Ѳедоровичу подалъ кн. И. И. Гундоровъ челобитную, въ которой писалъ, что былъ онъ „въ житьѣ“, т.-е. жильцомъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, но въ смуту разорился и „скитался межъ дворъ“, а теперь проситъ государя, чтобы велѣлъ ему „быть въ житьѣ попрежнему“ [2]), т.-е. возстановить его въ званіи жильца. Бывали случаи, когда провинціальный служилый человѣкъ добровольно слагалъ съ себя обязанности жильца и, спускаясь ступенью ниже, становился въ ряды земляковъ, служившихъ „по выбору“; отъ 1620 года мы имѣемъ такую челобитную: „Бьетъ челомъ жилецъ князь Ѳедка княжъ Дмитреевъ сынъ Львовъ, а въ челобитной пишетъ, что живетъ онъ у царской свѣтлости въ житьѣ 23 года; проситъ велѣть служить ему съ Галичемъ по выбору“ [3]). Можетъ-быть, такимъ же путемъ Ѳ. М. Чертовъ-Новосильцевъ, по списку 1577 г. состоявшій жильцомъ, въ боярскомъ спискѣ 1610—1611 гг. оказался средп „выбора по Коломнѣ“ [4]). Изъ всего этого можно сдѣлать слѣдующій выводъ: переставая исполнять придворныя обязанности, соединенныя съ званіемъ жильца, провинціальный служилый человѣкъ, если и не совсѣмъ

---

[1]) „Витебская старина“, т. IV, стр. 28—32.
[2]) „Акты Моск. государства“, т. I, № 51.
[3]) „Акты Моск. госуд.“, т. I, № 134.
[4]) Описаніе докум. и бум., хранящихся въ Моск. Арх. М. Юст., т. VIII, 148 стр.

возвращался въ прежнее состояніе, то, во всякомъ случаѣ, въ его положеніи граница между чинами—столичнымъ и провинціальнымъ—стиралась, открывая для него возможность числиться тамъ и здѣсь. Можно думать, что тѣ же самыя послѣдствія являлись, если дѣйствующимъ лицомъ былъ не жилецъ, а дворянинъ,—тѣмъ болѣе, что оба чина на іерархической лѣстницѣ стояли рядомъ. Косвеннымъ образомъ это предположеніе можно подтвердить: 9 членовъ собора 1598 г. изъ „выбора“, числящіеся среди „дворянъ“ по списку 1577 г., въ томъ же чинѣ занесены и въ списокъ 1610—1611 гг.; но только одинъ изъ нихъ значится „дворяниномъ“ въ спискѣ 1582 г., представляющемъ ту особенность, что всѣ столичные чины распредѣлены въ немъ по мѣстамъ, какія обязаны были занимать во время придворныхъ церемоній [1]): не потому ли и не попали сюда остальные, что они не несли въ то время придворныхъ обязанностей? Въ такомъ случаѣ составитель и этого списка долженъ былъ охотнѣе отнести ихъ къ „выбору“, какъ сдѣлалъ составитель соборнаго списка. Такъ путемъ болѣе точнаго опредѣленія понятія „дворянинъ“ открывается возможность выйти изъ того затрудненія, въ какое ставитъ изслѣдователя соединеніе въ одной соборной группѣ представителей различныхъ чиновъ—столичнаго и провинціальнаго: при извѣстныхъ условіяхъ, чинъ дворянина или жильца не мѣшалъ ихъ носителю оказаться въ рядахъ провинціальныхъ служилыхъ людей.

Мало того, особенности этихъ двухъ чиновъ позволяютъ отвѣтить и на вопросъ о томъ, какъ изъ массы находившихся въ Москвѣ провинціальныхъ служилыхъ людей отбирались тѣ немногіе, которые образовали на соборѣ группу „выборъ изъ городовъ“. Предположеніе В. О. Ключевскаго, что въ примѣненіи къ нимъ вступалъ въ дѣйствіе принципъ общественнаго избранія, отпадаетъ самъ собою, въ виду сдѣланныхъ разъясненій. Надо думать, что они проходили на соборъ гораздо болѣе извилистыми путями. Въ нижнихъ рядахъ блестящей пирамиды столичныхъ чиновъ было, безъ сомнѣнія, не мало такихъ, которые явились въ столицу подъ болѣе скромнымъ титуломъ „выбора изъ городовъ“ и уже потомъ поднялись наверхъ; въ то же время постоянно находились среди нихъ и такіе, которые, по своей ли или чужой волѣ, спускались внизъ, смѣшиваясь опять съ знакомой имъ провинціальной массой. Въ результатѣ этого встрѣчнаго движенія среди провинціальнаго „выбора“ легко могла образоваться группа, члены которой стояли ближе къ правящимъ верхамъ, чѣмъ остальные, и благодаря этому могли скорѣе другихъ попасть на соборъ. По крайней мѣрѣ, въ Утвержденной граматѣ сохранился слѣдъ подобныхъ интимныхъ отношеній. Въ числѣ членовъ собора были трое Совиныхъ—отецъ съ двумя сыновьями. По списку граматы отецъ значится среди жильцовъ, сыновья—среди „выбора изъ горо-

---

[1]) Сторожевъ, „Матеріалы“, в. II.

довъ“; но подъ граматой они подписались всѣ вмѣстѣ—въ группѣ „выборъ изъ городовъ“. Кажется очень правдоподобнымъ, что старшій сначала помогъ младшимъ подняться на ступеньку повыше и потомъ уже сталъ съ ними въ рядъ.

Такимъ образомъ, „выборъ изъ городовъ“, повидимому, вполнѣ укладывается въ рамки выработанной XVI вѣкомъ соборной организаціи, являясь лишь разновидностью служилаго представительства. Въ этой области жизни XVI вѣкъ, надо думать, кончалъ тѣми же формами и тѣми же принципами, какими и началъ. Новое и въ томъ и въ другомъ отношеніи принадлежитъ его преемнику.

III.

Въ XVII вѣкѣ въ составѣ соборовъ впервые появляется безспорный выборный элементъ, и вмѣстѣ съ нимъ начинается новая страница въ исторіи соборнаго представительства. Открытое признаніе новый принципъ получилъ въ смутную эпоху, въ 1610 году, когда правительство, послѣ низложенія Шуйскаго, обратилось ко всѣмъ городамъ Московскаго государства съ предложеніемъ прислать въ Москву для избранія новаго царя, „изо всякихъ чиновъ выбравъ по человѣку“. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе приблизительно полувѣка, населеніе слышало, то чаще, то рѣже, но звучавшія всегда одинаково настойчиво требованія изъ Москвы о присылкѣ выборныхъ людей „для государева и земскаго дѣла“.

Наличность выборнаго элемента въ составѣ сообщаетъ, безъ сомнѣнія, соборамъ XVII вѣка особый характеръ по сравненію съ соборами XVI вѣка. Но по общему характеру трудно судить о степени реальнаго значенія совершившейся перемѣны. Съ этимъ вопросомъ надо обращаться къ болѣе надежнымъ показателямъ, каковыми служатъ: 1) соціальный составъ выборныхъ членовъ собора и 2) положеніе выборнаго элемента въ соборной организаціи.

О составѣ выборнаго элемента на земскихъ соборахъ мы можемъ судить частью по подписямъ подъ нѣкоторыми изъ соборныхъ актовъ, напр., подъ Утвержденной граматой при избраніи Михаила Ѳедоровича, а главнымъ образомъ—на основаніи официальныхъ документовъ по производству выборовъ: призывныхъ граматъ правительства и воеводскихъ отписокъ о ходѣ и результатахъ выборной процедуры. Въ призывныхъ граматахъ смутнаго времени кругъ избирателей обыкновенно обозначается растяжимой формулой: „всякихъ чиновъ люди“, а способъ ея конкретнаго примѣненія, вѣроятно, опредѣлялся самъ собой, отражая въ себѣ исторически сложившееся строеніе общества, если только, впрочемъ, не рѣшалъ вопросъ своею властью воевода. Изъ подписей подъ Утвержденной граматой видно, что населеніе въ отвѣтъ на обращенное къ нему въ такой формѣ требованіе высылало

представителей отъ трехъ основныхъ классовъ общества: служилыхъ людей, посадскихъ и уѣздныхъ (государственныхъ крестьянъ). Съ теченіемъ времени правительство начинаетъ формулировать свои требованія въ призывныхъ граматахъ опредѣленнѣе, и соціальный составъ избирателей суживается. Первое точное ограниченіе устанавливаетъ окружная грамата отъ 5 іюля 1619 года, призывая на соборъ изъ трехъ классовъ лишь служилыхъ и посадскихъ людей, и съ тѣхъ поръ представители этихъ двухъ классовъ образуютъ собой весь выборный элементъ земскихъ соборовъ; уѣздные люди остаются въ сторонѣ. Параллельно съ ограниченіемъ круга избирателей произошла, кажется, перемѣна и въ отношеніи къ сословному значенію избираемыхъ. Первоначально и въ этомъ отношеніи не было, повидимому, регламентаціи; въ граматѣ 1613 года не мало подписей „въ посацкихъ и уѣзныхъ людей мѣсто“ прикладывающихъ руки духовныхъ лицъ и служилыхъ людей, судя по общему характеру формулы и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ—въ качествѣ ихъ выборныхъ представителей. Между тѣмъ позднѣе принадлежность избираемаго къ сословію избирателей становится правиломъ, нарушеніе котораго вызываетъ неудовольствіе правительства. Въ подписяхъ подъ „уложенной книгой“ 1648 года мы уже не видимъ случаевъ сословнаго расхожденія между избираемымъ и избирателями, въ связи съ чѣмъ, можетъ-быть, не видимъ въ составѣ собора и духовныхъ лицъ изъ провинціи, являвшихся раньше, напр., въ 1613 г., въ довольно большомъ числѣ, представителями своихъ духовныхъ дѣтей изъ низшихъ слоевъ населенія. Въ 1651 г. крапивенскій воевода, пославшій, за отсутствіемъ годныхъ лицъ изъ посадскихъ людей, боярскаго сына да пушкаря въ качествѣ выборныхъ отъ посада, получилъ изъ Москвы выговоръ. Наиболѣе яркое выраженіе сословный принципъ въ жизни соборнаго представительства получаетъ во второй половинѣ XVII вѣка, когда его успѣхи начинаютъ означать уже разложеніе соборной организаціи. Въ это время правительство предпочитаетъ, въ случаѣ тѣхъ или иныхъ затрудненій, требовать „выборныхъ людей“ отъ того сословія, котораго вопросъ непосредственно касается, не созывая „совѣта всѣхъ чиновъ“: на такихъ началахъ былъ устроенъ рядъ совѣщаній съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы въ 1660 и 1662 гг. по поводу денежнаго кризиса; подобныя же совѣщанія происходили въ 1682 г.: съ представителями служилаго класса о военной организаціи, съ представителями тяглыхъ людей—о податномъ обложеніи,—съ тѣми и другими порознь. Конечно, торжество сословнаго принципа на земскихъ соборахъ само имѣло причины въ условіяхъ соціально-политической жизни, и, являясь показателемъ происходившихъ тогда болѣе общихъ процессовъ, не оно вызвало это превращеніе земскаго собора въ комиссію съ сословными представителями; но во всякомъ случаѣ оно подготовляетъ наблюдателя къ этому превращенію, отнимая у факта остроту неожиданности.

Сословный принципъ, въ его различныхъ опредѣленіяхъ, очерчивалъ сферу примѣненія выборнаго начала; самый же результатъ въ значительной степени зависѣлъ еще отъ постановки производства выборовъ. Какъ производились выборы въ смутную эпоху, въ первые дни жизни выборнаго представительства,—въ точности сказать нельзя. Мы знаемъ только, что призывныя граматы адресовались тогда непосредственно „всякихъ чиновъ людямъ“, направляясь обыкновенно въ городъ; и можемъ предполагать, что собраніе („соборъ“—въ документахъ) этихъ „всякихъ чиновъ людей“; выслушавъ грамату, поручало исполнять по ней выборнымъ властямъ, какъ привыкло за это время поступать и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Однако, уже къ концу второго десятилѣтія подготовка къ выборамъ и наблюденіе надъ ихъ производствомъ переходятъ къ воеводамъ (иногда, впрочемъ, дѣйствуетъ губной староста): къ воеводѣ направляется изъ Разряда царская грамата съ предписаніемъ „выбрать“ столько-то человѣкъ, т.-е. организовать выборы, и на него же, затѣмъ, возлагается обязанность „прислать“ выбранныхъ лицъ въ Москву. Главными документами, по которымъ до нѣкоторой степени можно возстановить картину выборной процедуры, служатъ отписки воеводъ, содержащія отчеты о результатахъ выборовъ. „И по твоей государевой грамотѣ выбралъ я, холопъ твой, дворянъ лучшихъ двухъ человѣкъ..., да посадскаго одного человѣка, и послалъ къ тебѣ, государь, съ сею отпискою“,—вотъ обычная форма воеводской отписки. Читая подобные документы, можно подумать, что сами избиратели тутъ были ни при чемъ, и въ Москву ѣхали представители не населенія, а воеводы. На самомъ дѣлѣ роль населенія была болѣе активная, и только воеводское перо, воспитанное въ духѣ административной практики, не умѣло иначе передать новыя явленія, какъ въ старыхъ привычныхъ образахъ. Въ этомъ убѣждаютъ отписки, составленныя болѣе удачно, по которымъ можно видѣть, какъ воевода извѣщалъ избирателей о царской граматѣ, какъ собиралъ ихъ въ опредѣленный пунктъ для выборовъ, прибѣгая иногда, въ виду ихъ равнодушія къ своимъ избирательнымъ правамъ, даже къ содѣйствію пушкарей и стрѣльцовъ,—каковы, наконецъ, были результаты избирательной кампаніи. Сохранился даже протоколъ избирательнаго собранія отъ 1651 г. по г. Новосилю, такъ наз. „выборъ за руками“, подписанный всѣми участниками [1]). Впрочемъ, встрѣчаются иногда въ отпискахъ подробности, которыя заставляютъ подозрѣвать, что воевода имѣлъ вліяніе на исходъ выборовъ. Одинъ воевода писалъ царю: „По твоему государеву, цареву и великаго князя указу, я, холопъ твой, муромцамъ дворянамъ... велѣлъ съѣхаться въ Муромъ, въ съѣзжую избу... и выбрать изъ одной половины, по сказкѣ дворянъ, дворянина“ такого-то, „а изъ другіе

---

1) Большинство этихъ документовъ собрано у Латкина, „Матеріалы по исторіи земскихъ соборовъ“.

половины“—такого-то [1]). По смыслу выраженій, дворяне какъ будто только намѣчали выборныхъ, а рѣшающей инстанціей являлся воевода. Но бывали среди воеводъ люди съ очень рѣшительнымъ характеромъ, о дѣяніяхъ которыхъ приходится узнавать уже изъ жалобъ населенія. Съ однимъ изъ такихъ администраторовъ знакомитъ насъ челобитная избирателей г. Ельца, въ которой „бѣдные безпомощные ельчане дѣтишки боярскія и помѣстныя казачишка“ жалуются на своего воеводу, что онъ выбралъ представителями отъ нихъ на соборъ (1648 г.) двухъ дѣтей боярскихъ „ушниковъ“, по отзыву челобитчиковъ, а людей, которые хранили у себя челобитную о его дѣйствіяхъ, „билъ ослопомъ дополусмерти“ [2]). Неудовольствіе челобитчиковъ вызываетъ, однако, не столько то, что воевода нарушилъ ихъ права, сколько то, что онъ выбралъ нехорошихъ людей,—и это, можетъ-быть, самое характерное въ инцидентѣ. Надо сказать, что въ то время подобныя проявленія административной иниціативы встрѣчали рѣшительное осужденіе со стороны правительства. Точно неизвѣстно, какой результатъ имѣла челобитная ельчанъ (нѣкоторые признаки, впрочемъ, имѣются, что дѣло было рѣшено въ ихъ пользу), но мы знаемъ, какъ отнеслось правительство къ донесенію воеводы, который, понявъ по-своему царскую грамату, самъ выбралъ представителей на соборъ: на его отпискѣ была положена слѣдующая резолюція: „Послать грамоту съ осудомъ къ Василью Астафьеву; послана къ нему грамота, велѣно дворянамъ промежъ себя выбрать дворянъ добрыхъ, а не ему выбрать, и за то его осудить гораздо“ [3]). Правительство, правда, не совсѣмъ отказывалось отъ вліянія на выборы; но оно ограничивалось только тѣмъ, что устанавливало моральный критерій, которому долженъ удовлетворять выборный, предписывая выбирать людей „добрыхъ и постоятельныхъ“ или „лучшихъ“. Это была единственная директива, исходившая изъ центра.

Какъ бы часто ни повторялось вмѣшательство воеводъ въ производство выборовъ,—все же оно оставалось не правиломъ, а злоупотребленіемъ, и въ результатѣ выборовъ соборъ получалъ дѣйствительныхъ представителей населенія, хотя и съ сословнымъ значеніемъ. Такимъ образомъ, если предположить, что выборное представительство въ XVII вѣкѣ замѣнило собой офиціальное XVI вѣка, то мы имѣли бы въ соборѣ XVII вѣка совсѣмъ новое учрежденіе. Въ дѣйствительности, однако, было иначе. Соборъ стараго типа пережилъ Смуту и перешелъ въ XVII вѣкъ въ томъ самомъ видѣ, какъ сложился въ XVI. Значитъ, выборное представительство являлось только новымъ элементомъ соборной организаціи, который долженъ былъ найти себѣ мѣсто рядомъ съ прежнимъ—служебнымъ, и для понима-

---

[1]) Ib., стр. 110.

[2]) „Акты, относящіеся къ исторіи земскихъ соборовъ“. Изд. подъ ред. Готье, стр. 62.

[3]) Латкинъ, „Земскіе соборы“, стр. 267.

нія соборовъ XVII вѣка необходимо выяснить, какое отношеніе существовало между тѣмъ и другимъ.

Можно установить, какъ общее положеніе, что между выборнымъ и служебнымъ элементомъ (долгое, по крайней мѣрѣ, время) не было необходимой органической связи, которая не допускала бы раздѣльнаго существованія обоихъ. Это положеніе, очевидно, было бы подтверждено, еслибы и въ XVII вѣкѣ оказались случаи, когда соборъ созывался исключительно по служебному принципу. Такихъ случаевъ можно указать нѣсколько. 1) Въ Разрядныхъ книгахъ подъ 27 іюля 1618 г. находимъ слѣдующую запись: „Государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ говорилъ съ митрополитомъ Іоною..., и съ архіепископы, и съ архимариты, и съ игумены, и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми“ о томъ, чтобы „служилымъ людямъ, у всѣхъ дѣлъ по нынѣшнимъ по литовскимъ вѣстямъ быти безъ мѣстъ“ [1]). На присутствіе выборныхъ людей здѣсь не только пѣтъ указаній, но перечень чиновъ, заканчиваясь думными людьми, не даетъ и возможности предполагать, что они были; между тѣмъ собраніе тутъ же, лишь нѣсколькими строками ниже, названо соборомъ. По всей вѣроятности, это былъ такой же соборъ, какой, мы знаемъ, былъ собранъ въ апрѣлѣ 1598 года. 2) Въ 1618 же году состоялся другой соборъ — по поводу открытія военныхъ дѣйствій со стороны Польши. Краткость срока не позволяетъ предполагать, чтобы могли быть произведены выборы именно къ этому случаю: извѣстіе о вступленіи Владислава было получено 8 сентября, а 9-го Михаилъ Ѳедоровичъ уже „говорилъ митрополитамъ, и архіепископамъ, и епископамъ, и игуменамъ“, и прочимъ, знакомымъ намъ, чинамъ рѣчь—съ призывомъ стоять противъ врага, т.-е. 9 сентября уже происходило соборное совѣщаніе. Въ виду этого признается, что выборные люди были призваны раньше, по другому поводу, а соборъ 9 сентября былъ только однимъ изъ засѣданій сессіи. Насколько это убѣжденіе хочетъ основываться не на вѣрѣ только, а на данныхъ источниковъ,—оно единственную опору для себя можетъ находить въ перечнѣ чиновъ, который заканчи-

Инокпія Мароа. (По старин. русской гравюрѣ).

---

[1]) Книги Разр., т. I, стр. 559—60.

вается указаніемъ на „дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ и всякихъ чиновъ людей“. Не кроются ли здѣсь искомые выборные люди? Отвѣтъ можно найти во второй половинѣ акта, гдѣ распредѣляются наличныя силы или гарнизонъ Москвы по разнымъ пунктамъ. Видно, что приближающаяся опасность вызвала полную мобилизацію въ столицѣ: поставлены на ноги не только военные люди, но и гости, и черныя сотни, и подьячіе, и конюхи; попалъ въ число защитниковъ столицы даже „греческой переводчикъ“. Но нѣтъ и намека на присутствіе среди всѣхъ этихъ, тщательно пересчитанныхъ, людей выборныхъ, посадскихъ и уѣздныхъ представителей, которыхъ можно бы подозрѣвать подъ титуломъ „всякихъ чиновъ люди“, хотя вообще, надо сказать, въ соборныхъ актахъ этотъ титулъ играетъ роль скорѣе заключительнаго аккорда, чѣмъ конкретнаго показателя. Иначе относительно „дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ“: изъ однихъ городовъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, изъ другихъ — по нѣскольку человѣкъ (2 — 10), изъ третьихъ — очень много (Смоленскихъ, напр., 56, Можайцевъ 46, Новгородцевъ и Звенигородцевъ по 30) [1]). При общей мобилизаціи, конечно, должны были бы попасть въ разсчетъ и представители провинціальныхъ дворянъ, и можно было бы ожидать болѣе или менѣе равномѣрнаго распредѣленія ихъ по городамъ; соборный актъ показываетъ другое, и это — явный знакъ, что въ соотвѣтствующемъ чинѣ перечня мы имѣемъ не выборныхъ представителей, а „выборъ изъ городовъ“, обычный элементъ собора XVI вѣка. 3) Во время второй войны съ Польшей (1632—4 гг.) выяснилось, что „денежкой государевой казнѣ... безъ прибыльныя казны (т.-е. безъ чрезвычайнаго налога) быть не умѣть“. Въ виду этого 28 января 1634 г. Великій государь Михаилъ Ѳедоровичъ „указалъ быть собору“, и 29 января соборъ состоялся [2]). И на этотъ разъ все произошло, какъ видимъ, въ теченіе одного дня; слѣд., также нельзя и здѣсь предполагать, что созыву собора предшествовали выборы. Зато имѣется какъ будто основаніе считать этотъ соборъ однимъ изъ засѣданій сессіи, начавшейся ранѣе. Въ соборномъ актѣ 1634 г. упоминается соборъ, созывавшійся по такому же вопросу въ 1632 г., при чемъ онъ названъ тамъ „первымъ“,—не былъ ли онъ просто первымъ засѣданіемъ, относящимся къ предполагаемой сессіи? Если же оба собора понимать, какъ засѣданія одной и той же сессіи, — спѣшность созыва собора 1634 г. сама по себѣ уже не будетъ говорить противъ возможности выборнаго элемента въ его составѣ. При такомъ предположеніи рѣшеніе вопроса ставится въ зависимость отъ того, имѣются ли положительныя указанія на присутствіе среди членовъ того и другого собора выборныхъ людей. Но подобныхъ указаній ни въ обстоятельствахъ созыва собора, ни въ перечняхъ чиновъ нѣтъ: въ актѣ и др. документахъ, относящихся къ этимъ соборамъ, названы только

---

[1]) Собр. Госуд. Гр. и Дог., т. III, № 40.
[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. III, № 99.

московскіе чины, хотя въ распоряженіи составителей, несомнѣнно, имѣлись особые термины для обозначенія выборныхъ людей, въ другихъ случаяхъ употребляющіеся ими. Еще важнѣе, однако, то, что предположеніе о непрерывной сессіи 1632—4 гг. не внушаетъ довѣрія, такъ какъ строится очень искусственнымъ путемъ. Въ соборномъ актѣ 1634 г., правда, дѣлается ссылка на рѣшеніе, принятое „въ прошломъ году“ „на первомъ соборѣ“. Но трудно допустить, чтобы этотъ соборъ могъ быть названъ первымъ, еслибы въ промежуткѣ между нимъ и соборомъ 1634 г., на протяженіи года слишкомъ, имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ засѣданій (на которыя, добавимъ, нѣтъ никакихъ намековъ), какъ требуетъ понятіе сессіи: такое словоупотребленіе психологически неестественно. Предполагать непрерывность засѣданій тѣмъ труднѣе, что послѣ перваго собора „архимариты, и дворяне. и приказные“ — эти офиціальные члены собора—были, какъ видно изъ акта 1634 г., разосланы въ провинціи для сбора установленнаго въ 1632 г. чрезвычайнаго же налога. Такимъ образомъ, сохраняя названіе сессіи за тѣмъ, что происходило въ 1632—4 гг., пришлось бы допустить, что выборные люди послѣ засѣданія въ 1632 г. цѣлый годъ оставались въ Москвѣ только для того, чтобы въ слѣдующемъ году почти съ буквальной точностью повторить постановленіе, сдѣланное ими ранѣе, а затѣмъ — разойтись по домамъ. Едва ли надо доказывать, какъ мало подобная картина подходитъ къ понятію о назначеніи выборнаго представительства, къ тому же осуществляемаго въ условіяхъ дре-вне-русской жизни. Но если понятіе сессіи въ данномъ случаѣ неприложимо, и оба собора были самостоятельными, то спѣшность созыва собора 1634 г. получаетъ полное значеніе, и вопросъ о присутствіи въ его составѣ выборныхъ людей долженъ быть рѣшенъ отрицательно.

Приведенные примѣры, а число ихъ можно увеличить, удостовѣряютъ, что соборная организація XVI вѣка, сохраняя свою жизненность и въ XVII, появлялась по временамъ въ формѣ самостоятельнаго учрежденія. Какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и теперь соборъ этого типа составлялся изъ наличныхъ служилыхъ чиновъ Москвы, безъ всякой предварительной подготовки и въ самый короткій срокъ. Это наблюденіе позволяетъ найти простое и естественное объясненіе явленіямъ, которыя до того вызывали очень искусственныя и — въ такой же степени — сомнительныя построенія. Исторія земскаго собора за XVII вѣкъ обыкновенно представляется въ трехъ различныхъ стадіяхъ. Первая стадія—первое десятилѣтіе новой династіи: земскій соборъ дѣйствуетъ непрерывно, при чемъ выборный составъ смѣняется по сессіямъ (черезъ каждые три года),—совсѣмъ такъ, какъ въ странѣ съ развитымъ парламентскимъ строемъ. Вторая стадія—слѣдующее десятилѣтіе (1621—1632 г.): перерывъ въ соборной дѣятельности, когда исчезаютъ слѣды не только парламентской техники, но и самаго собора. Третья стадія: возобновленіе соборовъ, однако уже безъ соблюденія правильной періодичности выборовъ

(понятіе сессіи примѣняется только къ собору 1634 г.). Эти стадіи, пройденныя соборомъ въ XVII вѣкѣ, производятъ въ общей сложности впечатлѣніе какихъ-то судорожныхъ скачковъ; но другой картины и не можетъ получиться, если во всѣхъ случаяхъ, когда созываются соборы, предполагать непремѣнно присутствіе выборнаго элемента. Такъ, въ первое десятилѣтіе соборъ упоминается, дѣйствительно, часто и въ разныхъ источникахъ, а между тѣмъ сохранилось отъ того времени всего 4 призывныхъ граматы (относящіяся къ двумъ соборамъ)—въ Пермь великую отъ 15 января 1616 г., на Тотьму и къ Соли Вычегодской отъ 6 января 1616 г. и въ Устюжну отъ 9 сентября 1619 г. Если выборныхъ людей считать необходимымъ элементомъ соборовъ XVII в., то, конечно, только съ помощью попятія сессіи и можно объяснить, какимъ образомъ правительство, производя такъ рѣдко выборы, могло такъ часто созывать соборы. Съ другой стороны, полное отсутствіе указаній на производство выборовъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи, а также молчаніе источниковъ о соборахъ, должны вести къ заключенію, что соборы вдругъ прекратились, хотя бы только что передъ тѣмъ были постоянно дѣйствующимъ и технически правильно поставленнымъ учрежденіемъ. Наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ, когда соборъ созывался чрезъ очень различные промежутки, встрѣчаются случаи возобновленія выборовъ на протяженіи всего только $1^1/_2$ года: поэтому понятіе сессіи въ примѣненіи къ послѣднему періоду оставляется историками, однако безъ объясненія, почему соотвѣтствующая практика оставляется тогдашнимъ правительствомъ. Такъ упрямой непослѣдовательностью отвѣчаетъ древне-русская дѣйствительность, если подходить къ ней съ понятіями и критеріями, взятыми изъ современной парламентской практики. Но предположимъ, оставивъ позднѣйшіе образцы, что выборные люди участвуютъ далеко не во всѣхъ соборахъ и что наиболѣе употребительной формой собора и въ XVII вѣкѣ осталась та, какую знаетъ еще XVI вѣкъ. При такомъ предположеніи историческая жизнь соборовъ получаетъ гораздо болѣе ровное и послѣдовательное теченіе. Рѣдкія указанія источниковъ на производство выборовъ такъ и будутъ означать рѣдкіе случаи обращенія правительства къ выборному представительству. Съ другой стороны, офиціальный соборъ по особенностямъ своего характера и состава не могъ самъ по себѣ являться чрезвычайнымъ событіемъ въ придворной жизни и, вѣроятно, отмѣчался въ дворцовыхъ записяхъ, главнымъ образомъ, въ виду важности обсуждавшихся на немъ вопросовъ. Отсюда — частыя упоминанія о соборахъ въ первое десятилѣтіе, богатое важными и тревожными вопросами правительственной политики; но отсюда же и молчаніе о немъ источниковъ за второе десятилѣтіе, не ознаменовавшееся никакими выдающимися событіями: соборы могли и быть, но о нихъ не было достаточнаго повода говорить.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда официальный соборъ выступаетъ въ XVII в. въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія, ни въ его составѣ, ни въ организаціи незамѣтно, до 1642 года, никакихъ перемѣнъ по сравненію съ тѣмъ, какимъ мы видѣли его въ XVI вѣкѣ. Однако, несомнѣнны и такіе случаи, когда соборъ XVII вѣка становится сложнымъ учрежденіемъ, въ которомъ рядомъ со служебнымъ элементомъ появляется выборный. Какое положеніе займетъ каждый изъ нихъ относительно другого и будетъ ли между ними какое-нибудь взаимодѣйствіе? Къ сожалѣнію, источники очень мало говорятъ о внутренней организаціи земскихъ соборовъ въ ихъ новомъ видѣ, и ее можно возстановить лишь отчасти путемъ умозаключеній, отправляясь отъ очень мелкихъ наблюденій.

Соборные акты и простыя записи содержатъ въ себѣ, какъ мы знаемъ, почти всегда перечни группъ, присутствующихъ на соборѣ. Въ этихъ перечняхъ на первыхъ мѣстахъ мы неизмѣнно находимъ названія извѣстныхъ намъ столичныхъ чиновъ; но тутъ же встрѣчаемъ иногда и новые термины, свидѣтельствующіе о перемѣнѣ въ составѣ учрежденія: „изъ городовъ выборные люди“, „изо всѣхъ городовъ выборные всякіе люди“, „изъ городовъ пріѣзжіе всякіе люди“, иногда „дѣти боярскіе всѣхъ городовъ“, „торговые люди всѣхъ городовъ“. Подобные термины появляются всякій разъ, когда можно тѣмъ или другимъ путемъ удостовѣрить наличность выборнаго элемента, въ составѣ собора, и, наоборотъ, они отсутствуютъ тамъ, гдѣ предполагать присутствіе выборныхъ людей нѣтъ основанія. Мы знаемъ, что выборные присылались городовымъ дворянствомъ, посадскимъ населеніемъ и волостнымъ крестьянствомъ; но разъ во всѣхъ случаяхъ официальный составъ перечней остается неизмѣннымъ, то надо будетъ допустить, что появленіе выборныхъ на соборахъ не мѣшало оставаться въ составѣ послѣднихъ съ прежнимъ значеніемъ не только столичнымъ чинамъ, но и провинціальнымъ дворянамъ изъ „выбора“, присутствовавшимъ по служебному положенію, а также — официальнымъ представителямъ торговыхъ и черныхъ сотенъ. Значитъ, оба элемента представляютъ въ составѣ собора какъ бы два параллельныхъ ряда, мирно уживающихся одинъ подлѣ другого. Эта па-

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ. (Изъ царскаго Титулярника).

раллельность особенно отчетливо выступаетъ въ перечняхъ Утвержденной граматы 1613 года, гдѣ не только столичные чины, но и „дворяне изъ городовъ и дѣти боярскія“ прямо отличаются вообще отъ „выборныхъ людей, которые съѣхались изъ городовъ для государскаго обиранія“ [1]). Тотъ же выводъ можно сдѣлать еще изъ другого наблюденія. Послѣ избранія Михаила Ѳедоровича была отправлена земскимъ соборомъ къ новому царю извѣстительная грамата. Она написана отъ всего собора — отъ чиновъ и выборныхъ людей, что и естественно. Въ граматѣ разсказывается о событіяхъ, предшествовавшихъ избранію царя, и среди разсказа мы наталкиваемся на слѣдующую неожиданную фразу: „и мы, богомольцы твои государевы, всякихъ чиновъ люди Московскаго государства, писали во всѣ Украинные, и въ Поморскіе, и въ Понизовые, и въ Сѣверскіе города“, чтобы „для государскаго избранья ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изо всякихъ чиновъ“ [2]). Сдѣлавши справку на счетъ того, кто были авторы посланныхъ во всѣ города писемъ—эти „всякихъ чиновъ люди Московскаго государства“, узнаемъ, что то были „бояре и окольничіе, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и дворяне большіе, и жильцы, и изъ городовъ дворяне и дѣти боярскія, и гости и торговые люди, и всякихъ чиновъ люди“ [3]). Ясно, что тутъ дѣйствовалъ соборъ офиціальнаго типа, и онъ же, напоминая о себѣ, говоритъ отъ своего лица („мы“) въ граматѣ, писанной уже послѣ того, какъ выборные съѣхались, — отъ „совѣта всей земли“. Отсюда слѣдуетъ, что въ составѣ собора онъ продолжалъ оставаться какъ бы самостоятельной группой.

Но документы позволяютъ сдѣлать шагъ еще дальше: не только установить въ извѣстныхъ случаяхъ параллельность существованія служебнаго и выборнаго элементовъ, но и опредѣлить приблизительно ихъ положеніе въ конституціи собора или ихъ относительное значеніе. Въ этомъ отношеніи особый интересъ представляетъ Окружная грамата отъ 5 іюня до 1619 года [4]). Тамъ сообщается, что по возвращеніи патріарха Филарета изъ плѣна, Михаилъ Ѳедоровичъ „съ отцомъ своимъ святѣйшимъ патріархомъ и съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ епископы, и со всѣмъ Священнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми, и со всѣми людьми Московскаго государства, учиня сборъ, говорили, „какъ бы исправить“ разные недостатки въ управленіи и „земля устроить“. Рѣшено было, въ качествѣ одного изъ средствъ къ поставленной цѣли, вызвать въ Москву выборныхъ отъ населенія: „а изъ городовъ изо всѣхъ для вѣдомости и устроенья указали есмя, читаемъ въ гра-

---

[1]) Утвержд. Грамата, стр. 68, 72.
[2]) Собр. Гр. и Дог., III т., № 2.
[3]) Дворц. Разр., т. I, стр. 7—8.
[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог., III т., № 47.

матѣ, взять къ Москвѣ, выбравъ... изъ всякаго города изъ духовныхъ людей по человѣку, да изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два человѣка, да по два человѣка посадскихъ людей, которые бы умѣли разсказать обиды и насильства и разоренье“. Какъ охарактеризовать юридически то, что здѣсь произошло? Держась привычки мыслить старину въ образахъ современности, мы должны были бы сказать, что имѣемъ передъ собой обычную, при нѣкоторомъ, правда, отступленіи отъ конституціонныхъ формъ, смѣну представительнаго состава: одинъ соборъ, заканчивая свою сессію, дѣлаетъ постановленіе произвести выборы для другого собора. Несомнѣнно, такая формулировка не соотвѣтствовала бы дѣйствительности. По точному смыслу граматы, вызовъ „добрыхъ и разумныхъ людей“ изъ городовъ былъ новой мѣрой, которую правительство, желая упорядочить жизнь страны, предпринимаетъ наряду съ другими мѣрами и которой непосредственно передъ тѣмъ оно не располагало. Соборъ, принявшій это рѣшеніе, былъ, очевидно, соборомъ стараго типа, т.-е. официальнымъ, и грамата не даетъ даже почувствовать, что его дальнѣйшая судьба какъ-нибудь связана съ призывомъ выборныхъ людей. Да и что бы могла означать въ примѣненіи къ нему смѣна состава? На такіе соборы приглашаются не лица, а чины, которые всегда—одни и тѣ же, и пока производятся выборы, великій государь, можетъ-быть, еще не разъ позоветъ ихъ на совѣтъ. Нельзя, поэтому, съѣздъ выборныхъ приравнивать къ открытію новаго собора: выборные пріѣдутъ и заявятъ государю о своихъ „обидахъ“,—это—самый важный моментъ ихъ роли: о немъ только и говоритъ грамата, какъ будто даже не предусматривая, будутъ они участвовать на соборахъ, или нѣтъ. Только по перечнямъ соборныхъ актовъ, обычно обнимающимъ объ категоріи членовъ собора, мы можемъ думать, что выборные люди присоединялись къ московскимъ чинамъ, но въ такой постановкѣ они являются всего лишь случайнымъ добавленіемъ къ служебному составу собора,—побочной пристройкой къ главному зданію. Приблизительно съ одинаковымъ значеніемъ выборный элементъ выступаетъ въ документахъ, относящихся къ собору 1648 г. Этотъ

Патріархъ Филаретъ. (Изъ царскаго Титулярника).

соборъ принято считать наиболѣе яркимъ моментомъ въ исторіи соборнаго представительства, и противъ такой оцѣнки трудно возражать, если имѣть въ виду продуктъ его дѣятельности—Соборное Уложеніе и размѣры вліянія выборныхъ людей на содержаніе этого памятника. Но, важное практически, значеніе представителей земли совмѣщалось съ очень скромнымъ юридическимъ положеніемъ на соборѣ. При созывѣ собора имѣлось въ виду „написати и изложити общимъ совѣтомъ“ статьи „на всякія расправныя дѣла“, т.-е. составить сводъ дѣйствующаго права. Этотъ общій совѣтъ осуществлялся тѣмъ путемъ, что законодательный процессъ разбивался на двѣ стадіи: съ одной стороны, комиссія кн. И. И. Одоевскаго подготовляла проектъ Уложенія, а съ другой—царь съ Освященнымъ соборомъ и думными людьми слушалъ и давалъ утвержденіе. Въ этой организаціи выборные люди не заняли самостоятельнаго положенія: они присоединены были къ комиссіи кн. Одоевскаго. Такъ и выражались въ официальныхъ документахъ, если хотѣли точно обозначить положеніе выборныхъ: „а быти имъ на Москвѣ въ приказѣ у бояръ (у кн. Одоевскаго съ товарищи) для государевыхъ и земскихъ дѣлъ“ [1]), „былъ на Москвѣ у государева и земскаго дѣла въ приказѣ з бояры...“ [2]) Конечно, представители сословій своими челобитьями, а, можетъ-быть, и личными справками, давали составителямъ проекта необходимый матеріалъ для „докладовъ на верхъ“, и отсюда возникли новыя статьи; но все это не выводитъ комиссію (или, по тогдашнему выраженію, приказъ) кн. Одоевскаго изъ ранга вспомогательнаго органа, который вызванъ былъ къ жизни временной потребностью и не былъ органической частью постоянно дѣйствующаго учрежденія. Совершенно также должна быть оцѣнена и роль выборныхъ людей, разъ они были причислены къ комиссіи, и едва ли она становится юридически болѣе значительной отъ того, что Уложеніе, въ окончательномъ его видѣ, было имъ „чтено“ въ общемъ заключительномъ засѣданіи, въ присутствіи кн. Долгорукого. При свѣтѣ этихъ выводовъ особую выразительность пріобрѣтаетъ отрывокъ изъ граматы на Тотьму отъ 11 іюня 1617 г., въ которой также изображены стадіи соборнаго приговора: „и по нашему указу, читаемъ здѣсь, власти и бояре наши, говоря съ московскими з гостьми и съ торговыми и со всякими людьми, приговорили...“ [3]) „Власти и бояре“—рѣшающая инстанція, выборные люди—вспомогательная при ней,—такъ характеризовало правительство соотношеніе двухъ элементовъ собора еще на первыхъ порахъ выборнаго представительства.

Положенію, какое выборный элементъ занималъ въ соборной конституціи, соотвѣтствуетъ и то конкретное назначеніе, какое указывало земскимъ людямъ

[1]) Латкинъ, „Матеріалы“, 57 стр. и др.
[2]) Ibid.
[3]) С. Б. Веселовскій, „Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ“, прилож., № 63.

правительство. Несомнѣнно, въ первые годы царствованія новой династіи земскій соборъ игралъ чрезвычайно большую роль въ жизни государства. Въ глазахъ общества онъ пользовался такимъ авторитетомъ, что иногда даже официально ставился рядомъ съ верховной властью: въ царскихъ граматахъ того времени не рѣдкость встрѣтить ссылку на „всенародный“ приговоръ. Можно думать, что этимъ своимъ значеніемъ земскій соборъ былъ въ значительной степени обязанъ присутствію въ его составѣ выборныхъ людей. Было бы, однако, ошибкой характеризовать подобными чертами вообще полномочія выборнаго представительства. Задача, для которой призывались съ самаго начала выборные люди, была довольно спеціальной: она состояла въ избраніи царя. Но ни въ призывныхъ граматахъ, ни въ обширной перепискѣ земскаго „совѣта“ съ новоизбраннымъ царемъ нѣтъ мысли о томъ, что земскіе люди предназначаются для участія въ управленіи. Это было, можетъ-быть, непредвидѣннымъ расширеніемъ задачи, если фактически имъ пришлось потомъ выступить въ роли органа управленія рядомъ съ служебными чинами, — расширеніемъ, которое вызывалось желаніемъ правительства, въ виду слабости собственныхъ средствъ, усилить вѣсъ своихъ мѣропріятій авторитетнымъ голосомъ избранниковъ земли. Однако, по мѣрѣ того, какъ въ правительствѣ крѣпнетъ чувство увѣренности въ своихъ силахъ, оно все рѣже пользуется моральнымъ авторитетомъ „вселенскаго совѣта“, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и назначеніе земскихъ людей, все замѣтнѣе принимая характеръ простой освѣдомительной функціи. Это новое назначеніе уже очень ясно выражено въ разсматривавшейся ранѣе окружной граматѣ 1619 года: „а выборныхъ бы естя людей, говорится здѣсь, отпустили бы къ намъ въ Москву не мѣшкая, чтобъ намъ и отцу нашему и богомольцу о всемъ новгородскомъ разореньи было вѣдомо, и, выслушавъ отъ нихъ челобитья, учали бы есмя, прося у Бога милости, говорити и промышляти о нихъ ко всякому добру“, или, какъ еще выразительнѣе оттѣняетъ роли обѣихъ сторонъ такая же грамата въ Галичъ: „а мы, Великій Государь, съ отцомъ своимъ и богомольцомъ... совѣтовавъ, по ихъ челобитью... учнемъ о Московскомъ государствѣ промышляти“ [1]). Итакъ, бывшій членъ полномочнаго собранія сталъ челобитчикомъ о нуждахъ и „разореньи“ своей мѣстности. Эта его роль для правительства теперь была цѣннѣе; безпрерывныя финансовыя затрудненія, испытываемыя правительствомъ въ теченіе XVII вѣка, требовали отъ него, возможно полной, освѣдомленности въ положеніи мѣстныхъ дѣлъ; а, можетъ-быть, создавали также нужду и въ прямомъ содѣйствіи мѣстныхъ людей: той и другой потребности и должны были удовлетворять выборные люди. Любопытную иллюстрацію къ тому наклонному пути, какой прошелъ избранникъ земли,

---

[1]) „Акты Арх. Эксп.“, т. III, № 105.

спускаясь съ высотъ морально-политическаго авторитета на скромную ступень свѣдущаго человѣка, даетъ исторія пятинныхъ сборовъ. Первый сборъ пятинной деньги былъ назначенъ въ 1614 году по царскому указу и соборному приговору. Пятинщики, пріѣзжая на мѣста, должны были передавать населенію граматы—одну отъ государя, другую отъ собора [1]): очевидно, авторитетъ собора считается необходимымъ для обезпеченія сбора. Второй сборъ въ апрѣлѣ 1615 г. былъ установленъ безъ участія выборныхъ людей. Правительство было уже достаточно авторитетнымъ, чтобы взять эту мѣру на себя. Однако къ концу 1615 г. стала выясняться неудовлетворительность организаціи сборовъ, въ силу чего поступленія затягивались [2]). Въ началѣ 1616 г. былъ назначенъ третій сборъ, но на этотъ разъ снова вызваны были выборные люди: ихъ указанія, основанныя на знакомствѣ съ условіями мѣстнаго быта и хозяйства, должны были устранить недочеты въ постановкѣ дѣла, и, дѣйствительно, какъ выражается грамата на Тотьму, чины собора „межъ себя о томъ совѣтовали и думали по многіе дни“ [3]). Еще ужe роль выборныхъ людей при назначеніи 4-го сбора: по знакомой намъ граматѣ на Тотьму отъ 11 іюня 1617 г., активной стороной въ постановленіи приговора являются „власти и бояря“, земскіе же люди выступаютъ лишь съ значеніемъ стороны, дающей справку или показаніе. Въ двухъ другихъ грамата-хъ о сборѣ 4-й пятины дѣлается ссылка только на боярскій приговоръ, а о выборныхъ людяхъ не упоминается совсѣмъ. Наконецъ, въ указахъ о пятомъ сборѣ нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ участія собора: это значитъ, что предыдущіе сборы снабдили правительство достаточнымъ запасомъ опыта, и оно пока не нуждалось въ помощи свѣдущихъ людей. Такъ было, повидимому, и въ другихъ случаяхъ: обращались къ населенію, когда жизнь выходила изъ привычной колеи и ставила правительству задачи, которыя оно затруднялось рѣшить, не освѣживши своего опыта, т.-е. своихъ знаній о положеніи страны и способовъ воздѣйствія на населеніе. Перемѣна въ назначеніи выборнаго элемента соборовъ сказалась даже на терминологіи: хорошо извѣстный официальному языку въ послѣдній періодъ Смуты и въ первые дни новой династіи терминъ „совѣтъ всея земли“ или „вся земля“ скоро перестаетъ встрѣчаться въ документахъ.

Становясь освѣдомительнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, представители „земли“ постепенно усвоиваютъ себѣ черты, которыя роднятъ ихъ съ представителями официальнаго міра. Представительство начинаетъ разсматриваться, какъ своего рода служба, за которую, какъ и за всякую другую, можно получать государево жалованье и просить наградъ. Сохранилось много челобитныхъ съ такимъ содержаніемъ, особенно отъ 1648—9 гг.: въ

---

[1]) Веселовскій, l. c., стр. 36.
[2]) Ibid., 2-я гл., также стр. 60.
[3]) Ibid., прилож., № 56.

однихъ „бьютъ челомъ“ выборные дворяне о денежномъ жалованьи или о награжденіи чиномъ, въ другихъ—выборные посадскіе люди о доступной для нихъ „государской милости“—правѣ безпошлинно курить вино или топить баню. Но краснорѣчивѣй содержанія самый тонъ, какимъ написаны челобитныя этихъ законодателей. „Прибрели, Государь, мы, бѣдные и разоренные холопи твои изъ городовъ, пишутъ, напр., въ коллективной челобитной дворяне 6 городовъ, бояся твоего, Государева, страху, спѣша къ указному сроку къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ безъ запасны... И нынѣ, Государь, мы, бѣдные и до конца разоренные холопи твои, ожидая на Москвѣ твоего, Государева, и земскаго дѣла вершенья, волочась со всякихъ нуждъ и голодомъ помираемъ. Милосердый и праведный Государь, помилуй насъ, вели, Государь, свое, Государево, жалованье дати намъ, чтобы голодомъ не помереть“ [1]). А вотъ представитель посада, холмогорецъ Васка Ѳилатовъ, служившій раньше по выбору посадскихъ людей таможеннымъ цѣловальникомъ, человѣкъ бывалый и, видимо, состоятельный, проситъ Государя: „пожалуй меня, сироту своего, выборнаго за мою службу, вели, Государь, чтобы стояльцы никакіе на дворишко мое не ставилися, и пите мнѣ на Холмогорахъ, вино и пиво, варить про себя и держать безпенно и безпошлинно. Царь, Государь, смилуйся, пожалуй“ [2]). Но разъ, такимъ образомъ, „служба по выбору“ стала рисоваться обывателю въ привычныхъ краскахъ государственной повинности, которую надо исполнять, „бояся государева страху“, то не замедлило произойти сближеніе между столь различными областями и въ другихъ отношеніяхъ. Если раньше правительству приходилось постоянно жаловаться на уклоненіе служилыхъ людей отъ военной повинности, то довольно скоро оно столкнулось съ такимъ же отношеніемъ и къ выборамъ. Въ представительствѣ избиратели видятъ свою обязанность, не чувствуя въ немъ своего права, и потому не является неожиданностью, если мы узнаемъ, что воеводамъ иногда только съ помощью пушкарей и стрѣльцовъ удавалось заставить населеніе осуществлять свои избирательныя права. Съ другой стороны, назначеніемъ, какое получили выборные люди, объясняется и та заботливость, съ какой правительство оберегаетъ свободу выборовъ. Выборные несли ему не рѣшенія и не критику, а свое знаніе мѣстной жизни и готовность содѣйствовать его желаніямъ; по этому фальсифицировать выборы значило бы съ его стороны затемнять себѣ дорогу, освѣтить которую оно имѣло въ виду съ ихъ помощью. Впрочемъ, одинъ разъ, на соборѣ 1642 года, правительство услышало очень суровый приговоръ надъ своей политикой; но этотъ случай, надо думать, былъ для него такимъ же сюрпризомъ, какимъ онъ остается и для современнаго изслѣдователя.

---

[1]) Латкинъ, „Матеріалы“, стр. 51.
[2]) Готье, l. c., стр. 64.

Заимствуя нѣкоторыя черты, характеризующія служебное представительство, выборный элементъ косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ въ свою очередь существенной перемѣнѣ въ положеніи официальнаго элемента въ составѣ собора, обозначившейся къ половинѣ вѣка. Въ XVI вѣкѣ столичные чины, призывавшіеся по своему служебному значенію, являлись на соборъ въ наличномъ своемъ составѣ, участвуя въ соборныхъ засѣданіяхъ на одинаковыхъ началахъ съ думными людьми, въ присутствіи государя. Такой порядокъ соблюдался и въ началѣ XVII вѣка. Но въ 1642 году мы замѣчаемъ важную перемѣну: призванные на соборъ обычнымъ порядкомъ, служилые чины, въ цѣляхъ лучшаго выясненія вопроса, были разбиты на комиссіи, при чемъ составъ каждой опредѣлялся путемъ выбора [1]). Отсюда оставался уже одинъ шагъ до примѣненія къ служилымъ группамъ выборнаго принципа въ полномъ объемѣ, и такой шагъ былъ сдѣланъ въ 1648 г.: въ этомъ году поголовно были призваны на соборъ только думные чины, а остальные служилые чины: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и проч., должны были избирать изъ своей среды представителей въ опредѣленномъ, сравнительно небольшомъ, числѣ. Эта перемѣна, вѣроятно, была вызвана сильнымъ количественнымъ ростомъ столичнаго дворянства, который дѣлалъ созывъ его представителей на прежнихъ началахъ неосуществимымъ; но, сближая служилый элементъ собора съ земскимъ или выборнымъ въ одномъ отношеніи, она проложила путь къ сближенію ихъ и въ другомъ: и въ самой конституціи собора первый начинаетъ занимать такое же положеніе, какъ и послѣдній, т.-е. отодвигается на задній планъ. Въ 1648 г. одни думные чины засѣдаютъ съ государемъ, а служилые всѣ причислены къ приказу кн. Одоевскаго вмѣстѣ съ выборными людьми. Перемѣна чувствуется и въ организаціи собора 1651 г. Въ соборномъ актѣ послѣ изложенія обстоятельствъ, побудившихъ къ созванію послѣдняго, читаемъ: „И по государеву указу, стольникамъ и стряпчимъ, дворянамъ московскимъ“—короче: всѣмъ чинамъ, кончая „выборными торговыми людьми“—„въ столовой избѣ по сему письму объявлено. А Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ всея Руси въ то время былъ, а при немъ, Государѣ, бояре и думные люди въ столовой избѣ“ [2]). Разница характерная: раньше государь указывалъ „быти на соборѣ при себѣ, Государѣ“, всѣмъ членамъ собора до торговыхъ и всякихъ чиновъ людей включительно [3]),—а теперь „при немъ, Государѣ“, только бояре и думные люди, остальные отъ него отдѣлены; раньше самъ государь обращался съ рѣчью ко всѣмъ присутствующимъ, и тѣ въ свою очередь—люди большихъ и малыхъ чиновъ—„на

---

[1]) О соборѣ 1642 г. см. мою статью, „Къ вопросу о составѣ и значеніи земскихъ соборовъ“. «Журн. Мин. Нар. Пр.», 1910 г., іюнь.

[2]) Латкинъ, „Матеріалы“, стр. 81—87.

[3]) См. Г. Г. и Д., III т., № 99 и др.

соборѣ говорили“ [1]), теперь же служилые чины и выборные люди были призваны въ столовую избу какъ будто для того только, чтобы имъ, въ присутствіи государя, „по сему письму объявлено было“. Эта картина новаго строя соборнаго представительства находитъ себѣ дополненіе и отчасти—объясненіе въ обстоятельствахъ, при какихъ состоялся соборъ 1653 года. Соборъ былъ назначенъ на 1 октября, праздникъ Покрова Богородицы. По сообщенію соборнаго акта, государь пришелъ „для собора“ въ Грановитую палату „отъ праздника, отъ Покрова Пресвятыя Богородицы“, т.-е. отстоявъ обѣдню. Сначала, „по указу Государя“, было „чтено всѣмъ вслухъ“ о „неправдахъ“ короля Яна Казимира и о предложеніи Богдана Хмельницкаго, и послѣ чтенія „б о я р е, читаемъ въ актѣ, п р и г о в о р и л и: за честь Великаго Государя стояти и противъ польскаго короля война весть“. Вслѣдъ за тѣмъ и остальные члены собора были „допрашиваны жъ по чинамъ, порознь“, при чемъ служилые люди заявили о своей готовности „биться, не щадя головъ своихъ“, а торговые люди обѣщали „вспоможенье“, добавивъ, что они также „за государскую честь головами своими ради помереть“. Всѣ эти подробности не оставляютъ, думается, сомнѣнія въ томъ, что соборное засѣданіе заняло небольшую часть дня, и что отъ „всякихъ чиновъ людей“, въ томъ числѣ—и служилыхъ, правительству нужно было получить не совѣтъ, а просто заявленіе о согласіи, становившееся обязательствомъ, жертвовать „головами“ и „вспоможеньемъ“. Самое же рѣшеніе вопроса, вѣроятно, заранѣе и заготовленное, принадлежало боярамъ. Тотъ же, конечно, смыслъ имѣло „чтеніе письма“ на соборѣ 1651 года, и подобный же, т.-е. желаніе заручиться обязательствомъ исполнять,—„чтеніе“ Уложенія въ 1648 году. Во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаковое разстояніе отдѣляетъ служилые чины и земскихъ людей отъ правящаго круга, ставя первыхъ на одинаковый уровень политическаго значенія [2]).

Итакъ, съ самаго начала XVII вѣка земскій соборъ обнаруживаетъ двойственный характеръ, объединяя въ своемъ составѣ офиціальный эле-

---

[1]) Ibid.

[2]) Интересно сопоставить съ этимъ характеристику церковныхъ соборовъ 16—17 в., которую находимъ въ книгѣ П. Ѳ. Каптерева, „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“ (т. II, стр. 108—9): „Въ дѣйствительности нашимъ архіереямъ на соборахъ XVI и XVII столѣтій принадлежала самая скромная, малодѣятельная и маловліятельная роль. Они являлись на соборъ вовсе не потому, что у нихъ самихъ, или въ средѣ ихъ паствы, назрѣвала настоятельная потребность соборно обсудить и порѣшить тѣ или другіе выдвинутые жизнью вопросы, а единственно потому, что явиться на соборъ имъ приказывалъ царь, такъ что они являлись на соборъ только въ силу своего офиціальнаго положенія, а не по своимъ внутреннимъ влеченіямъ или убѣжденіямъ, или какъ представители голоса, нуждъ и интересовъ своей паствы. Являясь изъ своихъ епархій на соборъ, они совсѣмъ не были подготовлены къ рѣшенію соборныхъ вопросовъ... На соборъ имъ давался уже готовый и болѣе или менѣе обработанный предсоборной комиссіей матеріалъ, при чемъ въ работахъ ими руководили лица, ранѣе назначенныя царемъ и несравненно лучше и больше ихъ знавшія... Они не смѣли... расширять рамки тѣхъ вопросовъ, которые имъ были поставлены; ихъ разсужденія должны были вращаться въ тѣхъ предѣлахъ, какіе строго и опредѣленно были указаны царемъ“.

мент и земскій. Первый можно назвать основнымъ по его устойчивости и вліянію, второй представляется болѣе или менѣе случайнымъ. Тотъ и другой восполняютъ правительству недостатокъ въ средствахъ управленія, но каждый—по преимуществу въ своей области: служилые чины—содѣйствуя, въ качествѣ привычнаго административнаго аппарата, осуществленію правительственныхъ мѣропріятій, земскіе люди—доставляя ему, въ качествѣ мѣстныхъ обывателей, необходимыя свѣдѣнія о состояніи страны. Съ теченіемъ времени, однако, между обоими элементами собора происходитъ извѣстная ассимиляція, при чемъ они взаимно обмѣниваются своими признаками, и вмѣстѣ съ этимъ наблюдается перемѣна въ соборной организаціи: линія раздѣла, проходившая раньше между представителями официальнаго и выборнаго начала, передвигается выше, оставляя около государя только правящую группу съ значеніемъ основного ядра, а всѣхъ остальныхъ членовъ ставя въ положеніе случайнаго или временнаго добавленія. Съ этой точки зрѣнія боярскія комиссіи съ сословными представителями, которыми стали во второй половинѣ XVII вѣка замѣнять соборы, были только наиболѣе яркимъ моментомъ давно начавшагося процесса.

IV.

Предшествующее изложеніе имѣло цѣлью установить признаки, характеризующіе земскій соборъ, какъ учрежденіе, путемъ анализа данныхъ, относящихся непосредственно къ его составу и его дѣятельности. Но всякое учрежденіе многообразными нитями связано съ современной ему дѣйствительностью, потребностями которой оно вызвано къ жизни и своеобразіе которой оно отражаетъ въ своей организаціи. Въ виду этого характеръ учрежденія долженъ выступить яснѣе, если, не ограничиваясь юридическимъ анализомъ, разсматриваемъ его въ соотвѣтствующей исторической обстановкѣ: она можетъ досказать намъ то, о чемъ умалчиваютъ прямые источники. Такой пріемъ въ примѣненіи къ земскимъ соборамъ, можетъ-быть, особенно умѣстенъ, въ виду скудости и неопредѣленности относящихся къ нимъ прямыхъ данныхъ.

Моментъ возникновенія соборовъ падаетъ приблизительно на половину XVI вѣка. Уже извѣстныя намъ особенности соборной организаціи, сложившейся въ это время, показываютъ, что соборъ зародился въ официальной обстановкѣ, съ самаго начала былъ приспособленъ болѣе къ нуждамъ власти, чѣмъ къ потребностямъ общества. Значитъ, и условія, его вызвавшія, должны скрываться не столько въ состояніи русской общественности того времени, сколько въ задачахъ русской государственности.

Къ началу XVI вѣка закончился процессъ объединенія русской земли подъ властью московскаго князя. Удѣльную раздробленность долженъ былъ

смѣнить государственный порядокъ. Этотъ процессъ своими конечными результатами вполнѣ отвѣчалъ національной потребности, но по способу своего осуществленія шелъ поверхъ основного населенія, являясь по преимуществу одностороннимъ дѣйствіемъ московской политики. И потому порядокъ, въ которомъ видимымъ образомъ воплощалось достигнутое единство, на первыхъ порахъ очень мало затрагивалъ внутреннія отношенія объединенныхъ областей. По существу онъ заключался въ томъ, что въ составъ населенія введенъ былъ новый классъ съ официальнымъ характеромъ — служилые люди, частью въ видѣ помѣщиковъ, владѣвшихъ землей въ непосредственной личной зависимости отъ князя московскаго, частью въ видѣ кормленщиковъ, въ награду за службу получавшихъ отъ него во временное пользованіе ту или другую публичную функцію съ ея доходами. Созданная нуждами удѣльнаго князя-вотчинника, эта система удержпвалась московскими князьями и тогда, когда ихъ княжество стало національнымъ государствомъ. Къ половинѣ XVI вѣка она успѣла, однако, обнаружить свою негодность въ роли государственнаго порядка, вызвавъ сознаніе необходимости другой, которая лучше бы соотвѣтствовала новому значенію Москвы. Реформы Грознаго въ значительной степени и вышли изъ этого сознанія, положивъ начало порядку, въ которомъ мѣсто частно-правовыхъ отношеній заступили болѣе объективныя, общеобязательныя нормы. Обязательная служба, устанавливавшаяся раньше, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, путемъ частнаго соглашенія государя съ вольнымъ человѣкомъ, была перенесена съ лица на землю, въ силу чего самый фактъ владѣнія — на помѣстномъ или вотчинномъ правѣ безразлично — сталъ налагать на владѣльца повинности въ точно опредѣленныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, въ положеніи служилаго человѣка объективный экономическій принципъ заслонилъ собой прежнее субъективное основаніе — договоръ, и служба изъ личнаго обязательства стала государственной повинностью. Одновременно съ этой была произведена другая реформа, можетъ-быть, подсказанная первой. Отмѣнена была система кормленій, являвшаяся наиболѣе яркимъ выраженіемъ частно-правовыхъ отношеній въ политикѣ и теперь оказывавшаяся въ противорѣчіи съ новой постановкой государственной службы. Кормленщики были выведены изъ провинціи, и ихъ административныя функціи были переданы самоуправляющимся общинамъ въ лицѣ выборныхъ властей, которыя становились чрезъ то замѣстителями государственной власти. Этими двумя реформами подъ государственное зданіе подведенъ былъ новый фундаментъ; но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивали и вершину зданія, такъ какъ могли быть осуществлены лишь подъ условіемъ соотвѣтствующихъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи. Наверху, въ качествѣ правящаго класса, стояло боярство, являясь объединительнымъ органомъ, къ которому сходились всѣ нити управленія. Но оно могло выполнять свою задачу только при прежней постановкѣ службы,

съ помощью разсылавшихся во всѣ концы кормленщиковъ. Служебная реформа, сдѣлавъ служилыхъ людей землевладѣльцами и связавъ ихъ службу съ мѣстомъ земельнаго владѣнія, должна была разбросать ихъ по всѣмъ уѣздамъ государства и тѣмъ самымъ произвести брешь въ системѣ высшаго управленія. Центру грозила опасность быть отрѣзаннымъ одновременно—и отъ военно-служилаго класса и отъ самоуправляющихся общинъ.

Реформы Грознаго вводились не вдругъ, путемъ частичныхъ измѣненій. Несомнѣнно, имъ предшествовали тщательныя обсужденія въ правящей средѣ, чѣмъ достигалась извѣстная согласованность отдѣльныхъ мѣропріятій. Но мысль о реформѣ изъ правящаго круга проникла и въ общество, вызвавъ появленіе своеобразной публицистической литературы. Въ произведеніяхъ этой литературы мы находимъ, съ одной стороны, рѣзкую критику аристократическаго строя общества и управленія, въ которой, можно думать, сказалось сознаніе переживавшагося тогда правительственнаго кризиса („Челобитная Ивашки Пересвѣтова"), а съ другой — попытку рѣшить стоявшій на очереди вопросъ о преобразованіи высшаго управленія, — попытку, которая показываетъ, что идея земскаго собора уже носилась въ воздухѣ. Авторъ политическаго памфлета, извѣстнаго подъ названіемъ „Иного сказанія Бесѣды Валаамскихъ Чудотворцевъ", видитъ выходъ въ учрежденіи „единомысленнаго вселенскаго совѣта"; онъ увѣренъ, что „Царство Московское придетъ во благоденство", если царь „безъ величества и безъ высокоумія гордости" будетъ „погодно" собирать людей „всякихъ мѣръ" „отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ городовъ тѣхъ" и „добрѣ" разспрашивать ихъ „про всякое дѣло міра сего". Вмѣстѣ съ тѣмъ царю рекомендуется держать при себѣ „разумныхъ, мудрыхъ и надежныхъ воеводъ и воиновъ", не разлучаясь съ ними „ни на одинъ день". Такъ заполнялась въ проектѣ публициста XVI в. пропасть между центромъ и периферіей, которой угрожала реформа служилаго класса.

Московское правительство вышло изъ затрудненія нѣсколько иначе. Строго говоря, вопросъ былъ предрѣшенъ своеобразной мѣрой, принятой Грознымъ въ 1550 г. Въ этомъ году велѣно было отобрать изъ разныхъ уѣздовъ дѣтей боярскихъ, „лучшихъ слугъ", 1000 человѣкъ и надѣлить ихъ помѣстьями въ Московскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ. Всѣ они предназначались, по выраженію указа, для „посылокъ", т.-е. для разныхъ военно-административныхъ порученій. Вѣроятно, нѣсколько позднѣе, въ связи съ проведеніемъ служилой реформы, правительство стало вызывать съ той же цѣлью, въ дополненіе къ „тысячѣ", и другихъ „лучшихъ" служилыхъ людей изъ провинціи — такъ называемый „выборъ". Въ результатѣ подъ рукой у правительства оказался довольно многочисленный контингентъ лицъ, черезъ которыхъ оно имѣло возможность поддерживать постоянную связь съ разными пунктами государства и въ нужныхъ случаяхъ оказывать на мѣстную

жизнь свое воздѣйствіе. Благодаря этому реформа служилаго класса могла быть выполнена безъ всякихъ потрясеній въ высшемъ управленіи: выпадавшія, съ отмѣной кормленій, части правительственнаго механизма немедленно замѣнялись новыми, болѣе приспособленными къ назначенію цѣлаго. Такъ образовался совершенно особый общественный слой, который, являясь административнымъ посредникомъ между властью и населеніемъ, служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ проводникомъ единства въ управленіи, и теперь надо было дать ему такое юридическое положеніе, которое наилучшимъ образомъ обезпечило бы ему выполненіе его задачи. Важно было, чтобы между правительствомъ и этой группой его агентовъ въ ея цѣломъ сохранялась постоянная непосредственная связь, и вотчинная традиція указала ту форму, которая дѣлала подобную связь осуществимой: это—дворъ государевъ. Принято говорить, что „тысяча“ вошла въ составъ столичнаго дворянства: это должно означать не то, что всѣ дѣти боярскія изъ тысячи сдѣланы были „дворянами“, такого числа не было столичныхъ „дворянъ“ даже въ XVII вѣкѣ,—но то, что онѣ получили, вмѣстѣ съ „выборомъ“, доступъ ко двору государя. Подобно столичнымъ чинамъ, и для нихъ были отведены, повидимому, особыя мѣста при дворѣ, которыя они должны были занимать во время придворныхъ церемоній. Одновременно съ провинціальными служилыми людьми на государевомъ дворѣ появляются офиціальные представители торгово-промышленнаго населенія Москвы,—надо думать, также въ качествѣ посредниковъ между властью и обществомъ—въ своей области. Такимъ образомъ, при Грозномъ дворъ, не въ бытовомъ, а въ юридическомъ смыслѣ, сталъ включать въ себя всю офиціальную Москву. Въ этомъ составѣ его чаще всего можно было наблюдать въ какихъ-нибудь торжественныхъ случаяхъ, когда (напр., при пріемѣ пословъ) царскій тронъ долженъ былъ выступать въ полномъ блескѣ. Тогда можно было замѣтить—не у самаго трона, гдѣ располагались важные чины, а подальше—„въ сѣняхъ на лавкахъ“ или „по крыльцу“, и „гостей въ золотѣ“, и „дворянъ изъ городовъ въ цвѣтномъ платьѣ“, и „сотенныхъ торговыхъ людей“ [1]). Но въ томъ же составѣ дворъ становился политическимъ учрежденіемъ, если причиной собранія служилъ не случай бытоваго характера, а государственный вопросъ. Право государя, какъ понималъ его Грозный, „хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабомъ“ (т.-е. подданнымъ), страдало такъ же мало, когда онъ звалъ этихъ рабовъ, чтобы они сказали ему „свою мысль“, какъ и тогда, когда онъ окружалъ ими свою особу, чтобы придать своимъ выходамъ нужный блескъ. Такъ опредѣлилась форма „единомысленнаго вселенскаго совѣта“, въ которой „высокоуміе гордости“ самодержавнаго царя примирилось съ участіемъ общественныхъ силъ страны въ управленіи государствомъ: желаніе автора „Иного Сказанія“ осуществилось, но въ своеобразной постановкѣ.

[1]) См., напр., „Русск. Истор. Библ.“, т. IX, стр. 432—3.

По составу и характеру соборъ былъ, прежде всего, принадлежностью придворной жизни и потому, вѣроятно, гораздо болѣе привычнымъ явленіемъ, чѣмъ принято думать, привычнымъ настолько, что развѣ лишь по связи съ исключительными событіями привлекалъ вниманіе придворныхъ хроникеровъ или лѣтописцевъ. Въ лѣтописи разсказъ о соборѣ 1566 года начинается такъ, какъ будто рѣчь идетъ о самомъ обычномъ явленіи: „28 іюня Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ говорилъ со княземъ Володимеромъ Ондрѣевичемъ и съ своими богомольцы“ и т. д. [1]). Это и понятно: разнообразныя проявленія политической жизни, сосредоточиваясь по существу въ ограниченномъ кругу лицъ, какимъ былъ государевъ дворъ, легко сливались съ чисто бытовыми явленіями, теряя разграничительныя черты. Читая записи того времени о разныхъ событіяхъ придворной и собственно политической жизни,—какъ будто всегда видишь передъ собой дѣйствующимъ одно и то же учрежденіе, которое позволяетъ различать только поводы для собраній, да еще, можетъ-быть, костюмы участвующихъ лицъ. Вотъ одинъ изъ многихъ возможныхъ примѣровъ. Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита Филарета изъ плѣна въ Москву, столичные чины „приходили къ государю и говорили“ о томъ, чтобы отецъ его „принялъ святительскій престолъ патріаршескій“, и великій государь „съ Ерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ и Московскаго государства съ митрополиты, и съ архіепископы, и съ архимариты... и съ бояры, и съ окольничими, и думными людьми, и съ стольники, и съ стряпчими, и съ дворяны московскими, и съ приказными людьми, и съ дворяны и дѣтьми боярскими изъ городовъ, и съ гостьми, и съ торговыми и всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства приходилъ къ отцу своему и богомольцу и говорилъ и просилъ со всякимъ моленьемъ“ [2]). Что это: соборъ, государственное учрежденіе, занявшееся частнымъ дѣломъ, или бытовая сцена, проведенная людьми, которые въ другой обстановкѣ составляютъ государственное учрежденіе? Разсматриваемый съ такой точки зрѣнія, соборъ является органомъ московскихъ государей, привычнымъ и постояннымъ въ такой же мѣрѣ, какъ окружавшая его служилая среда.

Располагая, въ качествѣ исполнителей военно-административныхъ порученій, запасомъ опыта, чины, призывавшіеся на соборъ, своими знаніями могли, безъ сомнѣнія, углублять мотивы принимавшихся правительствомъ рѣшеній. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ значеніе могло идти и далѣе. Представляя изъ себя, въ полномъ составѣ, администрацію страны, они, по всегдашней склонности управителей подмѣнять собой личности управляемыхъ, могли казаться въ собственныхъ глазахъ, да и въ глазахъ правительства, замѣстителями населенія. По выраженію „соборнаго опредѣленія“, Бо-

---

[1]) L. c., т. III, стр. 277.

[2]) Книги Разрядныя, т. I, стр. 610—611.

риса Годунова поставила царемъ „вся земля“ [1]), хотя въ составѣ избравшаго его собора были только лица офиціальныя. Въ этой же подстановкѣ понятій лежитъ, вѣроятно, и главный источникъ чрезвычайныхъ политическихъ притязаній чиновной Москвы, ея увѣренности, что она въ правѣ рѣшать вопросы, касающіеся всего государства, какъ, напр., вопросы объ избраніи или низложеніи царя. Очень ярко охарактеризовалъ положеніе, занятое Москвой въ политической жизни страны, патріархъ Гермогенъ: противникамъ Шуйскаго, доказывавшимъ незаконность этого царя тѣмъ, что „князя-де Василья одной Москвой выбрали на царство, а иные города того не вѣдаютъ, онъ говорилъ: „дотолѣ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ, и никоторые городы не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ“ [2]). Значитъ, расширяя составъ двора включеніемъ общественной группы съ административнымъ значеніемъ, Иванъ IV сосредоточивалъ около себя силу, которая могла до извѣстной степени гарантировать ему исполненіе правительственныхъ мѣропріятій не только за себя, но и за „всю землю“. Мнѣніе этихъ лицъ, высказанное въ торжественномъ засѣданіи и скрѣпленное, какъ показываютъ соборные акты, присягой, и должно было служить такой гарантіей. Въ XVII в. такое значеніе административнаго авторитета офиціальнаго собора выступаетъ съ особенной ясностью. Извѣстно, напр., съ какимъ трудомъ московское правительство собирало въ XVII в. разные экстраординарные налоги, отъ которыхъ почти не давало населенію передохнуть; и когда въ подобныхъ случаяхъ оно обращалось на соборъ къ офиціальнымъ его членамъ съ предложеніемъ дать денегъ или посылало ихъ „съ собору“ для сбора новаго налога, то, безъ сомнѣнія, оно имѣло при этомъ въ виду, что ихъ административное представительство давало имъ возможность оказывать желательное воздѣйствіе на населеніе. А отсюда слѣдуетъ, что и самая прочность собора въ его офиціальномъ составѣ должна

Патріархъ Филаретъ. (Домъ бояръ Романовыхъ).

---

1) „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 6.
2) Ibid., № 169.

была находиться въ зависимости отъ устойчивости административнаго значенія соотвѣтствующихъ общественныхъ группъ.

Такова историческая обстановка, въ которой сложился официальный типъ собора. Совсѣмъ иныя условія вызвали къ жизни земское выборное представительство. Оно возникло въ періодъ, когда нарушилось привычное теченіе жизни,—въ обстановкѣ, которая была создана Смутой.

Смута вызвала необычайную самодѣятельность въ населеніи—отъ крупныхъ городовъ до мелкихъ уѣздныхъ обществъ. Благодаря ей, вышли наружу тѣ противорѣчія, какими была проникнута соціальная и политическая жизнь Московской Руси, и каждая общественная группа, по связи экономическихъ и соціальныхъ интересовъ съ тѣмъ или другимъ политическимъ порядкомъ, оказалась вовлеченной въ борьбу, которая шла между политическими партіями. Смута была временемъ междоусобицъ, но она же явилась вмѣстѣ и школой солидарности. Если современники, пережившіе непосредственно ужасы „великой разрухи“, съ негодованіемъ говорятъ о проявленіяхъ взаимнаго ожесточенія и ненависти среди русскихъ людей, то мы, наблюдая ее издали, можемъ, наоборотъ, удивляться тому, сколько единодушія, при полной анархіи, обнаружено было отдѣльными мірами, которые поняли общность своихъ интересовъ. Объединяло, главнымъ образомъ, движеніе, имѣвшее цѣлью освобожденіе Москвы. Начавшись на сѣверѣ, оно постепенно разрасталось, захватывая все новыя и новыя области и сближая между собою пункты и районы, до того времени остававшіеся чуждыми и далекими другъ для друга. Но чѣмъ больше разрасталось это движеніе, тѣмъ яснѣе чувствовалось, что Москва теряетъ свое руководящее значеніе, и ея прежняя роль начинаетъ распредѣляться между пробудившимися къ политической жизни уѣздными мірами. Каждый уѣздъ, во главѣ съ городомъ, образуютъ самостоятельную политическую единицу, а ея организующимъ элементомъ являются административные чины, изъ которыхъ иные по служебнымъ отношеніямъ принадлежали къ официальной Москвѣ и, можетъ-быть, не разъ бывали на соборахъ. Призывныя граматы, которыми обмѣниваются города во время Смуты, обыкновенно начинаются привѣтствіями, и въ перечняхъ чиновъ, отъ которыхъ или къ которымъ идутъ эти привѣтствія, на первомъ мѣстѣ стоятъ: духовные чины, а за ними—воеводы, дворяне и дѣти боярскія, земскіе старосты и цѣловальники. Когда въ Нижній-Новгородъ пришла одна изъ троицкихъ граматъ, то нижегородскія власти учинили, по словамъ лѣтописца, на воеводскомъ дворѣ совѣтъ: „а на совѣтѣ томъ были Ѳеодосій, арх. Печерскаго монастыря, Савва, Спасскій протопопъ, да иные попы, да Биркинъ, да Одинъ, и дворянѣ и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Мининъ“ [1]). Совершенно ясно, что

---

[1]) С. О. Платоновъ, „Очерки по исторіи Смуты“, стр. 530.

совѣты въ такомъ составѣ даютъ намъ довольно точную копію земскихъ соборовъ того типа, какой мы наблюдали въ XVI вѣкѣ, конечно, съ отличіемъ въ іерархическомъ значеніи чиновъ, соотвѣтствующимъ разницѣ между столицей и уѣзднымъ городомъ. Отсюда и напрашивается мысль, что стоявшія во главѣ уѣзднаго управленія официальныя лица играли при начавшемся движеніи организующую роль, имѣя передъ глазами знакомый имъ образецъ. Однако сила общественной инициативы не могла уложиться цѣликомъ въ эту казенную форму и сказалась появленіемъ въ составѣ совѣтовъ элемента, совершенно неизвѣстнаго официальному собору. Во всякой граматѣ перечень знакомыхъ намъ чиновъ заканчивается новымъ титуломъ—„всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей“, къ которымъ нерѣдко присоединяются „волостные крестьяне“, иногда же вмѣсто всѣхъ этихъ группъ называется одна: „христоименитый народъ“. И это—не простая формула, какъ можно подумать на основаніи позднѣйшей соборной практики. Сохранилась грамата изъ Ярославля отъ 1611 года, подъ которой подписались лица, составлявшія тогда ярославскій городской совѣтъ: тамъ, за подписями духовныхъ и должностныхъ лицъ (отъ воеводы до цѣловальника), идутъ подписи, авторы которыхъ не поставили при своихъ именахъ никакихъ официальныхъ титуловъ, а одинъ прямо самъ назвался посадскимъ человѣкомъ, другіе же заставляютъ отнести себя къ этому разряду потому, что величаютъ себя слишкомъ просто для официальныхъ лицъ: Климъ, Володя [1]). Очевидно, это—заурядные обыватели города или уѣзда, „жилецкіе люди“, которые попали на совѣтъ по общественному довѣрію, а не по служебному значенію.

Ярославскую грамату можно считать исключеніемъ только въ томъ смыслѣ, что она сохранила подписи членовъ городского совѣта; но то явленіе, которое вскрывается благодаря этимъ подписямъ, было, безъ сомнѣнія, общимъ для всѣхъ городовъ. Наличность выборнаго элемента въ составѣ городскихъ совѣтовъ устанавливала близкую непосредственную связь между ними и населеніемъ, придавая имъ необычайную жизненность, а утрата съ паденіемъ Москвы политическаго центра сообщала самимъ городамъ давно забытое ими самостоятельное политическое значеніе. Получилась изумительная картина: во всѣхъ этихъ городахъ, отъ Вологды и Устюга до Казани и Перми, убогихъ и по внѣшнему виду, и по количеству населенія, и, наконецъ, по матеріальному достатку, забитыхъ и загнанныхъ Москвой, ключомъ закипѣла жизнь и неистощимымъ источникомъ забилъ неподдѣльный энтузіазмъ. Читая ихъ призывныя граматы, съ трудомъ вѣришь, что носителями этого подъема и этой моральной стойкости были тѣ незамѣтные люди, размѣры политической правоспособности которыхъ еще наканунѣ опредѣлялись терминомъ: холопы. Теперь унизительный титулъ

---

[1]) „Акты Арх. Экп.“, т. II, № 188.

исчезаетъ самъ собой, замѣняясь болѣе соотвѣтствующимъ моменту: „господамъ“ (такимъ-то) начинаются граматы, перечисляя въ привѣтствіи и чины и состоянія, къ которымъ адресуются; „и вы бы, господа“...—неизмѣнная форма обращенія авторовъ къ своимъ корреспондентамъ. Вмѣстѣ съ подвигомъ не только поднялось общественное самосознаніе, но и явилось чувство власти. Поручая исполненіе своихъ рѣшеній отдѣльнымъ лицамъ, города или городскіе совѣты даютъ имъ наказы, съ изложеніемъ ихъ обязанностей и съ особой санкціей[1]). Такова была атмосфера, въ которой выросло и окрѣпло выборное представительство и которая явилась благопріятнымъ условіемъ для того, чтобы оно изъ узкой сферы городской жизни было перенесено на широкую государственную арену. Одинъ фактъ отмѣчаетъ моментъ завершенія этого процесса: въ граматахъ начинаетъ встрѣчаться терминъ „вся земля“, какъ выраженіе созрѣвшаго въ націи сознанія политической солидарности; а рядомъ съ нимъ появляется и другой терминъ: „совѣтъ всея земли“, какъ сталъ называться органъ общеземскаго представительства. Впервые послѣдній выступаетъ съ признаками высшаго государственнаго учрежденія въ ополченіи Пожарскаго, своимъ составомъ ясно свидѣтельствуя о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ Земскаго собора и даже указывая отчасти путь, какимъ выборный элементъ проникъ на соборы. Сличая по подписямъ составъ ярославскаго городского совѣта съ составомъ образовавшагося позднѣе въ Ярославлѣ „совѣта всея земли“, находимъ тамъ и здѣсь, среди простыхъ „жилецкихъ людей“, однихъ и тѣхъ же лицъ[2]). Значитъ, выборный для представительства въ городскомъ совѣтѣ, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, продолжалъ свою политическую карьеру уже въ общегосударственномъ учрежденіи, въ качествѣ избранника „земли“. Въ то же время выборное начало нашло еще и другой путь, разъясненный С. Ѳ. Платоновымъ. Когда населеніе въ борьбѣ съ врагомъ стало смыкаться въ общій союзъ, то городскіе міры усвоили обычай посылать „для добраго совѣта“ въ другіе города своихъ представителей. Такимъ образомъ, соединеніе въ одномъ всесословномъ „совѣтѣ“ представителей нѣсколькихъ областей образовалось естественно, вслѣдствіе исключительныхъ событій смутной эпохи. А отсюда уже былъ одинъ только шагъ и до „совѣта всей земли“[3]).

„Совѣтъ всей земли“, въ своемъ полномъ составѣ, былъ живымъ воплощеніемъ того подъема, который спасъ страну въ минуту грозной опасности. Здѣсь лежитъ причина того факта, что и по прекращеніи Смуты, въ теченіе нѣкотораго времени, онъ пользовался чрезвычайнымъ авторитетомъ, иногда становясь рядомъ съ носителемъ верховной власти. Но политическій авторитетъ собора не былъ формулированнымъ правомъ, а только фактомъ, и мало

---

[1]) „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 181.
[2]) „Акты Арх. Эксп.“, т. II, № 203.
[3]) „Къ исторіи Московск. земскихъ соборовъ“, стр. 27—31.

основаній думать, чтобы въ моментъ вступленія новой династіи была тенденція превратить этотъ фактъ въ право[1]). Такимъ образомъ, дальнѣйшая судьба собора зависѣла, съ одной стороны, отъ того, въ какое отношеніе станетъ къ нему правительство, а съ другой,—какъ въ этомъ вопросѣ поведетъ себя общество. Но правительство, уладивъ съ помощью народныхъ представителей наиболѣе тревожныя затрудненія и почувствовавъ себя съ наступленіемъ относительнаго „покоя“ увѣреннѣе, не имѣло побужденій поддерживать политическое значеніе „совѣта земли“. Въ томъ идейномъ запасѣ, какой правительству новой династіи достался по традиціи, народное представительство, въ смыслѣ политической силы, не могло найти опоры; зато тамъ были понятія, сложившіяся на практикѣ земскаго областного самоуправленія, и они послужили правительству готовымъ образцомъ при опредѣленіи его отношеній къ земскому представительству на соборахъ. Давая въ XVI в. земскимъ мірамъ самоуправленіе, правительство по существу перелагало на нихъ часть своихъ обязанностей въ лицѣ ихъ выборныхъ; той же тактики оно начинаетъ держаться и въ отношеніи къ соборному представительству: мѣстные люди должны были заполнить для него пробѣлы въ средствахъ управленія, какіе особенно остро чувствовались въ первой половинѣ XVII вѣка: недостаточную освѣдомленность въ состояніи народнаго хозяйства и слабость финансовой администраціи. Поставленное на этотъ путь, выборное представительство довольно скоро сблизилось, какъ мы видѣли, съ служебнымъ, а въ результатѣ явилась новая организація собора, построенная на одинаковомъ юридическомъ значеніи обоихъ элементовъ. И въ этой формѣ соборное представительство цѣнится правительствомъ постольку, поскольку оно вынуждено пользоваться общественными силами для достиженія административныхъ цѣлей. Отсюда: быстро растущая съ половины XVII вѣка бюрократизація центральнаго и областного управленія должна означать приближеніе конца земскаго собора.

Новое освѣщеніе получитъ картина постепеннаго упадка земскихъ соборовъ, если отъ правительственной практики подняться въ сферу идей и чувствъ, характеризующихъ настроеніе общества. Здѣсь на первомъ же шагу мы встрѣчаемся съ поразительнымъ фактомъ: общество, которое характеризуется въ отношеніи политическаго развитія, какъ своей главнѣйшей чертой, дѣятельностью земскихъ соборовъ, не оставило никакихъ извѣстій объ этихъ соборахъ, и мы, по всей вѣроятности, ничего не знали бы о судьбѣ земскаго представительства по окончаніи Смуты, еслибы не сохранили память о немъ московскія канцеляріи по долгу службы. Такое наблюденіе заставляетъ предполагать, что въ расцвѣтѣ земскаго представительства мы имѣемъ дѣло скорѣе съ временнымъ эпизодомъ, чѣмъ съ прочнымъ направленіемъ

---

[1]) См. С. Ѳ. Платоновъ, „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“.

чувствъ и понятій. Былъ подъемъ, созданный исключительнымъ моментомъ, когда политическіе вопросы, къ которымъ русскій человѣкъ привыкъ подходить съ боязливостью, выдвинуты были съ чрезвычайной рѣзкостью и откровенностью. Неожиданно нарушены были всѣ политическія традиціи, и общество, за нѣсколько лѣтъ Смуты, получило запасъ впечатлѣній, который при обычныхъ условіяхъ оно собирало бы долгіе годы. Это, конечно, выбивало изъ колеи, но еще не означало новаго политическаго міровоззрѣнія и не давало надежнаго политическаго воспитанія. Подобныя явленія наблюдаются и въ личной жизни человѣка, когда какая-нибудь катастрофа производитъ рѣзкую перемѣну въ душевномъ настроеніи: въ этихъ случаяхъ отъ окружающей обстановки часто зависитъ, пуститъ ли новое настроеніе глубокіе корни въ душѣ, или будетъ только слегка окрашивать поведеніе человѣка. Такъ было и съ русскимъ обществомъ XVII вѣка. Изъ Смуты оно вынесло новыя чувства и новые взгляды, пережило за это время высокій подъемъ національнаго и политическаго самосознанія. Но Смута кончилась; сталъ налаживаться общественный и государственный порядокъ, и тутъ, прежде всего, выяснилось, что соціальная почва для развитія политическаго представительства не тверда. Смута выдвинула средніе классы общества, по преимуществу среднее дворянство, и придавила низшіе. Такой результатъ означалъ усиленное развитіе въ ближайшемъ будущемъ крѣпостническихъ отношеній, и дѣйствительно, какъ только страна оправилась отъ потрясенія, начинается безостановочная работа по закрѣпощенію крестьянства, которая къ половинѣ вѣка дружными усиліями дворянства и правительства и приводится къ благополучному окончанію. Но крѣпостное право, отдавая крестьянина въ распоряженіе помѣщика, въ то же время дѣлало и господина холопомъ передъ властью, которая санкціонировала этотъ порядокъ. Такимъ образомъ, зародышъ политической свободы, который, можетъ-быть, скрывался въ земскомъ представительствѣ, долженъ былъ развиваться въ атмосферѣ, насыщенной рабствомъ. Съ другой стороны, съ прекращеніемъ Смуты замираетъ живое взаимодѣйствіе земскихъ міровъ, такъ расширившее въ смутный періодъ практику выборнаго представительства, и цѣльный потокъ народной жизни снова разбивается на отдѣльные ручейки. Въ результатѣ чиновная Москва снова чувствуетъ себя нервомъ политической жизни, и, можетъ-быть, отчасти потому преобладающей формой представительства становится и въ XVII вѣкѣ офиціальный соборъ, къ которому сравнительно рѣдко присоединяются „мірскіе челобитчики“. Все это возвращало русскаго человѣка къ прежней изолированности и пассивности; интересъ къ представительству, выросшему смутнымъ временемъ, слабѣлъ, и самые выборы становились непріятнымъ и ненужнымъ бременемъ. Приближавшееся царство бюрократіи и абсолютизма ждала подготовленная почва.

А. Заозерскій.

Соборное Уложеніе 1649 года.

Въ 1648 г. Москва переживала большую тревогу. Вспыхнувшій въ маѣ, въ присутствіи самого царя, мятежъ московской черни, хотя скоро и рѣшительно подавленный, былъ симптомомъ широко разлитаго въ разныхъ слояхъ населенія недовольства и рѣзкаго раздраженія противъ многихъ порядковъ государственнаго и общественнаго строя. Вся сила народнаго гнѣва обрушивалась на „сильныхъ“ людей, т.-е. на тѣхъ вліятельныхъ представителей придворнаго и чиновнаго міра, отъ злоупотребленій которыхъ страдало и разорялось населеніе и на которыхъ оно не находило скорой и вѣрной управы и защиты. Не могъ не пострадать вмѣстѣ съ тѣмъ и авторитетъ царской власти, плотно окруженной этими ненавистными народу „сильными людьми“. Обаяніе личности молодого и добродушнаго царя могло произвести минутное успокаивающее впечатлѣніе на толпу; но втихомолку

и про царя шли иногда нехорошія рѣчи; царя попрекали молодостью и неразумiемъ, тѣмъ, что онъ „глядитъ все изо рта“ Морозовыхъ и Милославскихъ. Всѣ эти формы и симптомы бродившаго въ различныхъ слояхъ населенія недовольства представлялись тѣмъ болѣе тревожными и опасными, что еще были живы воспоминанія и преданія „великой разрухи“ государства.

При такомъ положеніи дѣлъ меньше, чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ московскаго мятежа, приступлено было къ давно назрѣвшему предпріятію, составленію новаго законодательнаго кодекса. Патріархъ Никонъ, обычно рѣзко и односторонне оцѣнивавшій людей и событія, высказался однажды, что составленіе Уложенія предпринято было „боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“, т.-е. что въ данномъ дѣлѣ дѣйствовало не сознаніе высшихъ государственныхъ интересовъ, а малодушный страхъ и желаніе скорѣе утишить общественное недовольство, которое вырывалось въ мятежахъ городской черни. Это, конечно, слишкомъ уже упрощенное и одностороннее объясненіе причинъ, вызвавшихъ земскій соборъ для составленія новаго Уложенія. Но несомнѣнно, что условія тревожнаго времени, среди которыхъ московское правительство рѣшило взяться за это дѣло, положили свой отпечатокъ на новый кодексъ, и въ послѣднемъ живо отразилось острое столкновеніе противорѣчащихъ жизненныхъ интересовъ, порождавшихъ общественное недовольство и безпокойство правительства.

16 іюля 1648 г., говорится во введеніи къ Уложенію, царь совѣтовалъ съ отцомъ своимъ и богомольцемъ патріархомъ Іосифомъ и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ и говорилъ со своими боярами, окольничими и всѣми думными людьми: которыя статьи написаны въ правилахъ св. апостолъ и св. отецъ и въ градскихъ законахъ греческихъ царей,—и тѣ бы статьи выписать и чтобы прежнихъ великихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать, а со старыми судебниками справить. А на которыя статьи въ прежнихъ судебникахъ указа не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было,—и тѣ бы статьи по тому же написать и изложить общимъ совѣтомъ, „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большого и до меньшого чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ равна“. Ближайшимъ образомъ исполненіе этой кодификаціонной работы поручено было особой комиссіи, въ составѣ бояръ кн. Н. И. Одоевскаго, кн. С. В. Прозоровскаго, окольничаго кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и дьяковъ Г. Леонтьева и Ѳ. Грибоѣдова. Вмѣстѣ съ тѣмъ „для того своего государства и земскаго великаго царственнаго дѣла“ указалъ царь созвать въ Москву выборныхъ: отъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ по два человѣка, отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ большихъ

городовъ по два, изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку, отъ гостей трехъ человѣкъ, отъ суконныхъ сотенъ по два, отъ черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ по человѣку—„добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по нынѣшнему его государеву указу и соборному Уложенію впредь были никѣмъ нерушимы“. 28 іюля были разосланы граматы о присылкѣ выборныхъ въ Москву къ 1 сентября.

Несмотря на большую сложность и трудность новаго законодательнаго предпріятія, оно было проведено съ чрезвычайной быстротой. Составленіе проекта Уложенія комиссіей кн. Одоевскаго, при участіи выборныхъ людей, закончено было къ октябрю, и съ 3 числа этого мѣсяца началось соборное обсужденіе проекта въ двухъ палатахъ: въ одной засѣдалъ царь съ Боярской Думой и Освященнымъ соборомъ, въ другой, „отвѣтной“ палатѣ — выборные люди подъ предсѣдательствомъ кн. Ю. А. Долгорукаго. 29 января 1649 г. Уложеніе было закончено обсужденіемъ и переписано; члены собора приложили къ нему свои руки. Напечатанное весной особою книгой Уложеніе быстро разошлось, и въ томъ же году напечатано было второе изданіе.

По старинной гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцовскій музей).

Такова вкратцѣ внѣшняя исторія составленія Уложенія. Въ официальномъ ея изложеніи, которое мы находимъ въ введеніи къ самому Уложенію, опущенъ наиболѣе интересный для насъ моментъ—активное участіе выборныхъ людей въ составленіи кодекса. Въ помянутомъ введеніи сказано только, что Уложеніе было „чтено“ выборнымъ, и послѣдніе приложили къ нему руки. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что участіе выборныхъ было чисто пассивное. Это старое мнѣніе должно быть совершенно оставлено теперь, когда детальное изслѣдованіе источниковъ Уложенія открыло, что значительное число его статей (до 60) возникло изъ челобитій выборныхъ людей. Не всѣ эти челобитья, конечно, получили удовлетворенье, и правительству было извѣстно, что въ нѣкоторыхъ городахъ „шумѣли, что выборные на Москвѣ разныхъ ихъ (горожанъ) прихотей не исполнили“. Сами выборные

просили у правительства береженыхъ грамотъ на случаї рѣзкаго выраженія недовольства со стороны избирателеї, такъ какъ „у твоего государева соборнаго Уложенія по челобитью земскихъ людей о ихъ нуждахъ не противъ всѣхъ статеї твоїй государевъ указъ учиненъ“. Все это показываетъ, что составленіе Уложенія не было спокойноїї безстрастноїї работой надъ приведеніемъ въ порядокъ дѣйствующаго законодательства. Участіе выборныхъ осложнило эту работу постановкой ряда злободневныхъ вопросовъ, возбуждавшихъ страсти и несбыточныя иногда пожеланія и надежды. По отзыву Никона, Уложеніе и было „по страсти написано многонароднаго ради смущенія“.

Официальная исторія составленія Уложенія не отмѣтила также еще одного, весьма важнаго источника, изъ котораго широко почерпнули наши кодификаторы,—Литовскаго статута. Въ подлинномъ свиткѣ Уложенія сдѣланы отмѣтки о заимствованіи 56 статеї изъ Статута. Спеціальное же изслѣдованіе проф. Владимірскаго-Буданова показало, что такихъ заимствованіїї гораздо больше. Почти цѣликомъ заимствованноїї оказалась вся первая часть Уложенія, посвященная вопросамъ государственнаго права, также глава XXII—о смертноїї казни; заимствованы изъ Статута и многія статьи въ другихъ главахъ. Но, какъ обнаружено тѣмъ же изслѣдованіемъ, заимствованія изъ Статута не представляли собою точнаго и буквальнаго воспроизведенія тѣхъ или другихъ постановленіїї литовско-русскаго права; иногда наши кодификаторы коренымъ образомъ перерабатывали заимствуемыя нормы или заимствовали только постановку опредѣленнаго вопроса, а рѣшеніе его давали свое. При краткости времени, въ которое было составлено Уложеніе, можно предполагать, что обширныя заимствованія изъ Статута были произведены съ помощью матеріала, уже заранѣе подготовленнаго путемъ давнеї приказноїї практики.

Представляя собою кодексъ несравненно болѣе полныїї, чѣмъ Судебники, охватывая всѣ отдѣлы дѣйствующаго права, Уложеніе стремится и къ большеї систематичности изложенія всего введеннаго въ него матеріала. Послѣдніїї разбитъ на 967 статеї, сведенныхъ въ 25 главъ. Но система Уложенія еще очень несовершенна. Нѣкоторыя главы посвящены отдѣльнымъ, очень спеціальнымъ вопросамъ права, напр., глава 4-я—„о подищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ“ или гл. 5-я „о денежныхъ мастерехъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги“; другія совмѣщаютъ постановленія по разнымъ отдѣламъ, напр., обширная глава 10-я—„о судѣ“. Проф. Владимірскіїї-Будановъ находитъ возможнымъ разбить всѣ главы Уложенія на 5 главныхъ группъ, соотвѣтственно главнымъ отдѣламъ права: 1) главы 1—9-я содержатъ государственное право, 2) главы 10—15-я—уставъ судоустроїйства и судопроизводства, 3) главы 16—20-я—вещное право, 4) главы 21—22-я—уголовное уложеніе, 5) главы 22—25—добавочная часть: о стрѣльцахъ, о казакахъ, о корчмахъ.

Обратимся теперь къ обзору важнѣйшихъ постановленій Уложенія по вопросамъ, особенно волновавшимъ политическую и общественную жизнь Московскаго государства въ срединѣ XVII вѣка.

Уложеніе открывалось главой „о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ". За хулу на Бога и Божію Матерь, на святыхъ и на честный крестъ устанавливалась смертная казнь чрезъ сожженіе, за всякіе производимые въ храмахъ безчинства и безпорядки, къ числу которыхъ относилась и подача челобитій царю или патріарху во время богослуженія, налагались также суровыя наказанія, отъ смертной и торговой казни до тюремнаго заключенія. Но этой краткой первой главой не исчерпывались постановленія, касавшіяся различныхъ церковныхъ вопросовъ, интересовъ и отношеній. Такія постановленія въ большомъ числѣ разсыпаны въ послѣдующихъ главахъ. Таковы постановленія о присягѣ для людей духовнаго и мірского чина, о совращеніи православныхъ въ басурманство, объ ограниченіи правъ иновѣрцевъ, о покровительствѣ новокрещенымъ, о самозванныхъ попахъ и монахахъ, о бракѣ, объ охранѣ церковныхъ имуществъ отъ похитителей, объ охранѣ чести духовныхъ лицъ, о почитаніи праздниковъ, о святительскомъ судѣ, церковныхъ приказахъ и т. под. Всѣ эти мѣры направлялись къ огражденію достоинства и интересовъ православной церкви и къ упорядоченію церковной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Уложеніи проведено нѣсколько чрезвычайно важныхъ постановленій иного характера, вызвавшихъ сильное недовольство со стороны церковной власти. Это было учрежденіе Монастырскаго Приказа и ограниченіе церковнаго землевладѣнія, Монастырскій Приказъ, учрежденный по челобитью выборныхъ людей, т.-е. по желанію самого земскаго собора, поставленъ имъ, какъ государственное судебное учрежденіе, вѣдавшее „во всякихъ истцовыхъ искѣхъ" все духовенство и подвѣдомыхъ ему людей (гл. XIII). Во главѣ новаго приказа поставленъ былъ предсѣдатель комиссіи, вырабатывавшей проектъ Уложенія, кн. Н. И. Одоевскій, противъ котораго особенно раздраженъ былъ Никонъ, называвшій Одоевскаго „новымъ Лютеромъ". По челобитью же выборныхъ людей подверглось существеннымъ ограниченіямъ и церковное землевладѣніе. Принадлежавшія церковнымъ властямъ и учрежденіямъ въ городахъ, на посадахъ и около посадовъ, слободы и вотчины были „взяты за государя въ тягло и въ службы безлѣтно и безповоротно" (гл. XIX). Наконецъ категорически воспрещалось всѣмъ духовнымъ властямъ и учрежденіямъ какимъ бы то ни было способомъ пріобрѣтать вотчины, а мірскимъ людямъ отдавать вотчины въ монастыри. Въ статьѣ, излагавшей это постановленіе (гл. XVII, ст. 42), подчеркивалось, что оно принято государемъ по совѣту съ патріархомъ и всѣмъ Освященнымъ соборомъ, съ боярами и выборными людьми. Авторитетъ всего земскаго собора долженъ былъ поддержать смѣлое рѣшеніе этого остраго и сложнаго вопроса, затрогивавшаго самые разнообразные интересы—

и церковные, и государственные, и соціально-экономическіе. Такъ Уложеніе довольно полно отразило въ разныхъ своихъ частяхъ тѣ вопросы церковной жизни и церковныхъ отношеній, которые волновали московское правительство и общество наканунѣ эпохи Никоновскихъ преобразованій.

Разыгравшійся на глазахъ самого царя московскій мятежъ 1648 г. долженъ былъ оживить печальныя воспоминанія смутнаго времени, когда царская власть такъ много пострадала отъ всякаго рода „измѣны“. Подъ вліяніемъ, можно думать, этихъ воспоминаній и только что пережитыхъ событій въ Уложеніе введены были главы „о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать“ (гл. II) и „о государевѣ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было“ (гл. III). Первая изъ этихъ главъ, заимствованная, главнымъ образомъ, изъ Литовскаго статута и отчасти изъ „градскихъ законовъ“, устанавливала кары за политическую измѣну, за всякій злой умыселъ противъ государева здоровья, за приходъ къ государю „скопомъ и заговоромъ на его государевыхъ бояръ и окольничихъ и на думныхъ и на ближнихъ людей“. Слѣдующая глава, вся заимствованная изъ Литовскаго статута, стремилась оградить жестокими наказаніями спокойствіе и достоинство государева двора отъ всякихъ безчинствъ и самоуправства. Обѣ эти главы Уложенія были первой попыткой законодательной нормировки вопросовъ, касавшихся верховной власти. Но Уложеніе затронуло нѣкоторые вопросы изъ области чисто внѣшнихъ отношеній верховной власти и обошло молчаніемъ коренные вопросы государственнаго права—о существѣ верховной власти, о порядкѣ ея преемства и т. п. Фактъ воцаренія новой династіи путемъ народнаго избранія вызывалъ новыя политическія понятія и создавалъ новыя по существу политическія отношенія, которыя, казалось бы, не могли быть укрѣплены силою стараго, исторически сложившагося обычая, на какомъ держалась власть старой династіи, а требовали укрѣпленія силою закона. Но слѣдуетъ вспомнить, что характерной чертой возстановленія разрушеннаго Смутой государственнаго порядка было признаніе, что новая династія вступаетъ на московскій престолъ столько же въ силу избранія, сколько и въ силу наслѣдственнаго на него права по родству съ угасшей династіей Рюриковичей. Новыя политическія понятія, возникавшія въ умахъ московскихъ людей послѣ Смуты, не разрушили, однако, стараго взгляда на Московское государство, какъ на вотчину государя. А этотъ взглядъ дѣлалъ ненужнымъ законодательное опредѣленіе существа власти государей новой династіи. Такое опредѣленіе впервые дано было уже Петромъ Великимъ.

Активное участіе въ составленіи Уложенія выборныхъ людей особенно остро выдвинуло нѣкоторые крупные вопросы соціальной жизни, требовавшіе законодательнаго разрѣшенія. Чтобы уловить общее направленіе, въ какомъ Уложеніе разрѣшило эти вопросы, надо припомнить, какъ сложились

главныя линіи общественныхъ отношеній послѣ Смуты. Старое московское боярство, разбитое въ Смуту, потерявшее политическій и моральный авторитетъ, теперь не могло уже выступать сплоченнымъ классомъ, могущимъ энергично и успѣшно отстаивать свои классовые интересы. Изъ среды того боярства средины XVII вѣка, которое складывалось отчасти изъ остатковъ старыхъ боярскихъ родовъ, отчасти изъ новыхъ худородныхъ людей, могли выходить только отдѣльные „сильные“ люди, но именно противъ нихъ и направлялось общественное недовольство, которое оказало такое вліяніе на постановку вопроса о новомъ законодательномъ кодексѣ. Чѣмъ глубже падало послѣ Смуты значеніе боярства, какъ сплоченнаго класса, тѣмъ выше вырастало значеніе среднихъ общественныхъ классовъ, особенно служилаго класса, дворянства. Этотъ классъ далъ, главнымъ образомъ, ту военную силу, которою земское движеніе конца Смуты одолѣло внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Дворянство численно преобладало на земскихъ соборахъ, возстановлявшихъ, вмѣстѣ съ правительствомъ новой династіи, государственный порядокъ. Наконецъ въ данный моментъ, передъ лицомъ народнаго мятежа, правительство могло опереться только на тотъ же общественный средній слой, на служилое дворянство. Съ неменьшимъ вѣсомъ выдвигались теперь и интересы другого средняго класса, посадскаго населенія. Посадскіе и уѣздные міры явились въ годину полной разрухи государства послѣдними надежными пунктами, вокругъ которыхъ завязалось и отъ которыхъ пошло подлинное земское движеніе. Прислушиваясь внимательно къ заявленіямъ о нуждахъ посадскаго населенія и выражая пожеланіе, чтобы оно послѣ разоренія „поразживилось“, правительство новой династіи, конечно, хорошо по-

Гербъ царя Алексѣя Михайловича (изъ Лѣкарства Душевнаго).

нимало связь между благосостояніемъ этого населенія и финансовыми казенными интересами. Выдвинувшіеся, такимъ образомъ, на первый планъ интересы среднихъ общественныхъ классовъ рѣшительно заслоняли, съ другой стороны, интересы низшихъ классовъ: крестьянства, холопства, казачества. Въ эпоху Смуты, когда служилый классъ начинаетъ приближаться къ власти, отчетливо выступаетъ съ его стороны тенденція укрѣпить и развить тѣ крѣпостныя отношенія, протестъ противъ которыхъ со стороны низшихъ классовъ, крестьянства и холопства, превратилъ политическую смуту въ соціальную и сообщилъ ей особенно разрушительный характеръ. Все сказанное заставляетъ ожидать, что разрѣшеніе важнѣйшихъ соціальныхъ вопросовъ даннаго времени будетъ подвинуто Уложеніемъ въ интересахъ, главнымъ образомъ, служилаго класса, представители котораго на соборѣ 1648 г. по своему числу рѣшительно преобладали надъ всѣми другими группами выборныхъ людей.

Всѣ интересы, которыми жило служилое дворянство, сводились къ двумъ главнымъ—службѣ и землевладѣнію. Глава VII-я Уложенія—„О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства“, заимствованная, въ большинствѣ своихъ статей, также изъ Литовскаго статута, не вносила никакихъ измѣненій въ существующую военную организацію. Она только подтверждала общія нормы отправленія военной службы, устанавливала порядокъ сбора на службу и увольненія отъ нея, вводила наказанія за „нѣтство“, за преступленія, совершонныя на службѣ, ограждала неслужилое населеніе отъ насилій и самоуправства со стороны служилыхъ людей. Болѣе живой интересъ представлялъ для дворянства вопросъ объ упорядоченіи служилаго землевладѣнія, которому посвящены двѣ главы Уложенія (XVI-я—о помѣстныхъ земляхъ и XVII-я—о вотчинахъ), главнымъ источникомъ которыхъ послужила Указная книга Помѣстнаго Приказа, составленная послѣ большого московскаго пожара 1626 года. Смутное время внесло большую путаницу во владѣльческія отношенія служилыхъ людей: многіе утратили крѣпости на свои земли; многіе владѣли незаконно по крѣпостямъ, выданнымъ самозванцами и другими представителями незаконной власти. Возстановленіе нормальныхъ порядковъ служилаго землевладѣнія было необходимымъ условіемъ и возстановленія военной силы государства. Вотъ почему послѣ Смуты упорядоченіе служилаго землевладѣнія стало однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ и для самого землевладѣльческаго класса, и для правительства. „Указная книга“ Помѣстнаго Приказа, почти цѣликомъ, съ редакціонными измѣненіями и поправками, вошедшая въ Уложеніе, представляла уже нѣкоторый сводъ предшествующаго законодательства. Сохранивъ въ силѣ главныя нормы этого законодательства, запретивъ только отдавать вотчины по душамъ въ монастыри, Уложеніе точнѣе опредѣлило кругъ лицъ, имѣвшихъ право владѣть вотчинами: это право принадлежитъ только служилымъ людямъ, въ

томъ числѣ состоявшимъ на службѣ у духовныхъ властей на высшихъ должностяхъ, а также „гостямъ“. Дворовыхъ людей, служившихъ духовнымъ властямъ, и неслужилыхъ отцовъ дѣтей, купившихъ себѣ „порозжія“ помѣстья въ вотчины, велѣно было „по тѣмъ вотчинамъ написати въ государеву службу въ городы“, а кто не похочетъ службы служить, у тѣхъ отнять вотчины и въ раздачу раздать, кому государь укажетъ. Запрещено было также вотчины покупать и держать въ закладѣ боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ. Усваивая, такимъ образомъ, вотчинному землевладѣнію характеръ сословной привилегіи служилаго класса, Уложеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, санкціонировало давно уже обозначившійся процессъ сліянія помѣстій съ вотчинами; оно допускаетъ свободу обращенія помѣстій между различными группами служилыхъ людей, мѣну помѣстья не только на помѣстье, но и на вотчину и, обратно, сдачу помѣстій. Право такихъ сдѣлокъ, хотя и совершаемыхъ съ дозволенія правительственнаго учрежденія, Помѣстнаго Приказа, являлось прочной основой для процесса сліянія помѣстій съ вотчинами, который съ этого времени бытовымъ порядкомъ быстро пошелъ къ своему завершенію, утвержденному уже закономъ Петра Великаго 1714 г. о единонаслѣдіи.

Еще болѣе важнымъ въ землевладѣльческихъ интересахъ служилаго класса, чѣмъ урегулированіе и укрѣпленіе вотчинныхъ и помѣстныхъ правъ, былъ вопросъ объ отношеніи его къ крестьянству. Этотъ вопросъ, затрагиваемый доселѣ лишь частичными узаконеніями и мѣропріятіями, давно уже требовалъ общаго законодательнаго разрѣшенія; въ немъ, можно сказать, завязывался главный узелъ всей соціальной политики Московскаго государства XVI—XVII вѣковъ.

Особенность постановки въ Уложеніи крестьянскаго вопроса открывается уже изъ самаго заглавія XI главы—„Судъ о крестьянѣхъ“. Уложеніе подошло къ этому многосложному вопросу съ одной, преимущественно, стороны, наиболѣе жгучей въ данный моментъ, со стороны запутанной борьбы между землевладѣльцами за обладаніе крѣпостнымъ крестьянскимъ трудомъ. Лѣтъ за десять до Уложенія служилые землевладѣльцы, преимущественно мелкіе землевладѣльцы провинціальныхъ городовъ, обращаются къ правительству съ настойчивыми коллективными челобитьями объ отмѣнѣ установленнаго въ 1597 г. пятилѣтняго срока для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Правительство, подъ вліяніемъ, надо думать, „сильныхъ людей“, для которыхъ эти „урочные годы“ были выгодны, не сразу уступило натиску челобитій служилыхъ людей. Въ 1640—1641 гг. установлена была общая исковая 10-лѣтняя давность для бѣглыхъ крестьянъ и 15 лѣтъ для вывозныхъ крестьянъ. Въ 1646 г. въ наказѣ о дворовой переписи дано было обѣщаніе отмѣнить урочные годы послѣ составленія переписныхъ книгъ, по которымъ уже впредь должны были стать крѣпкими крестьяне и бобыли. Это обѣща-

ніе не удовлетворило служилыхъ землевладѣльцевъ, и на соборѣ 1648 г. они сдѣлали послѣдній натискъ, добиваясь безусловной отмѣны урочныхъ лѣтъ и прикрѣпленія крестьянъ не только по новымъ переписнымъ, но и по старымъ писцовымъ книгамъ. Заявленное въ такой серьезный моментъ, когда правительство особенно внимательно должно было прислушиваться къ голосу выборныхъ людей, это челобитье, наконецъ, достигло цѣли. Отмѣна „урочныхъ лѣтъ“, т.-е. исковой давности на бѣглыхъ крестьянъ и установленіе за пріемъ и укрывательство бѣглыхъ крестьянъ 10-рублеваго штрафа въ годъ за каждаго крестьянина были основными мѣрами Уложенія по крестьянскому вопросу. Все остальное содержаніе XI главы, можно сказать, посвящено нормировкѣ послѣдствій, вытекавшихъ изъ этихъ мѣръ, которыхъ такъ настойчиво добивались служилые землевладѣльцы. Совокупность этихъ нормъ не исчерпала вполнѣ вопроса о крестьянскомъ прикрѣпленіи, не разрѣшила всѣхъ противорѣчій и сомнѣній, какія неизбѣжно возникали на практикѣ отъ несогласованности отмѣны исковой давности на бѣглыхъ крестьянъ съ нѣкоторыми прежними правилами. Уложеніе даже прямо невѣрно освѣщало дѣйствительное положеніе дѣла до отмѣны урочныхъ лѣтъ, когда утверждало, что „по нынѣшніи государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати, а указаны были крестьяномъ урочные годы“ (ст. 3). Но если взглядъ на XI-ю главу Уложенія, какъ на первый законъ, въ общей формѣ установившій крѣпостное право на крестьянъ, и подлежитъ значительному ограниченію, то все-таки можно признать, что Уложеніе прямо санкціонировало или молча признало рядъ такихъ отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, которыя легли прочной основой для окончательнаго развитія крѣпостного права. Вѣчная крѣпость по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и инымъ крѣпостямъ распространена была не только на самихъ крестьянъ-дворохозяевъ, но и на ихъ „братью, дѣтей, племянниковъ и внучатъ, съ женами и дѣтьми“. Допускалось распоряженіе личностью крестьянина, отрывавшее его отъ земли. Было предоставлено на произволъ землевладѣльца опредѣленіе земельнаго участка крестьянъ и размѣръ повинностей. Личность крестьянина не ограждена была отъ жестокаго обращенія. Запрещалось крестьянамъ владѣть городскими дворами и лавками и вступать въ нѣкоторыя личныя обязательства. Не ограждено было право крестьянъ на принадлежащее имъ движимое имущество,—„животы“, которое могло иногда отбираться въ уплату долговъ господина. Наконецъ запрещено было принимать отъ крестьянъ „извѣты“ на господъ, „опричь великихъ дѣлъ“, т-е. измѣны и злоумышленія на государя. Въ общемъ, говоря словами проф. Ключевскаго, „личныя права крестьянина не принимались въ разсчетъ; его личность исчезала въ мелочной казуистикѣ господскихъ отношеній; его, какъ хозяйственную подробность, судъ бросалъ на свои вѣсы для возстановленія нарушеннаго равновѣсія дворянскихъ интересовъ“. Но

какъ ни легко жертвовало Уложеніе интересами крестьянства въ пользу служилаго класса, оно все-таки сохранило за крестьянскимъ прикрѣпленіемъ государственный характеръ. Крестьянинъ остался государственнымъ тяглецомъ и ясно отличается отъ холопа: на него нельзя было взять служилой кабалы; за нимъ сохранены были еще нѣкоторыя личныя и имущественныя права; установлена была плата за его безчестье и увѣчье. Государственный характеръ крестьянской крѣпости обнаруживается и въ новомъ порядкѣ поступленія въ крестьяне „вольныхъ людей“. Это поступленіе совершается черезъ государственное учрежденіе, Помѣстный Приказъ. Желавшіе поступить къ кому-нибудь въ крестьяне разспрашивались въ Помѣстномъ Приказѣ и по удостовѣреніи, что они дѣйствительно вольные люди, записывались въ приказѣ и отдавались уже вѣчно въ крестьянство. Этотъ новый порядокъ записи въ Помѣстномъ Приказѣ не устранялъ, однако, старой практики поступленія въ крестьяне по порядным, даже на опредѣленный срокъ.

Тронъ царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная Палата).

Въ моментъ составленія Уложенія не возбуждалъ столькихъ страстей, какъ крестьянскій вопросъ, вопросъ о холопствѣ. Главнымъ источникомъ главы XX-ой „Судъ о холопѣхъ“ — явилась книга Приказа холопьяго суда, и въ составленіи этой главы не замѣтно инициативы выборныхъ людей, которая клонилась бы къ какимъ-нибудь существеннымъ измѣненіямъ въ законодательствѣ о холопахъ.

Различая два главные вида холопства, „полное“ и „кабальное“, Уложеніе нормировало оба эти института въ направленіи, опредѣлившемся уже въ XVI в. и имѣвшемъ въ виду, главнымъ образомъ, государственные интересы. Оставляя неприкосновеннымъ сущность института полнаго холопства, т.-е. безусловнаго рабства, Уложеніе сохранило въ полной силѣ только одинъ источникъ холопства, т.-е. средство обращенія свободнаго человѣка въ раба, именно рожденіе отъ холопа. Всѣ остальные, дѣйствовавшіе въ древней Руси, источники рабства (плѣнъ, преступленіе, торговая несостоятельность, служба „по ключу“, семейный союзъ) или вовсе теперь исчезаютъ, или подвергаются болѣе или менѣе существеннымъ ограниченіямъ. Вездѣ, гдѣ въ Уложеніи говорится о поступленіи свободныхъ людей въ холопство, разу-

мѣется холопство не полное, а кабальное. По отношенію къ послѣднему Уложеніе осталось на почвѣ законодательства конца XVI в., которое вполнѣ отчетливо опредѣлило сущность кабальнаго холопства, какъ особаго вида личной пожизненной службы. Давшій на себя служилую кабалу жилъ и работалъ во дворѣ господина до смерти послѣдняго и не могъ освободиться даже уплатою долга, если его кабала связывалась съ займомъ. Смерть господина безусловно превращала кабальнаго опять въ вольнаго человѣка. Давать на себя служилыя кабалы могли только „вольные люди“, т.-е. неслужилые люди и неслужилыхъ отцовъ дѣти, не записанные въ тягло, ни крестьяне, ни бобыли, ни холопы. Выдаются на такихъ вольныхъ людей служилыя кабалы только въ Холопьемъ приказѣ, гдѣ ихъ разспрашивали, подлинно ли они вольные люди, и записывали въ книги „въ рожей и въ примѣты“. Вольные люди могутъ жить за кѣмъ-нибудь и безъ всякой кабалы, но лишь „не многое время“, не больше 3-хъ мѣсяцевъ; кто жилъ дольше, на того обязательно уже должна быть выдаваема кабала. Допуская, что кабальное холопство сообщается по мужу женѣ и обратно, и разрѣшая выдавать на дѣтей, родившихся въ холопствѣ, служилыя кабалы „изъ неволи“, Уложеніе, однако, тщательно оберегаетъ существенный принципъ кабальнаго холопства, пожизненность, и принимаетъ мѣры противъ такихъ возможныхъ обходовъ этого принципа, которые обращали бы кабальнаго человѣка въ полнаго холопа. Съ этою цѣлью запрещено выдавать на одного человѣка служилую кабалу сразу отцу съ сыномъ, брату съ братомъ, дядѣ съ племянникомъ. По смерти господина его наслѣдники не могутъ удержать за собою его кабальныхъ людей иначе, какъ взявъ на нихъ, съ ихъ согласія, новыя кабалы. Само собою разумѣется, наконецъ, что, будучи зависимостью личной и временной, кабальное холопство не давало права господину распоряжаться кабальнымъ человѣкомъ, какъ полнымъ холопомъ, т.-е. завѣщать его по духовной, дарить, продавать.

Если въ стѣсненіи источниковъ полнаго холопства и въ стремленіи поставить на мѣсто полнаго кабальное холопство нѣкоторые историки видятъ „движеніе Уложенія къ свободѣ“, то, съ другой стороны, тѣ же историки признаютъ, что „Уложеніе проводитъ болѣе рѣзкую границу между свободой и неволей, чѣмъ та, которую выработала наша древняя практика“, и что „Уложеніе несомнѣнно возвышаетъ господскую власть“ (проф. Сергѣевичъ). Рабъ подвергается за нѣкоторыя преступленія болѣе строгимъ наказаніямъ, чѣмъ свободный. Бѣгство раба разсматривается, какъ преступленіе, караемое публичнымъ наказаніемъ. У холоповъ отнимается право владѣнія недвижимостями, вотчинами, дворами, лавками, амбарами и т. п. Движимымъ имуществомъ холопы владѣютъ лишь попущеніемъ господъ. Это имущество идетъ иногда на уплату господскихъ долговъ. Холопы не имѣютъ, за нѣкоторыми исключеніями, права иска противъ господъ. Но, наряду съ такими постано-

вленіямп, слѣдуетъ отмѣтить и другія, ограждающія личность холопа. Запрещена жестокая личная расправа господина съ бѣглымъ холономъ. За холопами признается личная честь, оцѣненная у боярскихъ служилыхъ людей въ 5 руб., а у простыхъ рабочихъ людей въ 1 руб. Если господинъ въ голодные годы не кормитъ раба и „сошлетъ его со двора“, то холопъ получаетъ свободу. Нѣкоторое признаніе за холопомъ гражданской личности можно видѣть въ допущеніи его свидѣтелемъ на судѣ. Таковы были главныя основанія, исходя изъ которыхъ Уложеніе нормировало „судъ о холопѣхъ“, т.-е. разнообразныя отношенія между господами и холопами, съ одной стороны, и отношенія между самими господами, возникавшія изъ сдѣлокъ на холоповъ, съ другой.

Сопоставляя теперь постановленія Уложенія по вопросамъ о крестьянствѣ и холопствѣ, можно видѣть въ нихъ двѣ какъ бы противоположныя тенденціи: затягивая надъ крестьяниномъ узелъ крѣпостной зависимости и приближая его къ положенію полнаго холопа, Уложеніе въ то же время ведетъ къ упраздненію древняго рабства и стремится замѣнить его новымъ видомъ холопства, личной и временной зависимостью. Уложеніе проводитъ ясное различіе между крестьяниномъ и кабальнымъ холопомъ. Условія экономической и соціальной жизни второй половины XVII в. сближаютъ всѣ виды поземельной и личной зависимости, различаемые Уложеніемъ, и даютъ въ результатѣ, подъ дѣйствіемъ высшихъ государственныхъ интересовъ, новый институтъ крѣпостного состоянія, въ которомъ сливаются и крестьяне, и холопы.

Царь Алексѣй Михайловичъ. (Домъ бояръ Романовыхъ).

Вмѣстѣ съ выборными отъ служилаго класса, къ заявленіямъ которыхъ особенно внимательно прислушивалась государственная власть, на соборѣ 1648 года выступили съ челобитьями о своихъ нуждахъ и представители городского торгово-промышленнаго населенія, посадскихъ людей. Глава XIX-я Уложенія — „о посадскихъ людѣхъ“ — въ основѣ своей явилась отвѣтомъ на челобитья выборныхъ людей. Два обстоятельства особенно вредно дѣйствовали въ данный моментъ на положеніе посадскаго населенія. Въ посадахъ

и около посадовъ торговало и промышляло разными промыслами много разныхъ чиновъ людей, изъ служилыхъ, духовныхъ, крестьянъ, которые не участвовали въ тяглѣ съ коренными посадскими тяглецами и были для послѣднихъ въ торговлѣ и промыслахъ сильными конкурентами. Не менѣе вредно было для посадскаго населенія развитіе такъ называемаго „закладничества“, приводившее къ тому, что около посадовъ образовывались цѣлыя слободы заложившихся за „сильныхъ людей“, за бояръ, за духовныхъ властей, за монастыри, тягла избывавшихъ, но занимавшихся „всякими промыслами и торгами великими“. Избавиться отъ конкуренціи людей не тяглыхъ, уничтожить закладничество, чтобы всѣмъ торговымъ и ремесленнымъ людямъ на посадахъ „быть его, государевымъ, и ничьимъ инымъ, опричь его государевыхъ людей, не быть“, — вотъ къ чему сводились пожеланія посадскаго населенія, на которыя отвѣтомъ явилась XIX глава Уложенія. Это пожеланіе, естественно, не встрѣчало препятствій со стороны государственныхъ интересовъ, и Уложеніе полностью его удовлетворило. Расположенныя около посадовъ частновладѣльческія слободы отбирались на государя и приписывались къ посадамъ, равно какъ и подгородныя вотчины и помѣстья, владѣльцы которыхъ могли получить земли въ обмѣнъ, въ другихъ мѣстахъ. Всякихъ чиновъ люди, торговавшіе на посадахъ, должны были войти въ тягло въ сотняхъ и въ слободахъ и „въ рядъ съ черными людьми подати давать“. Боярскимъ и иныхъ чиновъ людямъ и крестьянамъ, владѣвшимъ на посадахъ дворами, лавками, амбарами и погребами, предписывалось продать всѣ эти имущества государевымъ торговымъ посадскимъ людямъ. Закладничество запрещалось подъ страхомъ жестокаго наказанія кнутомъ и ссылки въ Сибирь на Лену. Вмѣстѣ съ тѣмъ подлежали возвращенію на посады въ тягло всѣ самовольно отъ него ушедшіе, не исключая вступившихъ въ нѣкоторыя службы: псари, стрѣльцы, воротники, кузнецы, пушкари, ямщики. Всѣхъ ихъ повелѣно „свозити на старые ихъ посадскіе мѣста, гдѣ кто живалъ напередъ сего, безлѣтно и безповоротно“. Не подлежали возвращенію тѣ, кто, перечислившись въ другіе посады и сотни, успѣлъ тамъ „ожиться“. Такимъ тяглецамъ разрѣшено было и оставаться тамъ, „гдѣ они ожилися, а съ Москвы въ городы по старинѣ и изъ городовъ къ Москвѣ и изъ города въ городъ изъ посадскихъ тяглыхъ людей не переводити“. Такъ опредѣлились въ Уложеніи два основныхъ начала, легшія въ основу организаціи посадскаго населенія: обособленіе его отъ другихъ общественныхъ классовъ и прикрѣпленіе къ тяглу. „Посадское тягло съ торговъ и промысловъ стало сословной повинностью посадскаго населенія, а право городского торга и промысла его сословной привилегіей“ (проф. Ключевскій). Такъ удовлетвореніе жалобъ и челобитій посадскихъ людей дало въ Уложеніи результатъ болѣе рѣзкій, чѣмъ, можетъ-быть, разсчитывали сами челобитчики.

Но, сосредоточивая торгово-промышленное населеніе на посадахъ и прикрѣпляя его къ тяглу, Уложеніе удержало то исключительное положеніе, которое уже давно заняли представители высшаго слоя этого населенія, такъ называемые гости и члены гостиной и суконной сотенъ. Какъ разъ незадолго до Уложенія, въ 1648 г., по челобитью гостей и торговыхъ людей гостиной сотни, имъ была выдана общая жалованная грамата, освобождавшая ихъ отъ несенія всякихъ видовъ тягла и податей, падавшихъ на черное посадское населеніе. Та же грамата устанавливала высокій размѣръ платы за безчестье гостей: лучшимъ людямъ—по 20 руб., среднимъ—по 15 и молодшимъ—по 10. Явная противоположность интересовъ привилегированныхъ торговыхъ людей и посадскихъ тяглецовъ, для которыхъ было крайне невыгодно изъятіе изъ тяглой общины ея наиболѣе состоятельныхъ „нарочитыхъ“ членовъ, порождала борьбу, одинъ эпизодъ которой разыгрался передъ самымъ созывомъ собора 1648 г. Пользуясь смутой этого года, посадскіе люди требовали возвращенія въ составъ тяглыхъ общинъ лучшихъ людей, взятыхъ въ гостиную сотню. Гости же и гостиная сотня, сначала не смѣвшіе, за боязнью смутнаго времени, протестовать противъ этихъ домогательствъ, стали потомъ жаловаться на трудность при своей малочисленности нести исправно службу. Уложеніе сохранило за гостями и гостиной и суконной сотнями ихъ привилегированное положеніе; но была сдѣлана уступка и посадскимъ тяглецамъ. Городовымъ торговымъ людямъ, написаннымъ въ гостиную и суконную сотни, но торгующимъ по городамъ на старыхъ своихъ дворахъ, а тягла съ тѣхъ своихъ дворовъ и промысловъ не платящимъ, велѣно было продать свои дворы и промыслы посадскимъ тяглымъ людямъ, а самимъ жить на Москвѣ въ гостиной и суконной сотняхъ. Если же они не пожелаютъ продать своихъ дворовъ и промысловъ, то должны платить съ нихъ тягло съ посадскими людьми попрежнему.

Такъ отвѣтило Уложеніе на рядъ жгучихъ вопросовъ, политическихъ и особенно соціальныхъ, волновавшихъ московскую жизнь въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Отражая общій характеръ даннаго момента исторіи Московскаго государства, Уложеніе явилось не новымъ кодексомъ, стремившимся реформировать это государство на новыхъ началахъ, но сводомъ дѣйствующаго законодательства, направленнымъ къ охранѣ того государственнаго и общественнаго строя, который поколѣніямъ, еще полнымъ воспоминаніями о Смутѣ, казался менѣе прочнымъ, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ.

С. Рождественскій.

Полтина эпохи царя Алексѣя Михайловича.

Финансовыя реформы царя Алексѣя Михайловича и „гиль“ 1662 г.

Трудны были послѣдствія „смутнаго времени“ для Московскаго государства. Много тяжкихъ жертвъ и самоограниченій потребовалось отъ народа для возстановленія порядка внутренняго; еще больше — для поддержанія международнаго авторитета, внѣшней безопасности и территоріальныхъ пріобрѣтеній. Государство „полнилось“ и „приходило въ достоинство“ цѣною закрѣпощенія сословій и чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ средствъ и военныхъ силъ населенія. Потребности государства шли впереди роста народнаго хозяйства на всемъ почти протяженіи первыхъ двухъ царствованій династіи Романовыхъ. Наступившее, было, послѣ первой польской войны „время тишины и покоя“, когда, по выраженію современника, „люди въ животахъ своихъ пополнились гораздо“, продолжалось только 14 лѣтъ — промежутокъ отдыха, слишкомъ незначительный даже для того, чтобы дать время затянуться ранамъ пережитой „разрухи“ и напряженной борьбы съ сосѣдями; разразившаяся затѣмъ вторая и третья война съ Польшей и, кромѣ того, съ Швеціей, Крымомъ и Турціей предъявила народу еще бо́льшія финансовыя требованія въ связи съ реорганизаціей русскихъ военныхъ силъ (наемъ иноземныхъ войскъ и обученіе русскихъ полковъ по иноземному образцу).

Уже во время второй польской войны общій расходъ на содержаніе войска доходилъ до 600.000 руб., т.-е. превосходилъ больше, чѣмъ вдвое обычный военный бюджетъ того времени [1]).

[1]) П. Милюковъ, „Государственное хозяйство въ Россіи“, изд. 2-е, стр. 47.

Война изъ-за Малороссіи потребовала еще большихъ затратъ: только за первые два года ея веденія (1654 и 1655 гг.) Московское правительство истратило, если вѣрить офиціальному отчету, предъявленному Москвою польскимъ уполномоченнымъ, 1.300.000 руб.,—сумма, громадная по тому времени, если принять во вниманіе, что тогдашній рубль равнялся приблизительно нашимъ 15 рублямъ. Тяжесть этихъ военныхъ расходовъ усугубляется еще тѣмъ, что продолжительная война надолго вырывала изъ народнаго хозяйства производительныя силы страны: по собраннымъ П. Н. Милюковымъ даннымъ, съ 1654 по 1679 гг. было принято въ даточные до 70 тысячъ человѣкъ. Къ бѣдствіямъ войны присоединилась моровая язва, унесшая, если вѣрить Коллинсу, врачу Алексѣя Михайловича, до 700—800 тысячъ человѣкъ; по сообщенію Мейерберга, въ одной Москвѣ умерло отъ морового повѣтрія 70 тысячъ человѣкъ.

На этомъ фонѣ финансовыхъ напряженій и военныхъ бѣдствій намъ понятны становятся какъ лихорадочныя финансовыя реформы, своими промахами еще больше увеличивавшія тяжесть хозяйственной жизни населенія, такъ и тѣ частыя волненія, которыя сообщили времени царствованія Алексѣя Михайловича характеръ „бунташнаго времени“, по выраженію современника.

I.

Финансовыя реформы въ первыя два царствованія новой династіи производились подъ давленіемъ однороднаго настроенія, офиціально выраженнаго еще правительствомъ Михаила Ѳедоровича: „государственной казны нѣтъ нисколько“; а „служилыхъ людей, казаковъ и стрѣльцовъ въ городахъ прибыло, жалованье имъ даютъ ежегодно, докуки государю отъ служилыхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ большія, а пожаловать нечѣмъ“. Старая податная система не удовлетворяла новымъ потребностямъ государства, какъ въ виду рутинности пріемовъ обложенія, раскладки и сборовъ, такъ особенно потому, что бури смутнаго времени произвели громадныя измѣненія и перемѣщенія въ народномъ хозяйствѣ, и старыя приказныя представленія о средствахъ и силахъ тяглаго населенія не отвѣчали дѣйствительному ихъ расположенію и состоянію. Приходилось не только выяснять наличное количество единицъ земельнаго оклада (соха), но и устанавливать ихъ платежеспособность въ зависимости отъ живущаго на нихъ тяглаго населенія (живущая четверть), заботясь въ то же время по возможности о равномѣрномъ распредѣленіи повинностей и чтобы „никто въ избылыхъ не былъ“, т.-е. не ускользалъ отъ повинностей. Предпринимается сложная и кропотливая работа по составленію земельнаго кадастра (дозорныя и писцовыя книги съ 1614 по 1630 гг.) и регистрированіе тяглыхъ рабочихъ силъ, прикрѣпляемыхъ „переписными книгами“ съ 1646 г. къ тяглу.

Путь этихъ радикальныхъ мѣръ, направленныхъ къ выясненію дѣйствительныхъ условій хозяйственной и экономической жизни народа, давалъ въ руки правительства наилучшее, по тѣмъ временамъ, средство къ оздоровленію государственнаго и народнаго хозяйства чрезъ установленіе правильнаго соотношенія между потребностями государства и тяглыми силами и средствами страны; но путь этотъ былъ медленнымъ, а международныя отношенія предъявляли Россіи такія неожиданныя и чрезвычайныя требованія, на которыя правительство вынуждено было реагировать экстренными финансовыми мѣрами въ видѣ чрезвычайныхъ военныхъ сборовъ и рискованныхъ финансовыхъ операцій, направленныхъ къ быстрому наполненію пустой казны. Сюда относятся, прежде всего, экстренные военные сборы такъ называемой пятой (20%), десятой (10%), пятнадцатой деньги и рублевый сборъ съ двора — съ торговыхъ людей; полтинныя и полуполтинныя деньги—съ духовенства и служилыхъ людей; въ то же время дѣлается проба ввести постоянную военную подать стрѣлецкую, сначала только въ нѣкоторыхъ городахъ и волостяхъ Новгородской и Устюжской четверти, а также на Вяткѣ и Волгѣ. Какъ ни тяжелы были эти экстренные налоги, мѣшавшіе „людямъ Московскаго государства въ животахъ своихъ пополниться“, все же въ основаніи ихъ лежалъ реальный разсчетъ на жизненныя силы страны, и назначались они съ совѣта всей земли, по всестороннемъ обсужденіи вопроса на земскомъ соборѣ, съ точки зрѣнія политической необходимости и хозяйственной возможности подобныхъ сборовъ. Это земское одобреніе чрезвычайныхъ налоговъ примиряло съ ними населеніе, такъ какъ обыкновенно сборщики соборныя граматы „чли передъ всѣмъ народомъ“. У насъ есть основаніе думать, что сборы, произведенные не въ силу постановленія собора, а приказнымъ порядкомъ, встрѣчали у населенія не совсѣмъ одобрительное отношеніе. Это видно изъ отвѣта „гостей и гостиныя и суконныя сотни людей“, спрошенныхъ въ 1662 г. о причинахъ дороговизны товаровъ. Попенявъ на то, что у нихъ „лутчіе товары взяты на великаго государя не противъ ихъ сказокъ (т.-е. не согласно съ ихъ добровольнымъ показаніемъ, а по распоряженію администраціи), и оттого учинились въ торгахъ и товарѣхъ немалая помѣшка“, эксперты въ то же время заявили, что разрѣшить кризисъ можетъ только земскій соборъ, — „а чѣмъ тому помочь, и о томъ мы нынѣ сказать подлинно недоумѣваемся для того, что то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ, и о томъ у государя милости просимъ, чтобы... государь... указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по 5 человѣкъ, а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“ [1]).

---

[1]) Зерцаловъ, Матеріалы „о московскихъ мятежахъ“. Чтенія въ Общ. Истор. и Древ. Росс., 1890 г., кн. I, стр. 260.

„Гости“ не безъ основанія намекали правительству Алексѣя Михайловича на то, что въ хозяйственномъ кризисѣ страны не безъ грѣха приказная практика, не хотѣвшая знать земскія мысли всего государства. Правительство Алексѣя Михайловича, однако, не отказалось отъ осторожныхъ, хотя и тяжеловѣсныхъ способовъ взиманія экстренныхъ сборовъ предшествующаго царствованія, въ видѣ назначенія пятой, десятой и т. д. деньги; но на этомъ осторожномъ способѣ, не всегда гибкомъ и цѣлесообразномъ, особенно въ виду неохоты населенія давать подлинныя сказки своимъ доходамъ, правительство царя Алексѣя не остановилось: чрезвычайные расходы во время второй и третьей польской войны побуждали его прибѣгнуть къ болѣе смѣлымъ и рискованнымъ способамъ обогащенія казны, основаннымъ на слишкомъ теоретическихъ разсчетахъ. Разъединеніе съ земскою мыслью развязывало крылья просвѣщеннымъ теоретикамъ — совѣтникамъ царя. Обладая достаточно яснымъ умомъ, чтобы проникнуться новыми творческими началами финансовой политики, правительство царя Алексѣя не обладало достаточной выдержкой и предусмотрительностью, чтобы учесть реальную сторону своихъ творческихъ замысловъ и во-время остановиться при видимомъ успѣхѣ ихъ. Къ такимъ мѣрамъ относится попытка ввести единый, для всѣхъ неизбѣжный и равномѣрный, а для казны обогатительный налогъ на соль. 7 февраля 1646 г. послѣдовали указъ и боярскій приговоръ: „для пополненія государскія казны служилымъ людямъ на жалованье положити на соль новую пошлину—за всѣ стрѣлецкія пошлины и за проѣзжія мыты—передъ прежнимъ съ прибавкою: на всякій пудъ по 2 гривны... А какъ та пошлина въ нашу казну сполна сберется, и мы, великій государь, указали: со всее земли и со всякихъ людей наши доходы, стрѣлецкія и ямскія деньги сложити и заплатити тѣми соляными пошлинными деньгами“. Выгода этой мѣры, по мнѣнію прожектеровъ, состояла въ томъ, что та „соляная пошлина 1) всѣмъ будетъ равна; 2) въ избылыхъ никто не будетъ; 3) платить всякій станетъ безъ правежу собою“ [1]).

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ. (Домъ бояръ Романовыхъ).

[1]) Милюковъ, Op. cit., 52 стр.

Разнообразіе податей и ихъ размѣровъ по мѣстамъ, неодинаковый способъ ихъ взиманія и поступленіе по разнымъ учрежденіямъ,— все это вносило большую путаницу въ финансовую систему, и мысль объединить всѣ эти подати въ одну диктовалась потребностями казны столько же, сколько интересами плательщиковъ. Такой цѣли хотѣли достигнуть путемъ переложенія прямыхъ налоговъ на одинъ косвенный, падавшій на всѣмъ необходимый предметъ потребленія, для всѣхъ, слѣдовательно, въ равной мѣрѣ обязательный. Главная неудача этой теоретически прекрасной мѣры была въ томъ, что она устанавливала весьма тяжелый налогъ на необходимый предметъ потребленія. Налогъ этотъ долженъ былъ лечь большою тяжестью на бѣдные слои населенія и критически отразиться на соляной торговлѣ. По вычисленію проф. А. С. Лаппо-Данилевскаго, эта пошлина превосходила рыночную цѣну соли почти въ полтора раза, т.-е. равносильна была строжайшей запретительной пошлинѣ на главнѣйшій предметъ потребленія [1]). Мѣра эта вызвала сильнѣйшія злоупотребленія со стороны мѣстной администраціи и сборщиковъ податей. Бунтъ, вспыхнувшій въ 1648 г., почти одновременно въ Москвѣ, Сольвычегодскѣ и въ Устюгѣ, и направленный противъ мѣстной администраціи, завѣдывавшей сборами податей, также отмѣна соляной подати вслѣдъ за этими мятежами, повидимому, не даютъ сомнѣваться въ связи этихъ мятежей и злоупотребленій съ соляною пошлиной.

Еще ярче характеризуетъ теоретичность финансовыхъ реформъ царя Алексѣя, а также нетерпѣливое желанье найти быстрое средство обогащенія казны фантастическимъ способомъ, безъ желанія взвѣсить результаты этихъ средствъ, финансовая реформа 1654—1656 гг., которая вызываетъ удивленіе предъ геніальною смѣлостью плана и въ то же время предъ неумѣньемъ вовремя остановиться въ упоеніи успѣхомъ. Я разумѣю исторію съ выпускомъ мѣдныхъ денегъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Вопросъ о выпускѣ кредитныхъ мѣдныхъ денегъ, составляющій яркій эпизодъ царствованія Алексѣя Михайловича на общемъ фонѣ финансовыхъ настроеній этой поры, тѣсно связанъ съ исторіей денежной регаліи въ Московскомъ государствѣ. Скороспѣлая идея кредитныхъ денегъ, обычно приписываемая, съ легкой руки г. А. Строева [2]), финансовому генію Ртищева, въ сущности выдвинута была систематической необходимостью для Московскаго правительства приспособляться къ денежнымъ знакамъ Западной Европы въ связи съ примѣненіемъ ихъ во внутренной торговлѣ и въ податныхъ сборахъ. Зависимость эта объясняется современникомъ описываемаго событія такъ: „въ Московскомъ государствѣ золота и серебра не родится, хотя въ Кроникахъ пишутъ, что Русская земля на золото и серебро урожайная;

---

[1]) А. Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ“. СПБ. 1890 г., 24—25 стр.

[2]) «Московскія Вѣдомости» за 1856 г., №№ 96 и 98.

однако сыскать не могутъ, а когда и сыщутъ, то мало: къ тому дѣлу московскіе люди не промышлены“... Правда, можно было бы допустить до этого дѣла иностранцевъ съ ихъ капиталами и знаніями, при условіи опредѣленныхъ гарантій; но въ томъ то и дѣло, что въ московскія гарантіи иноземцы не вѣрили: „Иныхъ государствъ люди тѣ мѣста, гдѣ родится золото и серебро, сыскали бы, а не хотятъ къ тому дѣлу пристать, потому что много потеряютъ на заводъ (т.-е. на оборудованіе) денегъ и когда они свой разумъ окажутъ (свое искусство проявятъ), ихъ отъ дѣла отлучатъ,— ни во что поставятъ ихъ промыслъ и заводъ“ [1]).

Не имѣя собственнаго драгоцѣннаго металла, Приказъ Большой Казны, вѣдавшій „Денежный дворъ“, волей-неволей долженъ былъ зависѣть въ своихъ монетныхъ операціяхъ отъ иноземцевъ, доставлявшихъ драгоцѣнный металлъ въ видѣ слитковъ—„прутовое“ или въ распространенныхъ въ международной торговлѣ монетныхъ знакахъ, главнымъ образомъ въ видѣ „іохимсталеровъ“. До 1654 г. ходовою монетою были иностранныя золотыя и серебряныя монеты, а также мелкая размѣнная монета, чеканенная на „Денежномъ дворѣ“ изъ прутоваго серебра и расплавленной иноземной монеты, что дѣлалось не безъ выгоды для казны. При Котошихинѣ такая практика, повидимому, была не новостью.

По старинной гравюрѣ, изъ собранія Ровинскаго. (Румянцовскій музей).

Московское правительство такимъ образомъ издавна привыкло драгоцѣнные металлы, полученные въ обмѣнъ за казенные товары отъ иноземцевъ, пускать во внутренній оборотъ въ видѣ монеты по значительно болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ металлы стоили себѣ. Правительство царя Алексѣя рѣшилось повторить неудавшійся опытъ пред-

---

[1]) Котошихинъ, „О Россіи“, изд. 1859 г., гл. VII, стр. 81.

[2]) Соловьевъ, IX, 170 (изд. 3-е); Д. И. Прозоровскій, „Монета и вѣсъ въ Россіи до конца XIII вѣка“. СПБ. 1865, стр. 109.

шествующаго царствованія, предварительно запретивши подданнымъ торговать съ иноземцами вновь выпускаемою легковѣсною монетой; этимъ путемъ думали устранить причину неудачи предшествующаго царствованія: иноземцы, получая прежнюю монету, протестовать не будутъ, подданные—не осмѣлятся. Правда, эти соображенія могли только отстранять сомнѣнія въ конечномъ успѣхѣ предпріятія. Были болѣе вѣскія причины, побудившія приказное правительство царя Алексѣя прибѣгнуть къ порчѣ монеты, какъ къ одному изъ экстренныхъ источниковъ наполненія казны. Начавшаяся война съ Польшей за Малороссію, по всѣмъ видимостямъ, застала государственное казначейство мало къ ней подготовленнымъ. Правительство съ перваго же года повысило окладъ стрѣлецкой подати съ 168 на 228 рублей съ сохи (на 35,7%); въ этомъ же году была опредѣлена пятая деньга „съ промысловъ и животовъ“ (т.-е. 20% съ доходовъ); но, видимо, этого было мало: правительство хлопочетъ о внѣшнемъ займѣ у Венеціанской республики, который не могъ состояться, вслѣдствіе войны Венеціи съ Турціей. Тогда рѣшено было прибѣгнуть къ эксплуатаціи монетной регаліи въ широкихъ размѣрахъ. Котошихинъ ставитъ эту мѣру въ прямую связь съ войною. „Какъ учинилося у московскаго царя съ польскимъ Яномъ Казимиромъ королемъ недружба и война, а потомъ и съ королевскимъ величествомъ Свѣйскимъ: и за продолженіемъ польской войны, и для пополненія казны и для поспѣшенія ратнымъ людямъ на жалованье, дѣланы деньги новыя“...

Въ цѣляхъ завести мелкую размѣнную монету, правительство приказало на денежномъ дворѣ разрѣзывать серебряные ефимки на четыре части и на каждую часть налагать штемпель, показывающій номинальную стоимость этой монеты въ 25 копеекъ. Это такъ называемые „четверти“, „четвертины“, „полуполтинники“. На этой операціи правительство получило 138% прибыли съ каждаго ефимка [1]).

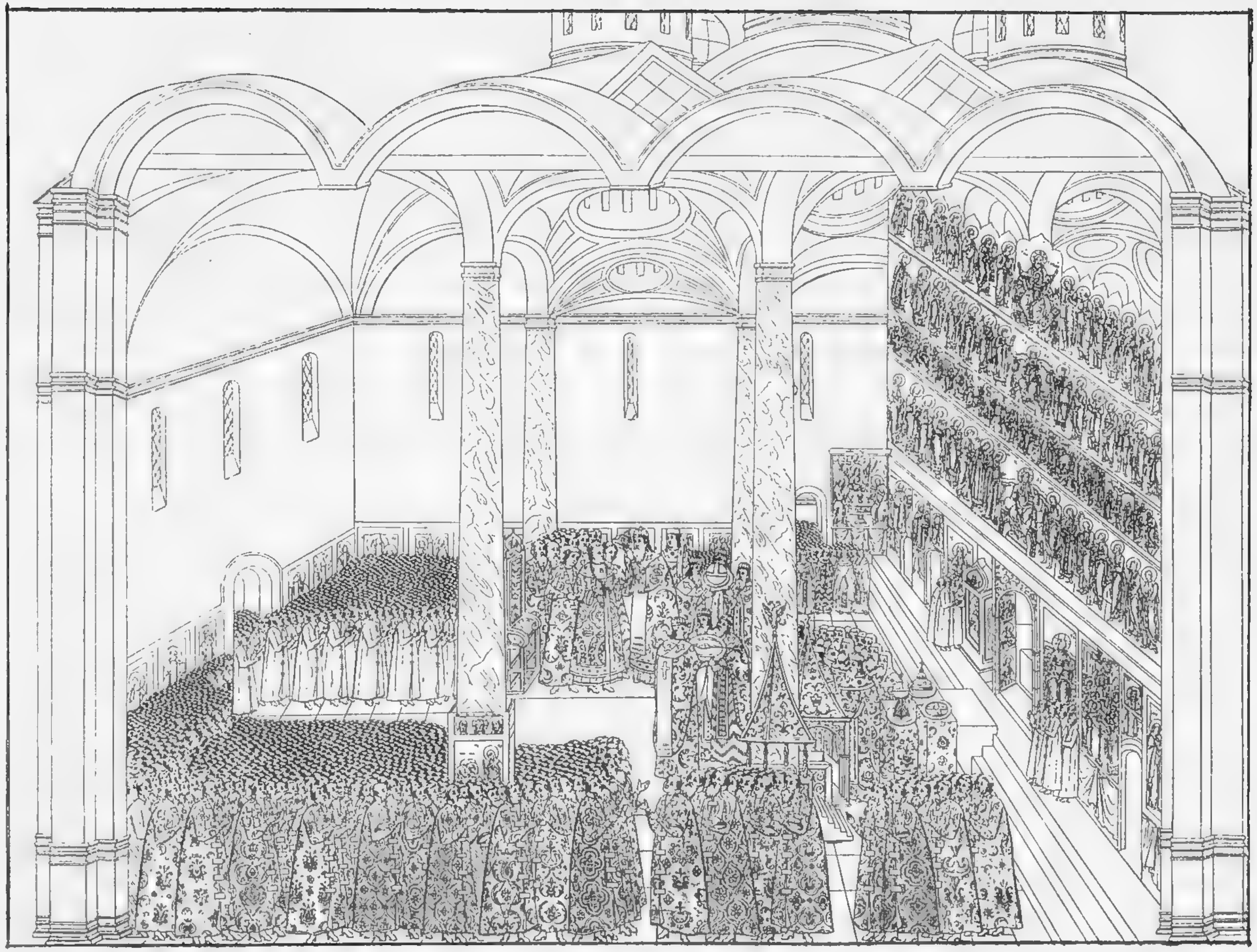
Мѣры эти были какъ бы пробными и наводящими шагами къ выпуску такихъ денежныхъ знаковъ, которые по несоотвѣтствію между ихъ реальной и номинальною стоимостью вполнѣ могутъ быть названы кредитными деньгами.

Такимъ образомъ, если и можно приписывать Ртищеву, на основаніи неясной народной молвы, идею кредитныхъ знаковъ, то мыслью этой онъ былъ въ значительной степени обязанъ традиціонной практикѣ московскаго правительства въ затрудительныхъ случаяхъ прибѣгать къ порчѣ монеты, что было свойственно правительствамъ многихъ странъ, вѣковъ и народовъ.

Проба въ этомъ направленіи была сдѣлана въ томъ же 1654 г. „Да въ то же время дѣлали деньги „полтинники мѣдные“, пишетъ Котоши-

---

1) Котошихинъ, Op. cit., стр. 81; Брикнеръ, „Мѣдныя деньги въ Россіи“. СПБ. 1864 г., стр. 11; П. Милюковъ, Op. cit., стр. 57; Пл. А. Шторхъ, „Матеріалы для исторіи денежныхъ знаковъ въ Россіи“ въ «Ж. М. Н. Пр.», ч. CXXXVII, стр. 773.



Возложеніе царскаго вѣнца на Михаила Ѳедоровича митр. Ефремомъ.

Изъ „Книги объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича".

хинѣ. Мѣдные полтинники по величинѣ и чекану сходны съ новыми „рублевыми“ ефимками; на нихъ значился „1654 годъ“; только надпись на нихъ не „рубль“, а „полтина“, „полтинникъ“ [1]). Опытъ сначала оказался не совсѣмъ удачнымъ, главнымъ образомъ, кажется, потому, что разнообразіе денежныхъ знаковъ, къ тому же разныхъ валютъ, производило путаницу въ рыночныхъ разсчетахъ. Цѣны на товары возвысились. „И видя царь, что въ тѣхъ деньгахъ не учало быти прибыли, а смута почала быть большая, велѣлъ на Москвѣ, и въ Новгородѣ, и во Псковѣ, а потомъ и въ Куконаузѣ дѣлать на дворѣхъ своихъ деньги мѣдныя — алтынники, грошевики, копейки по образцу старыхъ серебряныхъ копеекъ, и отъ тѣхъ денегъ межъ крестьянъ потомужъ была смута; и тѣ прежніе деньги, алтынники и грошевики, велѣлъ царь принимать въ казну и передѣлывать въ мелкія копейки. И дѣланы послѣ того деньги мѣдныя жъ мелкія, и ходили тѣ мелкія деньги многое время съ серебряными заравно; и возлюбили тѣ деньги всѣмъ государствомъ, что всякіе люди ихъ за товары принимали и выдавали“.

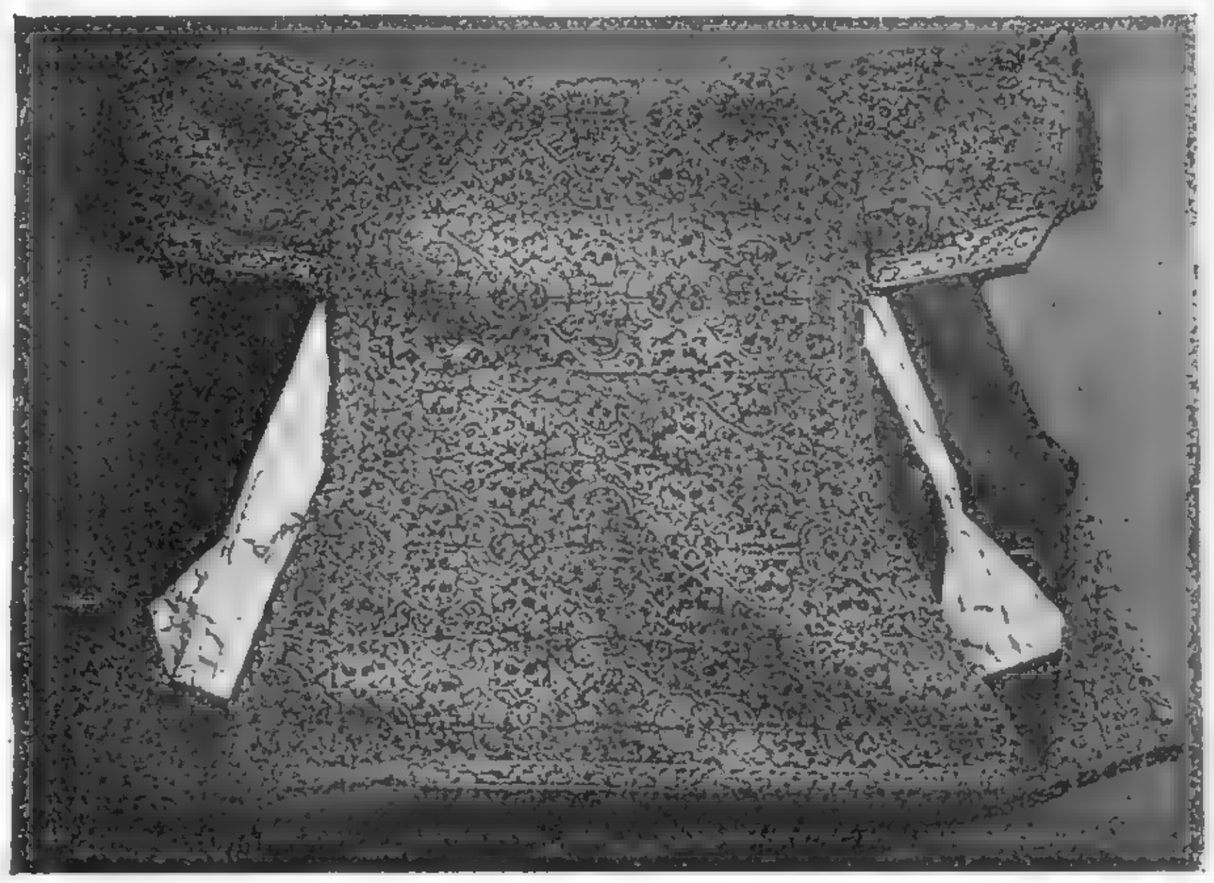
Правительство рѣшило помочь дѣлу выпускомъ болѣе мелкой мѣдной монеты (алтынниковъ, грошевиковъ и копеекъ), уравнявъ ихъ номинальный курсъ не съ новой порченой серебряной монетой 1654 г., а со старыми русскими серебряными копейками; но созданное такимъ путемъ еще большее разнообразіе монетъ старыхъ и новыхъ выпусковъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, усилило замѣшательство на рынкѣ, и не устранило недовѣрія къ мѣднымъ и легковѣснымъ серебрянымъ деньгамъ. Тогда правительство прибѣгло къ рѣшительнымъ мѣрамъ: въ цѣляхъ установленія однообразія монеты и внушенія довѣрія къ кредитнымъ деньгамъ оно скупило въ казну всю эту пеструю монету („тѣ прежнія деньги, алтынники и грошовики велѣлъ царь принимать въ казну“), надо полагать, по номинальной цѣнѣ, укрѣпивъ такимъ образомъ довѣріе въ платежеспособность казны; вмѣстѣ съ тѣмъ были выпущены однообразныя мѣдныя деньги по принудительному курсу серебряныхъ копеекъ. Такимъ путемъ было устранена „неровность и смѣшанность“ денежныхъ знаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ внушено довѣріе къ мѣднымъ деньгамъ и на будущее время—главнымъ образомъ, распоряженіемъ принимать въ казну подати и повинности мѣдными деньгами. Приходится удивляться только творческой находчивости и присутствію духа заправилъ этого предпріятія, которые въ самомъ разгарѣ кризиса нашлись, какъ остановить панику; былъ принятъ во вниманіе и опытъ предшествующаго времени: чтобы не вызвать замѣшательства въ международной торговлѣ и въ натуральномъ обмѣнѣ съ Сибирью, было запрещено употреблять мѣдныя деньги въ торговлѣ съ иноземцами, Сибирью и въ пограничныхъ странахъ. Пред-

---

[1]) Брикнеръ, Op. cit.

пріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: „и возлюбили тѣ деньги всѣмъ государствомъ, что всякіе люди ихъ за товары выдавали и принимали“. „Возлюбили“, какъ увидимъ, между прочимъ, и потому, что фабрикація ихъ была легка и выгодна не для одного правительства, а и для простыхъ смертныхъ. Даже иноземцы не прочь были поторговать на мѣдныя деньги, платя ими за русскіе товары. Эта неожиданная любовь къ мѣднымъ деньгамъ объясняется громадной разницей между ихъ номинальной и реальной стоимостью. По свидѣтельству Мейерберга, царь, купивъ мѣди на 1 руб. 60 коп., могъ чеканить изъ нея 100 рублей мелкими мѣдными деньгами (т.-е. 98,4% чистой прибыли).

Немудрено, что этотъ легкій способъ превращать мѣдь въ серебро настолько понравился правительству, что оно, если вѣрить освѣдомленному Мейербергу, за 5 лѣтъ выпустило мѣдныхъ денегъ на номинальную сумму въ 20 милліоновъ рублей.



Кабатъ царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная Палата).

Если вычесть изъ этой суммы 320 тысячъ рублей—цѣну употребленной на монету мѣди, мы получимъ болѣе 19 милліоновъ чистой выгоды, которую получило правительство на этой операціи. Такъ думаетъ Брикнеръ. На самомъ дѣлѣ разсчетъ этотъ преувеличенъ. Даже если и признать цифру Мейерберга точною, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что сумма эта была выпущена не въ первый годъ, когда мѣдный рубль шелъ дѣйствительно за рубль серебряный, а въ теченіе 5 лѣтъ; при чемъ, уже начиная съ 1 марта 1659 г., покупная стоимость мѣднаго рубля начинаетъ падать сравнительно съ стоимостью серебрянаго; и правительство, расплачивавшееся мѣдною монетою, вынуждено было дѣлать надбавки, напримѣръ, при уплатѣ жалованья, на 25 и 50%. Но даже и эти соображенія не мѣшаютъ представить себѣ той громадной выгоды, которую извлекло правительство изъ этой колоссальной по тѣмъ временамъ кредитной операціи, легшей, какъ увидимъ, всею тяжестью своей на довѣрчивое населеніе.

Блестящій успѣхъ казны вызвалъ у многихъ частныхъ лицъ охоту къ подражанію. Колоссальная выгода предпріятія, дешевизна мѣди и ея плавкость, легкость отливанія мѣдной монеты,—все это содѣйствовало тому, что поддѣлка денегъ превратилась въ очень распространенное ремесло.

Первыми соревнователями казны были, кажется, люди, близкіе къ монетному двору. По словамъ Котошихина, „діаволъ возмутилъ разумъ“ тѣхъ самыхъ „вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ, изъ гостей и торговыхъ людей, честныхъ и пожиточныхъ“, которые какъ разъ и поставлены были „для досмотру и пріему и расходу мѣди и денегъ“; они „покупали мѣдь на Москвѣ и въ Свѣйскомъ государствѣ и привозили на денежные дворы съ царскою мѣдью вмѣстѣ, и велѣли дѣлать деньги, и сдѣлавъ, свозили съ денежнаго двора съ царскими деньгами вмѣстѣ, и царскіе деньги въ казну отдавали, а свои къ себѣ отвозили“.

По стопамъ „вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ“ пошли „денежные мастера, серебряники, котельники, оловянищники и иные люди“. Съ пытокъ они винились, что не только „денегъ своего дѣла выдали на всякіе покупки немалое число“, но и продавали самыя орудія производства поддѣльныхъ денегъ: „чеканы дѣлавъ, продавали многимъ людямъ—посацкимъ и попамъ, и чернцамъ и крестьянамъ, и нищимъ“. Тщетно правительство изощрялось въ изысканіи способовъ борьбы съ такою грозною конкуренціей по производству „излюбленныхъ денегъ“. Оно за это время успѣло перейти къ нѣсколькимъ системамъ наказанія, разработавъ съ удивительною тщательностью градацію преступленій и наказаній за „воровскія деньги“. Дѣйствовавшая до 1661 г. старая кара „денежнымъ ворамъ“ чрезъ залитіе горла расплавленнымъ металломъ была замѣнена: 1) отсѣченіемъ руки и обѣихъ ногъ для дѣлающихъ матошники и съ нихъ переводящихъ чеканы; 2) отсѣченіемъ лѣвой руки и ноги—работающимъ „воровскія деньги“ на чужихъ матошникахъ; 3) отсѣченіемъ только лѣвой руки: а) нашедшимъ чужой матошникъ и не заявившимъ о томъ; в) скупщикамъ завѣдомо фальшивой монеты и дающимъ пристанище ворамъ; 4) отсѣченіемъ 2-хъ пальцевъ на лѣвой рукѣ карались тѣ, кто все приготовилъ для производства фальшивой монеты, но не дѣлалъ ея и т. д.

Это не были только теоретическія угрозы. Тюрьмы были переполнены „денежными ворами“: по сообщенію Мейерберга, въ его время сидѣло въ московской тюрьмѣ около 400 поддѣльщиковъ. Воровъ пытали, „и кто до чего довелся, казнили смертною казнью, и отсѣкали руки и прибивали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ, а домы ихъ и животы имали на царя безденежно“. Но игра, видимо, стоила риска потерять пальцы и руки: „Тѣ люди на такія великія мученія и смерти и разоренія не смотрѣли, дѣлали такія воровскія деньги ажъ до скончанія тѣхъ денегъ: и мало кто изъ такихъ воровъ не поиманъ и не казненъ“. Надежда на безнаказанность особенно у крупныхъ фальшивомонетчиковъ поддерживалась мощнымъ покровительствомъ тестя царя, И. Д. Милославскаго, который „за посулы воровъ изъ бѣды избавливалъ“ и самъ, по сообщенію Мейерберга, приказалъ сдѣлать для себя лично 120 тысячъ мѣдныхъ денегъ.

Къ отечественному фальшивомонетному производству присоединились монеты заграничной работы, которыя, по сообщенію Гордона и Мейерберга, въ большомъ количествѣ привозились въ Россію моремъ и чрезъ сухопутную границу.

Это подтверждается, повидимому, приказомъ отъ 1661 г. Олонецкимъ стрѣльцамъ осматривать на кондуйской заставѣ торговыхъ людей, чтобы они не привозили тайно съѣстныхъ припасовъ, мѣдныхъ денегъ и никакихъ заповѣдныхъ товаровъ [1]). Торговые люди прямо указывали, что „воровскія деньги“ привозятся между прочимъ греками, которые „пріѣзжаютъ изъ-за рубежа и покупаютъ великую соболиную казну на мѣдныя деньги, и мѣдными деньгами покупаютъ серебряныя деньги; а прежъ сего тѣ греки привозили къ Москвѣ ефимки и золотые... а чинится дороговь (хлѣбу) отъ воровскихъ мѣдныхъ денегъ“ [2]).

II.

Трудно представить, сколько было выброшено на рынокъ казенными и частными, русскими и заграничными мастерскими мѣдныхъ денегъ. То обстоятельство, что, при объявленіи банкротства, правительство выдавало за мѣдныя деньги цѣну, которая была ниже реальной стоимости содержимаго въ нихъ металла, какъ будто говоритъ за то, что фабрикація мѣдныхъ денегъ привлекла въ страну такое количество мѣди, которое превышало спросъ на нее на широкомъ рынкѣ для удовлетворенія болѣе общихъ нуждъ (выдѣлка котловъ, пушекъ и т. п.). Если даже мы примемъ указаніе Мейерберга о 20-милліонномъ выпускѣ казенныхъ мѣдныхъ денегъ и 120 тыс. для Милославскаго, то потребное для этого количество мѣди въ 70 тысячъ пудовъ безъ малаго едва ли бы могло оказать особое замѣтное вліяніе на перепроизводство мѣди въ Россіи, тѣмъ болѣе, что мѣдныя деньги нашли себѣ выгодный сбытъ въ Сибири, куда, несмотря на запрещеніе, московскіе купцы везли ихъ вмѣсто товара, наживая на сбытѣ ихъ отъ 200 до 400% чистой пользы, сравнительно съ курсомъ мѣдныхъ денегъ въ Европейской Россіи.

Уже апріорныя соображенія о перепроизводствѣ мѣдныхъ денегъ приводятъ насъ къ мысли о необходимости паденія ихъ номинальнаго курса, при развитіи недовѣрія къ этой финансовой авантюрѣ правительства Алексѣя Михайловича. Поданная 15 іюня 1663 г. царю Алексѣю таблица лажа на серебряную монету наглядно показываетъ быстрое паденіе курса мѣдныхъ денегъ: въ 1655 г. серебряный рубль соотвѣтствовалъ одному мѣдному руб. 1663—15.

---

[1]) А. И. IV, № 162.

[2]) Зерцаловъ, Матеріалы «о московскихъ мятежахъ» въ Чт. Об. Ист. и Др. Росс., 1890, кн. III.

Сверхъ того, извѣстно изъ Мейерберга и другихъ иностранныхъ писателей того времени, что послѣ 1-го іюня 1663 г. платили за серебряный рубль 50 рублей мѣдными деньгами [1]).

Причины этого быстраго крушенія „геніальной“ финансовой системы царя Алексѣя отчасти ясны уже изъ предшествующаго изложенія.

Упоенное успѣхомъ предпріятія, правительство не знало границъ эксплуатаціи народнаго кредита, и количество выпущенныхъ въ оборотъ мѣдныхъ денегъ, въ связи съ поддѣлкою ихъ въ разныхъ слояхъ русскаго общества, создало перепроизводство денежныхъ знаковъ, превышавшихъ спросъ на нихъ. Но этого мало: обиліе денежныхъ знаковъ, при довѣріи къ нимъ общества и рынка, само является толчкомъ къ развитію производительныхъ силъ страны, если только это довѣріе базируется на возможности и рѣшимости правительства во всякое время, по требованію кредиторовъ, перевести номинальную цѣнность кредитокъ на предметъ соотвѣтственной реальной цѣнности, будетъ ли то принятіе въ казну за повинность, или размѣнъ на монету и вещи изъ драгоцѣннаго металла.

Такого кредитнаго фонда правительство царя Алексѣя не имѣло: иначе зачѣмъ бы ему было прибѣгать къ подобнымъ рискованнымъ мѣрамъ и крайне обременительнымъ сборамъ?

Довѣрія общества правительство могло требовать развѣ цѣною обѣщанія брать въ казну налоги, пошлины и пр. мѣдными деньгами по цѣнѣ, „почему даваны изъ государевой казны“. Но правительство скоро отступило отъ своихъ обѣщаній въ этомъ отношеніи. Оно не было послѣдовательно въ своихъ намѣреніяхъ уравнивать мѣдную монету съ серебряною; свое предпочтеніе къ серебряной монетѣ оно косвеннымъ образомъ выразило уже въ 1656 г., когда распорядилось мѣдными деньгами собирать подати, только начиная съ 1656 г., а „за прошлые годы государевы долговыя деньги собирать въ государеву казну мелкими серебряными деньгами“; другой разъ оно распорядилось (въ граматѣ къ бѣжецкому таможенному головѣ) государственные доходы собирать двумя долями серебряной монеты и одной долей мѣдной; въ 1659 году правительство распорядилось присылать серебряную монету предшествующаго чекана въ Москву, обмѣнивая ее на мѣдныя копейки [2]). Эти и подобныя мѣры не могли, конечно, поддерживать довѣріе къ номинальному курсу мѣдныхъ денегъ, разъ правительство стало само предпочитать имъ деньги изъ драгоцѣннаго металла.

Полицейскіе указы, которыми правительство рекомендовало населенію отдавать свои товары за мѣдныя деньги„ безо всякаго сомнѣнія“, грозя сомнѣвающимся „чинить наказаніе“, могли только усилить панику недовѣрія къ нимъ, но не укрѣпить ихъ курса. Вслѣдъ за правительствомъ и общество

---

[1]) П. Шторхъ. „Матеріалы для исторіи денежн. знаковъ въ Россіи“, «Ж. М. Н. Пр.», ч. CXXXVII, стр. 774.
[2]) Брикнеръ, Op. cit.

начало проявлять предпочтеніе реальнымъ цѣнностямъ предъ номинальными. И въ этомъ отношеніи, кажется, впереди всѣхъ шли фальшивомонетчики, знавшіе настоящую цѣну „мѣднымъ деньгамъ“. Они спѣшили помѣстить „воровскія деньги“ въ болѣе прочныя цѣнности, даже рискуя выдать себя этою поспѣшностью. Котошихинъ говоритъ, что подозрѣніе въ „денежномъ воровствѣ“ пало на „денежныхъ мастеровъ, котельниковъ, оловянниковъ“ и др., „потому что до того времени, какъ еще мѣдныхъ денегъ не было, и въ то время жили они не богатымъ обычаемъ, а при мѣдныхъ деньгахъ испоставили себѣ дворы, каменные и деревянные, и платье себѣ и женамъ подѣлали съ боярскаго обычая, также и въ рядахъ всякіе товары и сосуды серебряные и съѣстные запасы почали покупать дорогою цѣною, не жалѣя денегъ“.

Такимъ путемъ лица, обладавшія большою свободною наличностью дешево доставшихся имъ капиталовъ, „не жалѣя денегъ“, набивали цѣну на дорогіе товары, понижая этимъ самымъ покупную цѣнность мѣдныхъ денегъ. Мѣдныя деньги дешевѣли еще и потому, что серебро безвозвратно уходило за границу. Объ этомъ ясно заявляли русскіе купцы правительству.

„Иноземцы своихъ товаровъ на мѣдныя деньги ни почемъ не продаютъ, а которые товары купили мы у иноземцевъ на серебряныя деньги, и тѣ товары покупные продали на мѣдныя деньги, и тѣмъ серебрянымъ деньгамъ къ намъ возврату не стало“ [1]). Итакъ, цѣнные товары уходили изъ торговыхъ рядовъ въ руки обладателей дешевыхъ денегъ, драгоцѣнная же монета, благодаря стремленію правительства обмѣнивать ее на мѣдную и получать подати серебромъ, а расплачиваться съ населеніемъ мѣдью, ушла въ казну и за границу, вслѣдствіе чего мѣдная монета превратилась почти въ единственную, доступную для широкаго рыночнаго обмѣна: не на цѣнности приходилось теперь обмѣнивать ее, а на предметы первой необходимости. Крестьянинъ везъ въ городъ хлѣбъ и другіе продукты сельскаго хозяйства съ цѣлью обмѣнять ихъ на серебряныя деньги, которыя нужны были ему для уплаты государственныхъ повинностей и долговъ частнымъ лицамъ, такъ какъ кредиторы, по сообщенію воеводъ, не хотѣли принимать возврата долговъ мѣдными деньгами. Не находя на рынкѣ нужной ему монеты, крестьянинъ или везъ свои продукты обратно, или продавалъ ихъ по баснословнымъ цѣнамъ на мѣдныя деньги. Уже при появленіи первыхъ „неровныхъ и смѣшанныхъ“ денегъ, по словамъ Котошихина, приходилось покупать „всякіе запасы и харчъ, и товары вдвое цѣною“. Иностранцы говорятъ о вздорожаніи продуктовъ въ 6 [2]) и даже 14 [3]) разъ противъ прежнихъ нормальныхъ цѣнъ. Эта разница въ пока-

---

1) Зерцаловъ, Op. cit., стр. 264.
2) Коллинсъ.
3) Мейербергъ.

заніяхъ не является противорѣчіемъ, потому что, дѣйствительно, цѣны на продукты колебались въ зависимости отъ неурожая, распоряженій правительства платить подати сельско-хозяйственными продуктами и т. п.

Собранныя Брикнеромъ офиціальныя данныя показываютъ, какъ само правительство систематически отступало предъ возраставшей дороговизной товаровъ, въ своемъ стремленіи фиксировать цѣны даже на такіе предметы торговли, которые составляли предметъ казенной монополіи (напр., вино).

Уже во второй половинѣ 1660 г. цѣны на вино возросли въ 3—4 раза.

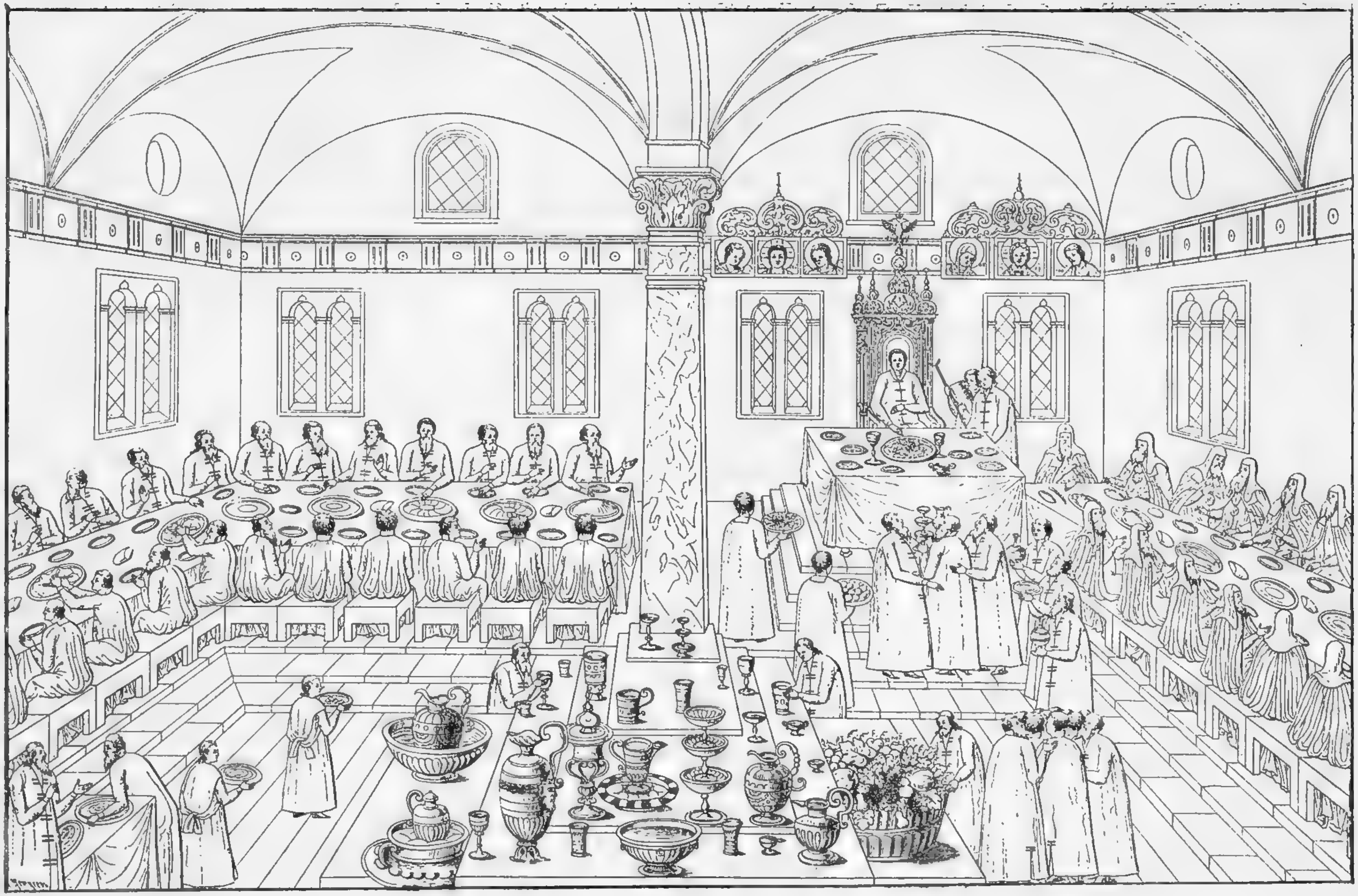
Вся тяжесть разразившагося кризиса легла, конечно, не на правительство: лучшаго способа использовать народныя сбереженія на государственныя цѣли правительство придумать не могло; нельзя его упрекнуть и въ томъ, что оно не во время пріостановило платежи по векселямъ, выданнымъ обществу въ видѣ „мѣдныхъ денегъ“; кризисъ не безъ пользы былъ и для производителей необходимыхъ продуктовъ питанія: крестьянское хозяйство могло только выиграть отъ неимовѣрнаго возвышенія цѣнъ на его продукты, а въ худшемъ случаѣ обмѣнять свой хлѣбъ, дрова и другіе запасы на такое количество мѣди въ деньгахъ, которое своею реальною стоимостью дѣлало обмѣнъ не такъ ужъ невыгоднымъ. Неожиданнымъ источникомъ обогащенія оказался финансовый кризисъ для помѣщиковъ, имѣвшихъ свои запашки, и особенно для монастырей. Послѣдніе, поистинѣ, собирали, гдѣ не сѣяли... Очень выразительнымъ представляется въ этомъ отношеніи содержаніе приходо-расходныхъ книгъ вологодскаго архіерейскаго дома на 1662 г. Обозначая баснословно высокія цѣны, полученныя за продажу монастырскаго хлѣба, книга эта неоднократно заявляетъ, что хлѣбъ продавался изъ архіерейскихъ житницъ „по архіепископлю указу вологожанамъ посацкимъ и всякимъ маломочнымъ людямъ для (въ виду) хлѣбной скудости“.

Эксперты изъ торговыхъ людей заявляли правительству: „хлѣбъ учалъ дорогъ быть высокою цѣною отъ мѣдныхъ денегъ потому, что вотчинники и помѣщики и ихъ крестьяне хлѣбъ, и сѣно, и дрова продаютъ на мѣдныя деньги большою цѣною, а на серебряныя деньги ржи четверть купятъ рубля по два съ полтиною, а иные многіе помѣщики, и вотчинники, и крестьяне на мѣдныя деньги и не продаютъ, и въ такомъ дорогомъ хлѣбѣ и во всякомъ харчу скудные людишки погибаютъ и многіе чернослободцы торговые люди ожидаютъ себѣ отъ мѣдныхъ денегъ конечныя нищеты“ [1]).

Эти цитаты не только указываютъ на тѣхъ, кто выигралъ отъ наступившей „дорогови“, но и адресуютъ насъ къ тѣмъ, на кого пала главная тяжесть финансоваго кризиса въ разсматриваемое время.

---

[1]) Зерцаловъ, Op. cit., 265 стр.



Трапеза Михаила Ѳедоровича.

Изъ „Книги объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича".

„Посадскіе и всякіе маломочные люди“, „скудные людишки“ и „черно-слободцы торговые“, живущіе промыслами, торговлей и мелкимъ заработкомъ въ городахъ, волей-неволей должны были размѣнивать свой дешево цѣнившійся трудъ на „мѣдныя деньги“, которыя оказывались, какъ мы знаемъ, непригодными ни для пріобрѣтенія на нихъ хлѣба насущнаго, ни для уплаты тягла государству. Для этого рода людей была „хлѣбная скудость“ даже и въ томъ случаѣ, еслибы боярскія и монастырскія житницы трещали отъ „хлѣбнаго обилія“.

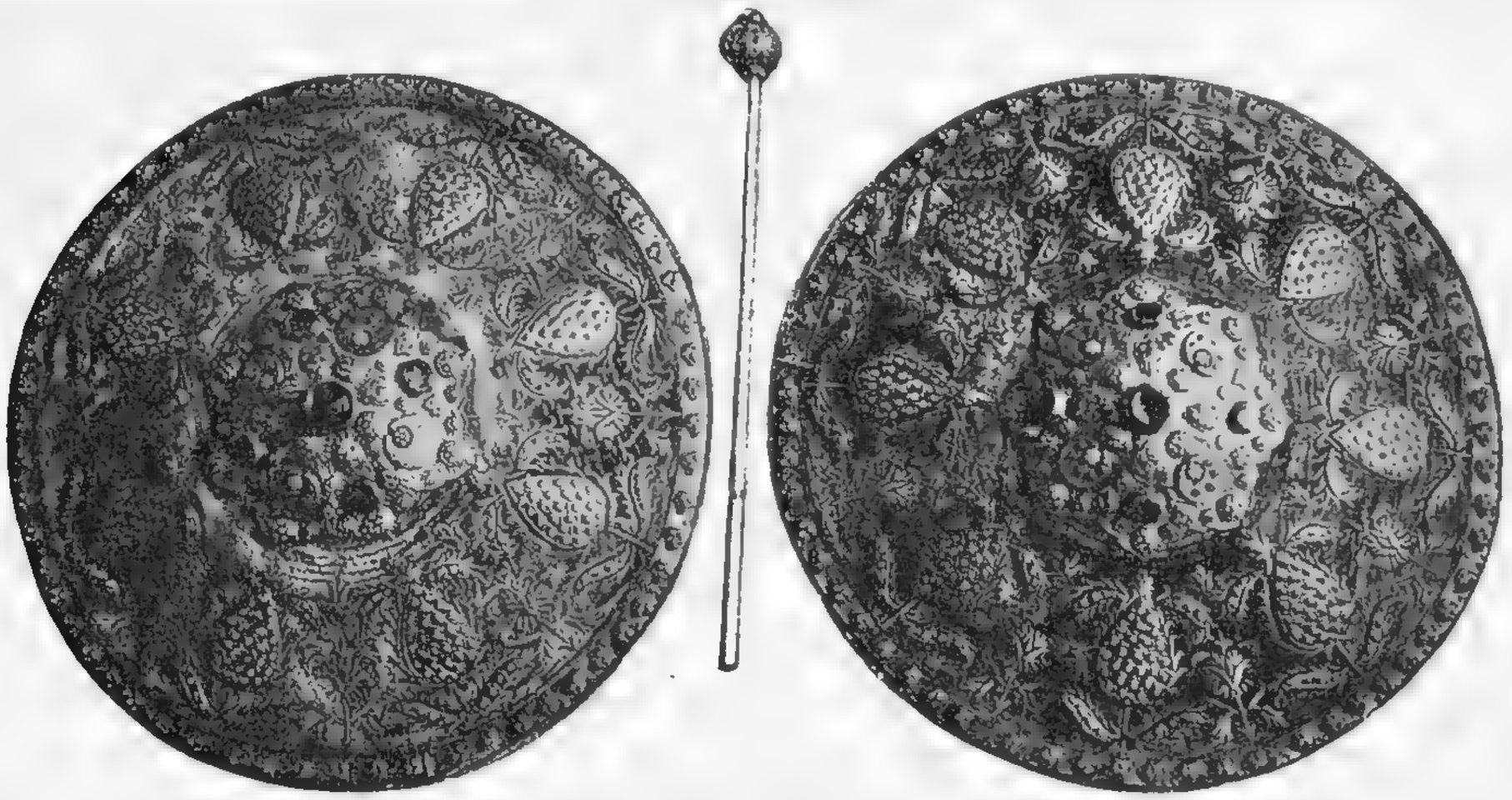
Купцы прямо заявляли, что „великая безмѣрная дороговизь хлѣбная и соляная и всякая харчъ учинилась не отъ хлѣбнаго недороду и соленаго промыслу, а отъ мѣдныхъ денегъ, а хлѣбъ милостей Божіей родится попрежнему, а у вотчинниковъ, и у помѣщиковъ, и у пахотныхъ людей въ селахъ и въ деревняхъ многія скирды и одонья стоятъ не молоченаго хлѣба, не токмо нынѣшняго году, но и прошлыхъ лѣтъ, а продаютъ хлѣбъ большою цѣною, и отъ того бѣдные люди отъ нынѣшней дороговли помираютъ голодною смертью“ [1]).

Заплатить „маломочному“ за четверть ржи 4 рубля серебромъ или 36 рублей мѣдью едва ли было подъ силу. Заработная плата, при общемъ кризисѣ, должна была уменьшиться, а цѣны на главные продукты питанія увеличились въ 20 слишкомъ разъ. „Въ прежнихъ лѣтѣхъ мочно было мастерскому человѣку и съ женою быть сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастерскому человѣку одного хлѣба и харчу самъ-другу надобно на 26 алтынъ“, заявляли „московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ соцкіе и всѣ тяглые люди“. Положеніе „посацкихъ“ и вообще „маломочныхъ“ во время этой голодной „дорогови“ еще ярче опредѣляется по сравненію съ положеніемъ служилыхъ ратныхъ людей и иноземцевъ, которымъ „давали жалованье мѣдными деньгами противъ того, какъ прежъ сего давано серебряными“ и во всякомъ случаѣ въ большемъ количествѣ, чѣмъ получали „посацкіе“ съ своихъ животовъ и промысловъ. О положеніи получающихъ жалованье рейтаръ даетъ понятіе челобитная терскихъ ратныхъ людей: „мы, богомольцы и холопы твои, — били челомъ служилые люди царю, — обѣдняли и обнищали, стали наги и босы — лошадей купить не на что, — на мѣдныя деньги не продаютъ, а серебряныхъ негдѣ взять... Обнищали мы великими долгами, — и дворишки, и животишки, и дѣтишки закладывали, и со всякіе нужи въ конецъ погибаемъ и помираемъ голодною смертью“. И это не единичная грамата, рисующая бѣдственное положеніе служилыхъ ратныхъ людей, получающихъ отъ государства жалованье деньгами.

Денежный кризисъ отразился на торговомъ классѣ и легъ на отдѣльные разряды его тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ „маломочнѣе“ былъ торговый человѣкъ, зависѣвшій не только отъ международной торговли, отъ рынка, но

[1]) Зерцаловъ, Ibid., 249.

еще и отъ старшаго купечества. Купечество въ поданныхъ И. Д. Милославскому сказкахъ краснорѣчиво и трезво изображаетъ тѣ нестроенія и разоренія въ торговой средѣ, которыя явились результатомъ финансовой авантюры правительства. „А которые были прежнихъ лѣтъ нѣмецкіе товары дешевою цѣною покупаны, и тѣ товары распроданы не съ большою прибылью на мѣдныя деньги (очевидно, въ періодъ ихъ „излюбленности“); а послѣ того, и сами тѣ товары покупали у нѣмецъ на серебряныя и мѣдныя деньги большою цѣною; а оставшіеся нѣмецкіе товары продаютъ нынѣ дорогою цѣною на мѣдныя деньги для того, что возмутъ сто рублей мѣдныхъ денегъ, а послѣ сами того товару купить не добудутъ и за 1.000 руб. на мѣдныя деньги, потому что иноземцы нынѣ товаровъ своихъ русскимъ людямъ на мѣдныя деньги не продаютъ ни въ тридцать цѣнъ, — просятъ за



Щиты и булава царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная Палата).

свои товары русскихъ товаровъ; а русскіе товары, которые были иноземцамъ годны, всѣ взяты у торговыхъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ на государя, и нынѣ намъ нѣмецкихъ товаровъ купить стало не на что: которыя у насъ были деньги серебряныя, и тѣ всѣ перевели въ мѣдныя, и которые нынѣ люди хотя и дорогою цѣною продаютъ остатные нѣмецкіе товары на мѣдныя деньги, и тѣ деньги безъ торгу проѣдаютъ. При такомъ дорогомъ хлѣбѣ и во всякомъ харчѣ тѣхъ имъ мѣдныхъ денегъ станетъ не надолго; и нынѣ они, торговые люди, стали безъ серебряныхъ денегъ и безъ товаровъ, — и всѣ ожидаютъ себѣ конечныя нищеты“... Такихъ золъ ожидали себѣ богатые „гости и гостиной сотни торговые люди“; про середнихъ же и молодшихъ людей они сказывали: „торговые многіе люди стали безъ торговъ и безъ промысловъ и

въ великихъ убыткахъ и долгахъ: въ рядахъ многія лавки запустѣли; а торговые люди, будучи безъ промысловъ и отъ дорогови хлѣба и всякихъ харчей, многіе обнищали и одолжали“...

Самочувствіе торговыхъ людей ухудшалось еще отъ того, что, торгуя по независимо отъ нихъ взвинченнымъ цѣнамъ, они, „торговые люди, сверхъ того, отъ неразсужденія, стали возненавидѣны отъ всѣхъ чиновъ за тое товарную продажу“. Отклоняя отъ себя, видимо, ходячій упрекъ, что вы, молъ, „отъ мѣдныхъ денегъ великіе промыслы и богатства учинили и домы свои пополнили“ — торговые люди заявляли, что, наоборотъ, „мы отъ мѣдныхъ денегъ оскудѣли — прежнія свои палаты прожили“ [1]). Больше того, — они кивали на помѣщиковъ, говоря: „а отчего цѣны прибываютъ, про то вѣдомо помѣщикамъ“. Послѣднее „оправданіе“ торговыхъ людей цѣнно для насъ особенно потому, что оно проливаетъ свѣтъ на соціальную ненависть, разросшуюся подъ давленіемъ тяжелыхъ условій жизни до такого состоянія, когда люди „отъ неразсужденія“ не могутъ видѣть истинныхъ виновниковъ своего горя, и готовы подъ первымъ попавшимся предлогомъ и противъ перваго показавшагося виноватымъ пзлить свой неудержимый гнѣвъ.

III.

Предшествующее достаточно ясно указало намъ ту среду, въ которой зрѣло недовольство, и ту атмосферу, которая позволяла современникамъ видѣть надвигавшуюся грозу голоднаго бунта.

Мейербергъ, выѣхавшій изъ предѣловъ Московіи задолго до бунта, писалъ, что въ Москвѣ ожидали возстанія мѣсяца за два до бунта. Демка Филиповъ слышалъ отъ незнакомыхъ людей: „чернь де сбирается и чаятъ отъ нихъ быть погрому двору боярина И. Д. Милославскаго, да гостя Василія Шорина, и иныхъ богатыхъ людей за пзмѣну въ денежномъ дѣлѣ“...

Ожиданія и разговоры вскорѣ нашли себѣ грозное воплощеніе. Описаніе Котошихина въ связи съ застѣночными рѣчами [2]) участниковъ бунта, припоминавшихъ на пыткѣ исторію его возникновенія и развитія, даетъ возможность не только ярко воспропзвести „гиль“ 1662 года, но и вникнуть въ ея сущность.

Въ ночь подъ 25 іюля 1662 г. агитаторы „прибили и воскомъ приклеили воровскіе листы во многихъ мѣстахъ Москвы, по воротамъ и стѣнамъ“. „Написаны были эти листы на двухъ столбцахъ“.

Утромъ около этихъ листовъ стали собираться кучки народа, проходившаго мимо „въ городъ“ „въ ряды“.

---

1) Зерцаловъ, Матеріалы „о московскихъ мятежахъ“. Чт. въ Об. Ист. и Др. Росс., 1890 г., кн. III.
2) См. Матеріалы „о мятежахъ“ Зерцалова.

Явились грамотеи, которые „кричали шумно, чтобы слушали всѣ“, и „чли тѣ письма на всѣ стороны всѣмъ вслухъ“, нѣкоторые „трижды“, по требованію міра. Царь Алексѣй Михайловичъ въ это время былъ „въ походѣ“ въ своемъ любимомъ селѣ Коломенскомъ со всѣмъ дворомъ, поручивши „быть на Москвѣ князю Ѳ. Ѳ. Куракину съ товарищи“. Провѣдавши о „воровскихъ листахъ“, кн. Куракинъ послалъ дворянина и дьяковъ „взять то письмо и принести предъ бояръ“. Но появленіе „приказныхъ“ только подлило масла въ огонь. По докладу одного изъ посланныхъ, народъ грудью сталъ за „воровскія письма“: „Я Сенька да дьякъ Аѳонасій по то письмо ѣздили: и у рѣшетки то письмо чтутъ многіе люди разныхъ чиновъ. И какъ (мы) то письмо взяли, и въ тѣ поры закричали многіе люди разныхъ чиновъ на меня, Сеньку, и на дьяка, а говорили: „вы де то письмо везете къ измѣнникамъ, а государя на Москвѣ нѣтъ, а то де письмо надобно всему міру“. И изымали меня, Сеньку, и дьяка за лошадь и за ноги, и то письмо отняли; а за нами гнались до Спасскихъ воротъ и кричали, чтобъ насъ перенять, и мы ушли въ городъ“... Между тѣмъ отдѣльныя группы стягивались къ торговымъ рядамъ, и здѣсь при большомъ стеченіи народа чтеніе „воровскихъ писемъ“ продолжалось. Чтецы при этомъ рекомендовали не выпускать письма изъ рукъ: „если отвезутъ то письмо къ И. Д. Милославскому, и тамъ то дѣло такъ и изойдетъ, и за то де „воровское дѣло“ вы, православные христіане, всѣмъ міромъ постойте“... Стрѣлецъ Куземка Нагаевъ при этомъ рекомендовалъ „міромъ постоять на измѣнниковъ!“ Здѣсь же рѣшено было идти къ царю въ Коломенское и „всѣмъ міромъ“ подать ему „обрѣтенный“ листъ для личнаго прочтенія „передъ міромъ“. Но что же заключалось въ этихъ „листахъ“, такъ сильно взволновавшихъ жителей Москвы?

На допросѣ въ застѣнкѣ участники бунта припоминали, что въ томъ письмѣ было написано: „Измѣнники — Илья Даниловичъ Милославскій, да окольничій Ѳ. М. Ртищевъ, да И. М. Милославскій, да гость Василій Шоринъ“. Вотъ и все немногое, что могли воспроизвести въ своей памяти изъ столько разъ читаннаго листа. Но для москвичей и этого было достаточно. Невѣдомо кѣмъ написанная грамата была въ ихъ рукахъ неопровержимымъ доказательствомъ того, о чемъ и раньше всѣ думали. Скудость содержанія граматы восполнялась богатствомъ предшествующихъ переживаній голода и народнаго бѣдствія, связаннаго съ именами этихъ лицъ.

Ртищевъ, по мнѣнію всѣхъ, былъ главнымъ затѣйщикомъ „мѣдныхъ денегъ“; Милославскіе — первые „денежные воры“ и покровители „денежныхъ воровъ“. Шоринъ, разбогатѣвшій, можетъ-быть, не безъ отношенія къ мѣднымъ и воровскимъ деньгамъ и въ моментъ всеобщаго разоренія имѣвшій ежегоднаго доходу съ „промысловъ и животовъ“ до 75 тысячъ

рублей [1]), ненавистенъ былъ для разореннаго посадскаго населенія еще какъ сборщикъ пятой деньги. Но всего этого для установленія предъ царемъ факта „измѣны“ было недостаточно; а потому „гилевщики“ припомнили очень популярное со времени царя Грознаго обвиненіе противъ бояръ въ „пересылкѣ“ съ иноземными государями, — лозунгъ, сыгравшій важную роль въ Псковскомъ и Новгородскомъ мятежѣ 1650 г.; а потому и въ „листѣ“, по словамъ Котошихина, написали, „будто названные бояре ссылаются листами съ польскимъ королемъ, хотя Московское государство погубить и поддать польскому королю“. Авторы это обвиненія постарались и „улики“ привести. Они воспользовались внезапнымъ бѣгствомъ изъ Москвы Василія Шорина, какъ доказательствомъ, что этотъ измѣнникъ „побѣжалъ въ Польшу вчерашняго дня, съ боярскими листами“. Свидѣтелемъ тому выставили родного сына Шорина, который долженъ былъ подъ страхомъ смерти подтвердить предъ царемъ взводимое на отца обвиненіе въ присутствіи всего міра.

Такъ было обосновано массовое движеніе въ Коломенское съ официальной стороны; но все это было только официальнымъ предлогомъ; на самомъ дѣлѣ толпой руководили другія побужденія. Котошихинъ указываетъ на два побужденія, двигавшія главарей бунта въ ихъ дѣйствіяхъ. Это, съ одной стороны, справедливая месть главнымъ денежнымъ ворамъ, ускользнувшимъ отъ правосудія, благодаря близости ихъ къ царю; съ другой стороны, подъ этимъ законнымъ предлогомъ „бунтовщики“ хотѣли „учинить въ Москвѣ смуту для грабежу домовъ“.

Застѣночные отвѣты „гилевщиковъ“, повидимому, подтверждаютъ Котошихина. Дѣйствовать на чувство раздраженія населенія противъ ненавистныхъ временщиковъ и звать „униженныхъ и оскорбленныхъ“ „извести“ высокопоставленныхъ воровъ, поживиться за счетъ „разграбленія“ ихъ нажитаго кривдами имущества—значило разсчитывать на полный успѣхъ движенія: порукой тому было памятное возстаніе 1648 г., когда царь долженъ былъ выдать на растерзаніе толпѣ приказныхъ насильниковъ и слезной просьбой вымаливать жизнь фавориту (Морозову).

Толпа, шедшая въ Коломенское, обращалась къ встрѣчнымъ и колеблющимся съ такими словами: „На Москвѣ забиваютъ всѣхъ ослопьемъ; въ Коломенское идемъ для того, чтобъ побить измѣнниковъ; а будетъ кто учнетъ за измѣнниковъ стоять, мы де и тѣхъ побьемъ; а самимъ всѣмъ стоять другъ за друга и помереть всѣмъ за одно, и про листы на измѣнниковъ сказывали,—признавался на пыткѣ „Покровскія сотни Тимошка Андреевъ“.

Другіе участники „гиля“ откровенно объясняли свое участіе въ походѣ въ Коломенское „съ бунтовщики“ тѣмъ, что „въ мысли у (нихъ) о бунтовствѣ и о грабежѣ дворовъ было“.

---

[1]) Котошихинъ пишетъ, что вслѣдствіе разграбленія „царь не велѣлъ съ Шорина имать пятыя деньги, а довелось было съ него взять больше 15 тыс. рублей“, что составляетъ 20% дохода.

Эта мысль, навѣянная голодомъ и бьющимъ въ глаза экономическимъ неравенствомъ разныхъ слоевъ населенія Москвы, сказалась въ томъ, что вслѣдъ за походомъ въ Коломенское началось открытое разграбленіе въ Москвѣ богатыхъ домовъ; грабили главнымъ образомъ тѣхъ, чье имя такъ или иначе было связано съ переживаемымъ финансовымъ кризисомъ и дороговизной. „Чернь де сбирается, — говорили въ народѣ,—и быть отъ нихъ погрому двора И. Д. Милославскаго, да гостя Василія Шорина и иныхъ богатыхъ людей за измѣну въ денежномъ дѣлѣ“.

Самый составъ „гилевщиковъ“, повидимому, не даетъ сомнѣваться въ томъ, что движущей, сознательной или безсознательной силой мятежа были мотивы, непосредственно вытекавшіе изъ экономической тяжести переживаемаго момента.

Мы уже à priori можемъ представить себѣ тѣ элементы, которые должны были участвовать въ этой „гили“. То были уже извѣстные намъ наиболѣе пострадавшіе отъ финансоваго кризиса, дороговизны и рыночнаго голода „маломочные“ элементы московскаго населенія. Котошихинъ прямо перечисляетъ ихъ: „а были въ томъ смятеніи люди торговые и ихъ дѣти, и рейтары (ратные, получавшіе жалованье), и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе гулящіе и боярскіе люди“.

Въ спискѣ наказанныхъ послѣ сыска и пытки мы находимъ полное подтвержденіе и нашихъ ожиданій, и сообщенія Котошихина. Больше всего встрѣчается здѣсь представителей „маломочныхъ“ разрядовъ населенія Москвы: здѣсь вы найдете рядомъ съ сыномъ кузнеца монастырскаго конюха, огородниковъ, „тяглецовъ“ подмосковныхъ слободъ, квасника, дьячковъ, монастырскихъ служекъ, „татаровей“ разныхъ городовъ, жильцовъ и т. п. Значительный процентъ наказанныхъ составляетъ служилый военный элементъ новой формаціи (рейтарской службы на жалованьѣ), начиная съ капитана князя Кропоткина, поручиковъ, прапорщиковъ и кончая капраломъ, служилыми татарами и солдатами 5-й, 9-й, 10-й, 13-й, 14-й и 21-й роты. Котошихинъ неправъ только въ одномъ своемъ замѣчаніи, будто „въ томъ дѣлѣ несыскано ни единаго человѣка изъ иноземцевъ“; на самомъ дѣлѣ въ спискѣ сосланныхъ значатся нѣсколько „иноземскихъ дѣтей и иноземецъ Андрушка Васильевъ“.

До насъ дошла офиціальная бумага, нѣсколько иначе рисующая составъ „гилевщиковъ“ и отношеніе къ нимъ „разныхъ чиновъ людей“. Въ „офиціальномъ сообщеніи“, посланномъ на другой день мятежа на имя воеводы и другихъ начальныхъ людей городовъ Сѣвска, Смоленска, Владимира, Суздаля, Арзамаса и Коломны, событіе описывалось такъ: „...іюля въ 25 день въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, собрався воры разныхъ чиновъ худые людишки, учинили мятежъ, а учали было домы грабить, и иные учали намъ, в. г., бить челомъ съ большимъ невѣжествомъ,

а наши великаго государя всякихъ чиновъ ратные и торговые и земскіе люди къ тому ихъ воровству никто не пристали. И били челомъ намъ, в. г., ...всякихъ чиновъ служилые люди и всякіе торговые и жилецкіе люди, чтобъ мы указали тѣхъ воровъ и мятежниковъ перенмать, чтобъ тѣ воры большого дурна не учинили... А наши ратные всякіе люди и стрѣльцы, и торговые, и земскіе люди къ тому ихъ воровству не пристали", еще разъ подчеркиваетъ „официальное сообщеніе" о составѣ „гилевщиковъ".

Мы привели это „официальное сообщеніе" не для того, чтобы показать степень соотвѣтствія его съ дѣйствительностью, а чтобы оттѣнить тотъ естественный страхъ московскаго правительства, который вытекалъ изъ опасенія военнаго бунта въ средѣ рейтарскихъ полковъ какъ московскихъ, такъ и иногородныхъ.

Для Алексѣя Михайловича не опасны были безоружные гилевщики, „разныхъ чиновъ худые людишки", а страшны явившіеся вмѣстѣ съ ними въ село Коломенское незванная рота во главѣ съ капитаномъ Кропоткинымъ и многіе „солдаты иныхъ ротъ безъ начальныхъ людей". Страшны они были своимъ „непослушаніемъ начальнымъ людямъ" и страннымъ поведеніемъ въ Коломенскомъ. По разсказу поручика Ивана Грабленаго, когда начальные люди пріѣхали въ Коломенское, то увидѣли, что „солдаты ихъ полку и иные многіе люди стояли въ то время у государева двора; и окольничій Р. М. Стрешневъ... велѣлъ говорить, чтобъ отъ государева двора солдаты отошли прочь... и солдаты не послушали, отъ государева двора прочь не пошли"... [1]).

Можетъ-быть, этимъ объясняется, что Алексѣй Михайловичъ уговаривалъ (требовавшихъ выдачи измѣнниковъ) „тихимъ обычаемъ, чтобъ они шли въ Москву, а онъ, царь, учинитъ сыскъ и указъ".

Такое обращеніе съ первой партіей „бунтовщиковъ", пришедшей въ Коломенское, во всякомъ случаѣ необъясняется ихъ „вѣжливымъ челобитьемъ". „Вѣдь тѣ люди говорили царю и держали его за платье, за пуговицы: „чему де вѣрить", и царь, по словамъ Котошихина, „обѣщался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку, и одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ".

Когда вторично пришедшая толпа, по выраженію официальнаго сообщенія, стала „невѣжливо челомъ бить", Алексѣй Михайловичъ послѣ того, какъ „стрѣльцы къ нему на помочь въ село пришли", „закричалъ, отдавъ приказъ тѣхъ людей бити и рубити до смерти и живыхъ ловити".

„Официальное сообщеніе" по иногороднымъ полкамъ о непричастности къ „гили" ратныхъ людей имѣло своей естественной цѣлью предупредить

---

[1]) Зерцаловъ, Матеріалы „о московскихъ мятежахъ".

броженіе, которое происходило среди служилыхъ людей по причинамъ, общимъ какъ для столицы, такъ и для провинціи. Я разумѣю отмѣченное выше несоотвѣтствіе между жалованьемъ и дороговизной продуктовъ.

Въ приведенномъ „официальномъ сообщеніи“ въ высшей степени характерно для вызванной дороговизной междуклассовой ненависти указаніе, что „гости и гостиные и суконные сотенъ старосты и всякіе торговые и жилецкіе люди (сами) просили великаго государя тѣхъ воровъ и мятежниковъ переимать, чтобъ тѣ воры большаго дурна не учинили“. Это сообщеніе если не цѣликомъ отвѣчаетъ дѣйствительности (потому что всякіе торговые и жилецкіе люди участвовали въ „гили“), то оно правильно истолковываетъ самочувствіе богатыхъ гостей, которые должны были въ правительствѣ искать поддержки противъ той ненависти „маломочныхъ людей“, которые „по неразсужденію“ приписывали „дороговь “ихъ „алчности“.

Котошихинъ прямо говоритъ, что „гости и добрые торговые люди (т.-е. богатѣйшіе купцы) къ тѣмъ ворамъ не приставъ ни одинъ человѣкъ—еще на тѣхъ воровъ и помогали,—и отъ царя имъ было похваленіе“.

Зерцало царя Алексѣя Михайловича. (Оружейная Палата).

Правительство Алексѣя Михайловича жестоко расправилось съ „худыми людишками“ за ихъ „невѣжливое челобитье“. По увѣренію Котошихина, съ протокольной точностью описавшаго „денежный бунтъ“ во время коломенской сѣчи „потопилось въ рѣкѣ больше ста человѣкъ, а пересѣчено и переловлено больше семи тысячъ человѣкъ... И того жъ дни около того села повѣсили 150 чел., а достальныхъ всѣхъ пытали и жгли, и по сыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ и у ногъ пальцы, а иныхъ, бивъ кнутьемъ, клали на лицѣ на правой сторонѣ признаки, разжигали желѣзо накрасно, а поставлено на томъ желѣзѣ „буки“, т.-е. „бунтовщикъ“, чтобъ былъ до вѣку признатенъ, и разослали всѣхъ въ дальніе городы—въ Казань, въ Астрахань и на Терки и въ Сибирь... А пущихъ воровъ въ ночи, завязавъ руки назадъ, посадя въ большія суды, потопили въ Москвѣ рѣкѣ“.

Котошихинъ отмѣчаетъ безразсудную стихійность этого наказанія. Изъ казненныхъ, потопленныхъ и разосланныхъ „не всѣ были воры, а прямыхъ воровъ больше не было 200 человѣкъ: и тѣ невинные люди пошли за тѣми ворами смотрѣть, что они, будучи у царя, въ своемъ дѣлѣ учинятъ, а ворамъ, при такомъ множествѣ людей, надежно было говорить и чинить, что хотѣли".

IV.

Описанный бунтъ ярко показалъ правительству царя Алексѣя, къ чему можетъ повести дальнѣйшее промедленіе въ ликвидаціи системы мѣдныхъ денегъ. Тѣмъ не менѣе, оно медлило съ отмѣной мѣдныхъ денегъ еще около года и совсѣмъ не потому, что не знало, какъ поправить плоды своей финансовой изобрѣтательности. Еще за полгода до мятежа гостиные и торговые разныхъ категорій люди на запросы правительства о причинѣ „дорогови" и о средствахъ устранить ее дали глубокій анализъ создавшагося положенія и указали средства къ выходу изъ него.

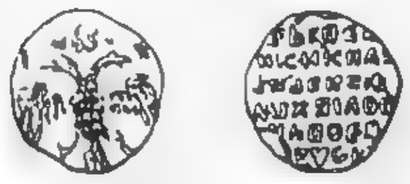
Указывая на мѣдныя деньги, какъ главный источникъ дороговизны и голода, купцы въ своихъ сказкахъ рекомендовали: 1) отмѣнить мѣдныя деньги; 2) „учинить съ непріятелями мирное постановленіе"; 3) запретить грекамъ покупать русскіе и сибирскіе товары на мѣдныя деньги безпошлинно; 4) установить монопольную торговлю съ иноземцами на поташъ, смолчугу, юфть, пеньку, соболя, сало и смолу для привлеченія драгоцѣнныхъ металловъ; 5) созвать земскій соборъ для разсмотрѣнія того дѣла, которое является „дѣломъ всего государства всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ людей".

Несмотря на ясность совѣта носителей земской мысли, своевременное выполненіе котораго предотвратило бы взрывъ 25 іюля 1662 г., правительство и послѣ мятежа не рѣшалось разстаться съ мѣдными деньгами и не хотѣло снова обращаться къ землѣ за совѣтомъ. Только боязнь, „чтобъ еще чего межъ людьми о деньгахъ не учинилося", побудила правительство царя Алексѣя черезъ годъ послѣ мятежа издать рядъ мѣръ для ликвидаціи мѣдныхъ денегъ. Рядомъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ указовъ (отъ 11, 15, 23 и 26 іюня 1663 г.) повелѣно: 1) Выдавать жалованье, собирать доходы и производить торгъ однѣми серебряными деньгами. 2) Промѣнивать мѣдныя деньги въ государевой казнѣ, съ полученьемъ за 1 мѣдный рубль по 2 серебр. деньги. Нежелавшимъ промѣнивать дозволялось переливать деньги въ мѣдныя вещи. 3) Казенные недоимочные сборы и частные долги уплачивать серебряною монетой по курсу на мѣдныя деньги того же года, мѣсяца и числа, когда учинена запись, заключенъ контрактъ или взяты въ долгъ деньги. 4) Уничтожить денежное мѣдное дѣло въ Москвѣ, Новгородѣ

и Псковѣ. 5) Завести на Москвѣ серебряный монетный дворъ [1]). 6) Еще раньше была введена, по совѣту купцовъ, монополія на отпускаемые за границу сырые товары.

Собственно, мѣры эти были признаніемъ злѣйшаго банкротства государства предъ своими кредиторами. Расплачиваясь по 2 деньги за рубль (по 1%), правительство въ сущности платило дешевле, чѣмъ стоилъ содержащійся въ мѣдномъ рублѣ металлъ. Но не однимъ только разореніемъ и голодомъ поплатилось населеніе за реформу приказныхъ финансистовъ. Не считая умершихъ „голодною смертью“, Котошихинъ подводитъ такой итогъ только казненнымъ въ связи съ этой финансовой реформой: „А людей за тѣ деньги, какъ они ходили, за ихъ воровство (поддѣлку), что они дѣлали, и смуту, что они чинили, казнено въ тѣ годы смертной казнью больше 7 тысячъ человѣкъ; да которымъ отсѣкали руки и ноги, и чинено наказанье и ссыланы въ ссылки и домы ихъ и животы иманы на царя (конфискованы), — больше 15 тысячъ человѣкъ, — московскихъ и городовыхъ и уѣздыхъ всякихъ чиновъ людей; и много оттого погибло честныхъ и знатныхъ и богатыхъ людей“...

В. Улановъ.



Мѣдныя деньги времени „гили“.

---

[1]) Шторхъ, Op. cit., 775 стр.

Стенька Разинъ. (По старин. нѣмецкой гравюрѣ).

Разиновщина.

I.

Если московскому правительству удалось сравнительно легко справиться съ московской „гилью“, то не такъ просто пришлось ему затушить вспыхнувшее въ 1668—1671 годахъ пламя соціальной революціи, обнявшей почти все Поволжье и грозившей разлиться по всему государству. Бунтъ Стеньки Разина—чрезвычайно сложное явленіе. Въ немъ соединились и старое казацкое стремленіе „достать зипуна“, и неудовольствіе мелкаго служилаго люда своимъ положеніемъ, и сепаративныя стремленія еще незамиренныхъ инородцевъ Поволжья, и реакція тяглыхъ слоевъ русскаго общества противъ непосильнаго гнета тягловыхъ и крѣпостныхъ отношеній.

Послѣдній факторъ, впрочемъ, является основнымъ источникомъ, питавшимъ всѣ тѣ силы, которыя создали „Разиновщину“. По мѣткому выра-

женію Костомарова, „весь порядокъ тогдашней Руси—управленіе, отношеніе сословій, права ихъ, финансовый бытъ“,—все давало пищу народному недовольству, и вся половина XVII в. была приготовленіемъ эпохи Стеньки Разина [1]).

Съ воцареніемъ дома Романовыхъ, усиліями земскихъ соборовъ была прекращена „смута“, но далеко не устранены всѣ причины, ее вызвавшія. На мѣсто сметеннаго съ исторической сцены родовитаго боярства съ его политическими притязаніями и соціальною мощью, выдвинулись „впередъ простой дворянинъ и „лучшій“ посадскій человѣкъ“ [2]). Захвативъ на земскихъ соборахъ силу общественнаго мнѣнія въ свои руки, эти два представителя русскаго общества все вліяніе свое направили на обращеніе начавшагося еще до Смуты процесса закрѣпощенія сословій въ свою пользу.

Развитіе крѣпостнической практики, естественно, усиливало соціальную вражду между торжествующими и угнетаемыми, вражду еще большую, чѣмъ та, которая бросала крестьянъ подъ знамена самозванцевъ и всякаго рода „лихихъ людей“ времени Смуты: вѣдь тогда въ „урочныхъ лѣтахъ“ у попавшихъ въ „крѣпость“ крестьянъ былъ еще выходъ изъ господской неволи!

Не теряли времени и „лучшіе“ посадскіе люди, пользуясь своимъ вѣсомъ на земскихъ соборахъ: они добились юридическаго огражденія тяглыхъ посадовъ отъ вторженія въ ихъ среду привилегированныхъ конкурентовъ (въ лицѣ обѣленныхъ промысловъ, лавокъ помѣщичьихъ, боярскихъ и т. п.); добились возвращенія въ посадское тягло вышедшихъ изъ него плательщиковъ и прекращенія дальнѣйшаго выхода изъ посада его тяглецовъ; привлекли „для легкости“ въ посадское тягло конфискованныя у частныхъ собственниковъ слободы на городскихъ земляхъ; наконецъ, устранили торговую конкуренцію иноземцевъ, безпошлинно торговавшихъ въ странѣ. Всѣ эти мѣры, конечно, направлялись къ облегченію тягловыхъ тяжестей посадскихъ людей, съ успѣхомъ „пополнявшихъ свои животы и промыслы“ въ тѣсномъ кругѣ посадскаго міра, внѣ конкуренціи болѣе сильныхъ и, конечно, не безъ эксплуатаціи труда и средствъ маломочныхъ тяглецовъ посада, прикрѣпленныхъ къ нему поневолѣ: не безъ достаточныхъ же основаній „маломочные люди“ стремились и послѣ „Уложенія“ уйти изъ посада и „заложиться“ за сильныхъ людей или продаться въ холопы. Возвращаемые въ посадское тягло неволею, маломочные люди, вынужденные голодомъ и правежомъ входить въ экономическую зависимость къ своимъ однопосадцамъ, едва ли питали чувства благодарности къ своимъ „хозяевамъ“ и порядкамъ, превращавшимъ бѣдняковъ въ „посадскихъ людей“ поневолѣ.

[1]) Костомаровъ, «Бунтъ Ст. Разина», въ Истор. моногр., т. II, стр. 212. Спб. 1863 г.
[2]) С. Ѳ. Платоновъ, «Очерки по исторіи Смуты». Спб. 1899 г. 568 стр.

Въ предшествующей статьѣ отмѣчалось, какъ чувствовали себя „лучшіе“ гости и купцы, благодаря ненависти къ нимъ тѣхъ элементовъ, которые выступили противъ гостя „Шорина и другихъ богатыхъ людей“. Да и сами „лучшіе“ посадскіе люди скоро могли убѣдиться, какъ непрочны тѣ юридическія стѣны, которыми они хотѣли оградить себя отъ конкуренціи сильныхъ соперниковъ. Уже въ 1662 г. „гости и гостиныя и суконныя сотни торговые люди“ докладывали въ Москвѣ, что „нынѣ всякими большими и лутчими промыслами и торгами владѣютъ и промышляютъ духовный и воинскій и судебный чинъ, оставя и презрѣвъ всякое государственное правленіе (т.-е законы)“ [1]).

Тяжесть сословныхъ отношеній, возбуждавшая сословную вражду между угнетенными и торжествующими, усиливалась тягловыми повинностями государству, которое, подъ давленіемъ военныхъ затратъ, предъявляло обществу требованія, не отвѣчавшія его платежнымъ силамъ и средствамъ. Слѣдующія цифры приблизительно показываютъ колоссальный ростъ повинностей, предъявляемыхъ государствомъ населенію:

Въ 1640 г.	съ сохи взимали	120	руб. стрѣлецк. подати
— 1660	— —	228	—
— 1671	— —	822	руб. 31 коп.

Мы не говоримъ уже объ изнурительныхъ экстренныхъ сборахъ 5-й, 10-й, 15-й деньги, а также разорительныхъ финансовыхъ операціяхъ въ родѣ выпуска мѣдныхъ денегъ, соляной пошлины и т. п. По мнѣнію изслѣдователей экономической жизни Россіи XVII в., увеличеніе налоговъ далеко не обусловливалось естественнымъ приростомъ населенія. Населеніе въ это время росло очень медленно. „Будучи прямымъ послѣдствіемъ тяжелаго фискальнаго гнета, задержка въ приростѣ населенія сама становилась одной изъ причинъ этого гнета: чѣмъ менѣе населеніе могло дать лишнихъ налоговъ, тѣмъ болѣе правительство въ нихъ нуждалось, и чѣмъ болѣе правительство ихъ требовало, тѣмъ менѣе состоятельными оказывались плательщики“ [2]).

Лучшимъ показателемъ истощенія платежныхъ силъ и средствъ населенія является ростъ недоимокъ во время, близкое къ „Разиновщинѣ“. Такъ, въ 1665 г. посадскіе люди настолько обѣднѣли, что, по донесенію агентовъ правительства, нельзя было приступить къ сбору пятинныхъ денегъ съ торговыхъ людей [3]). Особенно ярка въ этомъ отношеніи приведенная у

---

[1]) Чтен. въ Об-вѣ Ист. и Др. Росс., 1890 г., кн. III, 259—260 стр.

[2]) Милюковъ, «Государственное хозяйство», стр. 32.

[3]) Лаппо-Данилевскій, «Организація прям. обложенія», стр. 348.

Царь Алексѣй Михайловичъ. (Изъ альбома Мейерберга).

П. Н. Милюкова таблица поступленій и недоимокъ въ періодъ отъ 1664 г. по 1671 гг.

Годы	поступленія.	Недоимка.
1664	61.557 руб.	1.888
1665	61.177 »	2.267
1666	58.255 »	5.190
1667	55.810 »	7.635
1668	54.507 »	8.938
1669	55.160 »	8.285
1670	44.253 »	19.192
1671	16.402 »	29.907

И нельзя думать, чтобы недоимки эти являлись результатомъ попустительства мѣстныхъ властей, вѣдающихъ сборомъ податей. Одинъ сборщикъ,

на упрекъ московской власти въ запущеніи сборовъ, оправдывался: „Я, государь, посадскимъ людямъ не норовилъ и сроковъ не даю; пока не было вѣстей о литовскихъ людяхъ, я правилъ на нихъ твои государевы всякіе доходы нещадно, побивалъ на-смерть“. Другой документъ, говоря о подобной же энергіи при взысканіи „государевыхъ доходовъ“, объясняетъ и причины недоимокъ: „тѣхъ денегъ посадскіе и уѣздные люди не выплачиваютъ за пустотою, потому что у нихъ многія тягла запустѣли, и взять тѣхъ денегъ не на комъ, и остальные посадскіе и уѣздные люди отъ немѣрнаго правежа бѣгутъ въ... разные города“ [1]).

Къ тяжестямъ соціальныхъ отношеній и податнаго тягла присоединялся еще гнетъ приказнаго воеводскаго и „излюбленнаго“ управленія. Въ областномъ управленіи, по мнѣнію такихъ изслѣдователей, какъ Чичеринъ и Градовскій, не было опредѣленной системы. Компетенція земскихъ властей и воеводы была неясно разграничена въ соприкасающихся областяхъ; не было установлено точной субординаціи властей, равно какъ прочнаго территоріальнаго распредѣленія границъ власти тѣхъ же, скажемъ, воеводъ. Понятно, что при такой юридической неопредѣленности для личнаго произвола было обширное поприще.

Къ этому присоединялись: отсутствіе законныхъ формъ дѣлопроизводства, запутанность управленія и недостатокъ административныхъ средствъ, которыя не дозволяли правительству имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи мѣстнаго управленія; наконецъ, дальность разстоянія и трудность сношеній Послѣдствіемъ всего этого было то, что злоупотребленіямъ не было конца [2]). Правительство для избѣжанія длительныхъ злоупотребленій часто мѣняло должностныхъ лицъ, но отъ этого населенію легче не было: назначенный на годъ воевода старался въ короткій промежутокъ накормиться на многіе годы.

При этомъ вошло какъ бы въ обычай, что вновь вступающій въ управленіе воевода яркими красками обрисовывалъ неправды и злоупотребленія своего предшественника какъ бы съ цѣлью показать, что̀ ему предстоитъ превзойти. Часто само центральное правительство, отзывая воеводу, во всеуслышаніе объявляло объ его великихъ вымогательствахъ и неправдахъ, рекомендовало населенію не повиноваться незаконнымъ требованіямъ своихъ областныхъ агентовъ, и населеніе часто „творилось сильно“ своимъ властямъ. Слишкомъ общеизвѣстны конкретные случаи воеводскихъ злоупотребленій, чтобы приводить ихъ здѣсь. Отмѣтимъ только, что злоупотребленія эти, часто официально и рѣзко признаваемыя центральнымъ правительствомъ предъ всѣмъ „міромъ“, создавали у этого угнетеннаго міра представленіе, что „бояре“ — главные виновники переживаемыхъ

---

[1]) А. И. V, № 48.

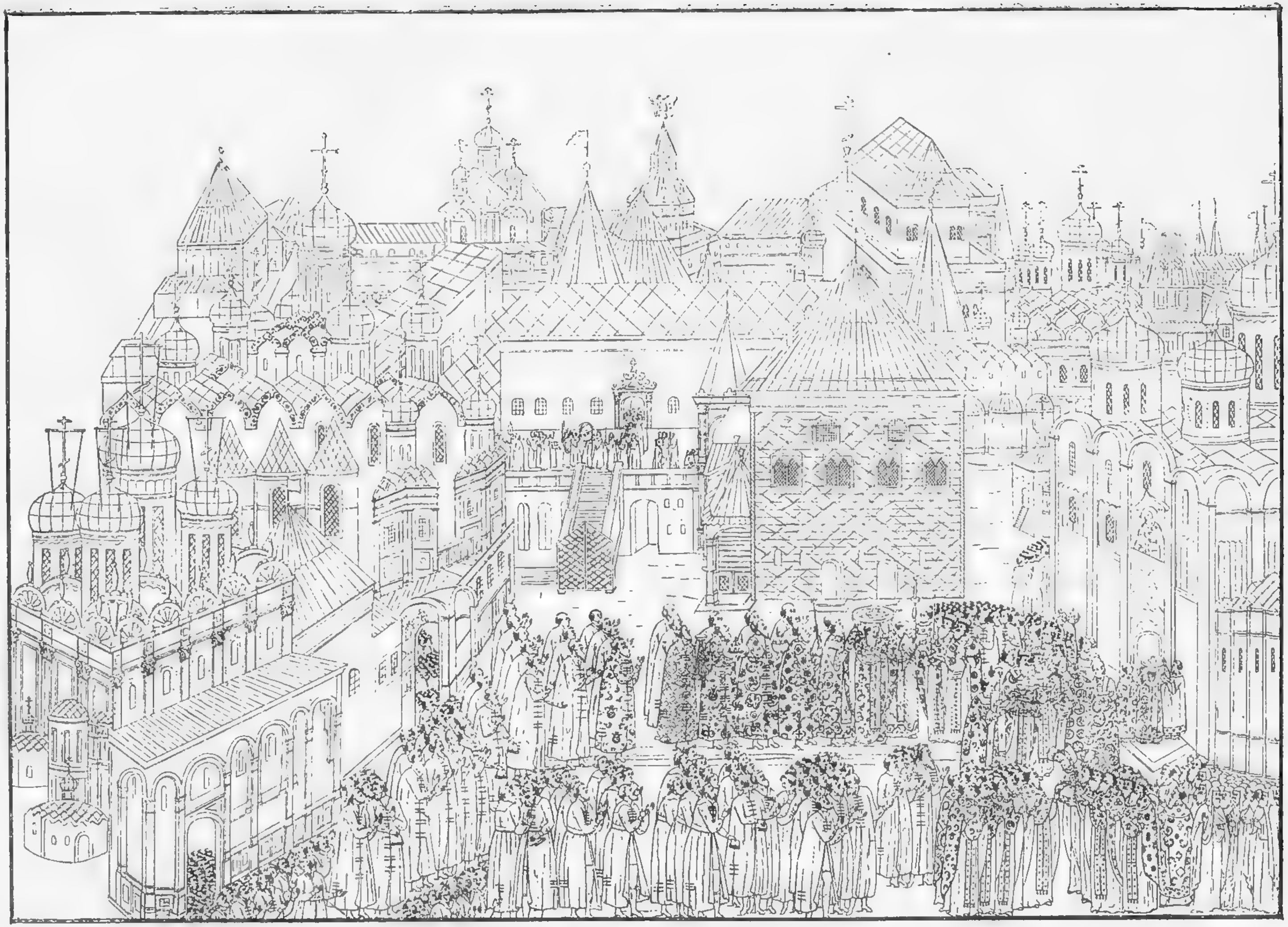
[2]) Чичеринъ, „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“.

Государственный щитъ.

Изъ альбома Солнцева.

Государственный типограф.

Печ. августа 6 сентября.



Приготовленія къ вѣнчанію Михаила Ѳедоровича.

Изъ „Книги объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича“.

„міромъ“ бѣдствіи податного, административнаго и соціальнаго гнета. Они—измѣнники и противъ царя, и противъ „міра“. „Кривой“ воеводскій судъ въ глазахъ населенія превратился въ какую-то роковую неизбѣжность, противъ которой можно бороться только сверхъестественными средствами, какъ, напримѣръ, заговоромъ. Нѣкій „Ѳедька попадья“ носилъ на себѣ въ качествѣ талисмана письмо, а въ немъ написано: „кто тотъ свитокъ учнетъ носить при себѣ и на судъ поїдетъ, и того человѣка кривымъ судомъ не осудятъ[1])“.

Отмѣченныя тяжести народной жизни не могли, конечно, вызывать у оскорбленныхъ и угнетенныхъ безропотнаго подчиненія тяжелой дѣйствительности. Бунты 1648, 1650, 1662 гг. являются хотя и единичными, чисто мѣстными вспышками, имѣвшими свои частныя причины, но не трудно во всѣхъ этихъ вспышкахъ подмѣтить общую черту — ненависть маломочныхъ людей къ „измѣнникамъ-боярамъ“ и богатымъ людямъ, которые давятъ народъ и обманываютъ царя. „Царь... глядитъ все изо рта бояръ — они всѣмъ владѣютъ; онъ все видитъ, да молчитъ: чортъ у него умъ отнялъ“, ропталъ народъ въ 1648 г., жалуясь на злоупотребленія фаворитовъ молодого царя. Задерживая деньги, отправленныя московскимъ правительствомъ въ Швецію, псковичи въ 1650 г. говорили: „Государь этого не знаетъ, — отпускаютъ казну бояре“. На этой же легендѣ объ измѣнникахъ боярахъ и купцѣ Шоринѣ построена была агитація московской „гили“ 1662 года.

Возстаніе 1648 года, окончившееся растерзаніемъ Трахоніотова и Плещеева, а также отставкой отъ дѣлъ ненавистнаго Морозова, вызвало, повидимому, чувство удовлетворенія у населенія и примиреніе съ царемъ.

Сенька Колтовскій писалъ своему дядюшкѣ Перфилью Ивановичу 26 іюня 1648 г.: „пожалуй, государь-дядюшка Перфилій Ивановичъ, прикажи ко мнѣ писать о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ... и нынѣча государь милостивъ,—сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ“,—и сейчасъ же приводитъ основанія своего сочувствія „милостивому государю“: „а надежа ваша съ Иваномъ Владычкинымъ вся переслылась, и вы не надѣйтеся нынѣча: кому вы посулъ давали, совсѣмъ они пропали, и лебеди твои остались у Бориса Морозова, а Назарій Чистой и съ деньгами пропалъ“ [2]). Въ Псковѣ, Новгородѣ, на Дону, въ Сибири, въ Москвѣ и Поволжьѣ, — всюду слышатся подобныя рѣчи, — рѣчи ненависти угнетеннаго народа противъ тѣхъ, кому въ то время лучше другихъ жилося, за счетъ другихъ. Стрѣльцы, посадскіе люди, мелкіе торговцы, крестьяне и холопы,— вотъ тѣ слои, которые охотно повторяли эти рѣчи и еще охотнѣе прислушивались къ нимъ.

---

[1]) Зерцаловъ, „Матеріалы о московскихъ мятежахъ“, стр. 230.

[2]) „Чтен. въ Об. Ист. и Др. Росс.“, 1890 г., кн. III, стр. 21.

Да въ рѣчахъ ли только выливалось горькое чувство народа противъ угнетателей-„измѣнниковъ“? И въ Новгородскомъ мятежѣ 1650 г., и въ московской гили 1662 г., и въ агитаціонныхъ рѣчахъ, призывавшихъ къ погромамъ, „животы и домы“ богатыхъ людей были объектомъ не одной слѣпой ненависти „гилевщиковъ“, а и предметомъ раздѣла, своеобразнымъ „потокомъ и разграбленіемъ“,—не даромъ въ старину онъ примѣнялся, между прочимъ, и къ „измѣнникамъ“.

Характернымъ показателемъ народной ненависти противъ крѣпостного режима и судебной волокиты было истребленіе бумагъ, главнымъ образомъ крѣпостныхъ и купчихъ граматъ, съ которыми у народа соединялись представленія о переписяхъ, описяхъ, кабалахъ и другихъ актахъ, навѣки прикрѣплявшихъ населеніе къ податному тяглу и крѣпостному состоянію. Такъ, въ 1649 г. бояринъ Б. И. Морозовъ билъ челомъ о возобновленіи 43 разныхъ граматъ „для того, какъ въ прошломъ во 156 г. (1648 г.) его боярина дворъ воровскіе люди разграбили, и тѣ граматы и купчія съ иными его крѣпостьми въ то время пропали“ [1]).

Въ этомъ-то настроеніи широкихъ массъ тяглаго населенія и всякаго чина маломочныхъ людей и слѣдуетъ искать корней „Разиновщины“: имъ опредѣлялось сочувствіе народныхъ массъ къ организованному возстанію противъ тяжелыхъ соціальныхъ и государственныхъ порядковъ,—сочувствіе, столь грозное для государства въ случаѣ успѣха революціоннаго движенія. Изъ этой раздраженной непосильными тяжестями среды выходили разные элементы, ставшіе активными силами возстанія; здѣсь же крылся секретъ пассивнаго сочувствія и бездѣйствія тѣхъ силъ, назначеніемъ которыхъ было поддерживаніе устоевъ общественной и государственной жизни, какъ они сформировались въ XVII в.

II.

Ближайшими участниками дѣла Разина были „голутвенные“ элементы казачества, тяглое населеніе приволжскихъ городовъ и уѣздовъ, поволжскіе инородцы и частью мелкіе служилые люди—стрѣльцы поволжскихъ военныхъ крѣпостей.

На выясненіи роли каждаго изъ этихъ элементовъ „Разиновщины“ мы и остановимся.

Главной ареной развитія „Разиновщины“ было Поволжье, по тогдашнему выраженію — „Низъ“, приблизительно въ предѣлахъ между Астраханью и Нижнимъ-Новгородомъ. Здѣсь были условія, особенно благопріятствовавшія развитію возстанія противъ московскихъ порядковъ и власти. Послѣ завоеванія поволжскихъ татарскихъ царствъ районъ этотъ съ его богатыми залежами чернозема былъ открытъ для широкой колонизаціи тѣсно скучи-

[1]) Чт. въ Об. Ист. и Др. Росс. за 1890 г., кн. III, стр. 231.

вшагося населенія главнымъ образомъ „Замосковнаго края“. Отсюда, по счастливому выраженію Ю. В. Готье, населеніе „сползало на Низъ“, тремя лавинами, увлекаемыми, правда, разными силами: вслѣдъ за бѣглой „вольницей“ сюда шло правительство съ своими военными базисами, а за ними двигался хозяинъ-монастырь и служилый вотчинникъ и помѣщикъ. Какъ ни интенсивна была эта колонизація, она за сто лѣтъ не могла „обрусить“ инородческаго Поволжья, претворить его бытовыхъ, національныхъ и хозяйственныхъ особенностей въ великорусскую стихію, какъ это было въ Ростовско-Суздальскій періодъ Руси.

Въ глубинѣ своихъ лѣсовъ, вдали отъ главныхъ рѣкъ, инородцы сидѣли сплошною массою, не зная и не видя московской власти. Перейдя отъ татаръ къ Москвѣ, инородческій міръ не сразу почувствовалъ смѣну власти, и въ его тайникахъ, еще мало доступныхъ московскому наблюденію и вмѣшательству, шла своя особая жизнь. Одна изъ самыхъ важныхъ частностей этой жизни заключалась въ томъ, что татары, потерявъ политическое господство въ своемъ царствѣ, не потеряли экономической силы въ качествѣ уже государевыхъ помѣщиковъ, опиравшихся къ тому же на престижъ старыхъ господъ края, знавшихъ лучше русскихъ строй инородческихъ отношеній. Такимъ образомъ уже со второй половины XVI в. надъ инородческими племенами Поволжья тяготѣли двѣ силы, съ которыми инородцамъ при ихъ разрозненности и слабости невозможно было совладать. Закрѣпляя за служилыми татарами инородческія земли, московская власть одновременно передавала другія части ихъ въ обладаніе русскимъ владѣльцамъ, и на этихъ земляхъ ихъ первоначальные собственники-инородцы становились „во крестьянъ мѣсто“ и пахали землю на новаго владѣльца. И частные московскіе переселенцы, „верховцы“, занимали инородческія же пустоши и угодья, оттѣсняя ихъ обладателей на другія мѣста или подчиняя ихъ своему вліянію. Съ переходомъ Поволжья въ русскія руки, процессъ обезземеленія инородцевъ и потери личной самостоятельности послѣднихъ усилился и ускорился, и это служило главною причиною того недовольства, съ какимъ инородцы относились къ московскому господству. У нихъ не было силъ для открытой борьбы за свою землю и не было центра, откуда бы исходилъ починъ возстанія и руководство дѣйствіями. Такъ объясняетъ проф. С. Ѳ. Платоновъ причины активнаго выступленія инородцевъ во время Смуты [1]).

Причины эти продолжали существовать и во времена выступленія Стеньки Разина, съ тою разницею, что стѣсненіе и раздраженіе инородцевъ къ этому времени усилилось вслѣдствіе естественнаго усиленія колонизаціи и угнетенія инородцевъ. Впослѣдствіи мы увидимъ въ рядахъ разиновскихъ полчищъ значительный процентъ инородцевъ.

---

[1]) „Очерки по исторіи Смуты“, стр. 108.

Да и въ самой средѣ русскихъ колонистовъ въ этомъ недавно заселенномъ районѣ нужно ожидать бо̀льшей „шатости“ и открытой непримиримости по отношенію къ московскимъ порядкамъ, чѣмъ это было въ исконномъ московскомъ центрѣ, опиравшемся на традицію и полицейскія силы государства. Не за тѣмъ шла въ Поволжье „вольница“, чтобы подчиниться здѣсь крѣпостнымъ и приказно-воеводскимъ порядкамъ, отъ которыхъ она бѣжала изъ родныхъ краевъ: слишкомъ обширны еще были для примиренія съ этими порядками приволжскія степи, слишкомъ велика конкуренція хозяевъ-землевладѣльцевъ на рабочія руки, слишкомъ близокъ былъ тихій Донъ, являвшійся послѣднимъ пріютомъ для непримиримыхъ враговъ надвигавшагося крѣпостного режима. Во всякомъ случаѣ въ средѣ поволжскаго крестьянства и вообще уѣздныхъ людей слишкомъ обострено было отношеніе къ проявленіямъ крѣпостного и податного режима какъ по воспоминаніямъ о своемъ прошломъ, такъ и по возможности легко уклониться отъ него. Эти переживанія были свойственны не только „повольникамъ“, но, несомнѣнно, раздѣлялись и тѣми крестьянами и холопами, которые были переведены сюда по волѣ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Крѣпостные навыки господъ, несомнѣнно, чувствовались ихъ „людьми“, при большей свободѣ и просторѣ, болѣзненнѣе, чѣмъ въ тѣснотѣ и крутости замосковнаго круга.

Царь Алексѣй Михайловичъ. (По старин. русской гравюрѣ).

Не болѣе надежны были по настроенію жителей тѣ новые города, которые заводились въ этомъ краю правительствомъ въ качествѣ военныхъ и отчасти промышленныхъ форпостовъ правительственной колонизаціи. Вокругъ этихъ городовъ-крѣпостей густо садилось русское населеніе, постепенно продвигаясь отъ нихъ въ глубь инородческихъ поселеній. Окруженные моремъ инородческой враждебной стихіи, обитатели этихъ городовъ чувствовали себя изолированными отъ русской среды и не только въ смыслѣ безопасности, на случай движенія инородцевъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Предоставленные своимъ ремесламъ и мелкимъ промысламъ, жители этихъ городковъ должны были чувствовать гнетъ податныхъ сборовъ не менѣе обитателей тѣхъ городовъ и посадовъ, изъ которыхъ они „разбрелись отъ непомѣрныхъ правежей“. Тяжесть же денежнаго кризиса и дороговизны 1659—1663 гг. тяжело переживалась обитателями особенно недавно поставленныхъ городковъ (Тамбова, двухъ Ломовыхъ и др.,) тѣмъ болѣе, что жили здѣсь все люди „молодшіе“ и „маломочные“, для которыхъ кризисъ былъ особенно тяжелъ.

Произволъ же воеводскаго управленія въ этихъ удаленныхъ отъ центра областяхъ былъ очень силенъ особенно въ виду чрезвычайныхъ полномочій воеводскаго управленія въ пограничныхъ и мало замиренныхъ областяхъ. „Шатости“ населенія этихъ городовъ не мало содѣйствовало то обстоятельство, что поволжскіе города были въ то время мѣстомъ ссылки для обвиненныхъ участниковъ въ разныхъ мятежахъ этого времени. Изъ Москвы, Новгорода, Пскова, Сольвычегодска и Устюга были высланы въ Казань, Астрахань, Терки и другія мѣста многочисленные „воры“, вырвавшіеся изъ рукъ неумолимой московской Немезиды цѣною торговой казни, отсѣченія рукъ, ногъ, пальцевъ. Не съ мирными чувствами къ московскимъ порядкамъ приходили въ мѣста невольнаго поселенія какъ дѣйствительные „гилевщики“, такъ и невинныя жертвы московскаго сыска.

Въ Поволжьѣ служилые люди, особенно „молодшіе“ — стрѣльцы, были ненадежной опорой московскихъ порядковъ въ поволжскихъ военныхъ пунктахъ. Особенно ненадежны были такъ называемые „годовальщики“, которые „изъ верхнихъ городовъ годуютъ“ въ понизовыхъ городахъ. Оторванные отъ родины службой въ чужомъ краю, стрѣльцы и „годовальщики“ часто не получали во-время жалованья, и это обстоятельство, напримѣръ, было рѣшительнымъ побужденіемъ для астраханскихъ стрѣльцовъ передаться Разину. Для нихъ, несомнѣнно, памятно было тяжелое время „дорогови“ 1659—1663 гг., когда, по челобитью поволжскихъ служилыхъ людей, они „обѣдняли и обнищали, и стали наги и босы... лошадей купить не на что — на мѣдныя деньги (инородцы) не продаютъ, а серебряныхъ негдѣ взять... Обнищали великими долгами, — и дворишки, и животишки, и дѣтишки закладывали и со всякія нужды въ конецъ погибаютъ и помираютъ голодною смертью“.

Отмѣченныя особенности жизни Поволжья необходимо имѣть въ виду для пониманія успѣховъ „Разиновщины“ въ этомъ районѣ.

III.

На Дону, гдѣ зачалась „Разиновщина“, въ XVII в. развивались процессы, долженствовавшіе неминуемо разрѣшиться тяжелыми для Московскаго государства послѣдствіями.

Уже при избраніи Михаила Ѳедоровича, подъ давленіемъ вооруженной земщины, въ средѣ казачества восторжествовали „прямые“ элементы, которые приняли участіе въ очищеніи Москвы отъ иноземцевъ и въ установленіи государственнаго порядка, потрясеннаго въ значительной степени при участіи „искателей зипуновъ“. Правда, часть непримиримаго казачества отказалась „прямить“ Москвѣ и попыталась поддержать смуту на юго-восточной окраинѣ государства во имя „воренка“ (сына Марины

Мишекъ); но „прямые старые казаки“ оказались дальновиднѣе своихъ безпокойныхъ товарищей: противъ вооруженной земщины, руководимой инстинктомъ самосохраненія, отбросы ея, хотя бы и сплоченные общею ненавистью къ московскимъ порядкамъ, были безсильны. „Прямые казаки“ предпочли осѣсть на берегахъ тихаго Дона въ видѣ „вольныхъ“ слугъ Московскаго государства, готовыхъ за жалованье „платить головами своими, противъ кого государское повелѣніе будетъ“. Награбленные въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ „зипуны и животы“, пополняемые подачками отъ Москвы за службу и „ростомъ“ за ссуду, давали этому слою казачества ту солидность и удовлетворенность, которая заставляла его поддерживать съ Москвой добрыя вассальныя отношенія и показывать видъ готовности дѣйствовать въ интересахъ Московскаго государства даже тогда, когда дѣйствія эти причиняли Москвѣ одинъ вредъ и хлопоты.

Стенька Разинъ.
(По старин. нѣмецкой гравюрѣ).

Но это „прямое старое“ казачество недолго могло задавать тонъ всему населенію „вольнаго“ Дона. Тяжесть московскаго крѣпостного и податного гнета выражалась не въ однихъ только рѣзкихъ словахъ и мѣстныхъ „гиляхъ“: посады и уѣзды, какъ мы видѣли, пустѣли вслѣдствіе побѣговъ населенія отъ „непомѣрныхъ правежей“ и кривдъ административнаго и соціальнаго строя. Населеніе, естественно, бѣжитъ туда, гдѣ были безсильны и искусство сыщиковъ, и право землевладѣльцевъ, и указъ государевъ. „У казаковъ де того не повелось, что бѣглыхъ людей отдавать [1]),—заявляли всякій разъ на Дону, при попыткахъ нарушить казацкую вольность.—А на твою государеву отчину, на рѣку на Донъ, приходятъ къ намъ всякихъ чиновъ люди и иноземцы, и тѣми людьми твоя государская рѣка наполняется и служитъ тебѣ, великій государь, заедино: и впредь милости у тебя просимъ,—вѣжливо угрожали казаки,—чтобы попрежнему отъ насъ съ твоей отчины, съ рѣки Дону, всякихъ чиновъ людей не имать, и чтобы всякихъ земель люди шли на Донъ къ намъ безъ опасенія, и твоя бы отчина была полна, и намъ бы съ твоей отчины, Дону, розно не разбрестись“ [2]). И дѣйствительно, всякихъ чиновъ бѣглые люди въ серединѣ XVII в. и далѣе „шли

[1]) Матеріалы для исторіи возмущенія С. Разина. М. 1857 г., 46 стр.
[2]) „Д. Д. св. Х“, 1675 г., № 22.

на Донъ безъ опасенія“ и настолько „наполнили“ Донъ, что „на Дону стало гораздо много, а кормиться имъ нечѣмъ—никакихъ добычъ не стало“ [1]).

У насъ нѣтъ данныхъ опредѣлить въ цифрахъ степень перенаселенности Дона въ разсматриваемое время.

Опустошеніе Замосковнаго края и Сѣвера, розыски помѣщиками бѣглыхъ въ этомъ направленіи [2]); наконецъ, заявленіе казаковъ о перенаселеніи Дона,—все это только говоритъ за скопленіе на Дону бѣглыхъ и недовольныхъ московскими порядками, но не опредѣляетъ ихъ размѣра. Казаки въ разное время по разному опредѣляли свое число (отъ 10 до 3 тыс.), смотря по тому, нужно ли было запугать своею численностью, увеличить размѣръ государева жалованья [3]), или изобразить свое безсиліе предъ московскими заданіями. Да и сами казаки едва ли знали себѣ счетъ не только потому, что „переписки казакомъ на Дону и на Яикѣ и нигдѣ по ихъ казачьимъ правомъ не повелось“ [4]), но главнымъ образомъ благодаря непрерывному приливу всякаго чина „голутвенныхъ людей“, которые, повидимому, далеко не всѣ поступали въ казаки: многіе ограничивались скромной ролью „работниковъ“ и „батраковъ“ у богатыхъ казаковъ, и слыли за „бурлаковъ“ [5]). Въ числѣ ихъ были женщины и дѣти: „и во многіе въ донскіе городки пришли бѣглые боярскіе люди и крестьяне съ женами и дѣтьми,—и оттого де на Дону голодъ большой“, сообщали официальныя данныя отъ 1667 года.

Голодъ былъ слѣдствіемъ крайняго развитія двухъ вольностей Дона: права принимать бѣглыхъ и запрещать земледѣліе.

Вызванный первою „вольностью“ преизбытокъ населенія не могъ поддерживаться естественнымъ развитіемъ земледѣльческаго хозяйства. Послѣднее настолько считалось не отвѣчающимъ казацкимъ нравамъ, что особымъ приговоромъ донское войско постановило „бить до смерти и грабить того, кто станетъ пахать и сѣять: а хто хочетъ пахать, и тѣ бъ шли въ прежнія свои мѣста, кто гдѣ жилъ“, высокомѣрно заявляетъ постановленіе.

Эта своеобразная мѣра была, можетъ-быть, инстинктивнымъ опасеніемъ, какъ бы вслѣдъ за пахаремъ не пришелъ переписчикъ „живущей пашни“ съ его прикрѣпляющимъ перомъ.

Развитію голода, несомнѣнно, содѣйствовала система московскаго правительства давать донской „вольницѣ“ чувствовать „милость государя“ въ зависимости отъ подвоза хлѣба изъ центральныхъ областей, — пріемъ, столь успѣшно примѣненный когда-то „Низомъ“ по отношенію къ новгородской

---

[1]) „Матер.“, 50 стр.
[2]) См. Готье, „Замосковный край“.
[3]) „Матеріалы“, 42 стр.
[4]) Дружининъ, „Расколъ на Дону“, стр. 10—11.
[5]) Ibid., стр. 13.

вольницѣ. Начавшаяся на Дону „шатость“ пріостанавливала и частный подвозъ хлѣба и товаровъ [1]).

Конечно, старые прямые казаки могли кое-какъ мириться съ голодомъ, но что представляла изъ себя вновь прибывшая на Донъ толпа „голутвенныхъ“ людей съ ихъ семьями? Въ былыя времена казаки — меньшіе люди между ними—выходили изъ подобнаго положенія нападеніемъ на крымцевъ; но теперь и этотъ выходъ былъ прегражденъ. По словамъ казаковъ Разина, походъ на Волгу они затѣяли потому, что „на Дону имъ учала быть скудость большая: на Черное море проходить имъ немочно,—учинены отъ турскихъ людей крѣпости, и они де, отобрався, охочіе люди, пошли на Волгу и съ Волги на море, безъ вѣдома войскового атамана Кор-

Атаманъ Стенька Разинъ и персидская княжна. (Съ картины П. Ф. Яковлева).

пила Яковлева, а начальный де человѣкъ у нихъ къ тому дѣлу былъ Стенька Разинъ“ [2]).

По другимъ даннымъ, между „охочими голутвенными людьми“ и „старыми прямыми казаками, которые къ Стенькину бунту не приставали“ [3]), повидимому, была затаенная вражда, — вражда голодныхъ къ сытымъ и сытыхъ, которые не понимали голодныхъ. Правительственные шпіоны доносили въ Москву, что „иные старшины и нарочитые казаки Стенькино воровство не хвалятъ и къ себѣ его не желаютъ“ [4]).

---

[1]) „Матеріалы“, стр. 201.
[2]) „Матеріалы“, 38 стр.
[3]) Ibid., 5 стр.
[4]) Ibid., 51.

Не оставались въ долгу и „голутвенные“: по словамъ другого доносчика, „на Дону де въ войскѣ и во всѣхъ низовыхъ городахъ воровскіе казаки сбираются многимъ собраніемъ, и хотятъ итти на Волгу, а на атамана де на Корнила Яковлева и на иныхъ старшинъ хвалятся воровскіе казаки — хотятъ побить“ [1]).

IV.

Мы разсмотрѣли тѣ условія, которыя создали элементы революціи, ея образующія силы, и благопріятную почву для ея развитія. Бунтъ долженъ былъ разразиться даже въ томъ случаѣ, еслибы и не было того, чьимъ именемъ этотъ бунтъ называется.

Бунтъ разразился въ два пріема. Сначала въ 1678 г. въ видѣ прорыва голутвенныхъ людей чрезъ поволжскія заставы въ Каспійское море, гдѣ казачество пограбило берега персидскихъ владѣній и, добывъ себѣ средства, а предводителю своему славу, возвратилось на Донъ, получивъ отъ Москвы прощеніе. Черезъ годъ казачество „опрокинулось“ внутрь государства, въ Поволжье, и подняло населеніе противъ московской власти, противъ помѣщиковъ и государственныхъ порядковъ. И то и другое движеніе слишкомъ извѣстны съ своей драматической стороны, чтобы ходъ ихъ описывать здѣсь. Оба эти движенія связаны съ именемъ Степана Тимоѳеевича Разина, на выясненіи роли котораго въ этомъ движеніи мы и остановимся.

Стенькѣ Разину посчастливилось, какъ не многимъ другимъ „вождямъ“ народныхъ движеній. Фигура Разина не только въ поэтическомъ воображеніи современниковъ и потомковъ заслонила собою силы, вынесшія его имя изъ тьмы безвѣстности, но и въ лучшихъ „бытописаніяхъ“ земли родной вплоть до послѣдняго труда о „Разиновщинѣ“ Степану Тимоѳеевичу отводится слишкомъ видная роль въ „Разиновщинѣ“. На самомъ дѣлѣ, реальная личность Разина неизмѣримо меньше его эпическаго и литературнаго образа, хотя образъ этотъ былъ дѣйственною силой уже при самомъ Разинѣ.

Этотъ образъ, ставшій знаменемъ и девизомъ движенія народныхъ массъ противъ соціальнаго и политическаго гнета, сложился больше изъ массовыхъ переживаній и вожделѣній, чѣмъ изъ чертъ дѣйствительнаго могущества и обаянія. Разинъ дѣйствовалъ въ сліяніи съ такими стихійными переживаніями массъ, которыя заставляютъ „камни вопіять“ и „изъ камней дѣлаютъ чадъ Аврааму“. Эти настроенія, найдя иногда случайный центръ для своихъ отраженій, и составляютъ „прибавочную“ часть настоящаго дѣятеля, придавая его нетвердымъ жестамъ силу магическаго воздѣйствія на массы, вливая въ его слова и поступки содержаніе, болѣе отвѣчающее настроенію массъ, чѣмъ мыслямъ ихъ автора, и превращая даже

---

[1]) Ibid., 29.

пошлыя и слабыя стороны „героя“ въ иносказательные символы, въ полныя смысла и глубокой мудрости дѣйствія.

И историку трудно отдѣлить реальное значеніе даннаго историческаго дѣятеля отъ его „прибавочнаго“ вѣса, трудно выдѣлить личность отъ знамени, волю отдѣльнаго человѣка отъ связанныхъ съ нею стихійныхъ волевыхъ импульсовъ массъ, то гипнотизирующихъ дѣятеля своими желаніями, то самогипнотизирующихся черезъ него.

Мы интересуемся личностью Разина и его традиціоннымъ образомъ постольку, поскольку въ его дѣйствительныхъ поступкахъ и приписываемыхъ ему качествахъ и поведеніи отразились существеннѣйшія черты Разиновщины, намѣтились ея ходъ, воодушевляющіе массы лозунги и смыслъ событій, выразителемъ чего случайно сталъ донской казакъ Стенька Разинъ.

Изъ ряда многочисленныхъ мятежей, придавшихъ царствованію Алексѣя Михайловича характеръ „бунташнаго времени“, Разиновщина выдѣлялась своею длительностью, обширностью захваченнаго района и разнохарактерностью вошедшихъ въ смуту силъ.

Эти свойства Разиновщины едва ли можно приписывать организаторскому таланту Стеньки Разина. Мы уже видѣли тѣ силы, которыя „указывали путь до великаго до дѣла“ удалому молодцу. На этотъ путь сталъ не одинъ Разинъ: къ нему примкнули съ самостоятельными шайками уже отчасти ранѣе извѣстные атаманы: Сережка Кривой (съ 700 человѣкъ) и Васька Усъ, мастеръ по устройству возстаній земскаго люда и, на нашъ взглядъ, лучше Разина понимавшій, гдѣ находится центральный источникъ революціонныхъ настроеній и силъ.

Случайность помогла Разину стать первымъ на фонѣ развертывающихся событій.

Разинъ обладалъ двумя особенно цѣнными въ его положеніи качествами, — умѣніемъ примѣняться къ обстоятельствамъ и внушать къ себѣ довѣріе, часто граничащее съ суевѣрнымъ преклоненіемъ. Для перваго нужно было обладать яснымъ и достаточно гибкимъ умомъ, для второго требовалось знаніе среды воздѣйствія, ея настроеній, при нѣкоторой находчивости умѣніе во-время принять соотвѣтственную позу и сдѣлать жестъ, импонирующій толпѣ. По части яркихъ демонстративныхъ жестовъ и позъ Стенька былъ большой мастеръ.

Во-время ввернуть многозначительное по своей неопредѣленности словечко, демонстративно оттаскать воеводу за бороду въ присутствіи жертвъ воеводскаго управленія; блеснуть шелковыми парусами и канатами, а также драгоцѣнностями своего наряда, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же презрительно продать ихъ за гроши или милостиво раздать просителямъ; даже съ ухарскимъ самоотверженіемъ бросить въ воду свою возлюбленную, какъ бы въ угоду казацкимъ правамъ и ожиданіямъ чрезвычайнаго со стороны

толпы,—все это дѣлалось, несомнѣнно, съ сознательною цѣлью окружить себя ореоломъ „необычнаго“, если все это дѣйствительно такъ дѣлалось, а не разукрашено стоустою молвой.

Успѣхъ предпріятія, обусловленный стихійнымъ сочувствіемъ массъ, казался не только загипнотизированной толпѣ и суевѣрнымъ воеводамъ [1]) проявленіемъ чудесной силы въ Разинѣ, но, кажется, и самому Разину: по крайней мѣрѣ свое пораженіе и раны подъ Симбирскомъ онъ открыто признаетъ за роковое отступленіе отъ него чудесной силы.

Впрочемъ, думается, даже въ описаніи этихъ позъ и жестовъ Разина многое слѣдуетъ отнести на счетъ прикрасъ народной молвы и слишкомъ повышенной воспріимчивости лицъ, описывающихъ событіе со словъ другихъ или подъ вліяніемъ сильныхъ потрясеній. Даже въ самыхъ красочныхъ выступленіяхъ Стеньки Разина можно открыть побужденія, не столь героическія, и поступки, которые всего меньше говорятъ о чрезвычайныхъ способностяхъ Разина.

Кажется, всѣми изслѣдователями Разиновщины придается особое значеніе разсказу разныхъ источниковъ о мрачной расправѣ Стеньки съ персидскою княжной. Одни видятъ въ этомъ желаніе Стеньки поразить воображеніе очевидцевъ, другіе — угожденіе казацкимъ нравамъ, третьи — проявленіе вообще капризной и неподходящей подъ общія рамки натуры Разина. Не говоря уже о томъ, что разсказъ этотъ крайне фантастиченъ, а свидѣтельства очень сомнительны, какъ-то всѣ изслѣдователи упускаютъ при этомъ изъ виду одно официальное извѣстіе, что возвратившійся изъ персидскаго набѣга Разинъ готовился встрѣтиться съ своею законной женой. Везти съ собою на Донъ персидскую плѣнницу не только не отвѣчало казацкимъ нравамъ,—жена Разина жила съ нимъ въ кагальникѣ, по и обычаямъ семейной жизни. Обычно Стеньку представляютъ „не вѣрящимъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, а только лишь въ червленый вязъ“; но это представленіе является прямымъ сближеніемъ Стеньки съ Ваською Буслаевымъ, и тѣмъ ясно показывается, что историки склонны смѣшивать личность Разина съ эпическимъ его образомъ.

Обыкновенно въ подтвержденіе „вольнодумства“ Разина ссылаются на официальное сообщеніе правительства, извѣщавшаго, что Разинъ предается анаѳемѣ, между прочимъ, за то, что „онъ, Стенька, износилъ на имя Господне, на Его св. церковь хулу, и священниковъ съ Дону училъ сбивать, хотя жить безъ браку“... Но это вольнодумство принимаетъ нѣсколько другой оттѣнокъ, если мы выяснимъ, о чемъ говоритъ правительство. Къ Разину, вербовавшему новую шайку для похода на Волгу, обратились съ просьбой—

---

[1]) Царицынскій воевода выдалъ Разину „наковальню и мѣхи и кузнечную снасть, убоясь тѣхъ воровъ, что того атамана и ясаула пищаль, ни сабля ни што не возьметъ, и все де войско они берегутъ“. Матер., 23 стр.

Взятіе Астрахани Стенькой Разинымъ. (Изъ „Путешествія“ Стрюйса 1676 г.).

пожертвовать изъ своихъ персидскихъ добычъ часть на возобновленіе сгорѣвшей церкви въ Черкасскѣ. Стенька не жалѣлъ средствъ для привлеченія къ себѣ военнаго люда, но жертвовать на церковь считалъ дѣломъ, не входящимъ въ его планъ, тѣмъ болѣе, что духовенство часто выступало противъ него съ обличеніями [1]). Разинъ отказалъ: „На что церкви? Къ чему попы? — говорилъ онъ набожнымъ ходатаямъ. — Вѣнчать, что-ли? Да не все-ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вокругъ него — вотъ и повѣнчались!“ [2]). Если даже эти выраженія доподлинно принадлежатъ Разину, то не надо забывать, что они близки къ народному языку [3]) и въ казацкой бродячей жизни имѣли особый смыслъ. Съ другой стороны, то обстоятельство, что Стенька путешествовалъ въ Соловки и истово крестился передъ казнью, едва ли говоритъ о немъ, какъ человѣкѣ, который отрѣшился отъ власти обычая, обряда, общественнаго мнѣнія. Намъ кажется, наоборотъ, что секретомъ успѣховъ Разина было

[1]) Матер., 123 стр.
[2]) Матер., 192 стр.; Рпгельм., „Исторія Войск. Донск.“, 61. Доп. VI, 57.
[3]) Припомнимъ пословицу: „Вѣнчали вокругъ ели, а черти пѣли“.

какъ разъ умѣнье приспособляться къ обстоятельствамъ, средѣ и обстановкѣ, искренно проникаться настроеніемъ окружающихъ и наилучшимъ образомъ выражать его. Въ Разинѣ нѣтъ постоянства и выдержки. Въ зависимости отъ обстановки онъ то деретъ за бороды воеводу и грозитъ тряхнуть Москвою, то трусливо склоняется предъ астраханскимъ воеводой и даетъ со скрежетомъ зубовъ взятку, не имѣя мужества отказать воеводѣ, сказавшему, что ссориться съ нимъ, воеводою, не выгодно, такъ какъ онъ можетъ въ Москвѣ склонить настроеніе въ пользу или во вредъ Разина. Выставляя себя великодушнымъ побѣдителемъ, дающимъ право побѣжденнымъ слѣдовать за нимъ или уходить къ врагу, Разинъ жестоко расправляется съ тѣми, кто уходилъ отъ него. Выставляя себя публично врагомъ личныхъ почестей и защитникомъ невинныхъ, отказываясь отъ мысли стать царемъ, Разинъ не упустилъ случая надѣлить себя пышными титулами въ перепискѣ съ персидскимъ шахомъ; и когда послѣдній въ отвѣтномъ письмѣ обозвалъ Разина „дикою свиньею, за которою онъ, шахъ, пошлетъ своихъ охотниковъ“, Разинъ чисто по-персидски обидѣлся за оскорбленіе своего величія, приказавъ изрубить привезшаго грамату ни въ чемъ неповиннаго казака и тѣло его выбросить птицамъ.

Большимъ достоинствомъ Разина было его чисто практическое умѣнье соединять расточительную щедрость съ умѣньемъ въ кредитъ или на чужой счетъ содержать своихъ „голутвенныхъ“ товарищей. Въ персидскій походъ Разинъ выступалъ безъ всякихъ средствъ. Мы недоумѣваемъ, на какія же средства могъ вооружить и содержать Разинъ эти $1^1/_2$—2 тыс. товарищей, пошедшихъ съ нимъ въ Персію. Оказывается, снаряженіе въ походъ было не столько дѣломъ Разина, сколько добрымъ казацкимъ обычаемъ смотрѣть на воровскіе походы, какъ на доходное предпріятіе, въ которое состоятельные донцы не прочь были внести свой вкладъ въ видѣ ссуды „голутвеннымъ удальцамъ“ оружія, пороху, одежды и т. п., въ разсчетѣ на половину добычи. Любопытное явленіе вскрывается изъ донесенія московскаго агента о томъ, что „къ Стенькѣ идутъ голутвенные люди и многіе донскіе казаки, которые, нужая (ссужая?) воровскихъ казаковъ голутвенныхъ людей ружьемъ и платьемъ, какъ они пошли съ Дону на Волгу съ Разинымъ, отпускали ихъ для добычъ изъ полу,—и при немъ (доноситѣлѣ) донскіе казаки съ тѣми посыльщиками (кредиторами) дѣлили добычу“[1]). Едва ли этотъ казацкій обычай вкладыванія капиталовъ въ рискованное казацкое предпріятіе былъ новъ для временъ Разина; не новы были и способы прокармливанія товарищей за счетъ чужого имущества, встрѣчающагося и на сушѣ и на водѣ. Разинъ не только грабитъ суда богатаго и непопулярнаго купца Василія Шорина, но государевы и митрополичьи посады и

---

[1]) Матер., 49 стр.

улусы кочевниковъ. Впрочемъ, Разинъ видѣлъ и въ торговлѣ необходимое подспорье для продовольствія своихъ шаекъ. Возвратившись изъ персидскаго похода на Донъ, Разинъ задержалъ „торговыхъ людей, которые въ судехъ съ товары и со всякими запасы ѣхали съ верховыхъ городовъ на Донъ, чтобы торгъ для всякой живности у него былъ“... Торговые люди, не видя особой для себя опасности отъ перенесенія торговли изъ Черкасска въ Кагальникъ, а даже большую выгоду, потому что казаки Разина расплачивались щедро награбленнымъ добромъ, охотно везли свои товары на рынокъ Кагальника, гдѣ Стенька устроилъ свое пребываніе во время приготовленія ко второму походу на поволжскіе города [1]).

Богатая добыча, полученная Разинымъ на персидскихъ берегахъ Каспія, дала ему средства для снаряженія сильнаго войска пушками и другимъ оружіемъ, а еще больше дала его имени то магическое обаяніе, которое сыграло въ дальнѣйшемъ развитіи Разиновщины бо̀льшую роль, чѣмъ самъ Разинъ. Имя это стало общимъ знаменемъ, подъ которое стягивались недовольные разныхъ категорій, имѣвшіе разныхъ враговъ и неодинаковыя стремленія, но видѣвшіе въ Разинѣ общаго вождя. И къ чести Разина, онъ сумѣлъ для каждаго изъ своихъ союзниковъ дать наиболѣе понятный для него лозунгъ, не заботясь особенно о послѣдовательности въ своихъ заявленіяхъ и выступленіяхъ.

Гнетъ въ его политическихъ, соціальныхъ, податныхъ, религіозныхъ и др. проявленіяхъ былъ тѣмъ общимъ врагомъ, котораго всѣ чувствовали, только представляли его въ разныхъ видахъ. Стенька Разинъ объявилъ себя освободителемъ отъ этого всеобщаго врага. Воля и равенство, вотъ конечная цѣль его выступленій. Въ достиженіи ихъ, по убѣжденію Разина, нуждался рабъ столько же, сколько царь, и государевъ стрѣлецъ не менѣе вольнаго казака. Особенно ярки были лозунги борьбы за казацкую вольность. Московскій политическій режимъ уже наложилъ свою тяжелую руку на западную часть казачества, которая стала на торный путь закабаленія сословій въ Московскомъ государствѣ. Непримиримыя части запорожцевъ ушли на Донъ; но и здѣсь, какъ мы видѣли, образовалась уже партія, склонная за подачки и покой промѣнять казацкую вольность. Только голутвенные люди да осоюзившіеся съ ними запорожцы не допускали мысли о концѣ казацкой вольности, и Разинъ явился яркимъ выразителемъ этой именно группы казачества, которая подъ его руководствомъ образовала самостоятельное войско, дѣйствующее внѣ зависимости отъ „прямыхъ старыхъ казаковъ“.

Разинъ говорилъ атаману послѣднихъ, Корнилу Яковлеву: „Ты владай своимъ войскомъ, а я де владѣю своимъ“ [2]). Онъ рѣзко отпарировалъ попытки Москвы наложить руку на вольности казачества. На требованія астра-

[1]) Матер., 189 стр.
[2]) Матер., 196.

ханскаго воеводы переписать казаковъ Разина, по случаю полученнаго имп прощенія, Разинъ отвѣчалъ: „переписки казакамъ на-Дону и на-Яикѣ и нигдѣ по ихъ казачьимъ правомъ не повелось“ [1]). На требованіе выдать перебѣжчиковъ, Разинъ отвѣтилъ: „У казаковъ того не повелось, чтобъ бѣглыхъ людей выдавать“ [2]).

Когда же воевода чрезъ посланнаго нѣмца попытался „словомъ угрозительнымъ“ побудить атамана выдать приставшихъ къ нему государевыхъ людей, Разинъ „вспыхнулъ: по своему обычаю прежде всего помянулъ родительницу нѣмца, потомъ схватился за саблю и чуть было не перекрестилъ ею посланнаго.

— Какъ же ты смѣлъ,—закричалъ онъ,—прійти ко мнѣ съ такими непочтительными словами. Чтобъ я выдалъ друзей своихъ, которые ко мнѣ пристали ради любви и пріятства! Ты еще смѣешь грозить немилостью! Хорошо! Скажи же воеводѣ, что я не боюсь ни его, ни кого-нибудь повыше его... Дуракъ онъ, трусъ этакій! Онъ теперь надѣется на свою силу и деретъ носъ да еще хочетъ со мной обращаться, какъ съ холопомъ, когда я отъ рожденія вольный человѣкъ! У меня силы и власти больше, чѣмъ у него. Я расплачусь съ этими негодяями, какъ слѣдуетъ расплачусь!“ [3])

Разинъ не только отражалъ прямыя попытки Москвы наложить руку на вольности казачества, но, повидимому, хотѣлъ прекратить всякія дипломатическія сношенія Дона съ Москвою. Это ярко обнаружилось изъ пріема Разинымъ московскаго посла Герасимова, котораго онъ утопилъ, обвинивъ его въ томъ, что онъ подосланный боярами „лазутчикъ“ [4]).

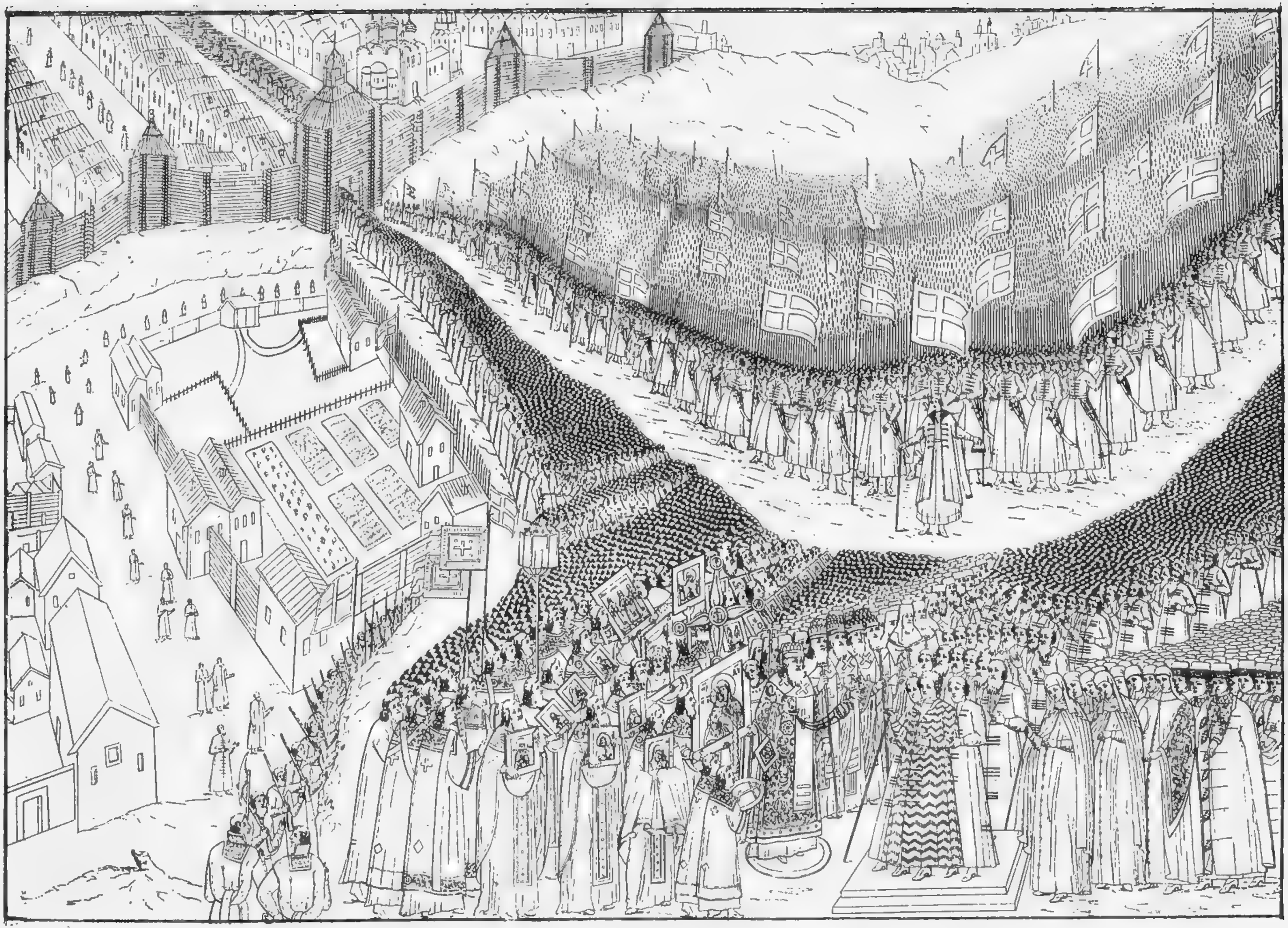
Перебросившись за границу вольнаго Дона, Стенька и здѣсь объявилъ походъ противъ неравенства и угнетателей.

Идти противъ московскихъ порядковъ въ Поволжьѣ значило идти противъ царя. Разинъ не рѣшался дѣйствовать въ открытую и воспользовался старымъ обходнымъ пріемомъ, объявивъ царя въ неволѣ у измѣнниковъ-бояръ. Взятымъ въ плѣнъ стрѣльцамъ Стенька и всѣ казаки его войска говорили, что де они, стрѣльцы, бьются за измѣнниковъ, а не за государя, а онъ, Стенька, бьется съ войскамп за государя [5]). Подобно гилевщикамъ московскимъ, заставившимъ сына Шорина свидѣтельствовать объ измѣнѣ отца и бояръ, Разинъ выставилъ противъ бояръ, овладѣвшихъ волею царя, мнимаго сына Алексѣя Михайловича, умершаго царевича Алексѣя. Рядомъ съ нимъ былъ поставленъ патріархъ Никонъ, вторая жертва боярской злобы и ненависти.

---

[1]) Ibid., 42.
[2]) Ib., 46.
[3]) Костомаровъ, «Бунтъ Ст. Разина», 278 стр.
[4]) Матер., 195 стр.
[5]) Матер., 7 стр.

1867.



Встрѣча Михаила Ѳедоровича и инокини Марѳы за Земляным городомъ.

Изъ „Книги объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича".

Отъ лица этихъ гонимыхъ особъ Разинъ звалъ народъ искоренять „всѣхъ бояръ, думныхъ людей, воеводъ и приказныхъ людей, потому что они всѣ измѣнники и народные мучители, а какъ царевичъ воцарится вмѣсто безвольнаго отца, то будетъ всѣмъ воля и равность“ [1]).

Любопытно, что, призывая вступиться за гонимаго Никона, агенты Разина возбуждали раскольниковъ „никоніанскою ересью“ и звали ихъ противъ общаго врага. Изслѣдователи считаютъ за большую политическую ошибку Разина, что онъ вмѣшалъ въ агитацію непопулярное имя Никона; но, думается, упрекъ напрасенъ: въ это время расколъ еще не распространился, какъ активное явленіе, въ области Дона и Волги настолько, чтобы имя Никона могло отвратить индиферентныя въ вопросахъ вѣры народныя массы [2]); а, съ другой стороны, призывы Разина не объявлялись во всеуслышаніе и распространялись только въ той средѣ, для которой данные лозунги были наиболѣе выразительными.

Объявляя бояръ, думныхъ, приказныхъ людей и воеводъ главными измѣнниками и мучителями народа, Разинъ въ своемъ кругу, въ Царицынѣ, звалъ сторонниковъ „вверхъ по Волгѣ подъ государевы города воеводъ изъ городовъ выводить и къ Москвѣ итти противъ бояръ“ [3]).

Въ разсылаемыхъ по уѣздамъ и чрезъ агентовъ граматахъ Разинъ обращался къ крестьянамъ и ко всякимъ людямъ съ требованіемъ истреблять всѣхъ владѣльцевъ-помѣщиковъ и вотчинниковъ, потому что они всѣ измѣники и народные мучители; при чемъ казаки и народъ вѣшали дворянъ и приказчиковъ разныхъ вотчинъ и помѣстій [4]). Возбуждая чувства соціальной ненависти у закрѣпощаемыхъ слоевъ противъ крѣпостниковъ и ихъ агентовъ, Разинъ прибѣгалъ къ извѣстной уже намъ формѣ выраженія ненависти противъ крѣпостныхъ порядковъ, истребляя бумаги, по всей вѣроятности, касавшіяся всякаго рода кабальныхъ, крѣпостныхъ и судебныхъ дѣлъ. Такъ, въ Астрахани онъ приказалъ вытащить изъ приказной палаты всѣ дѣла и сжечь ихъ на площади всенародно, а самъ приговаривалъ: „вотъ такъ я сожгу всѣ дѣла на верху у государя“. Дѣла, конечно, касавшіяся переписи населенія и его обложенія, прикрѣпленія и кабалъ, — т.-е. всего того, что составляло главную тяжесть народной жизни.

Разинъ, повидимому, старался поднять и инородцевъ. У насъ нѣтъ документовъ, прямо говорящихъ объ агитаціи среди нихъ, но есть факты, показывающіе совмѣстное дѣйствіе казаковъ съ черемисами, мордвою и другими инородцами; при чемъ и тѣ и другіе дѣйствуютъ главнымъ образомъ

---

[1]) Костомаровъ, op. cit., стр. 312—13.

[2]) Съ этимъ согласны, кажется, сами изслѣдователи раскола. См. Дружининъ, „Расколъ на Дону“, стр. 90.

[3]) Матер., 15 стр.

[4]) Матер., 21 и 81 стр.

противъ русскаго уѣзднаго міра, грабя жителей и убивая начальниковъ. Ядринскіе жилецкіе люди доносили государю, что, „видя казацкое воровство, Ядринскаго уѣзда черемиса многіе къ нимъ казакамъ прельстились, и, увидѣвъ ихъ казаковъ, та черемиса разорили русскія деревни и насъ... русскихъ людей многихъ рубили и всякую животину грабили“ [1]).

Такимъ образомъ, подъ знаменами Разина съ казацкими побужденіями и чувствами соціальной ненависти слилось національное озлобленіе инородцевъ, увидѣвшихъ возможность излить свою долго скрываемую месть противъ поработителей и утѣснителей.

Мы видѣли, какъ мѣтко направлялъ Разинъ свои „прелестныя воззванія“ въ разнородную среду, примкнувшую къ руководимому имъ движенію. Это разнообразіе агитаціонныхъ лозунговъ и цѣлые мѣшки „прелестныхъ писемъ“, развозимыхъ по градамъ и весямъ восточной, южной и даже центральной Россіи [2]), заставляютъ насъ думать, что или Разинъ былъ талантливый агитаторъ, или у него были самостоятельные помощники, которые за свой рискъ страхъ и обращались къ разнымъ слоямъ населенія съ наиболѣе возбуждающими данную среду воззваніями во имя того вождя, имя котораго само по себѣ стало символомъ возстанія. Скорѣе можно допустить послѣднее въ виду противорѣчія въ самыхъ агитаціонныхъ воззваніяхъ, въ виду сложности затронутыхъ возстаніемъ интересовъ, а—главное—въ виду участія въ возбужденіи крѣпостного населенія такихъ помощниковъ Разина, какъ Васька Усъ, прославившійся еще до Разина организаціей шаекъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, истреблявшихъ помѣщиковъ, и другихъ видныхъ агитаторовъ. Но какъ бы то ни было, агитація была направлена на готовую почву, если мы вспомнимъ взаимоотношеніе разныхъ слоевъ населенія предъ „Разиновщиной“.

Агитація, поддержанная успѣшнымъ занятіемъ Царицына, Астрахани, Саратова, Самары и др. городовъ, вызвала возстаніе почти всего крѣпостного и инородческаго Поволжья, и бунтъ уже находилъ себѣ сочувственные отклики на югѣ (въ Чугуевѣ, Бѣлгородѣ) и даже въ самой Москвѣ, но прославленный вождь въ рѣшительный моментъ оказался не на высотѣ своего положенія, — не только не сумѣлъ организовать въ планомѣрное движеніе стихійно поднявшіяся вокругъ него силы, но и не могъ оцѣнить главнаго ихъ источника, и трусливо бѣжалъ на Донъ. Любопытно, что Разинъ отступилъ послѣ первой же неудачи подъ Симбирскомъ, которая далеко не была, какъ принято думать, разгромомъ его наличныхъ силъ въ моментъ сраженія. Въ жаркомъ бою подъ Симбирскомъ, продолжавшемся цѣлый день, Стенька былъ раненъ, и къ ночи только отступилъ въ башню. Разинцы за этотъ день потеряли только 4 пушки, знамена, литавры и сто двадцать плѣнниковъ; убитыхъ было съ обѣихъ сторонъ не менѣе. Что побѣда кн. Барятин-

---

[1]) Матер., 148 стр.

[2]) Матер., 12, 16, 180, 200, 233 и 263 стр.

скаго надъ Разинымъ была далеко не рѣшительная, видно изъ того, что Барятинскій не осмѣлился преслѣдовать Стеньку и ограничился скромною задачей—выручить гарнизонъ Симбирска, что ему и удалось. На третій день (3 сентября) Стенька даже приступилъ къ штурму города. Зашедшій въ тылъ осаждающимъ полкъ Андрея Чабурова, не рѣшаясь напасть, издавалъ только громкіе возгласы. И Стенька, не освѣдомившись даже о количествѣ нападавшихъ и не увидѣвъ пороха и сабли, рѣшилъ бѣжать съ своими донцами, оставивъ въ качествѣ громоотвода построенныхъ въ боевой порядокъ крестьянъ и инородцевъ. На утро, когда союзники Разина замѣтили вѣроломное бѣгство вождя и его казаковъ, они въ безпорядкѣ бросились къ Волгѣ, чтобы захватить оставленныя суда. Барятинскому оставалось хватать и вѣшать тѣхъ, кто не успѣвалъ утонуть въ Волгѣ. И послѣ этого еще говорятъ о разгромѣ кн. Юр. Барятинскимъ силъ Разина. Это былъ „разгромъ“ популярности Разина, какъ лица: предъ нимъ теперь закрывали ворота занятые имъ раньше города; его теперь могли безбоязненно схватить „старые прямые казаки“ на Дону, потому что были разгромлены его ближайшіе помощники — казаки и перешедшіе на его сторону стрѣльцы низовыхъ городовъ; но при большемъ присутствіи духа Разинъ обошелся бы и безъ ихъ поддержки, такъ какъ вызванныя его движеніемъ потенціальныя силы возмущенія даже послѣ безславнаго бѣгства Разина разрастались въ пожаръ, охватившій громадный районъ современной Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской, Самарской, Саратовской и др. губерній. Горсть казаковъ, не послѣдовавшая за своимъ робкимъ атаманомъ, разсѣявшись по уѣздамъ и городамъ, возмущала крестьянъ, занимала крѣпости и города, истребляла воеводъ и служилыхъ людей однимъ именемъ Разина и слухомъ объ его появленіи въ окрестностяхъ, объ его мнимомъ распоряженіи сдаться. И Разинъ народнаго воображенія продолжалъ свое страшное дѣло, въ то время, когда настоящій Разинъ, растерявшійся предъ стихійнымъ движеніемъ, бѣжалъ въ узкій кругъ своихъ казацкихъ городковъ, гдѣ сторонники его были подавлены призракомъ неудачи, а враги, лишенные подвоза съѣстныхъ припасовъ съ верха и разсчетомъ на подачки отъ великаго государя, безъ боя поймали „знаменитаго“ атамана и выдали его на казнь правительству. Существуетъ мнѣніе, что неудача Разина объясняется тѣмъ, что его казацкимъ шайкамъ и крестьянскимъ ополченіямъ не подъ силу было сражаться съ государевыми войсками, состоявшими изъ рейтаръ, драгунъ и другихъ солдатъ, обученныхъ регулярному и огненному бою.—Мнѣніе на нашъ взглядъ ошибочное, и вотъ почему: во-первыхъ, побѣда надъ Разинымъ подъ Симбирскомъ едва ли можетъ считаться торжествомъ „войска“ Барятинскаго надъ „шайками“ и „ополченіями“ Разина: она скорѣе плодъ странной растерянности Разина и трусости его казацкаго войска. Во-вторыхъ, регулярныхъ московскихъ войскъ было въ Поволжьѣ такъ мало, что ихъ едва

хватало для подавленія возстанія отдѣльныхъ городковъ и деревень, которые опять бунтовали вслѣдъ за уходомъ экзекуціонныхъ отрядовъ въ другое мѣсто. Начальныя лица прямо заявляли, что „шатость“ въ ихъ уѣздахъ и городахъ объясняется отсутствіемъ гарнизоновъ, а „стрѣльцы и люди не надежны“. Не опасны были для „Разиновщины“ силы правительства еще и потому, что между воеводами шла обычная распря, мѣшавшая единству дѣйствія, и энергія воеводъ разсѣивалась больше на доносы и отписки въ Москву, чѣмъ на выработку общаго плана дѣйствій. Не устрашали взбунтовавшееся населеніе и невѣроятно многочисленныя и жестокія казни безъ суда и слѣдствія. Не успѣвали остыть трупы казненныхъ, какъ ихъ единомышленники вновь поднимались именемъ того, кто былъ уже безсиленъ, какъ активный вождь.

„Разиновщина“ была задавлена не силою московскаго правительства и не стотысячной гекатомбой повѣшенныхъ, четвертованныхъ, сожженныхъ и т. д., а тѣмъ, что въ самый разгаръ возстанія сломалось хрупкое древко знамени, которое объединило разнородные элементы населенія въ общемъ движеніи противъ тяжелаго гнета московскаго режима. Не по Стенькѣ-казакѣ оказалась та шапка, которая принадлежала идеальному Разину, какъ исторической проекціи массовыхъ переживаній народа, какъ центру, сосредоточившему въ себѣ тѣ сложныя движенія, на которыя распадался потокъ народнаго недовольства. Этотъ Разинъ не былъ побѣжденъ и четвертованъ: онъ остался живъ въ народномъ воображеніи и его любимыхъ пѣсняхъ; онъ явился черезъ сто лѣтъ въ лицѣ Пугачева.

В. Улановъ.

Стрюйсъ. Утопленіе персидской княжны.

Патріархъ Никонъ. (Изъ „Царскаго Титулярника“).

Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ.

Какъ патріарха Никона наши изслѣдователи до сихъ поръ смотрятъ только какъ на церковнаго реформатора, который произвелъ у насъ исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, церковныхъ чиновъ и обрядовъ по греческимъ, ради чего у насъ и появился расколъ старообрядства. Эта сторона дѣятельности Никона обыкновенно и привлекаетъ все вниманіе нашихъ изслѣдователей. А между тѣмъ въ дѣятельности патріарха Никона есть и еще одна въ высшей степени важная и характерная сторона, касавшаяся вопроса объ отношеніи церкви къ государству. Рѣшеніе этого вопроса Никонъ считалъ главнѣйшею и существеннѣйшею задачею своего патріаршества и употреблялъ всѣ усилія порѣшить его такъ, какъ считалъ это болѣе правильнымъ и согласнымъ съ интересами церкви. Эту характерную сторону въ дѣятельности Никона я постараюсь освѣтить въ настоящей статьѣ.

Когда въ Москвѣ возникла и окончательно укрѣпилась власть великаго князя, какъ главы всей тогдашней Руси, тогда и каѳедра русскаго митропо-

лита, назначаемаго константинопольскимъ патріархомъ, перенесена была въ Москву, и русскій митрополитъ сталъ называться московскимъ и всея Руси. Московскіе великіе князья скоро достигли того, что митрополиты стали избираться изъ русскихъ, ставиться въ Москвѣ соборомъ русскихъ іерарховъ, совершенно независимо отъ константинопольскаго патріарха. Митрополитъ теперь избирался изъ подданныхъ великаго князя, избирался по желанію и указанію послѣдняго и, ставъ митрополитомъ всея Руси, попрежнему оставался подданнымъ великаго князя, всегда и во всемъ зависящимъ отъ него. Еслибы такъ избираемый и поставляемый митрополитъ сталъ въ чемъ-либо противиться волѣ и хотѣнію великаго князя, а потомъ царя московскаго, послѣдній всегда могъ замѣнить его болѣе угоднымъ ему лицомъ. Соборъ русскихъ іерарховъ, подданныхъ московскаго государя и поставляемыхъ подъ его воздѣйствіемъ, или по его прямому указанію, всегда готовъ былъ исполнить волю и желаніе великаго государя. Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, московскіе митрополиты превратились въ покорныхъ и, нерѣдко, раболѣпныхъ слугъ — „потаковниковъ“, какъ ихъ тогда называли, московскаго государя, потерявъ всякую самостоятельность и независимость предъ окрѣпшею властью свѣтскаго великаго государя.

Патріархъ Никонъ.
(Чудовъ монастырь въ Москвѣ).

Учрежденіе въ Москвѣ патріаршества, превратившаго московскаго митрополита въ патріарха, нисколько не измѣнило существовавшихъ ранѣе отношеній между свѣтскою и духовною властью въ Москвѣ. Московскіе патріархи точно такъ же, какъ ранѣе митрополиты, избирались у насъ и низвергались свѣтскою властью, которая, преслѣдуя свои цѣли и виды, распоряжалась патріаршею каѳедрою по своему усмотрѣнію и произволу, никогда не встрѣчая себѣ въ этомъ какого-либо противодѣйствія ни со стороны собора русскихъ іерарховъ, ни тѣмъ болѣе со стороны народа. Что же касается самого патріарха, то онъ рѣшительно не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ, чтобы хотя сколько-нибудь оградить себя отъ произвола и насилій

свѣтской власти. Первый московскій патріархъ былъ избранъ и поставленъ царемъ Ѳеодоромъ вмѣстѣ съ Годуновымъ. Когда умеръ Борисъ Годуновъ, а его сынъ былъ убитъ, то сейчасъ же насильственно низвергается съ патріаршаго престола и ставленникъ Годунова — Іовъ. Лжедмитрій, вмѣстѣ съ своими сторонниками, ставитъ патріархомъ, вмѣсто низверженнаго Іова, греческаго митрополита Игнатія. Шуйскій, низвергнувъ Лжедмитрія, сейчасъ же низвергаетъ и его ставленника — патріарха Игнатія, и ставитъ патріархомъ своего избранника Гермогена. Шуйскій низвергается съ престола, и на его мѣсто избирается польскій королевичъ Владиславъ. Тогда патріархъ Гермогенъ низводится съ патріаршаго престола и умираетъ насильственною смертью, а на его мѣсто патріархомъ опять дѣлается низложенный ранѣе Игнатій. Но Игнатій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ въ Литву, и патріаршая каѳедра въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ остается незанятою, пока не возвратился изъ плѣна отецъ новаго государя, Филаретъ Никитичъ, который и сталъ патріархомъ московскимъ.

Московскій патріархъ, во всемъ и всегда зависимый отъ царя, обязанный ему всегдашнимъ подчиненіемъ и повиновеніемъ, не былъ свободенъ и самостоятеленъ даже въ управленіи своею собственною патріаршею областью, такъ какъ, наравнѣ съ другими епархіальными архіереями, находился и въ своемъ епархіальномъ управленіи подъ постояннымъ бдительнымъ контролемъ свѣтской власти.

Въ древней Руси архіерейскій домъ и все архіерейское управленіе были устроены по образцу княжескаго двора и управленія. У архіерея былъ многочисленный классъ свѣтскихъ служилыхъ людей, которые жили при архіерейскомъ домѣ, имѣли въ своемъ пользованіи архіерейскія земли и несли за это при архіереѣ разныя службы: были органами его управленія архіерейскимъ дворомъ, архіерейскими землями, крестьянами и самымъ духовенствомъ, которое по отношенію къ архіерею было тяглымъ податнымъ сословіемъ, обязаннымъ вносить въ архіерейскую казну опредѣленныя подати. Изъ свѣтскихъ архіерейскихъ служилыхъ людей избирались архіерейскіе бояре, дьяки, десятильники, тіуны, праветчики и доводчики, приставы или недѣльщики, дворецкіе, волостели, приказчики, стольники, кравчіе, конюшіе и проч. Самыми важнѣйшими и вліятельнѣйшими въ архіерейскомъ управленіи были: бояре, дворецкіе и дьяки. Бояре составляли при архіереяхъ судебное отдѣленіе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ архіерейской юрисдикціи, не исключая и дѣлъ духовныхъ. Когда у великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, появились особыя правительственныя учрежденія, называемыя приказами, то, по ихъ образцу, патріархъ Филаретъ Никитичъ устроилъ такіе же приказы и въ патріаршемъ управленіи, и въ управленіи всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ. Съ этого времени всѣ епархіальныя судебныя и административныя дѣла патріаршей области вѣдались въ особомъ

Перовъ. Никита Пустосвятъ. Третьяковская галлерея.

патріаршемъ приказѣ, называемомъ „Разрядъ“, который всецѣло находился въ вѣдѣніи патріаршаго боярина. — Вслѣдъ за боярами особенно видное и важное значеніе въ архіерейскомъ управленіи имѣли дворецкіе. На обязанности дворецкаго лежало завѣдываніе всѣмъ архіерейскимъ домомъ въ хозяйственномъ отношеніи, управленіе всѣми архіерейскими землями и имѣніями, какъ тѣми, которыя находились въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея и его, такъ называемыхъ, домовыхъ монастырей, такъ и тѣми, которыя отдавались въ пожизненное владѣніе различнымъ служилымъ лицамъ при архіереѣ. Дворецкій же судилъ всѣхъ лицъ, жившихъ на архіерейскихъ земляхъ. Послѣ бояръ и дворецкихъ особенно важное значеніе въ архіерейскомъ управленіи имѣли дьяки, люди совершенно необходимые во всякомъ дѣлѣ, требующемъ знанія законовъ, старины, письменнаго канцелярскаго искусства, безъ подписи которыхъ ни одна бумага не могла получить официальнаго характера, и безъ дѣятельнаго, а часто и руководящаго участія которыхъ не дѣлалось ни одно сколько-нибудь важное дѣло.

Архіерейскіе бояре, дворецкіе и дьяки держали въ своихъ рукахъ все архіерейское управленіе, такъ какъ къ нимъ нерѣдко поступали на разсмотрѣніе и собственно духовныя дѣла. Высшее свѣтское правительство прекрасно понимало то важное значеніе, какое указанные чиновники имѣли во всемъ епархіальномъ архіереѣскомъ управленіи, а потому оно постаралось этихъ важныхъ и вліятельныхъ архіереѣскихъ чиновниковъ поставить въ прямую зависимость отъ себя, чтобы чрезъ нихъ подчинить своему вліянію и контролю все епархіальное архіерейское управленіе. Стоглавый соборъ постановилъ, что архіереи сами—единолично, безъ согласія и одобренія царя, не могутъ назначать своихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, и что въ случаѣ непмѣнія архіереемъ лицъ, способныхъ занять эти должности, царь назначаетъ ихъ изъ своихъ чиновниковъ. Точно такъ же, безъ согласія и воли царя, архіереи не имѣютъ права увольнять по своему усмотрѣнію назначаемыхъ къ нимъ царемъ чиновниковъ отъ занимаемыхъ ими должностей. По словамъ Флетчера, эти архіерейскіе чиновники обязаны были давать отчетъ въ своемъ управленіи не епископу, а государю, такъ что въ лицѣ этихъ назначаемыхъ царемъ архіереѣскихъ чиновниковъ при каждомъ древне-русскомъ архіереѣ постоянно находилось три маленькихъ нынѣшнихъ оберъ-прокурора, при существованіи которыхъ не могло быть и рѣчи о какой-либо дѣйствительной самостоятельности архіереевъ въ ихъ епархіальномъ управленіи.

Наши церковные древне-русскіе соборы, нормировавшіе весь строй и все теченіе нашей церковной жизни, во всемъ безусловно зависѣли отъ государей. Иниціаторомъ всѣхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій всегда былъ царь, безъ его воли и согласія они не могли состояться. Царь назначалъ всѣхъ лицъ, которыя должны были участвовать въ соборныхъ засѣданіяхъ,—

безъ его особаго приглашенія ни одинъ архіерей не смѣлъ явиться на соборъ. Царь напередъ подготовлялъ всѣ матеріалы, которые должны были быть предметомъ соборныхъ обсужденій и рѣшеній, при чемъ онъ внимательно слѣдилъ за всею дѣятельностью собора и давалъ ей то или другое направленіе, сообразно своимъ видамъ и намѣреніямъ. Царь, по своимъ видамъ и цѣлямъ, исправлялъ и даже видоизмѣнялъ соборныя рѣшенія и иногда передавалъ ихъ на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе Боярской думы. Всякое постановленіе церковнаго собора, чтобы получить силу обязательнаго закона, нуждалось въ утвержденіи царя, который всегда могъ не признать состоявшихся постановленій церковнаго собора, и они тогда уже не имѣли никакого практическаго значенія. Словомъ, наши церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій были только простыми совѣщательными учрежденіями при особѣ государя, они были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ. Единственнымъ источникомъ всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и церковнаго, былъ у насъ царь, который государственные законы издавалъ, „поговоря“ съ своими боярами, т.-е. съ Боярскою думою; церковные законы издавалъ, „посовѣтовавшись“ съ своими царскими богомольцами: патріархомъ, архіереями, архимандритами, игуменами и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ. Различіе между Боярскою думою и Освященнымъ соборомъ заключалось собственно въ томъ, что Боярская дума была постояннымъ, непрерывно дѣйствующимъ при государѣ учрежденіемъ, тогда какъ церковные соборы созывались только на время, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ вновь возникавшихъ и чрезвычайныхъ, обычное же теченіе церковныхъ дѣлъ регулировалось обычною патріаршею и архіерейскою епархіальною властью.

Такимъ образомъ, все церковное управленіе на Руси въ XVI и XVII столѣтіяхъ находилось подъ постояннымъ, очень бдительнымъ и дѣйствительнымъ контролемъ государственной власти, такъ какъ избиралъ и назначалъ и патріарха и всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ государь; онъ, чрезъ назначаемыхъ къ нимъ архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяковъ, наблюдалъ за всею ихъ іерархіею дѣятельностью, и въ любой моментъ могъ оказать на нее то или другое давленіе, чтобы направить ее согласно съ своими видами и цѣлями. О какой-либо самостоятельности и независимости въ древней Руси патріаршаго и просто архіерейскаго епархіальнаго управленія отъ свѣтской государственной власти не можетъ быть и рѣчи, все зависѣло отъ одного государя, который въ дѣйствительности управлялъ не только государствомъ, но и самою Церковью чрезъ своихъ высшихъ духовныхъ сановниковъ — архіереевъ.

Указанное отношеніе свѣтской власти къ духовной Никонъ находилъ совершенно неправильнымъ и ненормальнымъ и рѣшился, когда сдѣлался патріархомъ, кореннымъ образомъ измѣнить его.

Главною задачею своего патріаршества Никонъ поставилъ реформировать указанныя исторически сложившіяся у насъ отношенія свѣтской государственной власти къ духовной въ томъ смыслѣ, чтобы въ лицѣ патріарха освободить духовную власть отъ всецѣлаго подчиненія ея власти свѣтской, поставить власть патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и управленіи независимою отъ царской власти, а во всѣхъ дѣлахъ государственно-общественныхъ усвоить патріарху право имѣть надъ ними высшій духовный контроль, чтобы они совершались согласно Слову Божію, правиламъ св. апостоловъ и св. отцовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и законамъ древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей. Именно поэтому Никонъ, при своемъ избраніи въ патріархи, торжественно потребовалъ, чтобы царь, бояре и весь народъ дали ему публичную клятву, что они будутъ соблюдать всѣ заповѣди Божіи, всѣ церковныя правила и законы, и по всѣмъ дѣламъ вѣры и церкви будутъ слушать его, Никона, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго“.

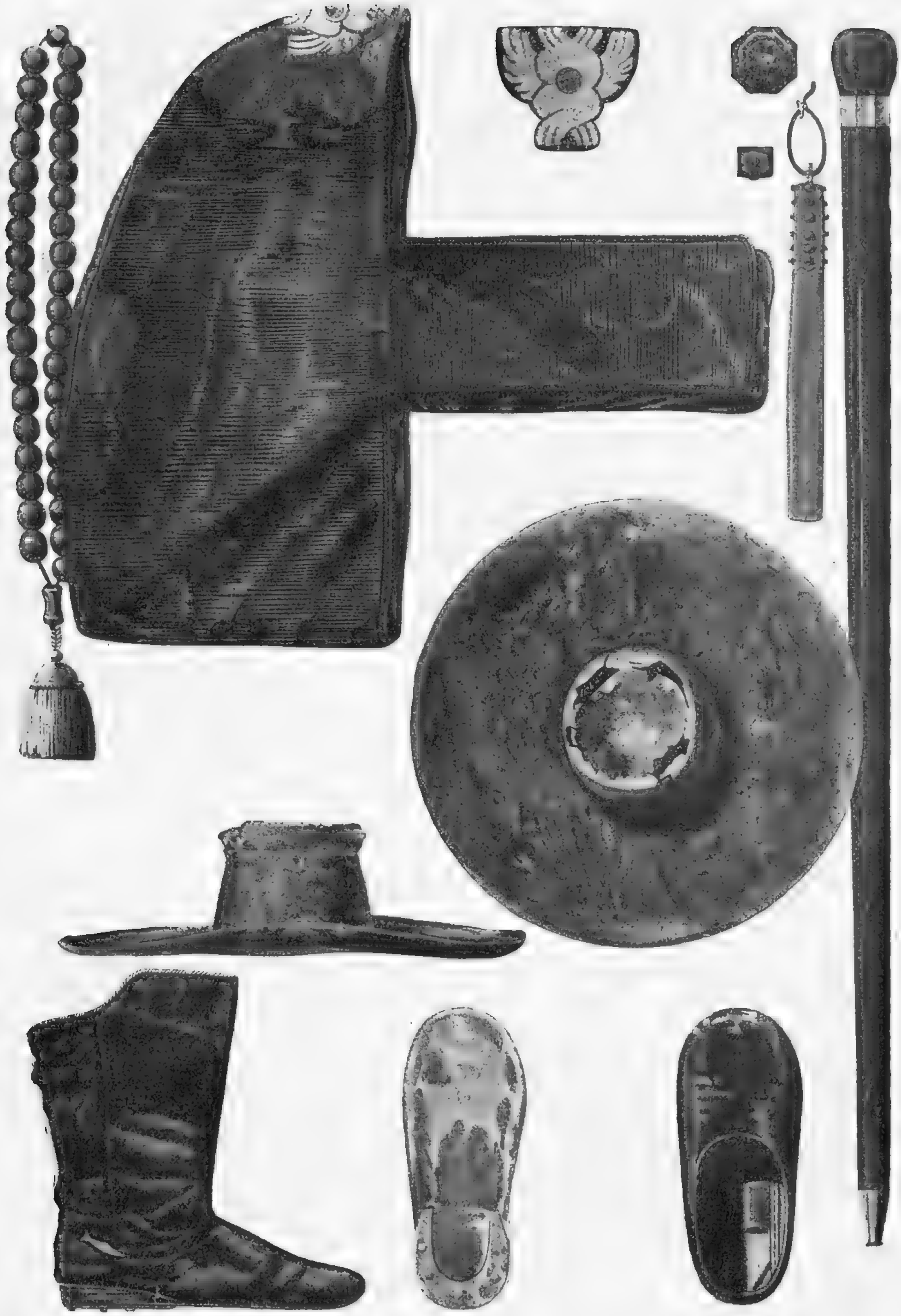
Исходною точкою для выступленія Никона въ качествѣ горячаго и энергичнаго сторонника возвышенія духовной власти въ государствѣ, въ видахъ ея полной самостоятельности и независимости отъ власти свѣтской-государственной, служилъ особый взглядъ, какой Никонъ имѣлъ на царя и патріарха въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Этотъ взглядъ Никона изложенъ, во всеобщее свѣдѣніе, въ напечатанномъ по его благословенію предисловіи къ служебнику 1655 года. Въ немъ заявляется, что Богъ даровалъ Россіи „два великіе дара“ — царя и патріарха, которыми все строится какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ. Въ виду этого всѣ православные русскіе торжественно приглашаются „восхвалити и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабдѣніе людемъ своимъ сію премудрую двоицу: великаго государя царя Алексѣя Михаиловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха, иже... праведно и подобно преданные имъ грады украшаютъ, къ симъ судъ праведенъ... храняще, всѣмъ всюду сущимъ подъ ними тоже творити повелѣша... Да дастъ же имъ, государемъ, по пророку, желаніе сердецъ ихъ... яко да подъ единымъ ихъ государскимъ повелѣніемъ вси, повсюду православніи народи живуще, утѣшительными пѣсньми славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего“.

Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, быстро достигъ своей завѣтной цѣли. Пользуясь особымъ исключительнымъ довѣріемъ молодого государя и своимъ огромнымъ вліяніемъ на него, онъ сдѣлался совершенно независимымъ отъ царя господиномъ всего церковнаго управленія, въ которое царь уже не вмѣшивался. Но этого мало. Царь сдѣлалъ Никона, рядомъ съ собой, великимъ государемъ, и великій государь-патріархъ сталъ теперь принимать активное участіе въ государственныхъ дѣлахъ наравнѣ съ настоящимъ государемъ, и даже иногда, какъ замѣчали нѣкоторые, сталъ заслонять собою

Шляпа (съ футляромъ) патріарха Никона. (Патріаршая ризница).

настоящаго государя. Во время почти двухлѣтняго отсутствія Алексѣя Михаиловича въ войну съ поляками, Никонъ, въ качествѣ великаго государя, одинъ управлялъ всѣми государственными дѣлами, при чемъ знатнѣйшіе бояре, вѣдавшіе различные государственные приказы, должны были ежедневно являться къ нему съ своими докладами. Нерѣдко Никонъ заставлялъ бояръ долго ждать своего пріема на крыльцѣ, хотя бы въ это время былъ сильный холодъ, и затѣмъ, принявъ ихъ, выслушивалъ доклады стоя, не сажая докладчиковъ, которые должны были дѣлать ему земной поклонъ. У Никона совсѣмъ закружилась голова. Онъ сталъ думать, что дарованная ему царемъ исключительная власть и положеніе въ государствѣ принадлежатъ ему по праву, что свѣтская власть такъ именно и обязана относиться къ власти духовной, какъ высшей ея по своему существу и происхожденію. Никонъ не понялъ, что его особое положеніе, какъ великаго государя, не имѣетъ подъ собой никакой другой реальной почвы, кромѣ увлеченія и просто каприза молодаго царя, что онъ въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ случайный временщикъ, и что, съ измѣненіемъ его личныхъ отношеній къ царю, неизбѣжно должно измѣниться и его государственно-общественное положеніе, а окончательный разрывъ съ царемъ неминуемо долженъ былъ повести Никона къ окончательному паденію. Такой разрывъ съ царемъ, дѣйствительно, произошелъ, и Никонъ, этотъ великій государь, сразу палъ, какъ и всякій обыкновенный временщикъ.

Будучи великимъ государемъ, Никонъ пользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ только фактически, считалъ его только своимъ личнымъ дѣломъ, только принадлежащимъ лично ему, Никону, вовсе не думая и не заботясь придать ему характеръ законности и обязательности съ тѣмъ, чтобы свои исключительныя права и положеніе передать своему преемнику, какъ



Вещи патріарха Никона. (Изъ альбома Солнцева).

право, принадлежащее всякому патріарху, по самому существу и природѣ патріаршества. Но когда Никонъ по неудовольствію на царя неожиданно оставилъ свой патріаршій престолъ, а царь не обнаруживалъ никакого желанія снова призвать Никона на патріаршество, тогда онъ, какъ человѣкъ очень честолюбивый, увлекающійся и неуступчивый въ своихъ домогательствахъ, рѣшился, и послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, бороться съ царемъ и всѣмъ доказать, что высокое исключительное положеніе въ государствѣ его, Никона, не было слѣдствіемъ милости или каприза царя, а принадлежало ему по праву, какъ главѣ церкви, какъ верховному представителю духовной власти, которая по самому своему существу и происхожденію во всѣхъ отношеніяхъ выше власти свѣтской.

Свои воззрѣнія на отношеніе царства и священства Никонъ очень откровенно и опредѣленно выразилъ въ своемъ обширномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божію милостію патріарха, противо вопросовъ боярина Симеона Стрешнева, еже написа газскому митрополиту Паисе Лигаридіусу и на отвѣты Паисеовы“.

Въ этомъ сочиненіи Никонъ доказываетъ прежде всего ту общую мысль, „яко священство и самаго царства честнѣйшій и большій есть начальства“, такъ какъ, заявляетъ онъ, „аще бо и честенъ вамъ престолъ царскій является отъ приложенныхъ ему каменій и обдержаща и злата, долженъ есть судитися яко царь, но обаче яже на земли получилъ есть строительствовати, и множае сія власти не имать ничтоже“. Другое дѣло священство: „его престолъ на небеси посажденъ есть“, и кого священство свяжетъ на землѣ, тотъ будетъ связанъ и на небѣ. „Сего ради,—утверждаетъ Никонъ,—и царіе помазуются отъ священническую руку, а не священники отъ царствія руки, и самую царскую главу подъ священниковъ руцѣ принося полагаетъ Богъ, наказуя насъ, яко сей она больши есть властникъ. меньшее бо отъ большого благословляется“. Никонъ заявляетъ: „Господь Богъ всесильный, егда небо и землю сотворилъ, тогда два свѣтила—солнце и мѣсяцъ на немъ (небѣ) ходяще, на земли святити повелѣ: солнце намъ показа власть архіерейскую, мѣсяцъ же показа власть царскую, ибо солнце вящи свѣтитъ во дни, яко архіерей душамъ, меньшее же свѣтило въ нощи, еже есть тѣлу“. Ссылаясь на разные библейскіе примѣры, Никонъ обращается къ Паисію Лигариду съ вопросомъ: „како убо глаголеши, совопроиче, яко царь вручи Никону досматривать всякихъ судебъ церковныхъ? не виде въ вышеписанныхъ, яко не отъ цареи начальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются, тѣмъ же явлено есть множество, яко священство царства преболѣе есть“. Никонъ подробно говоритъ объ учрежденіи ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго священства, о распространеніи по разнымъ странамъ христіанства, вмѣстѣ съ которымъ повсюду распространялась и церковная іерархія, разсказываетъ,

какъ она возникла и распространилась на Руси, и изъ всего сказаннаго дѣлаетъ такое заключеніе: „что священство не отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но отъ Самого Бога и—нынѣшнее, а не отъ царей, но паче отъ священства царство преизыде и нынѣ есть. Священство всюду пречестнѣйше есть царства, якоже выше на знаменахъ отъ божественнаго писанія, и нынѣ паки речемъ: царство, аще и отъ Бога дадеся въ міръ, но во гнѣвѣ Божіи, и се чрезъ священство помазуется чувственнымъ елеомъ, священство же помазаніе Св. Духомъ непосредственны. Власть священства толико гражданскія лучши есть, елико земли небо, паче же и много вящше... Яко же капля дождя отъ великія тучи—то-есть земля отъ небеси мирится, тако и царство меньшится отъ священства“. Съ сильнымъ негодованіемъ Никонъ спрашиваетъ: „да почто самъ царь поповы руки цѣлуетъ, которые нами посвящены и, ко благословенію приходя, и самъ главу свою преклоняетъ? И мы тому чудимся: почто царь архіереомъ и ереомъ нудитъ руки своя цѣловать, не суть архіерей, ни іерей?“ Съ гнѣвомъ и угрозой, обращаясь къ царю, Никонъ пишетъ: „аще и ему, государю, за премногую его гордость, мнится священство менши царства, познаетъ тогда различіе царства и священства, егда познани будемъ отъ нелицемѣрнаго судіи—Христа и Бога нашего“. О себѣ, какъ патріархѣ, Никонъ пишетъ: „патріархъ есть образъ живъ Христовъ и одушевленъ, дѣлесы и словесы въ себѣ живописуя истину“. Въ другой разъ Никонъ говоритъ: „первый архіереи (т.-е. патріархъ) во образъ Христовъ, а митрополиты и архіепископы и епископы въ образѣ учениковъ и апостоловъ“. Въ виду всего этого Никонъ пишетъ государю: „молимъ твое благородіе на насъ, богомольцевъ, не послушати клеветы отъ лихихъ человѣкъ, и не прикасатися намъ, помазанникамъ Божіимъ, судомъ и управою чрезъ каноны“.

Такимъ образомъ, Никонъ употреблялъ всѣ усилія доказать, что то необыкновенно высокое положеніе, какое онъ, будучи патріархомъ, занималъ относительно свѣтской власти, вовсе не было случайнымъ, зависящимъ отъ того или другого расположенія къ нему царя, но что оно принадлежало ему, какъ главѣ церкви, по праву, такъ какъ священство выше царства, и притомъ настолько, насколько небо выше земли. Священство — это душа, царство—тѣло. Какъ душа есть высшее въ жизни человѣка начало, руководящее и регулирующее жизнь тѣла, такъ духовная власть, какъ высшее начало, должна руководить свѣтскою властью, которая, какъ низшая, обязана слушаться и подчиняться власти духовной, во всемъ сообразоваться съ ея требованіями и указаніями,—законы и правила церкви, по самому своему происхожденію, святы, непогрѣшимы, и потому они всегда должны быть незыблемою, уряжающею основою не только для церкви, но и для государства. Значитъ, всякая попытка свѣтской власти подчинить себѣ духовную,

поставить ее въ полную зависимость отъ себя, а тѣмъ болѣе воздѣйствовать на нее, въ своихъ мірскихъ интересахъ, видахъ и цѣляхъ, принудительнымъ образомъ, есть явленіе не просто незаконное, но прямо преступное, за которое свѣтская власть должна подвергнуться тяжкой отвѣтственности.

Высказанныя Никономъ воззрѣнія на отношенія между свѣтскою властью и духовной были такъ новы и необычны для русскихъ, такъ сильно расходились съ тѣмъ, что давала и завѣщала имъ и византійская и своя исторія, такъ далеки были отъ исторически сложившихся воззрѣній на нашу высшую духовную іерархію, что никакъ, повидимому, не могли разсчитывать на какое-либо сочувствіе съ чьей бы то ни было стороны въ средѣ всего русскаго народа. Но въ дѣйствительности у насъ нашлись горячіе поборники воззрѣній Никона, что священство выше царства. Такими горячими поборниками воззрѣній Никона на отношеніе царства и священства оказались всѣ тогдашніе русскіе архіереи. Правда, тогдашніе архіереи считали Никона своимъ поработителемъ, всячески желали и добивались его окончательнаго низверженія, но зато относительно высказанныхъ Никономъ воззрѣній на отношеніе царства и священства они рѣшительно стали на его сторону, и даже торжественно и официально отважились выразить и защищать это на соборѣ 1667 года, на которомъ предсѣдательствовали два пріѣхавшихъ въ Москву восточныхъ патріарха—Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій.

За это дѣло взялись, главнымъ образомъ, два русскихъ архіерея, выдававшіеся своимъ умомъ, относительною образованностью, своимъ нерасположеніемъ лично къ Никону и, въ то же время, горячимъ сочувствіемъ къ его церковной реформѣ и къ его воззрѣніямъ на отношеніе царства и священства. Эти два архіерея были: Павелъ, митрополитъ крутицкій, тогдашній мѣстоблюститель патріаршаго престола, и Иларіонъ, архіепископъ рязанскій, за которыми послѣдовали и всѣ другіе русскіе архіереи.

Дѣйствительно, на соборѣ 1667 года, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, происходили очень горячія пренія о власти царской и патріаршей, при чемъ русскіе архіереи употребляли всѣ усилія доказать, на основаніи, по преимуществу, свидѣтельствъ изъ отцовъ церкви, что священство выше царства. Они дружно и рѣшительно заявляли, что Златоустъ и другіе святые отцы „ясиѣя солнца утверждаютъ, что степень священства выше степени царской“. Напротивъ, присутствовавшіе на соборѣ греческіе іерархи явились энергичными защитниками царской власти, они всячески стремились доказать, что царство выше священства, „что тѣ ипконствуютъ и папствуютъ, кто покушается уничижить царство и поднять на высоту священство“. Въ виду упорства русскихъ архіереевъ, присутствовавшіе въ Москвѣ восточные патріархи удалили съ соборныхъ засѣданій и даже на время запретили священнодѣйствовать крутицкому митрополиту Павлу и рязанскому архіепископу

Патріархъ Никонъ въ облаченіи (Изъ альбома Меіерберга).

Иларіону, при чемъ Павелъ отстраненъ былъ отъ мѣстоблюстительства патріаршаго престола и, на его мѣсто, мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола назначенъ былъ проживавшій въ Москвѣ сербскій митрополитъ Ѳеодосій. Тогда, разсказываетъ Паисій Лигаридъ, іерархи Павелъ и Иларіонъ, желая оправдать свое поведеніе передъ патріархами, явились къ нимъ ночью и говорили, „что Златоустый еще сказалъ: священство выше царской власти“. Въ подкрѣпленіе себѣ приводили и тотъ древній обычай, издревле употреблявшійся при хиротоніи архіерейской, что хиротонисуемый архіерей становится ногами на двуглаваго орла—римскій знакъ самодержавной власти. Приводили и то, что неприлично и даже преступно архіереямъ цѣловать десную руку царя... Вы, продолжали говорить архіереи патріархамъ, вы,

находясь подъ насильственнымъ владычествомъ христоненавистныхъ агарянъ, за свое терпѣніе и страданіе, несомнѣнно, имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовоздаятеля и вѣнценосца Спасителя. А мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія; и хотя много тяжкаго поневолѣ переносимъ терпѣливо отъ властей (свѣтскихъ), но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви, хотя и не имѣемъ въ умѣ тоій мысли, чтобы пришлось намъ терпѣть такія несправедливости и оскорбленія въ благополучное царствованіе богохранимаго и добропобѣднаго царя нашего, государя Алексія Михаиловича; боимся за будущее, опасаемся, чтобы послѣдующіе государи, не зная смысла патріаршаго постановленія, не погрѣшили, послѣдуя просто буквѣ, которая часто убиваетъ".

ГЕРБЪ ПАТРІАРХА НИКОНА.

Такъ какъ обѣ стороны на соборѣ — русская и греческая, расходились между собою въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи власти царской и патріаршей, то соборъ, послѣ горячихъ преній, продолжавшихся нѣсколько засѣданій, счелъ за лучшее избрать средній, примирительный путь. Патріархи, въ концѣ-концовъ, заявили: „да будетъ признано заключеніе, что царь имѣетъ преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ — въ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлою и непоколебимою во вѣкъ стройность церковнаго учрежденія. Всѣ воскликнули: „сіе есть мнѣніе богоносныхъ отецъ! Такъ мыслимъ всѣ! Да живетъ на многія лѣта добропобѣдный и непобѣдимый нашъ царь! Да продлится на многія лѣта и ваша жизнь и благоденствіе, святѣйшіе и блаженнѣйшіе!" [1]).

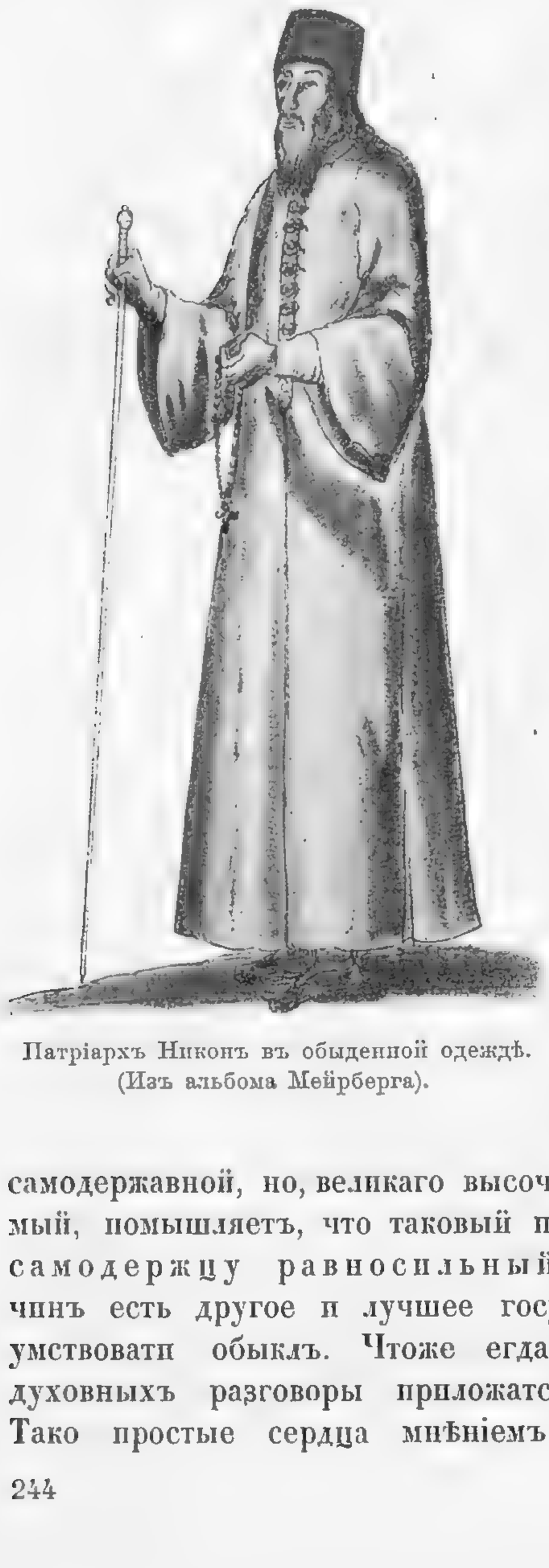
Такъ былъ рѣшенъ соборомъ 1667 года вопросъ объ отношеніи власти царской и патріаршей,—вопросъ, только въ этотъ единственный разъ офиціально возникавшій у насъ въ теченіе всей нашей исторіи и единственный разъ публично обсуждавшійся на соборѣ. Но рѣшенія собора и самыя соборныя разсужденія по этому вопросу не вошли, однако, въ соборныя офиціальныя дѣянія, не были закрѣплены подписями присутствовавшихъ на соборѣ, а потому и не получили офиціальнаго и практическаго значенія.

[1]) Подробно воззрѣнія Никона на отношенія царской и патріаршей власти и пренія на соборѣ 1667 года по этому вопросу изложены въ моей книгѣ: „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", т. 2-й, гл. III, IV и V.

Русскіе свободолюбивые архіереи могли думать, что на соборѣ 1667 г. они достигли очень важныхъ для себя результатовъ: церковная власть, въ своей спеціально церковной сферѣ, была признана соборомъ совершенно самостоятельною и независимою во всей своей дѣятельности отъ свѣтской государственной власти, вмѣшательство которой въ общецерковныя и частно-епархіальныя дѣла соборомъ признано было незаконнымъ. Такъ, дѣйствительно, и представляли себѣ дѣло нѣкоторые русскіе архіереи послѣ собора 1667 года. Чудовскій архимандритъ Іоакимъ, поставленный новгородскимъ митрополитомъ, въ своемъ поученіи къ паствѣ, въ 1672 году, требуетъ отъ нея, чтобы она во всемъ покорно подчинялась существующимъ властямъ, при чемъ онъ разсуждаетъ: „но убо власть есть сугуба: ова гражданская, ова же церковная. И внѣшній убо начальникъ грѣшащія емлетъ, вяжетъ, мучитъ и главосѣчетъ: разбойники, тати, прелюбодѣи; духовный же начальникъ многимъ вящій его: грѣшащаго бо словомъ наказанія лучша творитъ, не главу, но недугъ отсѣцаетъ, изгоняетъ и отъ таинъ и отъ церковныхъ оградъ, и оставивъ его и отъ злобы свободивъ и душу отъ скверны омывъ и лучша бывша покаяніемъ нова изъ ветха человѣка содѣловаетъ. И елико разнствуетъ тѣло души, толико и паче много вящше разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя. Кто же власть церковная? Суть богопоставленніи архіереи и ереи, иже немощныя врачуютъ, иже мракомъ суетъ міра сего ослѣпшія, зарями богодухновенныхъ словесъ просвѣщаютъ... Сію и сицевую власть имущимъ, долженствуютъ подвластніи со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинятися“...

Конечно, русскіе архіереи, послѣ Никона и состоявшихся на соборѣ 1667 года постановленій объ отношеніи власти свѣтской и духовной, могли мечтать, что они—архіереи, съ патріархомъ во главѣ—сдѣлались теперь, по крайней мѣрѣ въ церковной сферѣ, вполнѣ автономными правителями, совершенно независимыми отъ свѣтской государственной власти, могли утѣшаться такими пріятными для ихъ самолюбія заявленіями, что „духовный начальникъ много вящій свѣтскаго“, что „елико разнствуетъ тѣло души, или, елико отстоитъ небо отъ земли, толико и паче много вящше разнство и разстояніе внѣшнія власти и церковныя“, что „церковную власть имущимъ, долженствуютъ подвластніи со всякимъ смиреніемъ и покореніемъ подчинятися“. Въ дѣйствительности же все это оказалось однѣми мечтами, только красивыми словами, а не дѣломъ. Фактически и по существу положеніе дѣла въ этомъ отношеніи и послѣ собора 1667 года осталось прежнее, попрежнему патріархъ и всѣ архіереи находились въ полной безусловной зависимости отъ царской власти. Царь Алексѣй Михайловичъ, послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры, управлявшій всею русскою церковью почти десять лѣтъ, такъ какъ новаго патріарха онъ не считалъ пока удобнымъ избирать, спокойно могъ бы и совсѣмъ прекратить у насъ существо-

ваніе патріаршества,—никакихъ серьезныхъ препятствій къ этому онъ ни-откуда бы не встрѣтилъ. И если онъ рѣшилъ, наконецъ, на мѣсто Никона поставить въ патріархи стараго, болѣзненнаго и совершенно безличнаго Іосафа, то единственно потому, что Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ быть царемъ по примѣру древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей, рядомъ съ которыми всегда обязательно былъ и патріархъ. Но не такъ смотрѣлъ на дѣло его сынъ—императоръ Петръ I.



Патріархъ Никонъ въ обыденной одеждѣ. (Изъ альбома Мейрберга).

Петръ Великій, несомнѣнно, хорошо зналъ исторію Никона, въ которой такъ рѣзко сказалось столкновеніе царской власти съ патріаршей, зналъ, за какую изъ борющихся сторонъ стояли тогда всѣ русскіе архіереи. Онъ, вопреки своему отцу, не считалъ старую Византію за образецъ для себя и не считалъ необходимымъ существованіе патріаршества для полноты русскаго православнаго царства, а потому рѣшилъ окончательно уничтожить у насъ патріаршество.

Императоръ Петръ первый смотрѣлъ на патріаршество, какъ на очень вредное и даже опасное для государства. Этотъ свой взглядъ на патріаршество онъ выразилъ въ Духовномъ Регламентѣ, гдѣ, между прочимъ, говорится, по поводу учрежденія, вмѣсто уничтоженнаго патріаршества, Духовнаго Коллегіума: „велико и сіе, что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть-то второй государь, самодержцу равносильный, или больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыкъ. Чтоже егда еще и плевельные властолюбивыхъ и духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на

самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтовати дерзаютъ... Чтоже когда и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ, изрещи трудно, коликое всюду бѣдствіе бываетъ! И не вымыслы то далъ бы Богъ, чтобъ о семъ домышлятися только можно было, но самою вещію не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося, вникнуть только въ исторію константинопольскую, нижае Іустиніановыхъ временъ, и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, не точію государство римское полно пресѣче и себѣ великую часть похити, но и иныя государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. Да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи“. Далѣе Духовный Регламентъ говоритъ, что „единый самовластный пастырь“, т.-е. патріархъ, въ случаѣ проступка, можетъ не захотѣть „отъ подручныхъ себѣ епископовъ судитися“, и принудить его къ этому очень трудно, въ виду людской молвы. „Отъ чего дѣется,—говоритъ Регламентъ,—что на злого такового единовластителя нужда есть созывати соборъ селенскій, что и съ великаго всего отечества трудностію и съ немалымъ иждивеніемъ бываетъ, и въ нынѣшнія времена (когда восточные патріархи подъ игомъ турскимъ живутъ, и турки нашего государства вящше нежели прежде опасаются) отнюдь, мнится, быти невозможно“.

Въ Духовномъ Регламентѣ находятся и очень характерныя сужденія о рядовыхъ архіереяхъ вообще. Въ немъ говорится: „вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея, и не высоко бы о ней мыслилъ, и дѣло убо великое, но честь ни каковая“. Говоря затѣмъ, что епископы только орудія спасающей благодати Божіей, Духовный Регламентъ замѣчаетъ: „се же того ради предлагается, чтобъ укротити оную вельми жестокую епископовъ славу... честь (епископовъ) умѣренная есть, а лишняя и, почитай, равно царская,—да не будетъ“.

Учреждая, вмѣсто уничтоженнаго патріаршества, Духовный Коллегіумъ (превратившійся потомъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ), Духовный Регламентъ узаконяетъ, чтобы члены Духовнаго Коллегіума назначались государемъ и чтобы каждый изъ нихъ, предъ вступленіемъ въ должность, давалъ нарочно для нихъ составленную присягу, въ которой, между прочимъ, говорилось: „исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегія быти Самаго Всероссійскаго Монарха, Государя нашего Всемилостивѣйшаго“.

Очевидно, и послѣ собóра 1667 года никакихъ существенныхъ и замѣтныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти у насъ не произошло, попрежнему всѣ духовныя власти находились въ крѣпкихъ ру-

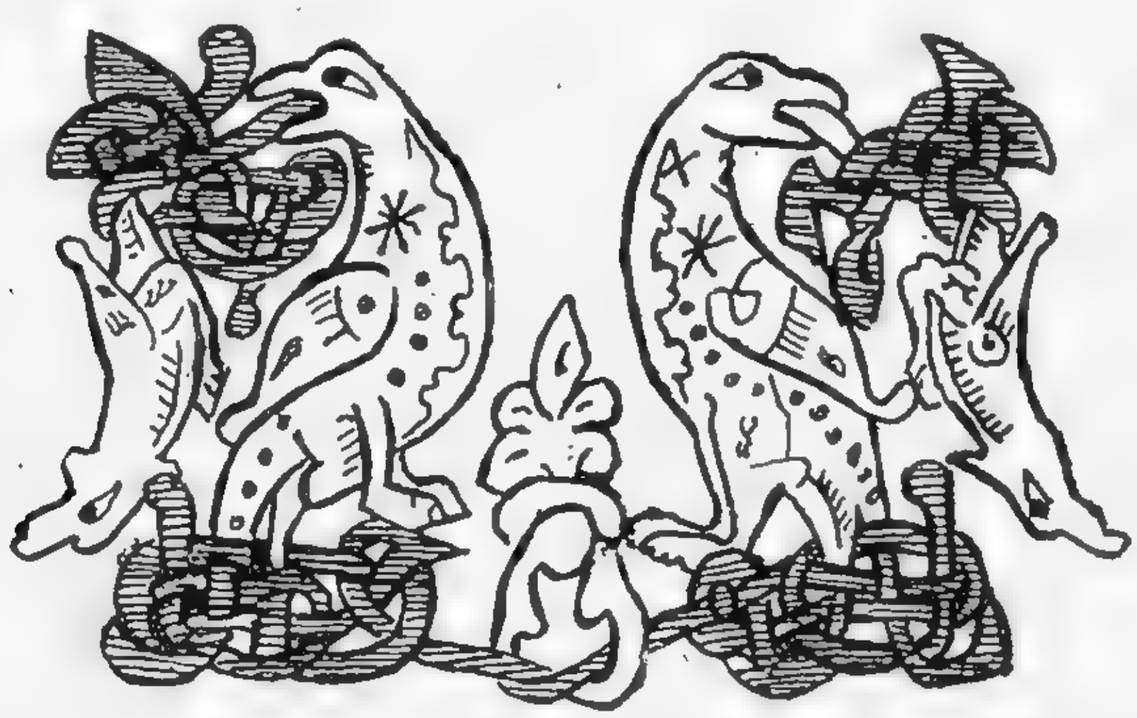
кахъ свѣтской, должны были во всемъ ей подчиняться, служить покорнымъ орудіемъ ея цѣлей и видовъ. Значитъ, борьба Никона съ царемъ въ концѣ не только не привела къ возвышенію духовной власти надъ свѣтскою-государственною, а какъ разъ наоборотъ: она всюду въ государственной сферѣ возбудила и укрѣпила сознаніе, что существованіе у насъ рядомъ двухъ великихъ государей—свѣтскаго и духовнаго, для правильнаго и здороваго государственнаго и общественнаго развитія, дѣло рѣшительно вредное и потому вовсе нежелательное, что въ интересахъ государства и общества всегда слѣдуетъ имѣть только единаго свѣтскаго великаго государя, представители же духовной власти, какъ бы они ни назывались, должны быть всегда и во всемъ зависимы отъ главы государства, во всемъ и всегда безпрекословно подчиняться ему.

Правда, хотя патріархи древней Руси и зависѣли во всемъ и всецѣло отъ свѣтской власти, но все-таки, несмотря на это, ихъ вліяніе въ то время, какъ верховныхъ представителей церкви, несомнѣнно было гораздо сильнѣе и замѣтнѣе на всю нашу общественную жизнь, чѣмъ въ синодальный періодъ вліяніе Св. Синода. Въ лицѣ патріарховъ наша церковь пользовалась со стороны свѣтской власти бо́льшимъ вниманіемъ и почтеніемъ, чѣмъ это было послѣ учрежденія Св. Синода. Но это явленіе, которое обыкновенно приписываютъ только самому факту существованія у насъ патріаршества, объясняется, однако, совершенно другими обстоятельствами, къ которымъ существованіе или несуществованіе у насъ патріаршества не имѣло, собственно, никакого прямого отношенія. Тутъ дѣло, по моему мнѣнію, заключалось единственно въ слѣдующемъ: наши государи московской Руси были, въ большинствѣ случаевъ, завзятыми, искренними церковниками, воспитывавшимися на неопустительномъ посѣщеніи разныхъ церковныхъ служб'ъ, на строгомъ соблюденіи во всемъ, начиная съ своей обыденной домашней обстановки, церковнаго устава и разныхъ церковныхъ постановленій и требованій. Они обучались, какъ и всѣ тогда, по Псалтыри, прочитывали, въ видахъ своего развитія и обогащенія знаніями, извѣстный кругъ церковно-богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгъ, сборники изъ св. отцовъ и учителей церкви, разныя житія святыхъ, благочестиво-назидательныя сказанія и хронографы, благодаря чему благочестивые московскіе государи нерѣдко были хорошими начетчиками, знали церковный уставъ часто не хуже любого архіерея и, въ концѣ-концовъ, какъ знатоки и любители всего церковнаго, которое всегда было для нихъ очень близкимъ и дорогимъ, въ высшей степени интересовались всѣми даже малѣйшими подробностями церковной жизни, обязательно вмѣшиваясь въ ея ходъ и событія. Вопросы о хожденіи посолонь, о сугубой аллилуіи, о церковныхъ звонахъ, о единогласіи или многогласіи въ церковномъ пѣніи и т. под.,—все это для нашихъ московскихъ государей были настолько живые и затрогивающіе ихъ

вопросы, что они интересовались ими не менѣе вопросовъ чисто государственныхъ, и потому принимали въ ихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе. Словомъ, церковная жизнь, съ ея спеціальными требованіями и уставами, имѣла для московскихъ государей доминирующее значеніе, а потому и высшій представитель этой жизни—патріархъ, долженъ былъ обязательно занимать тогда особое, очень видное и замѣтное положеніе при царскомъ дворѣ, тѣмъ болѣе, что и всѣ окружающіе царя и близкія къ нему лица стояли на томъ же самомъ уровнѣ пониманія и интересовъ, т.-е. всѣ были болѣе или менѣе церковниками.

Но если прежде царь-церковникъ постоянно чувствовалъ нужду имѣть около себя близкое ему духовное лицо: духовника ли, патріарха ли, или кого-либо изъ другихъ выдающихся духовныхъ, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, побесѣдовать объ одинаково интересующихъ обоихъ церковныхъ и душеспасительныхъ предметахъ и т. под.,—то со времени императора Петра I обстоятельства рѣзко измѣнились. Наши цари стали воспитываться уже совершенно иначе, нежели ихъ московскіе предшественники, а вслѣдствіе этого у нихъ образовался на все иной кругъ воззрѣній, иное пониманіе окружающаго, иные вкусы и интересы, очень далекіе отъ прежнихъ, при чемъ и ихъ прежняя церковность необходимо все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, а вмѣстѣ съ нею отдалялись отъ царскаго дворца и ея представители, скоро и совсѣмъ забывшіе прежнюю торную для многихъ изъ нихъ дорогу въ царскій дворецъ.

Проф. *Н. Каптеревъ.*



Коломенскій дворецъ.

Власть московскихъ государей въ XVII в.

Въ яркой полемической литературѣ и дипломатической перепискѣ XVI в. хорошо отразились сложившаяся уже практика власти московскихъ государей и ея идейно-правовое обоснованіе. Официальнымъ идеологамъ этой власти было изъ чего выбирать эмблемы, регаліи и „чинъ“ этой власти вмѣстѣ съ истолкованіемъ ихъ превыспренняго смысла.

„Государи всея Руси“ вырабатывали идеи своей власти на преданіяхъ вымершаго византійскаго цезаре-папизма и татарскаго цесаризма, ретроспективно относя ее къ эпохѣ Рюриковичей вплоть до Владимира Св., а чрезъ Рюрика даже до „Кесаря-Августа“, мнимаго его предка.

Уже оба Ивана Васильевича постарались забыть періодъ ханскихъ ярлыковъ и басмъ и почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ объявляли себя „Божіей милостію государями на своей землѣ изначала отъ первыхъ своихъ прародителей“, и „поставленіе свое“ происходящимъ „отъ Бога“ въ качествѣ Его „ключниковъ и постельниковъ“ на землѣ. Византійскій титулъ „автократоръ“ былъ усвоенъ московскими государями, назвавшимися „самодержцами“ сейчасъ же послѣ того, когда они перестали чувствовать себя подручниками татарскихъ хановъ и заняли ихъ положеніе въ русской землѣ.

Но официальные идеологи власти сейчасъ же подчеркнули превосходство русскаго самодержавія предъ другими подобными ему видами автократіи. Русскіе самодержцы являются таковыми не въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ, а въ отчинномъ родовомъ преемствѣ этого титула и его значенія. „Кромѣ насъ да турецкаго султана,—писалъ Грозный,—ни въ одномъ

государствѣ нѣтъ государя, котораго бы родъ царствовалъ непрерывно черезъ двѣсти лѣтъ; а мы отъ государства господари, начавши отъ Августа-Кесаря изъ начала вѣковъ, и всѣмъ людямъ это извѣстно".

Этотъ вотчинно-теократическій взглядъ на происхожденіе власти московскихъ государей помогалъ послѣднимъ строить свое отношеніе къ подданнымъ на безусловныхъ началахъ независимости власти.

Не безъ цѣли унизить избраннаго сеймомъ короля Баторія, Иванъ Грозный въ письмѣ къ нему именовалъ себя „дѣдичемъ, отчичемъ и наслѣдникомъ прародительскихъ земель Божіимъ изволеніемъ, а не многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ".

Эта зависимость власти отъ „хотѣнія человѣчества", въ глазахъ Грознаго, унижала власть и заставляла его заносчиво объясняться со многими западными государями. Узнавши о значеніи англійскаго парламента, Грозный писалъ королевѣ Елизаветѣ: „Мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь, а у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, но мужики торговые, а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая дѣвица". Отъ такого пониманія самодержавія (въ смыслѣ независимости государя ни отъ другого властителя, ни отъ подданныхъ) былъ одинъ шагъ къ выводу о самодовлѣющемъ значеніи высшей власти, и Грозный, не останавливавшійся предъ крайними выводами изъ общепринятыхъ предпосылокъ, не замедлилъ заявить, что „государь — государства больше", и воля его выше всякихъ нормъ жизни: „государь повелѣваетъ хотѣніе свое творити отъ Бога повиннымъ рабамъ".

Божественное происхожденіе, внѣшняя независимость, внутренняя неограниченность и наслѣдственность власти въ одномъ родѣ, — вотъ тѣ теоретическія обоснованія власти московскихъ государей, которыя сложились передъ Смутой, отчасти въ силу дѣйствительнаго положенія вещей, отчасти подъ вліяніемъ образцовъ угасшей власти византійскаго императора и татарскаго хана, наслѣдникомъ которыхъ въ теоріи, а отчасти въ силу завоеванія былъ признанъ московскій государь.

Смутное время внесло глубокія измѣненія въ эти понятія о власти московскихъ государей. Прекращеніе династіи вырвало основной фундаментъ изложенной теоріи власти—ея вотчинную наслѣдственность „милостью Божіей", такъ какъ съ прекращеніемъ династіи сама собою выдвинулась необходимость избранія царя „хотѣніемъ многомятежнаго человѣчества". Практика соборнаго избранія царей на соборахъ 1584, 1589, 1613 гг. настолько проникла въ сознаніе русскаго народа и самой власти, какъ единственно правильный источникъ полученія этой власти, что даже случаи преемства власти по наслѣдству отъ отца или брата (1605, 1645, 1682 гг.) и не совсѣмъ правомѣрнаго достиженія или лишенія ея (1605, 1610 гг.) все же базировались на народномъ „хотѣніи", хотя бы и фиктивномъ.

Шуйскій въ дипломатическихъ переговорахъ прямо превозносилъ господство народной воли надъ вотчиннымъ правомъ государей. Послы Шуйскаго въ оправданіе убійства Лжедмитрія I говорили въ Польшѣ: „Хотя бъ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Дмитрій, но если его на государствѣ не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ“.

Практика избранія и сверженія государей повела за собою и практику ихъ ограниченія въ пользу подданныхъ, лучше сказать, господствующей группы ихъ въ моментъ избранія. Достаточно здѣсь напомнить ограничительную запись В. II. Шуйскаго, договоръ 4 февр. 1610 г. съ Сигизмундомъ и извѣстное изъ позднѣйшихъ сообщеній ограниченіе власти царя Михаила. Какъ бы ни смотрѣли на достовѣрность послѣдняго сообщенія, для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ фактъ распространенности мнѣнія объ ограниченіи царя Михаила въ XVII и даже XVIII вв. Еслибы даже было съ несомнѣнностью доказано, что Михаилъ Ѳедоровичъ никакихъ записей на себя не давалъ и не могъ давать,—это обстоятельство только сильнѣе подчеркнуло бы происшедшій послѣ Смуты въ сознаніи русскаго общества переворотъ во взглядѣ на характеръ власти московскихъ государей.

Вмѣстѣ съ понятіями о вотчинности и неограниченности царской власти заколебалась послѣ Смуты и идея ея божественности и неприкосновенности. Свирѣпыя и развратныя дѣла Грознаго вызывали горькіе упреки, обличительныя рѣчи и подчасъ откровенную полемику, но ни одного непочтительнаго, браннаго слова, ни одного оскорбительнаго, угрожающаго жеста. Царю смѣлѣйшіе указываютъ на затемнѣніе въ немъ образа Божія, царскаго и человѣческаго, но безропотно, какъ „отъ Бога повинные рабы“, подчинялись „хотѣнію“ „Божія ключника и постельника“. Не то мы слышимъ и видимъ въ Смуту и послѣ нея. Годунову даютъ „поносныя“ прозвища („лукавый хитролисъ“ „рабо-царь“), Шуйскаго въ глаза ругаютъ („клятвопреступникъ“, „пьяница“, „блудникъ“). Больше того, правителей силою сводятъ съ трона, удаляютъ изъ дворца, отсылаютъ къ иноземцамъ-врагамъ на явное поруганіе (В. II. Шуйскаго), убиваютъ (Ѳедора Годунова и обоихъ Лжедмитріевъ).

Это было то самое настроеніе, которое хорошо охарактеризовала Марѳа, мать Михаила, говоря, что Московскаго государства люди „измалодушествовались“, царей не почитаютъ, и, несмотря на клятвенное заявленіе соборныхъ представителей, что это прошло, и русскіе люди пришли въ единомысліе, русскіе люди долго не могли проникнуться къ носителямъ царской власти прежнимъ благоговѣніемъ.

Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ одного авторитета царской власти, хотя бы и возстановленной въ лицѣ законно-избраннаго государя, волею всей земли, пришедшей „въ единомысліе“, было недостаточно для

водворенія расшатаннаго порядка. Смута не только разрушила авторитетъ царя, но и разгромила тѣ орудія, средства и силы, которыя организовали и которыми располагали послѣдніе Рюриковичи на московскомъ престолѣ. На возстановленіе ихъ, съ громаднымъ напряженіемъ народныхъ силъ, была направлена государственная дѣятельность правительства и соборовъ всей первой половины XVII вѣка.

Почти непрекращавшіяся въ первой половинѣ XVII в. войны, сначала оборонительныя, а потомъ наступательныя, напрягали и безъ того истощенный народный организмъ до чрезвычайности, и только авторитетная для земли поддержка ея представителей у трона могла мирить тяглое и служилое населеніе съ требованіями государственной власти. Въ этомъ весь смыслъ усиленной дѣятельности соборовъ первой половины XVII в. Отражая въ своемъ составѣ, главнымъ образомъ, средніе слои русскаго общества, которые все болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ реальными условіями русской хозяйственной и соціальной жизни того времени, земскіе соборы укрѣпляли власть во имя нужнаго для нихъ порядка и укрѣплялись сами при благосклонномъ содѣйствіи власти, на фундаментѣ прикрѣпленія тяглыхъ классовъ къ государеву тяглу и землевладѣльческому хозяйству. Это единеніе интересовъ власти и командующихъ классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ общность средствъ достиженія этихъ интересовъ—я разумѣю крѣпостной строй—объясняетъ намъ необычайное, на первый взглядъ, явленіе: верховная власть во всѣхъ своихъ важнѣйшихъ проявленіяхъ направляется волею земли въ лицѣ ея выборныхъ представителей на соборахъ, но не только не тяготится этою опекой, а сама вызываетъ ее, и обращается къ ней не только по вопросамъ основнаго характера, но и текущаго управленія. Это участіе соборовъ въ управленіи не было формальнымъ правомъ земли, а скорѣе тяжелою обязанностью, какъ не было оно формальнымъ ограниченіемъ верховной власти въ пользу управляемыхъ, хотя въ глазахъ позднѣйшихъ поколѣній и казалось таковымъ (см., напр., у Фоккеродта). Насколько соборы XVII в. содѣйствовали укрѣпленію порядка и развитію самодержавія на Руси, видно изъ простого перечня дѣлъ, которыя разрѣшались въ XVII в.: при ближайшемъ участіи земскихъ соборовъ, иногда по непосредственной иниціативѣ послѣднихъ, производились выборы царей, установленіе внутренняго порядка въ государствѣ, народная и поземельная перепись въ связи съ установленіемъ налоговъ, вопросы войны и мира, международной торговли, установленіе соціальныхъ нормъ жизни и землевладѣльческаго права, кодификація права и, наконецъ, воздѣйствіе на мятежниковъ (1650 г.).

Особая роль въ укрѣпленіи власти московскихъ государей XVII в. принадлежала духовенству, точнѣе сказать, — высшимъ іерархамъ и монастырямъ. Еще до Смуты духовенство подсказывало московскимъ государямъ библейскія и византійскія теоретическія начала власти.

Введеніе патріаршества означало не освобожденіе русской церкви изъ-подъ опеки восточныхъ патріарховъ, а формальное подчиненіе ея власти царя. Митрополитъ московскій, ставившійся восточными патріархами и подчинявшійся имъ въ вопросахъ церковныхъ, былъ болѣе независимъ отъ свѣтской власти, чѣмъ патріархъ. Это подчиненіе главы русской церкви главѣ Московскаго государства было выраженіемъ обмірщенія церкви, ставшей слугою государства, въ качествѣ одного изъ видныхъ землевладѣльцевъ. Уступая церкви земельный капиталъ вмѣстѣ съ доходами и льготами, московскіе государи сознательно или безсознательно дѣлали вклады про черный день. И не ошиблись. Въ Смуту духовенство много сдѣлало духовныхъ и матеріальныхъ усилій и жертвъ для возстановленія порядка и власти. Всѣмъ извѣстна относящаяся сюда роль патр. Гермогена и Троицко-Сергіевой лавры. Мірскіе интересы главы церкви совпали съ интересами верховной власти не въ меньшей степени, чѣмъ эти послѣдніе съ отмѣченными потребностями тѣхъ свѣтскихъ чиновъ московскихъ людей, которые доминировали на соборахъ. Съ этой точки зрѣнія соправительство патріарха Филарета царю Михаилу было не только выраженіемъ ихъ кровнаго родства, но относится къ тому же порядку явленій, какъ соправительство земскихъ соборовъ и царя.

Кровное родство царя и патріарха вызвало со стороны царя-сына безграничное довѣріе и почтеніе къ патріарху-отцу, для котораго интересы церкви едва ли были выше династическихъ интересовъ. Этимъ только объясняется опредѣленіе царя Михаила по поводу спора о мѣстахъ между рындами царя и патріарха: царь рѣшилъ, что никакого спора о мѣстахъ между рындами, на основаніи преимуществъ царской власти надъ патріаршею, быть не можетъ: „каковъ онъ, государь, таковъ и отецъ его государевъ (замѣтьте: отецъ, а не патріархъ): ихъ государское величество нераздѣльно“. Но уже при томъ же царѣ Михаилѣ, подъ воздѣйствіемъ свѣтскихъ чиновъ собора, чины избирательныхъ соборовъ, въ поискахъ облегченія непосильнаго тягла и службы, настоятельно указывали царю на втуне „лежачую домовую казну“ патріарха, архіереевъ и монастырей, на взиманіе даточныхъ людей съ монастырскихъ вотчинъ, на беззаконное расширеніе послѣднихъ за счетъ служилаго землевладѣнія. И цари новой династіи уже въ 1648 г. „соборомъ уложили“ запретить церковнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать и принимать въ закладъ служилыя вотчины.

Въ слѣдующемъ году церковныя власти вынуждены были выпустить изъ своихъ рукъ судъ надъ духовенствомъ по недуховнымъ дѣламъ и завѣдываніе церковными вотчинами, что составило компетенцію монастырскаго приказа, съ обычнымъ приказнымъ составомъ, безъ участія духовнаго представителя. Такъ падалъ экономическій фундаментъ, на которомъ вначалѣ установилась солидарность между государствомъ и церковью. Власть,

подъ вліяніемъ государственной необходимости, склонилась на сторону сильнѣйшихъ элементовъ собора, и слабѣйшіе должны были наиболѣе пострадать. Никонъ переоцѣнилъ свой удѣльный вѣсъ, когда отъ объявленія себя „богоизбранною двоицею“ съ царемъ перешелъ къ „папежскимъ замахамъ“, объявляя „священство выше царства“. Неудача его „замахъ“ состояла въ томъ, что ему пришлось строить свой авторитетъ на зыбкой почвѣ „собинной дружбы“ съ царемъ, а эта почва была еще болѣе преходящимъ явленіемъ, чѣмъ кровное родство. Главной же опоры, какая была у патріарха Филарета, въ видѣ независимости экономическаго и правового положенія церкви въ государствѣ, подъ Никономъ уже не было. Потеря расположенія царя была не только главною причиною паденія Никона, но и показателемъ подчиненія церкви государству.

Развитіе власти московскихъ государей стояло въ непосредственной зависимости, между прочимъ, и отъ развитія органовъ управленія на Руси, центральныхъ и областныхъ, какъ орудій этой власти. Новая династія унаслѣдовала отъ Рюриковичей довольно громоздкую систему управленія, которая находилась далеко не въ окончательной стадіи своего формированія при послѣднихъ Рюриковичахъ, а въ Смуту была приведена въ полное разстройство. Правительству первыхъ Романовыхъ, при содѣйствіи земскихъ соборовъ, пришлось почти заново отстраивать „распавшуюся храмину“. Дѣло это не было, конечно, реформой, преобразованіемъ учрежденій по новому плану и на новыхъ началахъ. Строителямъ приходилось реставрировать старыя привычныя учрежденія и пользоваться уже выработанными практикой началами и привычными дѣльцами. Но при всемъ томъ, можетъ-быть, помимо сознательныхъ реформаторскихъ стремленій, правительство вливало новое вино въ старые мѣхи и создавало даже чрезвычайныя учрежденія въ отвѣтъ на новые запросы и требованія жизни.

Общей особенностью развитія центральныхъ и областныхъ органовъ управленія Россіи послѣ Смуты являются двѣ черты: во-первыхъ, развитіе въ составѣ этихъ учрежденій приказнаго (бюрократическаго) элемента за счетъ сословно-общественнаго и, во-вторыхъ, замѣтное улучшеніе техники управленія въ смыслѣ большей систематичности и лучшаго распредѣленія компетенціи между инстанціями.

Это справедливо прежде всего относительно Боярской думы. Учрежденіе это, представлявшее изъ себя до Смуты и во время Смуты политическій органъ боярства, какъ класса, на основаніи обычая и даже договора, — при первыхъ Романовыхъ теряетъ свой классовый характеръ, вслѣдствіе разрушенія боярства, какъ правительственнаго класса. Она „перестаетъ быть участницей верховной власти, становясь только ея орудіемъ, остается во главѣ управленія, какъ его привычный рычагъ, но изъ политической силы превращается въ простое правительственное сред-

ство“ [1]). Составъ ея становится болѣе бюрократическимъ, чиновнымъ, чѣмъ аристократическимъ.

Но бо̀льшая опредѣленность въ компетенціи Боярской думы еще не знаменовала усиленія ея авторитета въ отведенной ей области. „Въ присутствіи государя дума могла имѣть только совѣщательное значеніе. Приговоръ, произнесенный боярами безъ государя, становился окончательнымъ рѣшеніемъ, въ силу постояннаго на то полномочія, и тогда дума дѣйствовала, какъ законодательная власть. Когда такіе приговоры восходили на утвержденіе государя, то въ этихъ случаяхъ дума получала совѣщательное значеніе“... Это право постановлять окончательныя рѣшенія лишь по уполномочію низводило думу съ мѣста, ей ранѣе принадлежавшаго въ составѣ законодательной власти, и единымъ источникомъ послѣдней становился тотъ, отъ кого дума получила свои полномочія, т. - е. государь. Больше того, уже Алексѣй Михайловичъ не считалъ нужнымъ посвящать думу въ нѣкоторыя дѣла управленія и рѣшалъ ихъ помимо нея. По словамъ Котошихина, „какъ царю лучится о чемъ мыслити тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе, ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре, и окольничіе, и думные люди въ ту полату, въ думу, и ни для какихъ ни буди дѣлъ не ходятъ, развее царь укажетъ“.

И это, повидимому, считалось безспорнымъ правомъ самодержцевъ XVII в. Мы не слышимъ, по крайней мѣрѣ, протестовъ противъ этого въ XVII в., подобныхъ тѣмъ, которые раздавались въ началѣ XVI в. противъ отца Грознаго за то, что онъ, всѣ дѣла вершитъ, самъ - третей запершись у постели.

Сказанное относительно Боярской думы еще въ большей степени приложимо къ приказамъ, этимъ центральнымъ и центрально-областнымъ учрежденіямъ.

Составъ ихъ еще болѣе случаенъ и подчасъ совсѣмъ лишенъ аристократическаго элемента, вытѣсненнаго приказными дьяками. Во главѣ приказовъ часто стоятъ стольники, дворяне и дьяки. Даже въ тѣхъ приказахъ, которые поручались родовитымъ боярамъ, главное производство сосредоточивалось частью въ рукахъ ихъ товарищей, которые бывали чаще всего изъ думныхъ и простыхъ дьяковъ, но главнымъ образомъ лежало на подьячихъ, завѣдывавшихъ канцеляріей и фактическимъ дѣлопроизводствомъ [2]). Само собой понятно, что эти приказные дѣльцы, карьера которыхъ зависѣла только отъ воли государя и его фаворитовъ, были прямыми родоначальниками позднѣйшей бюрократіи и вполнѣ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ московскаго самодержца. Во всякомъ случаѣ, имъ были чужды какія бы

---

[1]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума“, изд. 3, 383 стр.

[2]) Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи русск. права“, изд. 3, стр. 209.

то ни было классовыя притязанія, столь раздражавшія послѣднихъ Рюриковичей и Годунова въ родовитыхъ сотрудникахъ ихъ управленія.

Развитіе приказнаго управленія содѣйствовало росту власти московскаго государя еще и въ другомъ отношеніи.

Количественное развитіе приказовъ происходило за счетъ дѣлъ, раньше вершившихся въ областяхъ мѣстными учрежденіями или лицами съ судебными и податными иммунитетами. Теперь дѣла эти переносятся въ центръ, и области непосредственно сливаются съ центральными органами верховной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно намѣчается кругъ дѣлъ, которыя начинаютъ самостоятельно вершить приказы, освобождая такимъ образомъ верховную власть отъ множества мелкихъ, второстепенныхъ дѣлъ, которыя раньше восходили до государя, иногда какъ къ первой инстанціи. Запутанность распредѣленія дѣлъ между отдѣльными приказами вызвала уже при Алексѣѣ Михайловичѣ попытку упрощенія управленія путемъ сліянія однородныхъ дѣлъ въ общемъ вѣдомствѣ. Такъ, въ вѣдомствѣ Разряда стало постепенно стягиваться военное управленіе, первоначально разбросанное въ рейтарскомъ, военномъ и другихъ приказахъ. Въ результатѣ всего этого достигались сравнительная стройность и централизація управленія, а московскій государь получалъ болѣе гибкое и самостоятельное орудіе своей власти, оставивъ за собой, главнымъ образомъ, регулирующую и принципіально опредѣляющую дѣятельность.

Росту бюрократической централизаціи вмѣстѣ съ развитіемъ власти царя за счетъ общественнаго самоуправленія немало содѣйствовалъ институтъ воеводъ. Вызванный потребностями военнаго времени послѣ Смуты, институтъ этотъ поглотилъ выборное самоуправленіе, учрежденное еще при Грозномъ, уничтоживъ его совсѣмъ или превративъ въ подручные органы воеводской власти, ограниченной къ тому же приказно-дьячьимъ сотрудничествомъ.

Въ лицѣ воеводъ центральная власть пріобрѣла въ областяхъ сильныхъ агентовъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ судъ, административно-полицейскую расправу, податныя функціи и военную охрану областей отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, при содѣйствіи войскъ новой формаціи (стрѣльцовъ и рейтаръ).

Черезъ воеводъ, съ которыми правительство поддерживало дѣятельную переписку, оно могло считать себя освѣдомленнымъ о мѣстныхъ дѣлахъ, а въ мѣстныхъ поручительствахъ оно теперь стало нуждаться менѣе, разъ эта мѣстная власть была достаточно сильна, чтобы выколотить правежомъ всѣ сборы и повинности, налагаемые на мѣстахъ. „Прежде правительство стягивало представителей отдѣльныхъ самоуправляющихся міровъ къ центру, теперь оно стало въ эти міры посылать представителей центра“ [1]). Во всякомъ случаѣ, въ лицѣ воеводъ государь имѣлъ болѣе надежныхъ

[1]) М. М. Богословскій, „Изъ исторіи верховной власти въ Россіи“, 31 стр.

представителей своихъ интересовъ въ области и болѣе доступныхъ контролю, чѣмъ выборные отъ населенія разные излюбленные головы, старосты, цѣловальники и т. п.

Рознь интересовъ, раздѣлившая общество на мѣстахъ, не могла объединять его и въ центральномъ представительномъ учрежденіи: на соборахъ все чаще и чаще обнаруживалось стремленіе отдѣльныхъ классовъ и сословій свалить тяжесть повинностей съ себя на другихъ, все меньше и меньше случаевъ единодушной поддержки требованій государства, все рѣзче раздавалась критика и жалобы на пріемы приказно-бюрократическаго управленія. Распалась солидарность общественныхъ классовъ, разошлись интересы власти и общества, и окрѣпшая въ своихъ основахъ и органахъ власть прекратила созывъ земскихъ соборовъ, какъ не совсѣмъ удобнаго для себя вспомогательнаго орудія управленія. Царская власть стала управлять землей при помощи постепенно сложившейся приказно-воеводской администраціи бюрократическаго характера и постояннаго войска на жалованьи, обученнаго по западному образцу.

Психологію этихъ профессіоналовъ военнаго дѣла превосходно выразилъ Шакловитый, подговорившій стрѣльцовъ просить царевну Софью вѣнчаться на царство мимо законныхъ государей, увѣряя, что препятствій не будетъ, за то будетъ награда. „А патріархъ и бояре?“ возразили стрѣльцы. „Патріарха смѣнить можно, — отвѣчалъ Шакловитый, — а бояре — что такое бояре? Это зяблое палое дерево“. О другихъ общественныхъ силахъ преторьянцы даже и вспомнить не пожелали...

Уже Котошихинъ далъ довольно точное разъясненіе на вопросъ: „Для чего пишется самодержцемъ“ современный ему московскій царь (Алексѣй Михайловичъ). Потому что, писалъ онъ, „государство свое правитъ по своей волѣ. И съ кѣмъ похочетъ учинить войну и покой, и по покою что кому по дружбѣ отдати или какую помощь чинити, или и иные всякіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и зъ думными людьми спрашивается о томъ мало: въ его волѣ, что хочетъ, то учинити можетъ, однако кого изъ бояръ и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашивается и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ“ (VIII, 10—20).

Дальнѣйшая формулировка создавшейся верховной власти московскихъ государей была дана Петромъ Великимъ въ его регламентахъ, законѣ о волѣ монаршей и въ цѣломъ рядѣ указовъ и актовъ, изданныхъ по разнымъ случаямъ организаціоннаго характера, но въ этихъ опредѣленіяхъ сказалось уже вліяніе западныхъ образцовъ.

В. Улановъ.

ПОДАРЕНО
Фундаментальная Библиотека К. [illegible] Т. В.
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ I ТОМА.

А) на отдѣльныхъ листахъ.

А) геліогравюры:

Стр.

1. Угрюмовъ. Восшествіе на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. 16
2. Портретъ царя Михаила Ѳеодоровича. 32
3. Портретъ царя Алексѣя Михайловича. 64
4. Шварцъ. Патріархъ Никонъ. . 224
5. Литовченко. Царь Алексѣй Михайловичъ и патріархъ Никонъ. 240

Б) цвѣтныя, въ нѣсколько красокъ и дуплексъ:

1. Шарлеманъ. Пожарскій въ битвѣ подъ Москвою. Чистяковъ. Смерть Патріарха Гермогена. . . 48
2. Восшествіе на престолъ М. Ѳ. Романова. 144
3. Восшествіе на престолъ М. Ѳ. Романова. 160
4. Свадьба царя Михаила Ѳеодоровича. 176
5. Свадьба царя Михаила Ѳеодоровича. 192
6. Государственный щитъ 208
7. Патріархъ Никонъ 248

В) одноцвѣтныя:

1. Патріархъ Гермогенъ 8
2. Верещагинъ. Осада Троицко-Сергіевой лавры 24
3. Милорадовичъ. Осада-Троицко-Сергіевой лавры. 40
4. Рѣпинъ. Ѳ. Н. Романовъ . . . 56
5. Рѣпинъ. Ѳ. Н. Романовъ въ заточеніи. 72
6. Маковскій. Мининъ. 80
7. Кн. Н. И. Одоевскій 96
8. Бояринъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ. 112
9. Царица Евдокія (Стрѣшнева) . . 128
10. Перовъ. Никита Пустосвятъ. . 232

Б) въ текстѣ.

1. Дмитрій Самозванецъ. 4
2. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ . . . 5
3. Борисъ Годуновъ. 7
4. Шарлеманъ. Марина Мнишекъ. . 8
5. Патріархъ Іовъ. 9
6. Патріархъ Гермогенъ 11
7. Сабли кн. Пожарскаго и Минина. 13
8. Знамя кн. Пожарскаго 14
9. Сѣдло кн. Пожарскаго 15
10. Грамата Минина 16
11. Патріархъ Филаретъ 17
12. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій 19
13. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій . 21

Стр.

14. Архимандритъ Діонисій 23
15. Верещагинъ. Предъ избраніемъ на царство М. Ѳ. Романова . . . 25
16. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . . 26
17. Инокиня Марѳа Романова. . . . 27
18. Свадьба Дмитрія Самозванца . . 29
19. Домъ бояръ Романовыхъ 31
20. Крестъ патріарха Филарета . . . 33
21. Дѣтскія игрушки М. Ѳ. Романова. 35
22. Кровать патріарха Филарета . . 37
23. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . . 39
24. Марина Мнишекъ 41
25. Газенкампфъ. Судъ надъ архим. Діонисіемъ. 42
26. Шахматы царя Михаила Ѳедоровича 43
27. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ на конѣ. 44
28. Верещагинъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ 45
29. Инокиня Марѳа 47
30. Совѣщаніе царя Михаила Ѳедоровича съ матерью 49
31. Совѣщаніе царя Михаила Ѳедоровича съ отцомъ 51
32. Инокиня Марѳа благословляетъ царя Михаила 53
33. Рѣчь царя Михаила патріарху Филарету. 55
34. Памятникъ Минину и Пожарскому 57
35. Подписываніе указа не мѣстничать во время свадьбы Михаила Ѳедоровича 59
36. Свадебный чинъ царя Михаила Ѳедоровича 61
37. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . . 63
38. Свадебный поѣздъ царя Михаила Ѳедоровича 65
39. Свадебный пиръ въ Грановитой палатѣ. 67
40. И. Т. Грамотинъ 69
41. Инокиня Марэа 71
42. Дѣтскіе доспѣхи царя Алексѣя Михайловича 73
43. Русскій ратникъ XVII вѣка . . . 77

Стр.

44. Царь Алексѣй Михайловичъ на конѣ. 79
45. Царь Алексѣй Михайловичъ . . 81
46. „ „ „ . . 85
47. Верещагинъ. Царь Алексѣй Михайловичъ 87
48. Царица Марія Ильинична 89
49. Царица Марія Ильинична 91
50. Царица Наталья Кирилловна . . 93
51. Царь Алексѣй Михайловичъ. . . 95
52. Любимый котъ царя Алексѣя . . 97
53. Сверчковъ. Смотръ царя Алексѣя. 99
54. Костюмъ сокольника царя Алексѣя. 101
55. Обрученіе царя Алексѣя 103
56. Глобусъ царя Алексѣя 105
57—58. Тростниковый щитъ царя Алексѣя. 107
59. Бояринъ А. С. Матвѣевъ 113
60. Русскій пѣшій ратникъ XVII в. . 114
61. Заглавный листъ „Книги о избраніи на престолъ Михаила Ѳедоровича“ 121
62. Выѣздъ царя въ саняхъ 125
63. Инокиня Марѳа 139
64. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . . 143
65. Патріархъ Филаретъ 145
66. Патріархъ Филаретъ 157
67. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . . 165
68. Гербъ царя Алексѣя Михайловича 169
69. Тронъ царя Алексѣя Михайловича. 173
70. Царь Алексѣй Михайловичъ. . . 175
71. Полтина эпохи царя Алексѣя Михайловича 178
72. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ . . 181
73. Царь Алексѣй Михайловичъ. . . 183
74. Возложеніе царскаго вѣнца на Михаила Ѳедоровича 185
75. Кабатъ Алексѣя Михайловича . . 187
76. Трапеза Михаила Ѳедоровича . 193
77. Щиты и булава царя Алексѣя Михайловича 195
78. Зерцало Алексѣя Михайловича . 201
79. Мѣдныя деньги времени „гиля“ . 203
80. Стенька Разинъ 204

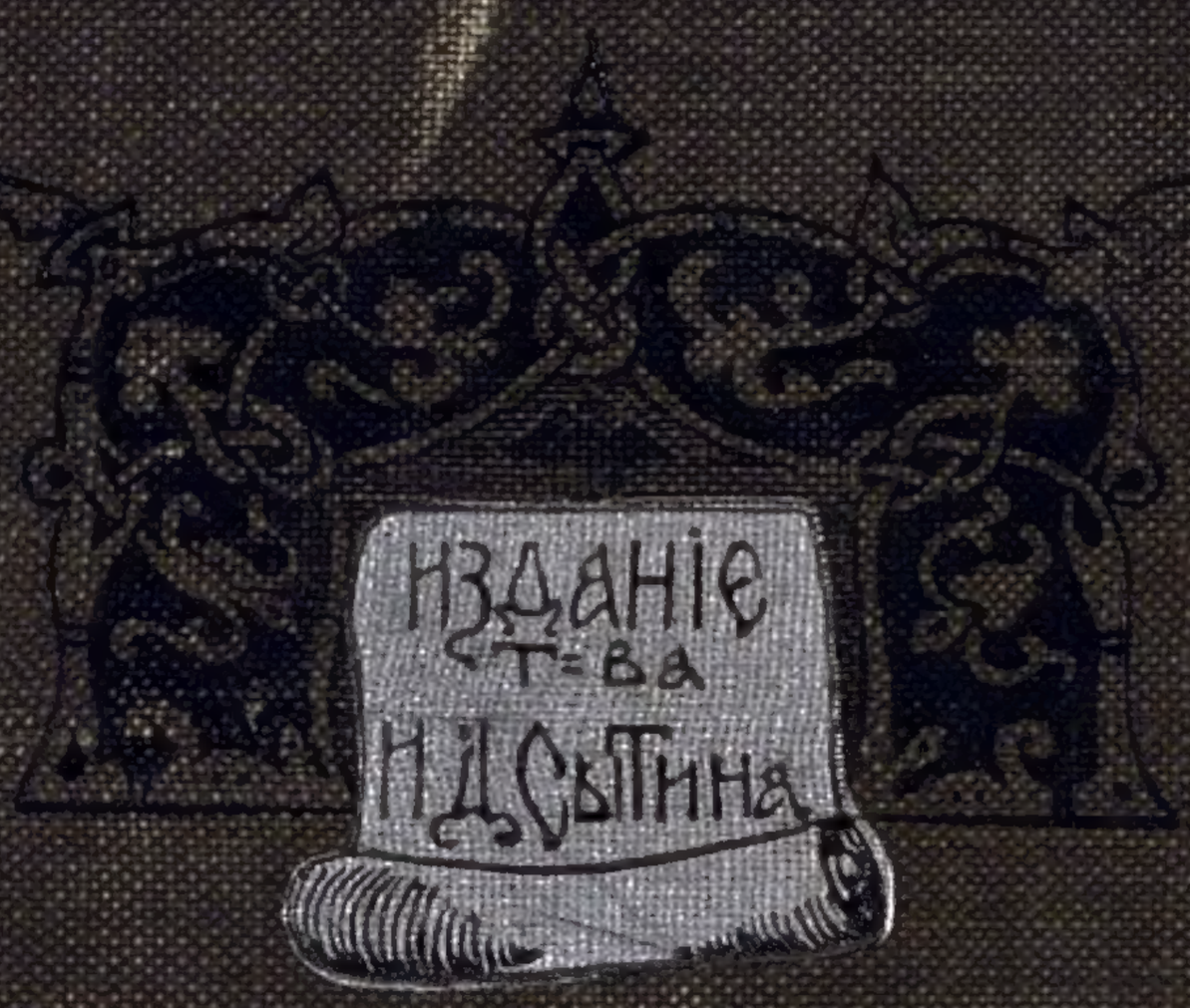
Стр.

81. Царь Алексѣй Михайловичъ . . 205
82. Приготовленія къ вѣнчанію Михаила Ѳедоровича 209
83. Царь Алексѣй Михайловичъ. . . 213
84. Стенька Разинъ 215
85. Яковлевъ. Атаманъ Стенька Разинъ и персидская княжна. . . . 217
86. Стрюйсъ. Взятіе Астрахани Стенькой Разинымъ 221
87. Встрѣча Михаила Ѳедоровича и инокини Марэы 225
88. Стрюйсъ. Утопленіе персидской княжны 229
89. Патріархъ Никонъ 230
90. Патріархъ Никонъ 231
91. Шляпа патріарха Никона 236
92. Вещи патріарха Никона. 237
93. Патріархъ Никонъ 241
94. Гербъ патріарха Никона 242
95. Патріархъ Никонъ 244
96. Коломенскій дворецъ 248

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи I
Три столѣтія. *А. Е. Пръснякова*. 1
Московское государство первой половины XVII вѣка. *А. Е. Пръснякова.*
I. Итоги „великой разрухи“ Московскаго государства въ началѣ XVII вѣка. 4
II. Новая династія. 31
III. Возстановленіе государства.
1. Власть и управленіе. 44
2. Первые годы царя Алексѣя. 72
IV. Международное положеніе Московскаго государства въ первую половину XVII в. 77
Царь Алексѣй Михайловичъ. (Опытъ характеристики). *Проф. С. Ѳ. Платонова* . ~~58~~ 85
Земскіе соборы. *А. И. Заозерскаго*. 115
Соборное Уложеніе 1649 года. *Проф. С. В. Рождественскаго*. 163
Финансовыя реформы царя Алексѣя Михайловича и „гиль“ 1662 г. *В. Я. Уланова*. 178
Разиновщина. *В. Я. Уланова*. 206
Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. *Проф. Н. Ѳ. Каптерева* . . . 231
Власть Московскихъ государей въ XVII в. *В. Я. Уланова* 248


ИЗДАНІЕ
Т-ВА
И. Д. СЫТИНА